

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

ОДИННАДЦАТЫЕ БАБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.К. БАБАЕВА: ВЕСОМЫЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ И ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

*Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию со дня рождения В.К. Бабаева
(Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 года)*

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора В.А. Толстика

Нижний Новгород
НА МВД России
2020

УДК 34
ББК 67
Н34

Рецензенты:

доктор юридических наук, доцент *Д.В. Пожарский*
(Академия управления МВД России);
доктор юридических наук, доцент *Т.Е. Грязнова*
(Омская академия МВД России)

Н34 Научное наследие В.К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В.К. Бабаева (Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 года) / под ред. В.А. Толстика. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. – 521 с.

В сборник включены статьи участников Международной научно-практической конференции «Научное наследие В.К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки», состоявшейся в Нижнем Новгороде 21–22 мая 2020 года на базе Нижегородской академии МВД России.

Публикуемые материалы предназначены для научных работников, преподавателей, аспирантов (адъюнктов), студентов юридических образовательных организаций, а также сотрудников правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

ISBN 978-5-88840-176-7

© Нижегородская академия МВД России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

Баранов В.М. Истинность норм права в трактовке В.К. Бабаева: современная доктринальная оценка и перспективы развития.....	9
Лазарев В.В. К вопросу о трансдисциплинарности в постнормальной науке права.....	27
Карташов В.Н. Вклад В.К. Бабаева в исследование правовой системы общества.....	34
Радько Т.Н. К вопросу о понятии правовой системы общества.....	39
Шафиров В.М. Теоретическое наследие профессора В.К. Бабаева и современные проблемы права. Некоторые аспекты.....	47
Кодан С.В. Преемственность в исследовательских практиках изучения истории политических и правовых учений 1970–2010-х годов.....	55
Боброва Н.А. О наболевшем: принципы и критерии оценки научной деятельности образовательных организаций высшего образования.....	67
Толстик В.А. Спорные вопросы понимания правовых презумпций.....	74

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ

Алексеев С.Н. Согласительные процедуры в контексте правовых презумпций.....	87
Арзамасов Ю.Г. Оценивая вклад профессора В.К. Бабаева в развитие общей теории права.....	92
Баранова М.В. Преемственность и рецепция как тренды современной правовой политики.....	101

Бережной А.А. Доктринально-прикладные проблемы уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистско-террористического толка.....	108
Варенцова Л.Ю. Основные тенденции политического и социально-экономического развития царского домена в Российском государстве в XVII веке.....	114
Васильев П.В. Степень востребованности научной продукции обучающимися как критерий для оценки вклада ученого в образовательный процесс.....	123
Волк-Леонович С.О. Цель как признак государства в трудах ученых-юристов государственной школы права	129
Давыдова М.Л. Юридическая техника Русской Правды в категориях современной теории права.....	135
Денисенко В.В. Легитимация и конвергенция: рациональные основания в сравнительном правоведении	144
Кожевина М.А. Преемственность в русском праве: взгляд отечественных юристов XIX века	150
Корелов О.А., Морозов О.Л. Перспективы развития процесса законотворчества в современную эпоху	158
Косых А.А. Современная модель и принципы федеративного устройства Российского государства	167
Купцова О.Б. Новое понимание экономической функции современного Российского государства: постановка проблемы.....	175
Лапатников М.В. К вопросу о процессуальном статусе лица, дающего объяснения в рамках доследственной проверки в порядке статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: где логика?	183
Либанова С.Э., Былинкина Е.В. Правовое пространство XXI века через призму вечных ценностей и правовой культуры.....	193
Лушин А.Н., Чудецкая К.А. Преемственность в предупреждении и раскрытии преступлений в особом направлении деятельности российского уголовного розыска в XIX – первой четверти XX века.....	200

Макарейко Н.В. Преемственность и новизна в регулировании института административной ответственности в свете проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	206
Мальковцева Е.В. Аксиологическая составляющая преемственности в праве	215
Малютина О.А. Презумпции в антимонопольном законодательстве	221
Мурсалимов К.Р. К 80-летию Владимира Константиновича Бабаева (о неразрывной связи теории государства и теории права и научной объективизации правообразующей деятельности государства).....	227
Николаева Т.А. Презумпция невиновности в досудебном уголовном процессе: прямое или косвенное состояние?	231
Орлов Д.В. Правовой статус сотрудника органов внутренних дел: особенности и причинная обусловленность изменений правового явления в 1917–1941 годах	235
Осипов М.Ю. К вопросу об особенностях исследования категории «правовая презумпция»	243
Парфенов А.В. Презумпции в праве как специфическая предпосылка устойчивости социальной системы (в контексте рассуждений о правовом компромиссе).....	247
Парфенов А.В. Общетеоретические проблемы использования способов альтернативного разрешения споров.....	257
Петрянин А.В. Проблемы юридической науки в определении признаков и формировании понятия «экстремизма»	265
Петрянина О.А. Институт уполномоченного по правам человека: гносеологические проблемы становления	271
Пронина М.П. Правовые презумпции как технико-юридический феномен в рамках развития научного наследия В.К. Бабаева	276
Ремизов П.В. Правовые презумпции в административно-деликтном праве: анализ, дефекты и направления совершенствования	285

Рязанов М.Ю. К вопросу о субъектах правового наследия.....	290
Санинский Р.А. Гносеологические основы юридической и экономической науки в области формирования стратегии противодействия теневой экономической деятельности.....	296
Сидоркин Ю.В. Правовая природа полицейского надзора за благочинием в Российской империи.....	303
Сим А.В. Доступность правосудия как одна из эффективных форм реализации государственной функции охраны прав и свобод личности.....	312
Скоробогатов А.В. Правопонимание в гносеологическом контексте.....	317
Смирницкий А.Е. Проблема правового регулирования занятости советского учительства в 40–60-е годы XX века.....	326
Соборнов П.Е. Диалектическая концепция Г.В.Ф. Гегеля и ее влияние на развитие правовой науки.....	333
Торопкин С.А. Срок дожития как правовая презумпция	337
Трофимов В.В. Логика целеполагания и типизация юридических норм с точки зрения социально-психологической природы регулируемых межличностных отношений (общий теоретический ракурс исследования)	340
Ханин С.В. Направления совершенствования эффективности партнерских отношений полиции и граждан в обеспечении общественной безопасности в современных условиях	348
Хужин А.М. О развитии идей В.К. Бабаева в общей теории цивилистики	355
Цуканов Н.Н. О возможности существования неопровержимых правовых презумпций	362
Червяковский А.В. Презумпция знания закона: понятие, содержание, пределы.....	370
Шухарева А.В. К вопросу о добросовестности как принципе и презумпции в гражданском праве	377

Трибуна молодого ученого

Бабаев В.С. Место административно-процессуального принуждения в системе административного принуждения.....	384
Балалаева Ю.С. Проблемные аспекты формирования правовой культуры сотрудников органов внутренних дел	389
Бобылева М.Н. Анализ реализации функций государства применительно к российской действительности	394
Бочкарев М.В. К вопросу о понятии правовой формы.....	398
Говорухина Ю.В. Временные факторы формирования стратегий государства.....	405
Елисеева В.С. Презумпция знания закона в Российской Федерации	408
Еремич О.Н. К вопросу о презумпциях и фикциях юридического уведомления	416
Истомин М.А. Правоприменительная ошибка в деятельности органов внутренних дел: аспекты юридической ответственности субъекта.....	421
Кипарисов Ф.Г. Функции бланкетных норм права.....	429
Климова А.С. Дефекты процесса гармонизации прав и обязанностей: сущность и типы.....	434
Ковалев А.Ф. О личности преступника и ее типологии как одном из способов повышения эффективности системы наказаний в работах отечественных дореволюционных ученых	441
Кочнева А.А. Абсолютные правоотношения в системе права	448
Кротова Е.Н. Исследование неправомερных деяний в перспективе развития системы права	455
Магнутов Ю.С. Проблемы современной науки и практики в области противодействия организованным формам экстремистской деятельности.....	461

Матвеева Е.С. Развитие идеи недопустимости злоупотребления правом в свете теории преемственности в праве В.К. Бабаева	466
Нажмудинова П.М. Обстоятельства непреодолимой силы в системе индивидуально-правового регулирования	472
Насриддинова Н.Ф. Системный подход в исследовании правоохранительной функции государства	479
Пешехонов Д.А. Перспектива реализации депоощрительных норм права при проведении служебных проверок в органах внутренних дел Российской Федерации	487
Саидов Ф.З. Международное сотрудничество Кыргызской Республики по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в рамках ООН	501

ВОСПОМИНАНИЯ. СТИХИ

Власенко Н.А. Воспоминания о В.К. Бабаеве (человеке, ученом, организаторе)	505
Карташов В.Н. Слово о друге, ученом, учителе и просто замечательном человеке Владимире Константиновиче Бабаеве	511
Карташов В.Н. Дорогой Владимир Константинович!	514
Кравченко Ю.М. Воспоминания ученика и соратника (коллеги)	517

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

УДК 340

Баранов В.М.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Истинность норм права в трактовке В.К. Бабаева: современная доктринальная оценка и перспективы развития

Болезнь одна лишь заразительна, здоровье не заразительно; то же самое с заблуждением и истиной. Вот почему заблуждения распространяются быстро, а истина так медленно.

Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли (1828–1850 годы) // Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. Москва, 1991. С. 470.

Истинность норм права – проблема, которая в 1976 году «связала» меня с В.К. Бабаевым сначала в доктринальном, а затем и в личном плане¹. Именно в этом году во втором номере влиятельного академического журнала «Правоведение» появилась его статья на необычную тему «Норма права как истинное суждение».

¹ Подробнее см.: *Баранов В.М. Эссе о В.К. // В памяти учеников, коллег и друзей. К семидесятилетию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Владимира Константиновича Бабаева. Нижний Новгород, 2009. С. 17–30.*

Крупной, весомой заслугой, неоценимым вкладом в юридическую науку В.К. Бабаева является сам факт постановки проблемы истинности юридической нормы. Это подспудно предполагало возможность присутствия и функционирования *ложных норм права*. Но ведь речь шла о советском социалистическом праве, которое базировалось на единственно правильной марксистско-ленинской методологии и потому всегда было верным. В своей статье В.К. Бабаев не мог употребить понятие «ложность советской юридической нормы», но доктринальные предпосылки для такого подхода заложил именно он. В 1989 году, опираясь на эти предпосылки, мне не без труда удалось опубликовать фрагмент о ложности норм советского права¹. Я и сейчас считаю, что ложность юридической нормы – диалектическая противоположность, гносеологический антипод ее истинности нуждается в специальном анализе. Имеющиеся в философии содержательные работы о заблуждении до сих пор в юриспруденции не освоены: нет их «преломления» конкретным правовым стандартом и принципом. Полагаю, что многочисленные исследования о юридических ошибках и других дефектах правотворчества и правореализации зачастую «повисают в воздухе», выглядят набором частных потому, что не сформирован их фундамент – ложность как особый способ нормативно-правового отражения многообразной и сложноструктурированной деятельности.

Российская правовая наука и практика по-прежнему опасаются оперировать категорией «ложность юридической нормы», не считают нужным официально признавать (даже когда это очевидно) допущенную юридическую ошибку. Остается сожалеть, что ни один закон субъекта Российской Федерации о правотворчестве (нормативных актах) не содержит специального процедурного основания отмены ложных (либо ошибочных) юридических норм. В качестве такого основания можно предложить следующую обобщенную формулу – «отменить как ложное и принятое ошибочно». Существует практика отмены как ошибочных правоприменительных и интерпретационных

¹ См.: *Баранов В.М.* Истинность норм советского права (проблемы теории и практики). Саратов, 1989. С. 243–262.

актов. Ее вполне можно распространить на правотворчество – это только подчеркнет силу, смелость и ответственность государственной власти. Кстати, истории советского законодательства известен случай официального признания государством допущенной юридической ошибки – 18 апреля 1921 года был принят Декрет Совета народных комиссаров РСФСР с примечательным названием «Об исправлении ошибки в декрете “Об управлении предприятиями по обработке пищевых и вкусовых веществ”»¹.

Статья В.К. Бабаева о норме права как истинном суждении до сих пор заслуживает внимания и дальнейшего углубления с учетом современного уровня развития гуманитарных и естественно-технических наук. Философы продолжают поиск критериев истины, сфер ее доказательного практического применения². Среди тех, кто обращается к проблеме истинности социальных норм, все больше исследователей, признающих теоретическую и практическую возможность их характеристики как истинных либо ложных.

Мне уже приходилось отмечать, что, специально исследовав *логическую сторону* истинности норм права, В.К. Бабаев обеднил существо проблемы, ограничил возможности повышения уровня истинности правовых стандартов совершенствованием формально-логических средств³. В.К. Бабаев не учел, что логическое является моментом объективности мысли, но объективное в мысли не равняется логическому. Я вижу углубление и развитие идей В.К. Бабаева об истинности юридических норм по следующим направлениям.

¹ Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 36, ст. 193.

² См.: *Вейнгартнер П.* Фундаментальные проблемы теории истины. Москва, 2005. 352 с.; *Левин Г.Д.* Истинность и рациональность. Москва, 2011. 224 с.; *Поиск истины в пространстве современной культуры: сборник научных статей / под ред. О.Д. Маслобоевой.* Санкт-Петербург, 2018. Вып. 4. 255 с.; *Безрядин В.И., Левченкова Т.Ю.* Особенности соотношения категорий «достоверность», «доказанность» с институтом объективной истины при определении целей доказывания // *Юридическая наука: история и современность.* 2019. № 10. С. 95–100.

³ Подробнее см.: *Баранов В.М.* Истинность норм советского права (проблемы теории и практики). Саратов, 1989. С. 87–88.

Во-первых, при анализе разных видов правовых норм как разнотипных суждений упор целесообразнее делать не на особенности их логической природы, а на обосновании и поиске того общего содержательного элемента в их строении, который поддается *гносеологическим характеристикам*. Речь идет не только о более тщательном и глубоком выяснении существования в структуре юридических норм описательных смысловых высказываний, о путях трансформации повелительных высказываний в описательные. Не было принято во внимание *гносеолого-смысловое богатство* юридической нормы. Норма права – диалектическое единство знания, чувств и эмоций, культуры и нравственности, выраженное в простом либо сложном суждении. Истинность нормы права – выявление ее смысловых координат, регулятивных возможностей и пределов.

Истинность – объективное свойство нормы права, выражающее проверяемую социальной практикой меру пригодности ее содержания и формы в виде познавательно-оценочного и культурно-психологического образа соответственно отражать тип, вид, уровень либо элемент развития прогрессивной человеческой деятельности, совершенствования природы человека.

Математический аппарат, цифровые технологии открывают новые (пока еще недостаточные) возможности для доказательства истинности либо ложности, оптимально «расчлененной» на нужные элементы правовой нормы. При таком подходе проанализирован может быть каждый ее элемент на предмет соответствия/несоответствия реальности в плане результативности правовой регламентации. Известно, что достоверность рождается из анализа суммы вероятностей. Но, чтобы уметь проводить такой анализ, необходима определенная математическая подготовка, которой, как правило, в юридических образовательных организациях высшего образования нет.

Истинна та юридическая норма, которая отражает путем описания ту меру, степень, глубину, широту, полноту, объем и другие характеристики регулируемой деятельности, которые **достаточны** для эффективного функционирования. Не требуется до бесконечности «препарировать» юридически значимую деятельность – многие ее связи, свойства и состояния просто не нужны для успешной законодательной регламентации. Нельзя не учитывать и то,

что современный законодатель не избавлен от воздействия массовой фейковой информации, от ошибочного восприятия ложных данных с последующим «преобразованием» их отдельных элементов в юридический формат.

Во-вторых, для выяснения истинности норм права недостаточно, как это предложил В.К. Бабаев, назвать в одном ряду несколько требований, которым она должна отвечать. Требуется создать *систему* разнообразных факторов, которые могут и должны быть сформулированы в формате нормативных требований. Среди этих требований важно выделить определяющие и вторичные требования, позволяющие характеризовать правовую норму как истинную либо ложную.

В-третьих, желательно исключить те требования, которые характеризуют истинность, но не юридической нормы, а стадии правотворчества. По мнению В.К. Бабаева, «внешние требования – такие, которые предъявляются к изданию юридических норм, их оформлению, опубликованию». Правовой нормы еще нет, и о ее истинности вести речь не приходится. В данной ситуации можно анализировать истинность либо зафиксировать ложность элементов правотворческого процесса.

В-четвертых, В.К. Бабаев широко известен как исследователь правовых презумпций, но не смог либо не успел обосновать и «внедрить» в юридическую науку и практику *презумпцию истинности нормы права*. Он предпочитал вести речь о презумпции истинности государственного правового акта¹. Подробный анализ этой презумпции я предпринял на Первых Бабаевских чтениях², а сейчас хочу акцентировать внимание юридической общественности на необходимости перехода на более конкретный, предметный уровень правового презумптивного знания – обоснования презумпции истинности нормы права. Разработать методологию и методику презумпции истинности юридического акта,

¹ См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: учебное пособие. Горький, 1974. С. 37, 47–49, 53, 59, 113–121; *Его же*. Советское право как логическая система: учебное пособие. Москва, 1978. С. 152–166.

² См.: Баранов В.М. Презумпция истинности юридического акта в свете доктринальных, политико-правовых и морально-психологических воззрений профессора В.К. Бабаева // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 41–54.

даже очень небольшого по объему, весьма проблематично. А если это объемный кодекс, то вряд ли возможно в принципе. Любой нормативный правовой акт содержит очень разноплановые нормы и обычно применяется он не целиком и сразу – реализуется с большей или меньшей частотой его конкретной нормы. Именно по этой причине плодотворнее «работать» с презумпцией юридической нормы, а не с идеализированной конструкцией «презумпция правового акта».

В порядке обсуждения могу предложить для законодательного закрепления следующую формулировку презумпции истинности нормы права: «Каждая юридическая норма, принятая в пределах компетенции и в установленном порядке, является истинной. Все граждане, государственные органы, должностные лица, общественные объединения изучают и анализируют действующее законодательство, при наличии обоснованных данных своевременно информируют соответствующие правотворческие инстанции о дефектах и необходимости издания, изменения или отмены конкретной юридической нормы.

Уполномоченные правотворческие органы систематически рассматривают поступающие предложения по совершенствованию норм действующего законодательства, незамедлительно принимают меры к обеспечению соответствия требований правовых норм уровню развития юридически значимой деятельности»¹.

Отстаивая многочисленную ценность этой общеправовой, опровержимой, фактической презумпции, надо обратить внимание на то, что порой ее «подменяют» иными похожими феноменами. Так, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу таможенного Кодекса Евразийского экономического союза» оперирует презумпцией достоверности информации (документов, сведений)².

¹ Первый вариант вышеприведенной формулировки презумпции истинности нормы права с обоснованием необходимости ее законодательной фиксации содержится в монографии: *Баранов В.М.* Истинность норм советского права (проблемы теории и практики). Саратов, 1989. С. 373–382.

² Российская газета. 2019. 6 декабря.

Презумпция достоверности информации, положенной в основу юридической нормы, на мой взгляд, частная, вспомогательная характеристика (а вернее – элемент) истинности юридической нормы. Недостоверная информация, воспринятая и реализованная непрофессиональным законодателем в конкретной юридической норме, ведет к ее безусловной ложности.

В-пятых, наличие *юридических аксиом* (о них В.К. Бабаев неоднократно упоминал) – бесспорное доказательство не только возможности, но и необходимости оценки правовых норм с позиции истинности. То, что юридических аксиом сравнительно немного, для характеристики правовых норм, их «включающих» в качестве истинных, никакого значения не имеет. Продолжающиеся споры относительно содержания некоторых юридических аксиом также не играют в этом ракурсе логико-познавательной роли. Юридические аксиомы – суждения, которые за огромные периоды времени получили обоснование, серьезные и многоплановые доказательства, и потому они могут и должны приниматься во всех последующих юридических актах как данное. Когда говорят, что юридическая аксиома – утверждение, не требующее доказательств, то это не означает, что она самоочевидна и самопровозглашаема. Юридические аксиомы – доказанные, истинные научно-практические суждения (положения), которые нельзя опровергнуть и которые закладываются в основу доказательств всех логических построений в юридической науке и практике. Аксиоматический метод научного анализа в юриспруденции развит пока недостаточно¹, но в перспективе следует ожидать построения системы юридических аксиом и тогда истинностная характеристика правовых норм будет очевиднее и рельефнее.

В-шестых, признанию возможности истинности либо ложности юридической нормы серьезно препятствует неолиберальная идеология, получившая закрепление в некоторых международных правовых актах. По сути, отдельные международные документы, особенно Европейского союза, выступают инструментом «продвижения» не только однополых браков, особых

¹ Подробнее см.: *Понкин И.В., Редькина А.И.* Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. Москва, 2020. С. 269–285.

прав геев, лесбиянок, трансвеститов, технико-юридическим средством посягательства на традиционные коллективные моральные ценности. Происходит законодательная субъективная фиксация методов научного анализа. Обратимся к Декларации принципов терпимости (принята 16 ноября 1995 года резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО), где в статье 1 «Понятие терпимости» провозглашен «отказ от догматизма, от абсолютизации истины»¹. К сожалению, этот фрагмент Декларации в российской юридической науке не получил адекватной критической оценки – доктринальный «пыл» сосредоточился на неприятии рекомендаций о терпимости к гомосексуальности и однополым бракам.

Между тем отказ от абсолютизации истины означает право каждого государства принимать любые юридические нормы, устанавливать любые правовые стандарты, признаваемые некоторой группой «демократических» стран. Речь идет об утверждении в международном праве социального (особенно нравственного) релятивизма: раз нет ничего истинного, то нет препятствий для апробации любого стандарта поведения, любого экстремального и экстраординарного варианта действия, экзотического взаимодействия. Крайний релятивизм, высокую степень субъективности в праве можно выразить, если прибегнуть к следующей полусушутливой минимаксime: «Истины подразделяются на три категории: те, которые велено считать таковыми, те, о которых знать не велено, и те, насчет которых никаких указаний еще не поступало»².

Отказ от абсолютизации истины предполагает официальную возможность отдельных лидирующих государств не воспринимать (отвергать) иные, «чужеродные», по их представлениям, юридические нормы «отсталых» государств.

При отсутствии истины и истинности можно не обращать внимания на правовую критику в свой адрес и бездоказательно, демагогически критиковать невыгодные для них юридические позиции.

¹ URL: www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 04.05.2020).

² Литературная газета. 2019. 22 октября. С. 16.

Юридические нормы могут и должны характеризоваться как истинные или ложные независимо от уровня экономической развитости государства, его богатства или бедности, поскольку естественная человеческая природа и модели этичности взаимодействия между людьми сравнимы и во многом схожи, аналогичны. При ином подходе нельзя вести речь о каком-либо общественном прогрессе, совершенствовании человеческой природы, подлинности обучения и образования, интеллектуальной и нравственной солидарности человечества.

Толерантность – не консервативность, а способность человека, должностного лица, государственного органа или общественного объединения, обнаружив неблизкую ему реальность, признать и допустить право на ее существование, но в определенных границах. В философии не без оснований обозначается методологическая презумпция межцивилизационного различия, выражающая *право на несходство*¹. Но это очень своеобразное право должно базироваться на синтетической трактовке сущности цивилизации как: прогресса, стадии культуры, системы ценностей.

Все вышеизложенное, на мой взгляд, согласуется с содержанием пункта 1 статьи первой Декларации, где терпимость определяется как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности... Терпимость – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность». Поскольку «терпимость – это не уступка, снисхождение или потворство», постольку вряд ли демократично, как это сделано в пункте 1.3 Декларации, во главу пирамиды всех правовых систем мира ставить «нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека». Международное право – лишь один из многих социальных и технических регуляторов юридически значимой деятельности человека и у него имеется своя «ниша», которая не может распространяться

¹ Звездин Л.А. Цивилизационная безопасность России в языковом измерении: сущность и обеспечение в современных условиях: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2019. С. 13.

абсолютно на все сферы человеческой жизни. Истина регламентации человеческой жизни – равнодействующая множества функционирующих регламентаторов.

«Ценности нашего многонационального, многоконфессионального общества, – по обоснованному мнению секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Николая Патрушева, – подлежат защите от агрессивного продвижения ценностей неолиберального толка, которые во многом противоречат самой сути нашего миропонимания и активно насаждаются нашими геополитическими оппонентами в борьбе за влияние на развитие цивилизации и свое доминирование в мире»¹. Нельзя не согласиться с Н. Патрушевым в том, что «любые попытки стандартизировать российские или иные ценности под официально принятые “универсальные” являются проявлением социокультурной агрессии, направленной на разрушение традиционных систем ценностей в том или ином государстве». Истинные, действительно общие для человечества ценности должны лежать в основе всех правопорядков.

В зарубежной философии, социологии и психологии права сложилась давняя логико-гносеологическая картина – два «научных эшелона», стержнем которых выступают противоположные доктринальные позиции. Например, Альф Нилле Кристиан Росс (1899–1979), представляющий скандинавскую школу правового реализма, будучи противником естественного права, подчеркивает: «правовые нормы есть директивы, которые не могут быть ни истинными, ни ложными. Метафизические, методические юридические постулаты А. Росс не относил к числу критериев истины в силу того, что они носят произвольный характер и открывают простор для догматики»². Нельзя не согласиться с А.Н. Савенковым и В.И. Жуковым в том, что А. Россу и его сторонникам не удалось создать оригинальную теорию психологии права и потому, что они

¹ Патрушев Н. Нужны ли России «универсальные» ценности? Духовно-нравственные ценности общества как основа суверенитета государства // Российская газета. 2020. 18 июня. Автор подчеркивает: «Западные ценности, которые в последние десятилетия все чаще трактуются как “универсальные”, поскольку в такой форме закреплены в официальных документах Европейского союза, стали расхожим штампом».

² См.: Росс А. О праве и справедливости. Копенгаген, 1953. С. 2, 261.

не рассматривали нормы права как «единое философское, психологическое и социально-культурное явление»¹.

Юридическая норма традиционно почти всеми противниками ее истинностной оценки примитизируется и низводится до простого приказа, прямолинейной команды, элементарного веления, сухой директивы, голой санкции, пустого императива.

И здесь уместно привести любопытное и до сих пор никем убедительно не опровергнутое глубокое рассуждение немецкого философа Э. Гуссерля, который в 1900 году отметил, что «каждая нормативная наука в качестве основы своей имеет науку теоретическую, истины которой в их прикладной, практической формулировке мы и называем нормами. Поэтому каждую «норму» можно выразить в виде теоретической истины, утверждающей нечто о порядке «сущего», а не «должного». Вместо «не убий» можно сказать «убийство постыдно», вместо «солдат должен быть храбр» – «храбрость есть свойство хорошего солдата». Приведя этот тезис, Н.Н. Алексеев комментирует: «Возможность превращения всякой нормы в теоретическую истину неизбежно стирает непреходимое различие между сущим и должным, сводя его к разнице грамматической формы выражения, а не к принципиальным онтологическим разностям двух самостоятельных стихий»². Далее Н.Н. Алексеев констатирует: «Каждая юридическая норма в идеале своем должна быть истиной, логически связанной со всеми остальными правовыми положениями. Объективное право, или совокупность юридических норм, не может не быть при этих своих свойствах *цельной системой истин*, находящихся во взаимной логической связи»³. Не вдаваясь в дискуссию о диалектике

¹ Савенков А.Н., Жуков В.И. Социология правовых девиаций и социальных аддикций: монография. Москва, 2018. С. 319.

² Алексеев Н.Н. Введение в изучение права. Москва, 1918. С. 45. На с. 45–46 автор подчеркивает: «В общем нельзя не признать, что в основе каждого правового института и в основе каждой правовой системы лежат некоторые чисто теоретические истины, которые человечество, данная культура или народ считает аксиоматически ясными, устанавливая на них свой распорядок социальной жизни».

³ Там же. С. 136.

сущего и должного, отфиксируем центральную идею о том, что в нормах в большей или меньшей степени отражается истинное на определенный период времени научно-практическое и вненаучное знание.

Нормативная теория права не только не исчерпала своих теоретических и практических возможностей, она постоянно и системно расширяет их. В этом контексте нельзя не согласиться с Н.Н. Алексеевым, когда он пишет: «Вопрос о нормативной природе права при более глубоком его рассмотрении является вопросом сложным, наталкивающимся на целый ряд трудностей и ставящих перед наукой значительное количество довольно сложных проблем. Этим объясняется, почему столь блестящие представители этой школы не пришли еще к единообразным взглядам и считают свою теорию не вполне разработанной»¹.

Когда разработчики и последователи интегративного понимания права в качестве новаторской идеи упирают на *однородность* материала права, тогда они, по сути, просто расширяют сферу нормативности. Все элементы, которые «интегрируются» в содержание права, непосредственно либо опосредованно, носят нормативный характер и только в этом качестве они практически значимы. И все эти элементы, как и их «ядро» – нормы права, могут оцениваться с позиции истинности либо ложности. Рано или поздно, но придется ставить и решать проблему *истинности правовой нормативности*.

Статья 241 Конституции Республики Египет содержит интересную юридическую норму, которая гласит: «В течение первого срока законодательных полномочий Парламента после вступления в силу настоящей Конституции Палата представителей издает закон о правосудии переходного периода, **который обеспечивает достижение истины** (выделено мой. – В.Б.), подотчетность, создание механизмов национального примирения и компенсации жертвам в соответствии с международными стандартами»².

¹ Алексеев Н.Н. Введение в изучение права. Москва, 1918. С. 35.

² См.: Конституции государств Африки и Океании: сборник. Т. 1: Северная и Центральная Африка / отв. ред. Т.Я. Хабриева. Москва, 2018. С. 130.

Можно, конечно, заявить, что это декларативное суждение, политический шаблон или консервативный стереотип, но хочется надеяться на другое – законодатели Египта осознают ценность провозглашения истинности конкретного закона.

Истинность норм права – феномен собирательный, полифакторный, многофункциональный, и он играет не только регулятивную, охранительную, воспитательную, но и *эталонную* роль.

Нормы права – средоточие, синтез, баланс теоретических и эмпирических истин. Могу выдвинуть гипотезу – в нормах конституционного права могут доминировать теоретические истины, а эмпирические истины в этих регуляторах занимают, по всей видимости, вторичное место, играют вспомогательную роль. Я исхожу из того, что «понятия истины и заблуждения к знанию о микромире применимы, однако с существенным уточнением: деление на сущность и проявление сущности здесь абсолютно, и нам даны лишь проявления сущности, потому истинное знание о микромире – это навсегда знание о сущности, которое получено анализом форм ее проявления»¹. Такой подход открывает возможности применения факторного анализа. Противники истинностной оценки юридических норм, как правило, оперируют только простейшими правовыми предписаниями типа «не курить», «не трогать». Конечно, такого рода предписания рациональны либо иррациональны, но даже и они имеют косвенное отношение к истинности либо ложности. Юридические нормы могут быть истинными и рациональными одновременно.

В-седьмых, истинность нормы права как общетеоретический феномен непременно будет обогащаться, совершенствоваться по мере «проникновения», взаимодействия доминирующей теории соответствия (корреспонденции) с иными современными теориями истины (когеренции прагматической, дефляторной, ревизионной идентичности). Я сторонник классической теории истины – теории соответствия и полагаю, что именно на основе ее достижений, ее развития возможно становление и внедрение

¹ Левин Г.Д. Истинность и рациональность. Москва, 2011. С. 183. На с. 214–217 автор доказывает, что не только оценки, предписания, но и нормы (нормативные высказывания) могут быть истинными или ложными.

в реальную правовую действительность категории «истинность юридических норм».

Категория «истинность нормы права» на базе соответствия может быть востребованной и функционирующей практически тогда, когда: а) не будет допускаться смешение категорий «истина» и «истинность»; б) норме права искусственно перестанут «приписывать» различные свойства (реальность, значимость, правильность, точность, достоверность, обоснованность, рациональность), которые якобы успешно *заменяют* истинность; в) появится развернутое аргументированное обоснование невозможности оценки правоприменительных актов и интерпретационных актов с позиции истинности при отрицании истинностной характеристики норм права; г) будет признано принципиальное отличие проблемы критерия истины от проблемы доказательства, «исчезнет» отождествление проблемы критерия истины с проблемой доказательства; ж) наступит гармонизация истинности норм права с истинностью иных социальных регуляторов права, «проявятся» основные логико-гносеологические линии взаимодействия в системе социальной регламентации; з) будет проведено четкое отличие теоретической и эмпирической истин, выявлены механизмы их взаимопроникновения и взаимодействия; и) нормативное перестанут отождествлять с должествованием (обязыванием), а станут трактовать нормативное с учетом экономических, политических, логико-гносеологических, управленческих, аксиологических, эстетических, психологических, религиозных оснований. В этой связи можно только приветствовать, что А.В. Коновалов, в отличие от сложившейся исследовательской практики, рассмотрел принципы гражданского права не только в качестве основных начал, определяющих сущность гражданского права, но и с учетом психосоматического, психофизического склада субъекта и присущих ему ценностей¹. Точно такой же подход надлежит применять и при формировании, и тем более реализации юридических норм.

¹ См.: Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 73 с.

В учебном пособии Л.К. Бондаренко предложено несколько трактовок истины и критериев оценки истинности¹.

«С рациональной субъективной точки зрения, – отмечает на с. 255 автор, – истина понимается как связь множественной реальности с внутренней рациональностью личности, то есть то, что соответствует понятию разумности применительно к отдельному человеку. В данном случае выделяется социально-психологическое свойство истины как наличие здравого смысла, обусловленного процессом существования человека между необходимостью и возможностью, в строгом смысле – как субъективного явления, отражающего множественность “проектов истинности в объективной реальности”».

На с. 256 Л.К. Бондаренко предлагает свое видение истины юридической, которую он относит к категориям теории доказательств. «Цель юридической деятельности субъектов доказывания в рамках судопроизводства – достижение объективной истины. В рамках судопроизводства истина – это знания (информация) участников судопроизводства об обстоятельствах дела, соответствующие своему предмету и совпадающие с ним». На с. 270 глоссария юридическая истина раскрывается через следующие **основные** (надо полагать, существуют и неосновные) свойства: объективность, конкретность, доказательность, относительность (соотносимость), то есть зависимость от реальной юридически значимой ситуации, что и аккумулировано в понятии доказательства и оценки доказательств: «Критерии оценки истинности, – по мнению, выражаемому Л.К. Бондаренко на с. 259: – эмпирические критерии истинности положений – опыт и практика; – неэмпирические: а) логика (по сути, логические операции, направленные на установление противоречий); б) теория (теоретическая концепция, отражающая исследовательскую позицию, точку отсчета в процессе исследования)».

Вышеприведенные критерии вполне могут быть (с некоторыми оговорками) применены при анализе истинности либо ложности юридических норм.

¹ См.: Бондаренко Л.К. Теоретические и практические аспекты профессиональной этики юриста. Москва, 2019.

Правоведы привыкли рассматривать философию в качестве **методологической основы** юридического анализа, но упускают из виду существование маргинальных, эпатажных, спекулятивно-демагогических работ философского толка. Такого плана «философские наработки» негативно влияют на доктринальные воззрения юристов при обращении к проблеме истинности правовых норм. В этой связи приведем два примера, две работы, которые не выдерживают критики в силу своей бездоказательности и ни на чем не основанных выводов из разряда низкосортного венаучного знания.

С.В. Борзых, который позиционирует себя во вступительном слове в качестве «не просто скептика и агностика, но и циника», а свои рассуждения носящими «спекулятивный характер», категорично и бездоказательно заявляет: «Критериев истины не существует, а если они где-то и кому-то доступны, то это нарушает все законы природы»¹. На с. 191 исследователь констатирует: «Критерии истины случайны, сама она – если, разумеется, она существует, в чем есть серьезные сомнения, – нам недоступна, а наш интеллект слаб и постоянно искажает картину реальности».

Такого рода «научные» изыскания, отрицающие многовековые философские традиции, принимать в расчет смысла нет, и я абстрагируюсь от них.

Из множества современных интерпретаций истины есть доктринальные подходы, которые невозможно практически применить в конкретных сферах жизнедеятельности в силу их абстрактности, надуманных построений, невыполнимых предложений и рекомендаций. Среди них особняком стоит настойчиво продвигаемая И.К. Ларионовым концепция якобы грядущей общественной системы, называемой им *Экогуманизмом*. Под ней исследователь понимает «ориентированную на раскрытие творческих

¹ Борзых С.В. Критерии истины: монография. Москва, 2019. С. 129. На с. 190 автор пишет: «Категория истины в принципе бессодержательна и пуста. Общепринятое ее определение как соответствие фактам несколько не помогает, но даже усугубляет нашу ситуацию. Не совсем ясно не только, что имеется в виду под последними, но и что понимается под этой самой операцией».

потенций личности социально-экономическую систему, опирающуюся на непрерывность национально-исторических традиций, проецируемых на постиндустриальные стадии развития, обеспечивающие в перспективе синтез цивилизации и культуры, развивающей информационно-экологическую экономику, соединяющую в себе лучшие черты как рыночно-капиталистического, так и планово-распределительного хозяйства вокруг стержня национально-государственных интересов»¹. Экогуманизм, по убеждению автора, «призван стать социально-экономическим фундаментом для утверждения и развития системы Праобраз – ЧС».

Монография издана в авторской редакции, содержит не только большое количество опечаток, но и разных длинных и весьма странных сокращений, суть которых установить нельзя.

АФРЭГ – алгоритм формирования и развития Экогуманизма; ТЧИП – тип человека изворотливого потребителя безнравственных ограничений; ЭВВОЭ – эволютивное выращивание основополагающих элементов Экогуманизма; ОНОГИИПБНП – отказ от необходимых обществу и государству инновационно-инвестиционных проектов, не окупающихся в достаточно близкой перспективе; ТБОРДКУ – требование к достижению баланса между осмыслением деятельности и ее формализованным регламентированием в отношении кадров управления; АОВСИННП – алгоритм определения вариантов соотношения интересов и нравственности по поводу норм права – вот лишь некоторые из применяемых автором аббревиатур.

Рассуждения И.К. Ларионова об истине и истинности невозможно применить не потому, что в поисках исторической истины он превозносит деятельность И.В. Сталина в создании оптимальной системы государственного управления и возлагает всю ответственность за провалившиеся реформы на Н.С. Хрущева. Машину репрессии в СССР, по мнению автора на с. 114, создал не Сталин, а «скрытые инспекторы, такие как Парвус (Гельфанд) и явные вожди (Л.Д. Троцкий, В.И. Ленин)». Ратуя за «идею просвещенного, внутренне осознающего патриотизма» и доказывая, что Сталин

¹ *Ларионов И.К.* Государство и право: синергия формирования и развития в переломную эпоху человеческой цивилизации. Москва, 2019. С. 23–24.

не был тоталитарной личностью, И.К. Ларионов предлагает читателям такой пассаж: «личность Сталина сочетала здравый житейский смысл, без налета фантазии, с врожденной гениальностью, которая совершенно недвусмысленно проявилась в стихах юного Иосифа Джугашвили. Эти стихи демонстрируют уровень поэта, сопоставимый с уровнем А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н. Гумилева»¹.

На таком же бездоказательном (зачастую бытовом) уровне находятся рассуждения автора об истинности правового и иного социального регулирования.

Почти никто на протяжении столетий не отрицает существования **принципа научной обоснованности правотворчества**. Если это так, то мы **должны** (именно должны, а не можем) исходить из аксиомы – истина существует, а целью науки выступает ее поиск. Применительно к рассматриваемой теме это означает: всякий успешный научный результат в сфере юриспруденции, получивший реализацию в законотворчестве, предполагает «на выходе» истинную юридическую норму.

То, что некоторые постмодернисты стоят на другой позиции («истины не существует, а есть лишь множество мнений»), совсем не колеблет наш объективный логико-гносеологический подход. Трудно не согласиться с мнением известного когнитивного психолога, профессора Гарвардского университета С. Пинкера, когда он обозначил как **прискорбную** тенденцию современной интеллектуальной жизни – «установившееся в научной среде пренебрежение понятиями истины, логики и доказательности»².

Ценность истины в правотворчестве не умаляют отнюдь редкие факты «отбрасывания» законодателем достижений юридической науки, многочисленные правотворческие ошибки.

Хочется надеяться, что в ближайшей перспективе будет появляться все больше сторонников тезиса: «Фундаментальная юриспруденция и догматическое право не могут провозгласить

¹ Ларионов И.К. Государство и право: синергия формирования и развития в переломную эпоху человеческой цивилизации. Москва, 2019. С. 112–113.

² Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. Москва, 2019. С. 11.

отказ от поиска абсолютных истин и бесконечное многообразие концепций по ряду вопросов»¹. Важно при этом не упускать из виду, что цифровая эпоха (разработка и внедрение информационно-коммуникационных технологий) стремится в процессе своего развития к более высокой ступени – *обществу знаний*. А знание без характеристик «истинно» или «ложно» бессмысленно, нефункционально.

Истинность норм права – не просто философско-правовая категория, которая рано или поздно займет подобающее ей место в понятийных рядах теории и философии права, в учебных курсах по фундаментальным отраслям права. Истинность норм права – нормативное требование, выражающее идею регулятивной функции многомерной истины.

УДК 340

Лазарев В.В.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

К вопросу о трансдисциплинарности в постнормальной науке права

Нельзя не выразить удовлетворение, что в Нижегородской академии МВД России не просто чтят память Владимира Константиновича Бабаева, но активно от форума к форуму продолжают развивать его идеи, обосновывающие право в качестве логической системы. Классическая юриспруденция, несомненно,

¹ *Лихтер П.Л.* «Антропологический поворот» в правовой науке: благо или зло? // Государство и право. 2019. № 4. С. 72.

сохраняет свое научное и практическое значение¹. Но работы В.К. Бабаева, как и работы большинства советских ученых второй половины прошлого века, не выходили за рамки привычного для нас модернизма. Все мы признавали правом исходящие от суверенного государства нормы и в меньшей степени занимались их ценностной оценкой, отдавая предпочтение логическим аспектам классификации и систематизации и далее строгому применению на основе принципа социалистической законности. Между тем на Западе уже тогда все более открыто утверждалась мысль, что «суть человеческой жизни лежит не в следовании правилам и в вознаграждении добродетели, а в максимально эффективном использовании правил для собственной корысти, в зависимости от ситуации», что, в свою очередь, повлекло изменения в теории – «правила рассматривались как неоднозначные, гибкие, противоречащие друг другу, непоследовательные... Они служат в качестве ресурсов для используемых стратегий, которые варьируются от человека к человеку, от ситуации к ситуации... Порядок никогда не будет полным и никогда не может быть таковым»².

Таким образом, предыдущее статическое видение порядка заменялось возможностью порядка, описываемого как процесс, осуществляемый за счет непрерывного динамизма флуктуационного движения. Соответственно, все более стали признавать, что формальные правила могут быть реализованы только через их актуализацию

¹ Сегодня, когда обозначились перспективы конституционной реформы и в текст российской Конституции вносятся весьма существенные изменения, следует обратить внимание на работу В.К. Бабаева по толкованию шести статей Конституции, начиная с первой (см.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. 4-е изд. Москва, 2009). Здесь сказались его соображения относительно единства экономического пространства и форм собственности, правового статуса земли и природных ресурсов, денежной единицы, налогов и т. д. Но особого внимания от нас потребовало осмысление прав и свобод человека и гражданина. Статья первая объявляет Россию правовым государством. Но в комментарии мы читаем: «Россия стала на путь формирования правового государства, но таковым еще не стала. Правовое государство для нашей страны – цель, но пока еще не реальность». Потребовалась известная смелость, чтобы сойтись на этих формулах, которые и сегодня не утратили значения.

² *Варга Ч.* Порядок из хаоса? Философия создания и применения европейского права // Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 232.

судами, то есть через судебные решения, которыми регулируются оценочные суждения и балансы конфликтующих интересов. Это – постмодернистская конструкция.

Констатируя произошедшие перемены, цитируемый мной профессор Ч. Варга одновременно сожалеет, что «средства постмодернизма, по сути, остались неиспользованными в юридической практике бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы», а это «привело к относительной неконкурентоспособности, которая является своего рода нашей “врожденной недостаточностью” на общем европейском правовом рынке»¹.

Представляется, что методология предмодерна и модерна позволяла весьма успешно решать многие вопросы и потенциал их не исчерпан и не будет исчерпан, подобно тому, как с развитием высшей математики невозможно исчерпать потенциал арифметики. Вместе с тем, уже недостаточно ограничиваться тремя образами права, сложившимися в классической правовой традиции (естественно-правовой, позитивистский и социально-правовой). В них сложно, например, найти место фрейдизму или вообще психологизму. Но мы не можем ограничивать правовую реальность сугубо предметной сферой, устанавливая факты, обобщая сложившиеся практики, анализируя отработанные правовые институты. Не менее значимыми оказываются феномены психического (рационального и иррационального), не менее действенными мифологические образы (теологического и светского происхождения), а разного рода фикции могут играть и вполне прагматические роли. Юристы не могут не учитывать, что поведение адресатов правовых норм часто обусловлено продуктами воображения, конструируемыми путем идеализации каких-либо свойств реальных объектов. Кстати, родственные фикциям презумпции (одна из приоритетных для В.К. Бабаева исследовательских тем) могут быть более глубоко исследованы с привлечением постмодернистских методов.

Для юристов органично присуще стремление утверждать определенность и истину в правовом общении и потому им кажутся ненормальными средства утверждения обратного. А между

¹ Варга Ч. Порядок из хаоса? Философия создания и применения европейского права // Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 235.

тем «постнормальная наука (Post-Normal Science – PNS)» – новое понятие, принятое в концепции управления сложными системами, сосредоточивается как раз на тех аспектах сложных проблем, которыми имеют тенденцию пренебрегать в традиционных научных исследованиях и где «объективность и однозначность научных предсказаний уже невозможна»¹. Здесь нет возможности входить в детали. Но, полагаю, что и правоведам нельзя полностью игнорировать эту «ненормальную» науку. Более всего она известна коллегам из образовательных организаций Санкт-Петербурга, и было бы целесообразно организовать совместный форум по нахождению того в постклассике, что послужило бы, грубо сказать, полицейским интересам.

Для классической советской правовой науки было общим говорить о связи наук, о системном методе правовых исследований. Но сегодня этого недостаточно. Сегодня в зарубежной академической традиции условно выделяют два толкования трансдисциплинарности. Трансдисциплинарность означает, что понятия или методы из различных дисциплин смешиваются или «переплавляются», а трансдисциплинарность обеспечивает некоторого рода метауровень или метаструктуру, позволяющую сочетать различные когнитивные стратегии и способы рассуждения, объединяющие теорию и практику, преодолевающую ограниченность дисциплинарно организованной науки².

Приходится убеждаться в том, что современное решение правовых вопросов требует нового языка (далеко не простого), но это неизбежно для информационного общества, для века информационных технологий. Прежде чем предложить для использования некоторые конкретные методы из трансдисциплинарного арсенала, уместно воспроизвести одно из общих заключений. «В связи с тем, что базовые единицы информационно-когнитивной (квантовой) концепции права составляют знания из юриспруденции, философии, психологии, информатики, квантовой

¹ URL: <https://b-ok2.org/book/2948000/1e0794> (дата обращения: 19.04.2020); URL: <http://os.x-pdf.ru/20filosofiya/221409-1-transdisciplinarnost-filosofii-nauke-podhodi-problemi-perspekti.php> (дата обращения: 19.04.2020).

² См.: Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. Москва, 2015. С. 12.

физики и семиотики, то многомерную правовую “я”-реальность следует отнести к постклассическому правопониманию. Такая концепция рассматривает право как информационно-энергетический механизм взаимодействия “я”-субъектов в социуме, связанный с конституированием ментальной нормы права, с последующей ее объективацией в тексте юридического документа. Несмотря на то, что объективация носит различные внешние формы выражения ментальной нормы права, сущность права имеет единую информационно-когнитивную природу. Научный подход, отражающий внутренние и внешние процессы образования права как неотъемлемые атрибуты единого права, имеют интегративным»¹.

Новые подходы не ограничивают связь юриспруденции с другими гуманитарными дисциплинами. Юристам предлагается внимательнее смотреть на достижения естествоиспытателей. У физиков и тех, кто исповедует квантовую теорию, полезно взять, например, во-первых, тезис о принципиальной невозможности в достижении истины (хотя бы и относительной) отделить исследователя от объекта исследования и, во-вторых, общий принцип дополнительности, который, с легкой руки Бора, формулируют следующим образом: «Рациональная сторона действительности и ее познание и сопряженная ей иррациональная сторона действительности и ее познание дополнительны друг другу»². Мы все это видим там, где право как объект исследования ставится в зависимость от того, кто его презентует, а обе стороны действительности в свете принципа дополнительности выливаются в обоснование интегративного подхода к праву. В том, как мы его понимаем, философия дополнительности может служить основой самых разных теоретических и практических решений. Эта философия выводит на интеграцию, в рамках которой обеспечиваются subsidiarность, пропорциональность, недискриминация.

Физики в своей науке сводят право к констатации «взаимоисключающих», но «дополнительных» сторон реальности,

¹ *Иванский В.П.* Информационно-когнитивное (квантовое) правопонимание: понятие и критерии // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 55.

² URL: <http://cyclowiki.org/wiki/> (дата обращения: 19.04.2020).

или дополнительности взаимоисключающих понятий (рядов понятий), через которые отражается реальность (Макс Бор)¹. С точки зрения Нильса Бора «наша способность анализировать гармонию окружающего мира и широта его восприятия всегда будут находиться во взаимоисключающем, дополнительном соотношении». Но в такого рода суждениях просматривается общепhilosophическое содержание и потому признается постановка вопроса о принципе дополнительности в гуманитарной науке². В юридической науке всегда можно было заметить анализ разных реальностей: одной в сфере должного, другой – в сфере сущего; одной, творимой законодателем, и другой, которая образуется в ходе судебной деятельности (часто отражаемых в современных понятиях парламентского и судебного права). Суд, как тот «измерительный прибор» в терминологии Н. Бора, неизбежно привносит в выносимое им решение свое видение права.

Сама правовая реальность «обладает двойственной природой» – она одновременно мыслимая (в концептах социокультуры) и предметная (в фактах, практиках, институтах), а встроенная в нее юриспруденция выстраивается в систему мифологических образов, юридической догматики и аксиоматики, юридических понятий и конструкций, юридических представлений и мировоззрений³. Отсюда неизбежный вопрос: отдавать ли предпочтение факту или его пониманию (оценке)? Как мы уже упоминали выше,

¹ Бор Н. Философия естествознания и культуры народов // Атомная физика и человеческое познание. Москва, 1961; Алексеев И.С. Концепция дополнительности. Историко-методологический анализ. Москва, 1978 (рец. В.А. Бажанов); Бажанов В.А. Дополнительности (принцип) // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / сост. и общ. ред. И.Т. Касавина. Москва, 2009. С. 210; Порус В.Н. Дополнительности принцип // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. Москва, 2010.

² В «Википедии» можно прочесть: «Применение принципа дополнительности со временем привело к созданию концепции дополнительности, охватывающей не только физику, но и биологию, психологию, культурологию, гуманитарное знание в целом. В этом плане не будет большим преувеличением рассматривать принцип дополнительности в качестве закона природы, формулы мира, общепhilosophического эпистемологического принципа, наряду с другими».

³ См. подробно: Веденеев Ю.А. Грамматика правопорядка: монография. Москва, 2018. С. 5.

с позиций общего принципа дополнительности Бора, рациональная сторона действительности и ее познание и сопряженная ей иррациональная сторона действительности и ее познание дополняют друг друга. Представляется, что следует стремиться преодолевать узость отдельно взятых методологий, осуществлять синтез разных эпистемологических парадигм.

Практические решения юристов также могут корректироваться с учетом принципа дополнительности. Например, в случае достижения определенности права (актуальная тема). Естественники исходят из того, что для разрешения неопределенности требуется введение дополнительных условий, которые либо устраняют из системы неопределенность, либо приводят ее к определенному состоянию. «Влияние наблюдателя на наблюдаемое» используется для объяснения многих явлений в квантовой психологии, в любых сферах, где рассматриваются поступки человека, мотивы этих поступков, взаимоотношения между человеком и его сознанием и подсознанием, между человеком и окружающим миром»¹.

В заключение, допуская известную долю дискуссионности, можем констатировать значение всего отмеченного в статье для сферы государства и права, имея в виду и деятельность акты, и их отражение в качестве объектов изучения. Но юристы должны с осторожностью и должной критичностью относиться к тому, что в философии постмодерна нет места таким базовым правовым понятиям, как «истинность», «объективность», «справедливость». В этой философии все мнения имеют право на существование, все одинаково правильно и неправильно, все необязательно не только для других, но и для того, кто эти мнения высказывает. Для правопорядка опасна та постмодернистская новизна «глобальной турбулентности», которая размывает устойчивую массовую мораль с ее представлениями о справедливом и должном, пытаясь заменить ее всеохватывающей толерантностью ко всем и ко всему. В той же степени следует опасаться отказа от правовых средств упорядочивания общественных отношений под предлогом внедрения технологий автоматического программирования поведения людей.

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 19.04.2020).

Карташов В.Н.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

Вклад В.К. Бабаева в исследование правовой системы общества

Узнав о примерной тематике Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В.К. Бабаева, я обратил внимание на то, что в этом перечне нет проблемы, с которой так или иначе связаны все указанные и иные темы юридической науки. Речь идет о понятии и основных элементах правовой системы общества.

В.К. Бабаев сформулировал следующее ее определение: *«это совокупность взаимосвязанных, согласованных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, а также элементов, характеризующих уровень правового развития той или иной страны»*¹.

Он обратил внимание на то, что правовая система тесным образом связана с экономической, политической и социальной системами общества, что она является важнейшим инструментом развития и преобразования всех сфер жизнедеятельности страны. Это был существенный для того времени теоретический вывод, имеющий практическое значение. Дело в том, что многие отечественные авторы (Ю.А. Денисов, Д.А. Керимов, Л.И. Спиридонов и др.) писали о том, что термин «правовая система» послужил своего рода компромиссом между сторонниками широкого и узкого понимания права². Некоторые ученые

¹ Бабаев В.К. Правовая система общества // Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 85.

² См.: Байтин М.И. Сущность права. Саратов, 2001. С. 151–152.

(В.С. Нерсесянц и его последователи) полагали, что в данном случае речь идет о подмене «**общего понятия права** неким до-вольно условным (и во многом – случайным) словосочетанием “правовая система”»¹.

Профессор В.К. Бабаев правильно отмечал, что понятие «правовая система» «не сводится только к праву, а значительно шире его. Правовая система – комплексное образование». По его мнению, к основным ее элементам относятся следующие:

«1) явления духовного, мировоззренческого характера (юридическая наука, правовые понятия, правовые принципы, правовая культура, правовая политика);

2) право и выражающее его законодательство;

3) правовые отношения;

4) юридическая практика;

5) юридическая техника»².

Анализ предложенных В.К. Бабаевым определения и структуры правовой системы позволил ему сделать несколько фундаментальных и стратегически выверенных выводов. Во-первых, была намечена перспективная роль юридической науки в обществе, уточнены ее предмет и связи с юридической практикой. Это направление исследования будет потом материально воплощено в издании «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России», включенном ВАК при Минобрнауки России в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Каждый выпуск Вестника по объему составлял 50–60 печатных листов. Подобное издание явилось солидным подспорьем для исследования самых разнообразных теоретических, эмпирических и дидактических проблем в рамках стратегического направления исследования Нижегородской академии МВД России. Кстати, первый

¹ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. Москва, 1999. С. 450.

² Бабаев В.К. Правовая система общества // Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 85–86.

его выпуск открывался моей статьей «Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки»¹.

Во-вторых, и до В.К. Бабаева отечественные (С.С. Алексеев, Д.А. Керимов и др.) и зарубежные (Р. Иеринг, А. Нашиц и др.) авторы включали юридическую (законодательную и пр.) технику в предмет юридической науки и практики, но только после опубликования соответствующих курса лекций и учебников под его редакцией в начале 2000-х годов был создан Нижегородский городской исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», а затем (с 2007 года) ежегодно стал выходить журнал с соответствующим названием (объем печатных листов ежегодника порой превосходил все приличные и неприличные нормы).

К сожалению, рамки проблемы (юридической техники) оказались несколько узковаты. В конечном счете оправдались слова профессора В.М. Баранова. В предисловии к сборнику статей «Проблемы юридической техники» в 2000 году он писал: «У меня сложилось убеждение, что термин “юридическая техника” неточен, глубоко противоречив и применяется лишь в силу правовой традиции... Все то, что ныне в правовой науке и практике принято обозначать понятием «юридическая техника» правильнее называть “юридическая технология”»².

В современных условиях можно сформулировать следующую дефиницию юридической технологии. *«Это основанная на определенных принципах, прогнозах и планах (стратегии) система действий компетентных физических и должностных лиц (органов), направленная на издание (толкование, реализацию, систематизацию и пр.) юридических решений (актов), в ходе которой используются необходимые ресурсы, средства (техника), методы и правила (тактика), процессуальные формы и соответствующие виды контроля за деятельностью всех ее субъектов и участников.*

¹ Карташов В.Н. Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 13–23.

² Баранов В.М. Предисловие // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 11–12.

Основными *элементами логической структуры* современной юридической технологии являются следующие:

- субъекты (“производители”), обладающие определенными знаниями, умениями, навыками и мастерством;
- объекты (предметы), то есть “обрабатываемые продукты”;
- активные интеллектуальные и внешне актуализированные действия и операции субъектов и участников технологического процесса;
- совокупность общесоциальных, технических и специально-юридических средств (юридическая техника);
- совокупность приемов, способов, методов и правил использования указанных средств (тактика);
- принципы, долгосрочные планы и прогнозы, образующие ее стратегический компонент;
- процессуальные формы (стадии, производства, режимы);
- “продукты” (результаты) соответствующей технологии (юридические решения и акты);
- показатели, характеризующие качество соответствующего духовно-материального производства и его “продуктов” (результатов);
- критерии и параметры эффективности действий и операций, выносимых юридических решений (предписаний, актов);
- механизмы вступления в юридическую силу (отмены, изменения, приостановления, продления, возобновления) юридических предписаний, решений и актов;
- ресурсообеспеченность технологического цикла в полном объеме и (или) отдельной его части, то есть научные, организационные, временные, материальные, финансовые, трудовые, юридические и иные затраты;
- соответствующие виды и методы контроля и надзора (мониторинг) за законностью и справедливостью, качеством и эффективностью юридических действий и операций, принимаемых решений и актов, их оформлением и обнародованием, соблюдением процессуальной и документальной формы»¹.

Безусловно, разработки проблем юридической техники в России сыграли свою положительную роль. В.К. Бабаев, например,

¹ *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества: учебник для бакалавриата или магистратуры. Москва, 2018. С. 126–127.

давая характеристику законодательной техники, писал о важном значении выражения воли законодателя в логических, языковых, технико-юридических приемах, юридических понятиях, терминах, конструкциях, символах, презумпциях, функциях и других средствах¹.

В заключение следует обратить внимание еще на одну фундаментальную проблему, о которой пишет профессор В.К. Бабаев. Правовая система, по его мнению, не сводится к праву, первое понятие более объемное и содержательное. А поскольку юридические термины – это слова или словосочетания, которые должны четко, ясно и точно раскрывать соответствующие юридические понятия, то в юридической науке и примерном перечне тематики данной конференции нужно поставить многое «с головы на ноги». Приведем несколько примеров безграмотного употребления слов и словосочетаний в данном перечне:

- «особенности *интерпретации и реализации презумпций в законодательстве зарубежных стран*»;
- «методологические воззрения В.К. Бабаева на *преемственность в праве*»;
- «преемственность в современном российском *праве*»;
- «уровни преемственности в *праве*»;
- «технико-юридические аспекты обеспечения преемственности в *праве*» (выделено мною. – **В.К.**).

В данных и подобных контекстах следует иметь в виду, что грамотнее употреблять вместо слова «право» словосочетание «правовая система», поскольку преемственность характерна и для объективного права, и для юридической практики, и для правосознания и правовой культуры, других компонентов и более мелких элементов правовой системы.

Авторам научных работ необходимо также помнить наказ Гегеля о том, что «закон не действует, только человек действует...»².

Можно было бы рассмотреть и другие аспекты правовой системы общества, затронутые Владимиром Константиновичем Бабаевым, однако очень сжатые сроки представления материалов, к сожалению, не позволяют мне этого сделать.

¹ См. подробнее: *Бабаев В.К. Законодательная техника // Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2017. С. 425–434.*

² *Гегель Г. Сочинения. Москва, 1934. Т. 7. С. 169.*

Радько Т.Н.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

К вопросу о понятии правовой системы общества

Рассматриваемая проблема настолько актуальна и широка, что отдельные ученые считают ее как бы поглощающей право, то есть, по их мнению, понятие «правовая система» и есть широкое понимание права (П.М. Рабинович и др.), что понятие «правовая система» можно заменить понятием права в широком смысле.

В юридической литературе имеется несколько различных подходов к анализу правовой системы, множество ее определений, начиная с более-менее простых: правовая система – это «система внутренне согласованных и взаимосвязанных правовых элементов, осуществляющих правовое воздействие на общественные отношения»¹, до довольно сложных, например, таких: правовая система – это «явление, интеллектуально вычлененное из правовой действительности, и включает в себя не все правовые феномены, а лишь те, которые непосредственно взаимодействуют с социальным объектом (обществом), обеспечивая возможность социальной объективизации, интернационализации (включая легитимацию) правовых текстов конкретного общества»².

Имеются и вполне понятные, достаточно полные и приемлемые определения правовой системы общества. Так, Н.И. Матузов дает следующее определение правовой системы: «это совокупность

¹ *Шиянов В.А.* Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия: автореф. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 9.

² См.: *Поляков А.В.* Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. Санкт-Петербург, 2003. С. 595.

внутренне согласованных, взаимосвязанных социально однородных юридических средств, с помощью которых государство оказывает необходимое нормативное воздействие на общественные отношения (закрепление, регулирование, охрана, защита)»¹.

Близкое к процитированному определение правовой системы дает В.Н. Карташов. «Правовая система, – пишет он, – это единый комплекс органически взаимосвязанных между собой правовых явлений (права, правосознания, юридической практики и т. п.), с помощью которого осуществляется целенаправленное воздействие на поведение людей, их коллективов и организаций и юридическое обеспечение (обслуживание) разнообразных сфер общественной жизни»².

По мнению Д.М. Азми, внутригосударственная правовая система представляет собой конкретно-историческую совокупность нормативно-правового материала, юридической практики и преобладающего правового менталитета какого-либо суверенного публично-правового образования (государства). Она демонстрирует правовой тип того или иного обособленного социума³.

Заслуживает внимания определение правовой системы, данное В.К. Бабаевым в сложное время развития российской юридической науки (1993 год). Он сформулировал следующее ее определение: правовая система – это совокупность взаимосвязанных, согласованных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, а также элементов, характеризующих уровень правового развития той или иной страны⁴.

Профессор В.Н. Сinyоков характеризует правовую систему следующим образом: «это социальная организация, включающая основные компоненты национальной правовой культуры, право, законодательство, юридическую практику, а также господствующую в стране правовую идеологию (доктрину)»⁵.

¹ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 26.

² Карташов В.Н. Теория правовых систем общества: в 2 т. Т. 1. Ярославль, 2005. С. 49.

³ См.: Азми Д.М. Структура права: теоретико-методологический анализ. Москва, 2010. С. 141.

⁴ См.: Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 85.

⁵ Сinyоков В.Н. Российская правовая система. Москва, 2010. С. 9.

Проблемой правовой системы общества занимаются и зарубежные ученые. Так, Д. Валкер пишет, что правовая система – это «тотальность всех правовых феноменов, существующих в пределах юрисдикции государства или сообщества»¹. Кратко, но по существу правильно. Французский юрист-социолог Ж. Карбонье считает, что понятие «правовая система» позволяет охватить весь комплекс правовых явлений. «Все юридические явления данного общества, существующие в одно и то же время на одном и том же пространстве, взаимосвязаны отношениями общности, которые и объединяют их в систему», – пишет он².

Свою точку зрения о понятии, структуре, развитии правовой системы высказал известный российский ученый профессор М.И. Байтин.

Он считает, что появление в советской юридической науке категории «правовая система» стало определенным компромиссом между сторонниками нормативного и широкого понимания права.

Вместе с тем, по его мнению, идея правовой системы это не широкое понимание права и не конгломерат нормативного и широкого понимания права, а качественно новый подход, учитывающий наиболее рациональные как в нормативном, так и в широком понимании права...

Именно в этом, а не в переходе от конкуренции права к конкуренции правовой системы состоит суть рассматриваемой проблемы³.

М.И. Байтин дает следующее определение понятия правовой системы: это «совокупность внутренне организованных и взаимосвязанных, социально однородных и устремленных, в конечном счете, к общим целям правовых явлений данного общества, каждое из которых выполняет свою специфическую роль в правовом регулировании или выходящем за его пределы правовом воздействии на общественные отношения»⁴.

¹ Цит. по: *Марченко М.Н.* Тенденции развития права в современном мире. Москва, 2015. С. 63.

² *Карбонье Ж.* Юридическая социология. Москва, 1986. С. 177.

³ См.: *Байтин М.И.* Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 183–184.

⁴ См. там же. С. 185.

Определение достаточно полное, но в нем есть преувеличение некоторых элементов, точнее их не совсем адекватная характеристика. В частности, вызывают сомнение такие оценки, как «социально однородные, устремленные к общим целям правовые явления»; поскольку входящее в правовую систему правосознание не всегда является социально однородным в силу как классовых, так социальных противоречий, имеющих в обществе. Насчет мнения об «устремленных к общим целям» также можно возразить наличием в обществе правового нигилизма, норм права, не отвечающих интересам всех слоев общества, и т. д.

К сказанному следует добавить, что употребляемый квалифицирующий признак правовой системы – «однородное явление», встречающийся в некоторых определениях, также вызывает сомнения. Правовая система, состоящая из достаточно большого количества элементов, включает в себя и такие элементы, которые могут быть в своей определенной части «разнородными». В их числе уже упоминавшиеся выше правосознание, отдельные нормы права (устаревшие, не действующие), нарушаемый правопорядок и т. д. На неоднородность правовых систем указывал французский ученый Жан Луи Бержель. Он писал о том, что сложность вопроса о понятии и сущности права проистекает из неоднородности устройства правовых систем в различные эпохи в разных странах¹. Как видим, сомнения относительно целесообразности использования термина «социально однородное явление» при характеристике правовой системы имеются и у зарубежных авторитетных авторов.

На разнородность элементов правовой системы обращает внимание исследователь правовых процессов и систем в праве М.Ю. Осипов. Он предлагает определять правовую систему как сложную, искусственную, гетерогенную, динамическую систему. При этом он поясняет, что гетерогенную потому, что она является разнородной, а искусственную потому, что все ее элементы являются продуктом деятельности людей и в конечном счете зависят от них².

¹ См.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. Москва, 2000. С. 36.

² См.: Осипов М.Ю. Системы в праве и правовые процессы. Москва, 2015. С. 36–37.

Данная точка зрения нуждается в пояснениях. Если с суждением, что правовая система является разнородной, можно согласиться, поскольку она действительно включает в себя напрямую неразрывно не связанные элементы, например правовую идеологию и правопорядок, то с тем, что правовая система – это искусственное правовое явление, согласиться никак нельзя.

Никто из других исследователей не характеризует правовую систему как искусственное образование, а, напротив, все подчеркивают ее объективный характер. И это действительно так. Если попытаться проанализировать все элементы, образующие правовую систему, то нетрудно убедиться, что многие из них никак не могут являться искусственными. Например, система права, правосознание, правовая культура и т. д.

Важность исследования правовой системы для юридической науки хорошо обосновал профессор Н.И. Матузов. «Функционирование такой системы, – пишет он, – сложнейший процесс. Поэтому современная теория права должна подняться на такой уровень обобщения, который позволил бы более глубоко и всесторонне анализировать и оценивать возникшую правовую реальность как целостный феномен как систему. Для этого имеются следующие основания. Во-первых, отдельные компоненты юридической среды (право, правоотношения, правосознание, законность, правопорядок...) уже хорошо изучены. Пришло время синтезировать это в одном понятии – правовая система общества. Во-вторых, возникли новые задачи, в решении которых должны быть задействованы все правовые рычаги, средства, приемы и методы их согласованности, в их единстве, а не в разобленном виде. Только комплексное их использование и применение может дать желаемый результат, обеспечить их эффективность, привести к достижению поставленных целей.

В-третьих, понятие «правовая система общества» дает возможность творчески применить системно-структурный подход к исследованию правовой действительности, использовать сравнительный и другие методы, позволяющие более глубоко проникнуть в сущность, содержание и особенности такого широкого феномена, как правовая система общества, обеспечить его системное видение»¹.

¹ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории и права. Саратов, 2004. С. 98.

Появление в юридической науке категории «правовая система» многими учеными было оценено положительно, так как им казалось, что она позволяет преодолеть барьер, разделивший сторонников широкого и узкого (нормативного) понимания права.

С.С. Алексеев, рассматривая соотношение понятий «право» и «правовая система», пришел к выводу, что понятие «правовая система» может охватить собой не только нормативность права, но и связанные с ним близкие явления правовой действительности, то есть позволяет подойти к пониманию права с широких позиций¹.

В коллективной монографии «Правовая система социализма» утверждалось, что, «поскольку наличный аналитический материал уже не укладывается в существующие теории, потребность синтеза необходимо ведет к новой теории (понятию), более адекватно обобщающей данные анализа»². Ясно, что за этими абстрактными научными словами кроется идея отказа от узконормативного понимания права и подразумевается необходимость характеристики права как правовой системы, о чем свидетельствует название самой работы.

Н.И. Матузов также посчитал, что для более широкого понимания права «нужно ввести новую категорию и пользоваться ею в указанных целях: такой категорией, по его мнению, может стать понятие “правовая система”»³. Но при этом он считал, что нет необходимости заменять концепцию права концепцией правовой системы: «концепция права должна стать составной частью концепции правовой системы как более широкой и многоаспектной». Здесь Н.И. Матузов прав.

Но вот дальше его мысль о том, что концепция права «должна слиться» с концепцией правовой системы, вызывает возражение. Слиться – значит исчезнуть. Но этого не желает сам автор, поскольку несколькими строками выше он писал: «Право в значительной степени определяет сущность, социальную природу правовой системы, но с ней не сливается»⁴. Вообще трудно представить себе ситуацию: право и правовая система не объединяются

¹ См.: Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 31.

² См.: Правовая система социализма: в 2 кн. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи. Москва, 1986. С. 31–32.

³ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 12–13.

⁴ Там же. С. 12.

в одно целое, а концепции права и правовой системы сливаются? Н.И. Матузов в данном случае отступает от своей правильной идеи о том, что право и правовая система – разные правовые реальности, у каждой из них свои качественные признаки.

Нельзя не обратить внимание на одно важное обстоятельство в определениях правовой системы зарубежными учеными. Они не акцентируют внимание на том, что правовая система непосредственно связана с государством или что государство должно присутствовать в ней. Российские же ученые постоянно в своих определениях упоминают государство. Правда, есть и исключения. Так, профессор М. Байтин определяет правовую систему «как совокупность внутренне организованных и взаимосвязанных социально однородных и устремленных, в конечном счете, к общим целям правовых явлений данного общества, каждое из которых выполняет свою специфическую роль в правовом регулировании или выходящим за его пределы правовым воздействием на общественные отношения»¹. Приведенное определение правовой системы более точно отражает ее сущность, поскольку в нем она характеризуется как феномен самостоятельный, имеющий свое собственное качество, позволяющее ему в какой-то мере существовать вне связи с государством и, соответственно, включать в себя и негосударственные правовые институты.

Близкой к анализируемому понятию правовой системы, данному М.И. Байтиным, была ее характеристика, изложенная ранее в коллективной монографии «Правовая система социализма» (1986 год). Понятие «правовая система», – пишут ее авторы, – «дает возможность не только охватить собой весь комплекс правовых явлений, но и представить в системах связи организацию и взаимодействие всего правового как особого феномена нашей общественной жизни»².

Как видим, здесь правовая система рассматривается с довольно широких позиций, как особый феномен негосударственной, общественной жизни. И это подтверждается реальной практикой.

¹ См.: *Байтин М.И.* Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2007. С. 185; *Правовая система социализма: в 2 кн. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи.* Москва, 1986. С. 185.

² *Правовая система социализма: в 2 кн. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи.* Москва, 1986. С. 32.

Например, права граждан, в том числе и участников правоотношений, если рассматривать их в правовой системе общества, могут защищаться и негосударственными организациями, отдельными структурами общества – профсоюзами, обществами защиты прав потребителей, организациями адвокатов, средствами массовой информации, наконец, свои права могут защищать сами граждане в рамках закона (самозащита закреплена в Конституции Российской Федерации).

Не является институтом государства и такой важный элемент правовой системы общества, как правовая идеология. Следует согласиться с К. Осаке в том, что «под правовой идеологией понимаются те основополагающие философские принципы права, которые регулируют политические, экономические и социальные отношения в обществе. Правовая идеология охватывает три вида идеологии – социальную, политическую и экономическую. Они отражаются в общих принципах права»¹.

К. Осаке не случайно связывает правовую идеологию с принципами права, поскольку они имеют определенную самостоятельность по отношению к государству. По крайней мере государство в своей правотворческой и правоприменительной политике должно следовать таким принципам, как гуманизм, справедливость, целесообразность, законность, а неназванные принципы должны идти вслед за государством, ждать их признания государственной властью. На это обращал внимание еще русский дореволюционный ученый А.С. Алексеев, который считал, что предписания власти «становятся живыми законами лишь постольку, поскольку в них живы принципы и требования, предсказанные законодателю тем правовым сознанием, органом которого он является»².

В процессе исследования и изучения правовой системы общества необходимо учитывать, что в юридической науке имеется близкая к ней правовая реальность – система права. Их необходимо различать, это разные правовые реальности.

¹ Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах. Москва, 2002. С. 34.

² Алексеев А.С. Начало верховенства права. Современное государство. Вопросы права. Кн. 2. Москва, 1910. С. 12.

Шафиров В.М.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия

Теоретическое наследие профессора В.К. Бабаева и современные проблемы права. Некоторые аспекты

Профессор Владимир Константинович Бабаев – человек с большой буквы, сильная личность, дальновидный и эффективный руководитель, педагог-новатор. Благодаря своему блестящему таланту он был и остается в нашей памяти и как выдающийся ученый-правовед, посвятивший свою жизнь исследованию фундаментальных и прикладных проблем теории права и государства. Сам факт, что он являлся выпускником Уральской научной школы, говорит о многом. Ведь ее основатель – великий ученый член-корреспондент РАН, профессор С.С. Алексеев. Все знают высочайшую требовательность Сергея Сергеевича к себе и своим ученикам. Главные его требования – неиссякаемое трудолюбие, увлеченность наукой, самостоятельность мышления, стремление к новому. Профессор В.К. Бабаев – один из ярких учеников С.С. Алексеева.

Как у большинства юристов советского времени, научное мировоззрение Владимира Константиновича закладывалось в рамках теории юридического позитивизма, ее важнейшего направления – нормативной школы правопонимания. Это довольно жесткий (государствоцентристский) подход, который сформировал строгий чисто внешний, обязательно-принудительный образ права. Но для новатора, каким всегда был Владимир Константинович, это не было преградой. Уже в те далекие от нас сейчас годы он думал

о будущем права, правовых явлений. Многие значимые положения и выводы его концепции выходили за границы устоявшихся при советском социализме представлений о правовой действительности. Поэтому теоретическое наследие профессора Бабаева сегодня современно и актуально. В кратком выступлении невозможно остановиться на всех его аспектах. Я выбрал лишь некоторые.

1. В 1986 году В.Н. Кудрявцев, А.М. Васильев и В.П. Казимирчук выступили с обращением к ученым о важности возрождения идеи многоаспектного правопонимания. Они писали, что необходимо «...восстановить на более широкой теоретической основе расчлененное анализом единство всех правовых сторон, с помощью синтеза представить право как целое, показав суть взаимодействия его сторон, место и меру каждой из них. В этом, как представляется, состоят задачи и смысл современного правопонимания»¹. Профессор В.К. Бабаев в числе первых немногочисленных ученых поддержал и развил эту идею. В частности, он писал, что десятилетняя дискуссия о праве в нашей юридической науке выявила три основных подхода к определению его понятия: а) нормативный (нормативное или так называемое узкое понимание права); б) социологический; в) философский². Это стало важным шагом для обоснования и углубления в последующем того, что ни одна из теорий в отдельности не дает, да и объективно не может дать полного и всестороннего представления о праве. Разные концепции права во многих аспектах совместимы, ибо совместимы отображаемые ими различные стороны права. Так был заложен фундамент современного интегративного понимания права.

2. Как известно, в нормативной школе права место и роль личности, ее прав были принижены. Во многом это объяснялось негативным отношением юридического позитивизма к идее естественных прав. Владимир Константинович предлагает в целях более объективного выявления природы, сущности, признаков права вернуться к дореволюционным работам отечественных правоведов, проводящих деление права на естественное и позитивное.

¹ Правовая система социализма: в 2 кн. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи. Москва, 1986. С. 28–29.

² См.: Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 112.

«Естественное право... – это совокупность прав и свобод, обусловленных природой человека, его проживанием в обществе... Позитивное (положительное право) – это право, выраженное в принятых государством нормах, то есть в законодательстве, а также иных источниках права»¹. Деление права на естественное и позитивное, по мнению профессора В.К. Бабаева, позволит снять противостояние в юридической науке, ибо идея естественного и позитивного права четче, полнее и убедительнее теоретически и целесообразнее, конструктивнее в практическом отношении. Данный подход нашел свое воплощение при построении теоретической и нормативной модели Конституции Российской Федерации 1993 года. В ней были использованы не только положения юридического позитивизма, но и естественного права. Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Это сформулировано следующим образом: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (статья 18); «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (статья 2). Конституционная концепция правопонимания имеет четко выраженный интегративный (естественно-позитивный) характер².

3. Следуя своей логике (деление права на естественное и позитивное), профессор В.К. Бабаев предлагает следующую дефиницию: «Право – это система нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой справедливости и свободы, выраженная большей частью в законодательстве и регулирующая общественные отношения»³. Достоинства данного определения права представляются в следующем. Во-первых, оно не является «узконормативным», или право не сводится к системе одних норм; во-вторых, в основе права лежат идеи справедливости и свободы; в-третьих, в нем право связывается с человеком;

¹ Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 112.

² См.: *Шафиров В.М.* Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 2.

³ Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 113–114.

в-четвертых, нет традиционного признака – обеспечивается государственным принуждением. Это не отказ от государственно-принудительного воздействия, а констатация факта, что обеспеченность права не отождествляется с ним.

4. Нельзя не сказать о таком важнейшем положении Владимира Константиновича, как несводимость права к нормам. В частности, в журнале «Советское государство и право» в 1979 году (более 40 лет назад!) он утверждал: «Определение понятия права как системы норм представляется несколько узким. Существуют предписания, не укладывающиеся в понятие юридической нормы. Сюда относятся положения... закрепляющие принципы... права, определяющие основные правовые понятия, временные, пространственные и субъективные пределы действия юридических норм и т. д.»¹. По существу, это признание того, что право как нормативная регуляция не сводится к нормам или к их системе. Юридическая норма есть одно из ее проявлений, один из носителей важнейшего свойства права – нормативности. Были названы другие регуляторы поведения: принципы права, правовые понятия и т. д. Одновременно был поставлен вопрос о целесообразности разработки комплекса первичных элементов системы права. В эпоху тотального материалистического позитивизма это был довольно смелый научный шаг.

5. Отдельно следует отметить значимые для науки и практики суждения Владимира Константиновича о принципах права, а именно о классификации принципов права на генеральные (справедливости и свободы) и общеправовые (законности, гуманизма, взаимной ответственности государства и личности и др.). А кроме того, о том, что принципы права, наряду с юридическими нормами, способны регулировать общественные отношения. Они не только определяют общие направления правового воздействия, но и могут быть положены в обоснование решения по конкретному юридическому делу².

6. В отечественной теории юридического позитивизма распространён взгляд на норму независимо от того, устанавливает она

¹ О понимании советского права: материалы «круглого стола» // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 59.

² См.: *Бабаев В.К.* Теория современного советского права. Нижний Новгород, 1991. С. 24.

дозволение, обязывание, запрет, как о правиле должного поведения. Так, Н.М. Коркунов писал: «...Юридические нормы, как и все вообще нормы, суть правило должного и в этом смысле веления. Будучи правилом должного, они не могут дозволять, определять, описывать, а всегда повелевают, всегда указывают, что и как должно быть сделано для разграничения сталкивающихся интересов»¹. Есть сторонники такой позиции среди современных ученых. Это логично приводит к умалению прав, допустимости отождествления прав и обязанностей и даже к отрицанию дозволительных правил поведения. Профессор В.К. Бабаев был последовательным сторонником обособления среди регулятивных норм самостоятельной разновидности – управомочивающей нормы².

7. Огромен вклад профессора В.К. Бабаева в создание доктрины юридических презумпций. Он определил презумпцию как «...предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом»³. Это определение, сконструированное еще в 1974 году, выдержало проверку временем и получило широкую поддержку. Существенным свойством, присущим презумпциям, является их предположительный характер. Презумпция – это обобщение не достоверное, а вероятное. Однако степень их вероятности очень велика, поскольку основывается на обобщении достаточно большого количества случаев⁴, это и позволяет осуществить тот или иной выбор, который будет верен в отношении всех обобщенных случаев. И чем выше доля вероятности имеющихся предположений, тем сильнее будет проявляться

¹ Цит. по: Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Хрестоматия: учебное пособие. Москва, 1998. С. 520. Аналогичную точку зрения можно найти у Г.Ф. Шершеневича. По его мнению, требование норм исчерпывается приказами и запретами, а поэтому «дозволительная форма не совместима с повелительным содержанием закона» (см: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Москва, 1911. Вып. 2. С. 393).

² См.: Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина и В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 169–170.

³ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 14.

⁴ См.: Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 325.

регулятивная энергия презумпций. Количество презумпций в законодательстве крайне велико, ибо ни одна отрасль права без них не обходится¹. Особо значима роль в регулировании правоотношений общеправовых презумпций.

Отдельно хочется отметить разработку видов презумпций. Ранее в науке упор делался на изучение предположений, прежде всего, в сфере должного поведения. Профессор В.К. Бабаев, опираясь на положения и выводы разработанной им теории презумпций, представил комплекс управомочивающих презумпций (презумпции правомерности незапрещенного, добропорядочности и т. д.).

Общая теория презумпции, предложенная профессором В.К. Бабаевым, легла в основу разработки презумпции относительной беспробельности права². Данная презумпция содержит предположение о возможности установления прав и обязанностей при неполноте правового регулирования, в частности из-за отсутствия нормы. Другими словами, презумпция относительной беспробельности права, подтверждая факт наличия неполноты в законодательстве, одновременно обращает внимание на то, что отношение находится в сфере правового регулирования. Тем самым у субъектов реализации и формируется установка на поиск сходных норм, обращение к нормативным обобщениям (принципам, дефинициям, презумпциям права), то есть на решение вопроса по существу. Это позволяет уйти от неконструктивной, неработающей и дезориентирующей практику фикции «аналогия права». Презумпцию относительной беспробельности права следует применять во всех ситуациях, как урегулированных конкретными нормами (включая и сходными), так и неурегулированных ими.

8. В заключение приведу злободневное не только для правовой науки и практики, но юридического образования методологически ценное высказывание профессора В.К. Бабаева: «Верное понимание права не только определяет перспективы и направления развития юридической науки и ее эффективность, но и вооружает юриста-

¹ См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 328.

² См.: *Шафиров В.М.* Проблема пробелов в праве и современное (интегративное) правопонимание // Российское правосудие. 2012. № 10. С. 10–11.

практика надежным и точным средством правоприменительной и правоохранительной деятельности. Не зная, что такое право, бессмысленно вести речь о его правильном применении, законности, юридической ответственности»¹. Да, для тех, кто занят подготовкой юристов с высшим профессиональным образованием, есть над чем задуматься. К сожалению, в образовательном процессе довольно устойчивые позиции занимает позитивное (часто узконормативное) видение права, как в общей теории права и государства, так и в отраслевых дисциплинах. Студентов часто учат лишь установлению формального соответствия фактов действительности юридическим нормам. Ведь думать о высоких материях (справедливости, равенстве, гуманизме) – не задача специалистов в области юриспруденции. Им надо решать в строгом соответствии с нормами конкретные многочисленные дела. Тем более что формально решить дело проще (это допустимо, законно), чем заниматься его содержательной стороной. Поэтому изучение таких нормативных регулятивных средств, как принципы, цели, презумпции права и т. д., которые требуют решать по-человечески, происходит поверхностно. И это притом, что в Конституции Российской Федерации прямо записано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (статья 2); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими»; они «...определяют смысл, содержание и применение законов...» (статья 18).

Под воздействием формального позитивного правопонимания в юридических образовательных организациях высшего образования стала развиваться узкая специализация (в советское время вузы готовили универсального юриста, как сейчас, например, в Германии), приоритет отдается обучению навыкам, деятельности, а не фундаментальным знаниям. И, как следствие, во многих высших школах отменены обязательный государственный экзамен по теории государства и права для бакалавров, обязательный ранее курс «Актуальные проблемы юридической науки и практики» для магистров. Данное обстоятельство не может не сказаться на качестве подготовки студентов. Понижение роли теоретических знаний в пользу формирования навыков, умений (обучение деятельности) ведет к подготовке в основном посредственных ремесленников,

¹ Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 112.

способных, не особенно задумываясь, выполнять требуемый по шаблону набор действий. В этом видится слепое копирование не всегда удачных образцов зарубежного образовательного опыта.

Прикладная составляющая в образовании укрепляться и развиваться, безусловно, должна, но только на базе фундаментальных знаний. Важно понимать, что не только знания, но и конкретные навыки и умения в условиях современных технологий быстро теряют свою актуальность, устаревают. Отсюда невозможно «заточить» заранее выпускника на все детали конкретной юридической деятельности (как просят работодатели). А вот дать будущему юристу фундаментальные знания и научить его их непрерывно добывать и обновлять, а также творчески применять – это главная задача образовательных организаций высшего образования, которые должны убеждать в этой своей миссии работодателей, с их участием побуждать студентов к качественной учебе. Только специалисты, нестандартно, глубоко, широко и разносторонне мыслящие, разбирающиеся не только в узкоотраслевых вопросах, но и в вопросах, находящихся на стыках различных отраслей права, понимающие право в целом, будут способны решать самые сложные социально-правовые задачи в интересах личности, общества и государства. В противном случае всех тех, кто не способен действовать созидательно, в недалекой перспективе заменит искусственный интеллект. С ним в работе по алгоритму, трафарету соревноваться невозможно. Робот выполняет в таком режиме задачи в разы быстрее, качественнее и точнее.

Конечно, мною представлена лишь малая часть идей, положений из обширного теоретического наследия профессора В.К. Бабаева. Его учение о праве, других правовых явлениях многогранно, и немало того, что нам еще предстоит узнать, открыть. И это не удивительно, поскольку интеллектуальная составляющая трудов профессора В.К. Бабаева глубока.

Ученый жив, если его труды побуждают к размышлениям, дискуссиям, инновациям как теоретиков, так и практиков. Тому подтверждение и наша конференция, проходящая в непростой ситуации из-за коронавируса в стране. Нас собрал выдающийся ученый, отечественный классик в области теории права и государства – профессор Владимир Константинович Бабаев, имя которого, безусловно, навсегда вошло в золотой фонд отечественной юридической науки.

Кодан С.В.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета

**Преимственность в исследовательских практиках
изучения истории политических и правовых учений
1970–2010-х годов¹**

Проблемы исследования преимущественности достаточно давно и хорошо отрефлексированы в юридической науке. В изучении этого явления особое место занимает творческое наследие В.К. Бабаева. Именно им как теоретиком и методологом были определены принципиально важные подходы к изучению преимущественности в сфере юриспруденции. В.К. Бабаев обращает внимание на то, что «преимственность в праве – заимствование правом того или иного государства положений прошлых либо современных ему правовых систем», которое обеспечивает «сохранение старого положительного, ценного, того, что необходимо для прогрессивного развития»². Именно этот аспект места и роли преимущественности в юриспруденции и задает направленность данного доклада, посвященного вопросам преимущественности в изучении истории политических и правовых учений.

Преимственность в изучении политических и правовых учений как исследовательская проблема опирается на ряд отправных положений, связанных с изучением этого явления в социогуманитаристике

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

² *Бабаев В.К.* Преимственность в праве // Теория государства и права. Лекции. Москва, 2006. С. 133.

и юридической науке, которые мною уже рассматривались¹. В рамках данного доклада считаем необходимым акцентировать внимание на месте, роли и значении преемственности как многоаспектного познавательного инструмента в изучении истории политических и правовых учений через призму исследовательских практик в позднем советском и постсоветском правоведении в 1970–2010-е годы.

1. Преемственность как инструмент изучения истории политических и правовых учений необходимо рассматривать в русле ее общего понимания в социогуманитаристике и значения как познавательного средства для всех наук социально-гуманитарного профиля, включая и юриспруденцию. В контексте исследования развития политико-правовой мысли в общем плане преемственность выступает как «связь между различными этапами или ступенями развития как бытия, так и познания, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы»² и «выражает неразрывность всего познания действительности как внутренне единого процесса смены идей, принципов, теорий, понятий, методов исследования. При этом каждая более высокая ступень в развитии науки возникает на основе предшествующей ступени с удержанием всего ценного, что было накоплено раньше, на предшествующих ступенях»³. Через ее использование во всех научных дисциплинах обеспечивается передача научной юридической информации во времени от одного поколения к другому, что является во многом определяющим фактором и создает условия для развития науки как в целом, так и на уровне ее научно-дисциплинарных направлений и отдельных проблемных пространств.

¹ См.: *Кодан С.В.* Исторический подход в изучении преемственности и новаций в юридической политике Российского государства (XIX – начало XX в.) // *Юридическая техника: Ежегодник.* 2011. № 5. С. 226–233; *Его же.* Преемственность в юридическом источниковедении // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс.* 2019. № 3. С. 85–94.

² *Баллер Э.А.* Преемственность в развитии культуры. Москва, 1969. С. 15.

³ *Кохановский В.П.* Философия и методология науки: учебник. Ростов н/Д, 1999. С. 85.

На место и роль преемственности и ее многоаспектность в юриспруденции обратил внимание болгарский правовед Нено Неновски в исследовательских практиках еще в 1970-е годы, подчеркнув, что «проблема преемственности в юридической науке имеет многие и весьма специфические стороны», и определив своеобразную модель использования ее инструментальных возможностей. Он пишет: «Изучение преемственности юридической науки может проводиться с таких точек зрения: а) связей, существующих между нею и другими формами общественного сознания – идеологическими (философия, мораль, религия и др.) и неидеологическими (естественные науки), – в этом случае обнаруживать, насколько отрицание и преемственность в указанных формах будут проявляться (находить выражение) как отрицание и преемственность в юридической науке; б) ее тесной связи с идеологической борьбой и движениями в данной эпохе, которые со своей стороны отражают социальную борьбу и движения; в) ее связи с экономикой, то есть учитывается, что в значительной своей части юридическая наука, в отличие от философии и религии, стоит ближе к экономической основе общества; г) внутренней дифференциации юридической науки, то есть учитывается специфика преемственности в отдельных отраслях науки (общетеоретические юридические науки, отраслевые юридические науки и пр.); д) связи между юридической наукой и отдельными элементами структуры ее предмета (правосознание, законодательная техника и др.), то есть учитываются процессы отрицания и преемственности в этих элементах; е) национальных традиций и культурного наследия в области самой юридической науки»¹.

Актуальность использования преемственности в познавательных практиках в юриспруденции «имеет принципиальное, методологическое значение» и «может быть рассмотрена в рамках гносеологии права – разделе философии права, в котором исследуются особенности процесса познания в сфере права, основные этапы, уровни и методы познания в праве, проблема истины в праве, а также правовая практика как критерий правовых

¹ Неновски Н. Преемственность в праве. Москва, 1977. С. 160–161.

истин», – справедливо отмечает С.В. Липень¹. Он также справедливо указывает на «правомерность исследования преемственности юридического научного знания, значительный познавательный потенциал данной категории для выявления закономерностей развития политико-правовых идей, формирования современных теоретических представлений о государстве и праве»² и отмечает, что в изучении преемственности «правомерно вести речь о трех направлениях: о преемственности между дореволюционной российской юриспруденцией и юридической наукой советского времени; о преемственности между юридической наукой 20-х – 80-х гг. XX в. и современной юридической наукой; о преемственности между российской дореволюционной и современной юридической наукой»³.

В современных условиях складывается ситуация, когда преемственность обеспечивает рассмотрение развития юридической науки как длящегося во времени процесса, обеспечивающего трансляцию научного знания в сфере юриспруденции как в целом, так и отдельных научных дисциплинах. В число последних в блоке историко-теоретических наук свое специфическое место занимает и история политических и правовых учений.

2. Преемственность в предметной сфере истории политических и правовых учений имманентно связана с дуализмом ее исследовательской направленности и, относясь к группе историко-теоретических юридических дисциплин, сочетает преемственность в историческом и теоретическом подходах к ее изучению. Указанная научная дисциплина имеет свой «специфический предмет – история возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве, история политических и правовых учений, история теорий права и государства», –

¹ Липень С.В. Наступність юридичного наукового знання як методологічна проблема // Право України. 2011. № 8. С. 116.

² Липень С.В. Преемственность в развитии юридической науки как аспект общей проблемы преемственности в праве // Юридическая техника: Ежегодник. 2011. № 5. С. 297.

³ Липень С.В. Проблемы периодизации российской правовой науки и преемственности юридического знания // Lex Russica. Закон русский. 2012. № 6. С. 1184.

указывает В.С. Нерсисянц¹. О.Э. Лейст также акцентирует внимание на исторической и теоретической составляющих науки и пишет: «Предметом истории политических и правовых учений являются теоретически оформленные в доктрину (учения) взгляды на государство, право, политику»².

Исторический подход в изучении преемственности в плане ее инструментального значения в исследовании политических и правовых учений обеспечивает передачу в социальной сфере жизнедеятельности общества оформленной на доктринальном уровне и зафиксированной в источниках информации о взглядах отдельных мыслителей на политику, государство и право. Преемственность в исторической проекции опирается на *идеи историзма* в исследованиях относительно развития политико-правовой мысли в проекциях прошлого, настоящего и будущего, поскольку «историзм» в общеполитическом плане выступает как «принцип познания вещей и явлений в их становлении и развитии, в органической связи с порождающими их условиями»³. Реализация принципа историзма в исследованиях в социогуманитаристике обеспечивает своеобразную «связь времен», поскольку «настоящее не сможет быть до конца познано без обращения к прошлому. Однако в равной мере его нельзя постичь и без обращения к будущему, то есть без знания элементов будущего в настоящем», – подчеркивает М.А. Барг⁴. Определяя значение принципа историзма в качестве одного из основополагающих начал в изучении развития политико-правовой мысли, В.С. Нерсисянц подчеркивает: «в соответствии с принципом историцистической связи времен (прошлого, настоящего и будущего) история – это не просто прошлое, но также настоящее и даже будущее (исторически определяемое), специфический синтез времен, согласно которому все человеческое бытие есть историческое бытие. История, таким образом,

¹ См.: *Нерсисянц В.С.* История политических и правовых учений: учебник: в 2 т. Т. 1. Москва, 2018. С. 14.

² *Лейст О.Э.* Предмет истории политических и правовых учений // История политических учений: учебник / под ред. О.Э. Лейста, В.А. Томсинова. Москва, 2009. Гл. 1. С. 2.

³ *Давыдова Г.А.* Историзм // *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. Москва, 2001. С. 223.

⁴ См.: *Барг М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. Москва, 1987. С. 24.

предстает как арена, перспектива и горизонт всей человеческой практической и теоретической деятельности». Он также указывает на то, что принцип историзма, исторический подход и преемственность оказывают влияние на развитие политико-правовой мысли и подчеркивает, что «взгляды тех или иных мыслителей на историю и историзм, своеобразии трактовки ими содержания и характера связи времен, смысла преемственности между прошлым, настоящим и будущим существенно сказываются на их философско-мировоззренческих, идейно-теоретических и политико-правовых взглядах, на всем их учении в целом»¹.

Теоретический подход к изучению преемственности в исследовании политических и правовых учений показывает систему взаимоотношений между данной дисциплиной и теорией государства и права. Эту проблему весьма рельефно обозначил В.С. Нерсесянц, который считает, что только в свете принципа историзма (в том или ином понимании) простая хронологически-временная смена различных доктрин и концепций приобретает характер истории учений и исторической связи развивающегося теоретического знания, а история политических и правовых учений выступает как «своеобразная автономная часть современных теоретических представлений о государстве, праве, политике и т. п. Политико-правовые учения прошлого играют существенную роль в качестве теоретической предпосылки современного политико-правового знания и его дальнейшего развития»². Не менее важным моментом является в изучении генезиса теоретического знания в юриспруденции и значение истории политических и правовых учений, поскольку она, по мнению В.Г. Графского, выступает как «история развития воззрений и знаний о государстве, праве, политике и одновременно их критическое осмысление. Путем исследования политико-правовых взглядов в их генезисе, содержании и последующих толкованиях она тем самым восстанавливает сложный и противоречивый процесс становления общих теорий государства и права»³.

¹ Нерсесянц В.С. Политические учения в их историческом движении и связи с современностью // Политические учения: история и современность. До-марксистская политическая мысль. Москва, 1976. С. 68–69.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 68.

В.М. Сырых подчеркивает, что история политических и правовых учений в свою предметную сферу включает «закономерности формирования и развития научного правового сознания о государстве и праве на всем протяжении истории человеческого общества», но «особенность этой науки состоит в том, что в ней общий теоретический анализ сочетается с конкретно-историческим. Если теория государства и права и история государства и права исследуют свой предмет с применением одного метода – теоретического либо исторического, – то история политических и правовых учений призвана раскрывать свой предмет не только в абстрактной, теоретически последовательной форме, но и в конкретно-исторической форме. В рамках этой историко-теоретической науки политические и правовые учения рассматриваются прежде всего с конкретно-исторических позиций»¹.

В.В. Лазарев, отмечая связь истории политических и правовых учений с генезисом теоретических положений о политике, государстве и праве, считает, что данную научную дисциплину «можно рассматривать как историю теории государства и права»². При этом весьма важным является замечание Д.И. Луковской, что «история знаний о праве в его взаимосвязи с государством, история политических и правовых учений является прежде всего рефлексией (саморефлексией) современного общетеоретического правоведения... В целом можно сказать, что любая значимая теоретическая проблема раскрывается и как историческая проблема, как история конструирования понятий, зарождения и “вращения” идей, концепций и т. д.». Она также обращает внимание на то, что «в структуре науки истории политических и правовых учений, по аналогии со структурой теории государства и права, можно выделить следующие направления исследований (исследовательские программы): историю политических учений и историю учений о праве; историю философии права (и государства); историю социологии права (и государства); историю теории позитивного права (теории законодательства).

¹ *Сырых В.М.* История и методология юридической науки: учебник. Москва, 2012. С. 114–115.

² *Лазарев В.В.* Курс истории политических учений: значение, предмет и метод // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 243.

Кроме того, в структуре истории политических и правовых учений существует в качестве самостоятельного направления исследований ее историография, то есть история изучения (интерпретаций) идей и теорий прошлого, исторических этапов их становления и развития и т. д.»¹.

Сравнительно-исторический подход в изучении преемственности позволяет исследовать политико-правовую мысль во времени, что дает возможность историку (в нашем случае юристу-историку) показать, как отмечает И.Д. Ковальченко, «сущностное состояние и функционирование объектов познания в определенные временные моменты и на определенном социальном пространстве, то есть он, как правило, изучает некое “прошедшее настоящее”». Процесс же развития раскрывается чаще всего через анализ состояния объекта в различных временных срезах»². Таких срезов в инструментальном плане можно выделить три. *Диахронический срез* позволяет исследовать процессы генезиса политико-правовой мысли в динамике и в их хронологической последовательности ее возникновения и развития. Посредством него «анализируются политико-правовые учения мыслителей, начиная с глубокой древности и заканчивая современной эпохой»³, а «исторический подход выступает при этом в качестве средства для адекватного понимания и оценки как прошлого, исторически-определенного значения политического содержания освещаемых учений, так и их подлинной современной роли»⁴. *Синхронический срез* позволяет понять место учения в определенном времени и правильно оценить конкретно-исторический характер отдельного учения. Он служит «для уяснения роли и назначения концептуально оформленных политических и государственно-правовых теорий в совокупной системе

¹ Луковская Д.И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // Правоведение. 2007. № 3. С. 202–203.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. Москва, 2003. С. 157.

³ Мачин И.Ф. Предмет истории политических и правовых учений // История политических и правовых учений: учебник / под ред. М.Н. Марченко. Москва, 2012. С. 11.

⁴ Нерсесянц В.С. Политические учения в их историческом движении и связи с современностью // Политические учения: история и современность. До-марксистская политическая мысль. Москва, 1976. С. 85.

знаний той или иной эпохи»¹. *Дискретнохронический срез* позволяет выявить временные рамки, в течение которых происходили разрывы преемственных связей в востребованности и развитии отдельных учений, которые в силу различных причин не оказались востребованы современниками или в определенных идеологических и политических условиях были запрещены для использования в практиках государственно-правового характера, но в новых социально-политических условиях были актуализированы и получили новое звучание. Через его посредство можно обратиться к «историческому опыту, использованию исторических знаний о государстве и праве, а следовательно, к их историческим судьбам»².

3. Преемственность в изучении политических и правовых учений в контексте правового наследия выступает как механизм обращения к накопленной в прошлом государственно-правовой информации самого различного характера. В.Н. Карташов, рассматривая вопросы места и роли преемственности в обращении к правовому наследию, справедливо подчеркивает, что «соотношение указанных... юридических явлений и категорий имеет существенное методологическое значение, особенно в условиях перехода от одного этапа развития общества к другому, глубокого реформирования экономической, политической, социальной, управленческой, духовной и правовой (судебной и т. п.) систем общества. Особенно актуальны вопросы эффективного использования правового наследия, проблема искоренения негативных явлений и процессов (юридической антикультуры), сохранения и преемственности в правовой системе всего того, что служит защите прав и интересов людей, их коллективов и организаций, правовому и социальному прогрессу в целом»³.

Преемственность в изучении правового наследия позволяет обратиться к массиву исторически накопленной государственно-правовой информации, которая, по определению В.Н. Карташова,

¹ *Нерсесянц В.С.* Политические учения в их историческом движении и связи с современностью // Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. Москва, 1976. С. 85.

² *Графский В.Г.* Заключение // Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. Москва, 1976. С. 495.

³ *Карташов В.Н.* Преемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования // Юридическая техника: Ежегодник. 2011. № 5. С. 11.

в правовой системе общества выступает как «вся совокупность юридических явлений, отношений, состояний, результатов деятельности и опыта, доставшихся национальной правовой системе конкретного общества (региона и т. п.) от прошлых этапов и периодов общественного развития» и содержит в своем составе три части: (1) «достижения правовой культуры»; (2) «юридический опыт прошлого»; (3) «остатки старых правовых институтов, явлений, форм и т. п.»¹. При этом в каждой из указанных частей правового наследия в той или иной форме присутствуют идеи, положенные в основу сохранившегося наследия и позволяющие реконструировать их как идеологические основания политики и государственно-правового развития на различных этапах истории.

Преемственность как средство обращения к наследию в сфере политико-правовой мысли опирается на всемирную историю политических и правовых учений, которая, подчеркивает В.С. Нерсесянц, выступает как «одна из важнейших составных частей духовной культуры человечества. В ней сконцентрирован громадный политико-правовой опыт прошлых поколений, отражены основные направления, вехи и итоги предшествующих исследований проблем свободы, права, законодательства, политики, государства»². При этом само политико-правовое наследие как отражение системы идей, взглядов и представлений о политике, государстве и праве, теоретически оформленных в доктрину, представлено в различных формах изложения – философских сочинениях, теоретических трактатах, политических памфлетах, конституционных проектах и др. Все они выступают продуктом творческой мыслительной деятельности человека и являются источником изучения истории политических и правовых учений. Обращение к классическому наследию политико-правовой мысли предполагает обеспечение через преемственность диалогичность прошлого и настоящего в юриспруденции и использование опыта в решении современных проблем. И.Л. Чеснов по этому поводу справедливо отмечает, что «адекватное

¹ Карташов В.Н. Преемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования // Юридическая техника: Ежегодник. 2011. № 5. С. 11–12.

² Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений: учебник: в 2 т. Т. 1. Москва, 2018. С. 9.

прочтение классика – это соотнесение «антикварного» погружения в прошлое (как биографическое, так и социокультурного окружения автора) с настоящим (возможной востребованностью идей автора современной наукой, включая ее «передний край»). Тем самым возникает диалог (как научный метод) прошлого и настоящего, историзма и актуализма. При этом позиция сегодняшнего дня (актуализм) задает приоритет в восприятии наследия классика, так как вопрос к нему задается из современности»¹.

Преимственность в изучении научного юридического наследия является одним из приоритетных направлений в современной юриспруденции. На это обращает внимание В.М. Сырых: «Ценную информацию содержат исследования истории правовой науки и биографические описания деятелей ученых-правоведов, внесших весомый вклад в ее развитие. Благодаря такой информации обеспечивается бережное отношение современного научного сообщества к достижениям правовой науки на ее начальных этапах, сохраняется преемственность различных поколений ученых, происходят накопление и совершенствование лучших традиций в организации и деятельности научных сообществ, учреждений и организаций»². Публикации произведений отечественных правоведов в обеспечении преемственности в юридической науке в последние десятилетия стали одним из главных направлений и базой для осмысления развития юридической науки. Издание научных трудов российских юристов, многие из которых десятилетия находились на полках «спецхранов» библиотек и закрытых фондов архивных хранилищ, обеспечивает достаточно широкие возможности обращения к юридическому наследию не только как к сокровищнице политической и правовой мысли, но и базе для современного его критического осмысления и использования в исследовательских практиках. В этом отношении большое значение имеет переиздание трудов российских юристов в рамках серии «Русское юридическое наследие» под редакцией профессора В.А. Томсинова, каждый из томов которой сопровождается биографической статьей и анализом творческого наследия автора,

¹ Чеснов И.Л. История и методология юридической науки: учебник. Москва, 2019. С. 92–93.

² Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. Москва, 2012. С. 132.

ряд из которых объединен в отдельное издание и представляет развитие юридической науки на биографическо-наукоеведческом уровне¹. Произведения отечественных правоведов достаточно широко представлены также в рамках серийных изданий «Классика российской цивилистики» (издательство «Статут») и «Уральская юридическая школа» (Уральский государственный юридический университет) и др. Данная тема присутствует и в журнальных публикациях в «Российском юридическом журнале» в рамках рубрики «Юридическое наследие России», в которой публикуются биографические данные и извлечения из произведений юристов. Особое внимание следует обратить на уникальное по своей информационной нагрузке научно-справочное издание «Правовая наука и юридическая идеология России: энциклопедический словарь биографий», которое подготовлено и издано в 2011–2015 годах под общим руководством и редакцией профессора В.М. Сырых. Им во вводных статьях к томам этого издания представлено авторское видение преемственности в развитии российской юридической науки через призму биографического подхода к истории отечественной юриспруденции².

Итак, преемственность в исследовательских практиках изучения истории политических и правовых учений выступает в качестве одного из основных средств познания развития политико-правовой мысли. Использование ее в различных проекциях в изучении истории политических и правовых учений, как показывают публикации, позволяет раскрыть различные стороны и срезы развития как собственно самих политических учений, так и показать историографию их изучения в юридической науке.

¹ См.: Томсинов В.А. Российские правоведы XVII–XX веков: очерки жизни и творчества. 2007. Т. 1–2; 2015. Т. 3.

² См.: Правовая наука и юридическая идеология России: энциклопедический словарь биографий / отв. ред. и рук. авт. кол. В.М. Сырых. Москва, 2011. Т. 1: XI – начало XX в. 920 с.; Правовая наука и юридическая идеология России: энциклопедический словарь биографий / отв. ред. и рук. авт. кол. В.М. Сырых. Москва, 2011. Т. 2: 1917–1964 гг.; Правовая наука и юридическая идеология России: энциклопедический словарь биографий / отв. ред. и рук. авт. кол. В.М. Сырых. Москва, 2015. Т. 3: 1965 – 1 января 2011 г.; Правовая наука и юридическая идеология России: энциклопедический словарь биографий / отв. ред. и рук. авт. кол. В.М. Сырых. Москва, 2015. Т. 4: 1965 – 1 января 2011 г.

Боброва Н.А.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, депутат Самарской Губернской Думы 1–4 созывов

О наболевшем: принципы и критерии оценки научной деятельности образовательных организаций высшего образования

10 декабря 2013 года Министерством образования и науки Российской Федерации был издан приказ № 1324 «Об утверждении показателей деятельности образовательной организации, подлежащей самообследованию»¹, сомнительная конституционность которого отмечалась в научных публикациях² и публицистических статьях³. Однако доказать это обстоятельство в судебном порядке не представляется возможным, поскольку министерские приказы не являются предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации, а суды общей юрисдикции не рассматривают нормативные акты на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации, отсылая заявителей в Конституционный Суд Российской Федерации. Замкнутый круг. Приказное нормотворчество оказалось неприкосновенным и неуязвимым с точки зрения возможности оспорить конституционность приказов или их отдельных положений.

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).

² См.: *Боброва Н.А.* О неконституционности критериев оценки научной деятельности вузов, установленных в 2013 году // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 42–46.

³ См.: *Свердлов Е.Д.* Статья может хорошо цитироваться потому, что она ошибочна. URL: <https://indicator.ru/article/2018/02/07/impact-factor> (дата обращения: 20.05.2020).

Ученые надеялись, что новое Министерство науки и высшего образования Российской Федерации отменит этот приказ в части, противоречащей конституционным принципам и суверенитету России. Но голос ученых не слышен, несмотря на то, что они жестко и убедительно говорили о вреде этих критериев на двух российских профессорских форумах (в 2018 и 2019 годах), которые проводит Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание» (РПС). Появились критические публикации в СМИ, в научных журналах, в интернете, в открытых письмах руководителям страны.

Менеджеры от науки на жалобы ученых отвечают, что они выполняют задачи национального проекта образования, указов Президента Российской Федерации В.В. Путина, в соответствии с которыми российская наука должна соответствовать мировым стандартам. Но ни в одном указе Президента Российской Федерации не говорится о том, что мы должны кормить чужую науку, да еще в условиях антироссийских санкций.

Пункт 2 приложения № 4 к названному приказу называется «Показатели научно-исследовательской деятельности». Эти показатели фактически легализовали дискриминацию российских ученых по сравнению с зарубежными, числящимися в России совместителями. Так, во многих образовательных организациях высшего образования России числятся иностранные ученые, которые или вообще не работают в России, или «работают» наездами раз в год (на конференции), причем за то же или даже большее, чем российские ученые, вознаграждение. Отчитываются совместители теми же статьями, что и по основному месту работы (в своей стране). Такая отчетность противоречит запрету двойной бухгалтерии, закрепленному в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹. Однако мнимые показатели отчетности стимулируются показателями, введенными вышеназванным приказом.

В приказе Минобрнауки России закрепляется приоритет зарубежных публикаций перед публикациями в отечественных научных журналах. Пресловутый индекс Хирша зависит от зарубежных публикаций вне зависимости от их содержания.

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).

По сути, это прямое ущемление национальных интересов, что в условиях западных санкций смотрится особенно одиозно: запад давит санкциями, а мы продолжаем капитализировать их журналы, попутно повышая рейтинг зарубежных журналов и расценки на публикации в них. Возник «хиршевский бизнес» (услуги по повышению индекса цитирования до заказанного уровня).

Бизнес этот вырос из потребности ученых в повышении индекса Хирша, которая, появившись незаметным червячком-пунктом министерского приказа, уже превратилась в гидру, пожирающую суть науки, подменяющую содержание научных результатов их сомнительными проявлениями. О подмене целей науки министерскими критериями оценки научной деятельности блестяще написал в своей статье В.А. Толстик¹.

В настоящее время цены на посреднические услуги фирм, паразитирующих на потребности в публикациях, индексируемых в Scopus и Web of Science, выросли неимоверно: за публикацию в течение 18 месяцев требуют 3 тыс. долларов, в течение 12 мес. – 4 тыс. долларов. Индекс Хирша за рубежом давно научились повышать по принципу «одной петли» (цитирование между «своими»).

Наука за рубежом – бизнес со всеми его волчьими законами. Там ученые хорошо получают за свои публикации, а российские ученые, наоборот, платят за собственные публикации, за свой же кропотливый труд.

На наш взгляд, безнравственно требовать от преподавателя оплату публикаций, которая многократно превышает зарплату преподавателя образовательных организаций высшего образования. В результате возросло количество статей с тремя, четырьмя и даже пятью соавторами. Шкатулка просто открывалась: ученые просто вскладчину оплачивают публикацию, убивая двух зайцев: во-первых, отчитываются перед образовательной организацией, локальные нормативные акты которой требуют от профессорско-преподавательского состава (далее – ППС) публикаций Scopus и Web of Science, во-вторых, повышают свою публикационную активность,

¹ См.: Толстик В.А. Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // Государство и право. 2019. № 1. С. 65–74.

в-третьих, экономят свои деньги, причем с вероятностью вернуть их в случае, если локальные нормативные акты образовательной организации предусматривают вознаграждение за публикации Scopus и Web of Science. А образовательные организации высшего образования действительно предусматривают вознаграждение по той простой причине, что названный приказ Минобрнауки России дает образовательной организации дополнительные баллы за публикации Scopus и Web of Science, что отражается на государственном финансировании организации.

Между тем имеют возможность оплачивать зарубежные публикации прежде всего те «псевдоученые», которые покупают диссертации «под ключ», деньги у них есть. Появился даже термин «диссертационная коррупция».

Если перевести критерии оценки научной деятельности образовательных организаций, установленные в приказе № 1324, на простой язык, это означает следующие процессы, которые, как цунами, обрушились на образовательные организации: 1) фетишизация количества цитирований, особенно в зарубежных журналах; 2) приоритет публикаций и цитирований в зарубежных журналах и изданиях; 3) вытеснение пенсионеров, в том числе профессоров, под видом омоложения кадров; 4) нивелирование во многих локальных нормативных актах образовательных организаций степени кандидата и доктора наук, поскольку наличие степени в министерском приказе не дифференцировано на кандидатскую и докторскую степени; 5) создание преимуществ для иностранных ученых; 6) лишение преподавателей части зарплаты (премий), если у них нет договоров с хозяйствующими субъектами или грантов (п. 2.7 приказа № 1324); 7) коммерциализация образования.

Пункты 2.6, 2.7 приложения № 4 приказа заставляют образовательные организации самим зарабатывать путем заключения договоров с хозяйствующими и иными субъектами, в результате чего ППС вынужден заключать такие договоры: объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника (в тысячах рублей). Образовательные организации высшего образования обязывают ППС приносить ежегодно доход образовательной организации (в одних образовательных организациях – минимум 50 тысяч рублей на преподавателя, в других – 100 и даже 200 тысяч рублей).

В Тольяттинском университете профессор должен выполнять НИОКР на сумму не менее 100 тысяч рублей, другие преподаватели – 50 тысяч рублей. Преподаватели, не имея возможности заключить реальный договор по «научно-консультационному» обслуживанию фирмы, ищут фирму по принципу знакомства с ее руководителем, несут в нее свои деньги за липовый договор, по которому фирма эту сумму перечисляет образовательной организации высшего образования. Иначе будет считаться, что преподаватель не выполнил показатели НИОКР: его могут лишиться премии, не заключить контракт на новый срок и т. д.

Критерии введены для попадания образовательных организаций в международные рейтинги. Но не равны стартовые условия. Бюджет Гарварда – почти 2/3 образовательного бюджета России. Критерии–2013 насаждают культ преклонения перед западной наукой. Почему-то считается, что именно там задают мировой уровень научных достижений, а мы – на задворках научной цивилизации. Весьма сомнительная и вредная установка.

Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 года сопровождалось видеорядом достижений в военной технике. Мы в этих сферах науки не на задворках цивилизации. Но можно ли себе представить, чтобы этих ученых заставляли публиковать свои работы за рубежом? Абсурд. Это было бы разглашением государственной тайны. Но почему же этот абсурд фактически легализован в вузовской науке? Почему многие технари, дабы не выдать государственных тайн и не навредить приоритетам России, вынуждены воевать с властями, не дающими гранты при отсутствии зарубежных публикаций? Один физик-ядерщик, воюя с такими «эффективными менеджерами» от науки, обратился в Федеральную службу безопасности Российской Федерации, доказывая, что «менеджеры от науки» толкают его на госизмену.

Неконституционность критериев–2013 мы усматриваем в том, что они легализовали дискриминацию наших ученых и наших научных журналов. А между тем ограничение прав ППС либо, наоборот, создание кому-то преимуществ вне зависимости от законных критериев (реальных способностей, деловых качеств, достижений, творчества) есть дискриминация. Согласно статье 3

Трудового кодекса Российской Федерации «никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества» в зависимости от прямо названных в законе, «а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника». Данная статья зеркально отражает положение части 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации, где говорится о том, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо» от названных в данной статье обстоятельств. Среди таких обстоятельств Конституция Российской Федерации называет имущественное положение, место жительства.

По Министерским критериям особо ценятся зарубежные ученые: когда образовательная организация отчитывается публикациями зарубежного ученого, ей дают дополнительные баллы, что влияет на финансирование образовательной организации. Отсюда и более высокая оплата зарубежных совместителей по сравнению со своими земляками, работающими «за того парня».

Получается фантастическая картина: запад душит Россию санкциями, а Россия продолжает подкармливать их ученых, их науку, их журналы. А публикации в наших журналах мы сами считаем менее ценными, менее значимыми и престижными, чем зарубежные публикации. Не есть ли это прямое предательство национальных интересов?

Новые критерии научной деятельности образовательных организаций положили начало новому витку унижения профессуры. При советской власти профессор получал зарплату на уровне первого секретаря райкома КПСС. Но даже не это главное, а то, что профессор, ценимый ранее, в условиях наступившей коммерциализации стал для образовательной организации как бы обузой, особенно если ему 70.

В некоторых образовательных организациях реализуется установка освободить пространство от преподавателей за 70 вне зависимости от их заслуг. Делается это разными путями, например, объединяют две кафедры в одну, и «обиженные» уходят сами. Под видом омоложения скрывается гнусная тенденция коммерциализации, когда профессор со своими регалиями и заслугами становится экономически невыгоден образовательной организации, которой легче содержать двух-трех низкооплачи-

ваемых молодых преподавателей с интенсивной нагрузкой. Профессура невыгодна образовательной организации, поставившей на поток зарабатывание денег.

В России 29 тысяч 800 профессоров: 1 профессор на 5 тысяч россиян. Самый низкий показатель в европейских странах. Возраст половины профессоров – за 60. Речь идет о вымирании профессуры. Это проблема нашего интеллектуального суверенитета.

Вытеснение профессоров осуществляется также под видом чтения магистерских курсов лекторами-практиками. Кого только не принимают в качестве преподавателей магистерских курсов, причем делается это без конкурса с явным злоупотреблением и расширительной трактовкой части 3 статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации, позволяющей принимать на должности ППС совместителей без конкурса сроком на один год. И принимают много лет подряд каждый раз на год.

Выводы. Установленные приказом Минобрнауки России № 1324 критерии оценки научной деятельности образовательных организаций высшего образования легализовали дискриминацию отечественных ученых по сравнению с зарубежными. Все это подается под соусом международного научного обмена и повышения публикационной активности образовательной организации высшего образования в зарубежных изданиях.

Никакая красивая обертка не подсластит горькую пилюлю дискриминации и ущемления национальных интересов.

Между тем по подсчетам члена-корреспондента Российской академии наук Р.Н. Флинта для повышения престижа и качества отечественных научных журналов нужно выделить всего-то 350–370 миллионов рублей в год в течение трех лет¹. Не та сумма, в которую обошлась, например, «Зенит-Арена» (43 миллиарда).

Нужно как можно быстрее отменить приказ Минобрнауки России № 1324 в его дискриминационной части. Необходимо возвести в ранг национальной идеи повышение престижа отечественной науки и отечественных научных журналов.

¹ См.: Чуйков А. Чужая наука за российские рубли // Аргументы недели. 2018. 8 февраля.

Толстик В.А.,

доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Спорные вопросы понимания правовых презумпций

Правовые презумпции, как и многие иные государственно-правовые явления, изначально были предметом исследования исключительно отраслевых юридических наук. Написанная и успешно защищенная в 1969 году кандидатская диссертация В.К. Бабаева «Презумпции в советском праве»¹ и одноименная монография², изданная в городе Горьком в 1974 году, – это первая общетеоретическая работа по данной теме. Без малейшего преувеличения ее можно назвать фундаментальной. Сегодня нет ни одного серьезного научного исследования по проблемам правовых презумпций, которое не опиралось бы на выводы, сформулированные Владимиром Константиновичем Бабаевым.

Споры в науке – явление естественное и даже закономерное. Их существование обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. К числу объективных в контексте презумпций можно отнести сложность, многоаспектность самого явления. Не случайно В.К. Бабаев в процессе исследования данного феномена глубоко и основательно проанализировал его логическую, политическую и правовую природу. Это обстоятельство имеет существенное значение, поскольку анализ правовых презумпций только и исключительно с позиций формальной

¹ См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. 24 с.

² См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 124.

логики не позволяет понять юридическую специфику анализируемого явления. Здесь требуется комплексный, диалектический подход. Игнорирование этого важного методологического положения может приводить к неверной интерпретации или неприятию отдельных значимых положений учения о правовых презумпциях (например, отрицанию существования неопровержимых презумпций).

Субъективные причины споров могут обуславливаться мировоззренческими установками каждого конкретного автора, его принадлежностью к той или иной научной школе, авторской интерпретацией предмета анализа, правом на собственную точку зрения и многими другими.

Еще одна причина споров – повышенный научный интерес к проблеме. На сегодняшний день по проблемам правовых презумпций написано много работ, причем как общетеоретической, так и отраслевой направленности: диссертаций, монографий, научных статей, тезисов, проведены научные конференции, в том числе одна из них в рамках Первых Бабаевских чтений, по итогам которых опубликован объемный сборник¹.

Одним из закономерных следствий высокого научного внимания к проблеме является наличие спорных положений. Такой вывод только на первый взгляд может показаться парадоксальным. Одна из причин повышенного доктринального интереса к научной проблеме – наличие противоречивых позиций, отсутствие единства мнений по тем или иным вопросам. Это, кстати, один из принимаемых ВАК при Минобрнауки России аргументов в пользу актуальности диссертационного исследования, поскольку данный факт квалифицируется как научная проблема. Если при этом задать вопросом, имеется ли в юридической науке хотя бы одна проблема, по которой существует 100% единство мнений, ответ будет очевиден. С другой стороны, чем больше по теме научных изысканий, тем больше альтернативных точек зрения, а значит и споров. Для науки важно, чтобы такие споры не становились схоластическими.

Задача ученого состоит в том, чтобы объективно исследовать государственно-правовую реальность, по крайней мере, к этому

¹ См.: Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. 657 с.

нас обязывает принцип объективности научного познания. С этой точки зрения для науки не менее значима, чем для юридической практики, рекомендация К. Маркса, данная им адвокатам: «Подвергай все сомнению».

Какие вопросы понимания правовых презумпций сегодня в юридической науке являются спорными? Спорят о понятии, видах, соотношении с другими понятиями, способах закрепления в праве и других аспектах.

В настоящей статье речь пойдет о четырех спорных вопросах понимания правовых презумпций.

1. Являются ли существенными признаки понятия правовой презумпции высокая степень вероятности презумптивного предположения и наличие возможности опровержения?

2. Существуют ли неопровержимые правовые презумпции?

3. По каким признакам правовые презумпции можно отграничить от правовых фикций?

4. Как должна быть сформулирована юридическая дефиниция правовой презумпции?

Ключевым является первый вопрос, поскольку от его решения зависит решение иных вопросов.

На сегодняшний день в юридической науке наиболее спорными являются два признака правовых презумпций: повторяемость жизненных процессов, или «обычный порядок», который верифицируется методом неполной индукции, и возможность опровержения, выражаемая формулой «пока не доказано обратное (иное)».

Рассмотрим их по порядку.

В юридической литературе сложилось устойчивое представление о том, что в основе презумпции лежит повторяемость жизненных процессов. Так, В.К. Бабаев, разделяя позицию В.И. Каминской¹, писал: «Повторяемость жизненных процессов приобретает характер закономерности, становится обычным явлением в повседневной жизни, «обычным порядком». Именно поэтому их можно принимать за истину без специального доказывания»².

¹ См.: Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. Москва; Ленинград, 1948. С. 6.

² Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 9.

Одновременно предполагается, что существенным и необходимым признаком индуктивного обобщения является высокая степень вероятности обобщения. При этом шкала степени вероятности обобщения выглядит следующим образом: достоверное (1), высоковероятное (больше $2/3$), равновероятное ($1/2$), маловероятное (меньше $1/3$) и невероятное (0)¹.

Если этот признак в представленном понимании включить в определение понятия правовой презумпции, то объем данного понятия существенно уменьшится. Оно не будет распространяться на любые иные предположения, не основанные на высокой степени вероятности обобщения. Соответственно их нельзя будет называть презумпциями.

Заметим, что сам В.К. Бабаев отмечал, что те положения, в которых презюмируемое правило носит не постоянный, а исключительный характер, и обладают поэтому слишком малой степенью вероятности, не есть презумпции².

Между тем в действующем законодательстве и юридической практике можно встретить немало презумпций, обладающих малой степенью вероятности. В их числе: презумпция невиновности, презумпция знания закона и другие.

Вполне очевидно, что этот факт В.К. Бабаев не мог оставить без внимания. Говоря о презумпции невиновности, он подчеркивает: «с точки зрения природы (природы становления данного понятия) презумпция невиновности обвиняемого является своеобразной искусственной презумпцией, а «не подлинным обобщением жизненного опыта»... не подавляющая масса привлеченных к уголовной ответственности и презюмируемых невиновными лиц оказывается действительно невиновной, а наоборот, число их составляет единицы»³.

В юридической литературе предположения, не обладающие высокой степенью вероятности, называют по-разному. В.К. Бабаев, как отмечено, называет их «искусственными презумпциями»;

¹ См.: *Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В.* Опровержима ли неопровержимая правовая презумпция? // *Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4.* С. 90.

² См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 14.

³ Там же. С. 98.

А.А. Крымов – «квази-презумпциями»¹; О.А. Курсова – «фиктивными презумпциями»²; А.В. Демин – «маловероятными презумпциями»³.

Однако вопрос не в том, как их назвать, проблема в том, что с точки зрения формальной логики, до тех пор, пока в дефиниции анализируемого явления будет присутствовать признак «предположение, имеющее высокую степень вероятности», их вообще нельзя называть презумпциями.

Каким образом может быть решена данная проблема?

Для того чтобы остаться в границах формальной логики, необходимо отказаться от понимания презумптивного предположения как обладающего высокой степенью вероятности. Именно такой вариант разрешения рассматриваемого логического противоречия предложили В.М. Баранов, В.Б. Першин и И.В. Першина в своей совместной статье «Опровержима ли неопровержимая презумпция?». Они усмотрели логическую некорректность в выводе о том, что существенным и необходимым признаком индуктивного обобщения признается высокая степень вероятности обобщения. В действительности, по их мнению, дело обстоит иначе. Вероятное обобщение характеризуется степенью в диапазоне от 0 до 1, и любое индуктивное обобщение, будучи по своему основному логическому признаку вероятностным, находит в нем свое место⁴.

В данном случае мы не будем акцентировать внимание на том, насколько маловероятным может быть индуктивное обобщение, поскольку это проблема, которая должна быть решена логикой, а не теорией государства и права. Согласимся с тем, что для адекватного понимания презумпции вообще и правовой презумпции в частности должен использоваться признак «вероятное предположение», без указания на степень вероятности.

¹ См.: *Крымов А.А.* Правовые презумпции в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1999. С. 16.

² См.: *Курсова О.А.* Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия // *Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей / под ред. В.М. Баранова.* Нижний Новгород, 2000. С. 455.

³ См.: *Демин А.В.* Презумпции в нормах налогового права // *Юридическая техника: Ежегодник.* 2010. № 4. С. 171.

⁴ См.: *Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В.* Опровержима ли неопровержимая правовая презумпция? // *Юридическая техника: Ежегодник.* 2010. № 4. С. 90.

Особый интерес в рассматриваемом контексте для нас представляет аргументация, которую В.М. Баранов, В.Б. Першин и И.В. Першина использовали для коррекции рассматриваемого признака. По их мнению, «основной аргумент против понимания презумпции как высоковероятного предположения мы видим в сложности и трудоемкости установления в каждом конкретном случае. Для установления степени вероятности конкретного обобщения необходимо проводить масштабные статистические исследования, применять масштабный математический аппарат. Полагаться в решении этой задачи на интуицию, здравый смысл, жизненный опыт, оперировать весьма неопределенным понятием «длительного времени», в течение которого обобщение не соответствует жизненным фактам, значит поставить квалификацию конкретного предположения в качестве презумпции в полную зависимость от личности, придать решению этой задачи преимущественно субъективный характер»¹.

На наш взгляд, приведенная аргументация является рациональной и в достаточной степени убедительной. Далее, но уже в другом контексте, мы к данным доводам обратимся вновь.

Следующим не менее спорным вопросом понимания правовой презумпции является вопрос об отнесении к числу существенных, необходимых признаков содержания рассматриваемого понятия – возможности опровержения презюмируемого факта, выражаемой словосочетанием «пока не доказано обратное».

Включение в определение понятия правовой презумпции признака опровержимости выступает безусловным основанием для отрицания неопровержимых презумпций.

По этому вопросу ученые разделились на две группы: сторонников (В.К. Бабаев, Г.Б. Головкин, А.В. Демин, Т.Д. Зражевская, Н.М. Коршунов, В.И. Каминская, Т.В. Кашанина, Ю.Г. Зуев, А.А. Крымов, Л.Л. Кругликов, Н.А. Придворов, И.Н. Сенякин, А.А. Сериков, Ю.В. Старых, В.В. Трофимов, Н.Н. Цуканов и другие) и противников (В.М. Баранов, Е.Ю. Веденеев, М.Л. Давыдова, М.Е. Жаглина, К.Б. Калиновский, В.А. Ойгензихт, В.Б. Першин,

¹ См.: Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Опровержима ли неопровержимая правовая презумпция? // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 90.

А.П. Самсонов, А.В. Смирнов, Е.Б. Тарбагаева, К.С. Юдельсон и другие) выделения неопровержимых презумпций.

Приведем типичную позицию противников. В.А. Ойгензихт писал: «Презумпции всегда опровержимы, а там, где усматривается наличие неопровержимой презумпции, – это либо неосновательно, либо нет вообще никакой презумпции, а имеется лишь мотив включения определенного положения в правовую норму или наличие установленного факта»¹.

Несколько противоречивой по этому вопросу видится позиция В.К. Бабаева, который, с одной стороны, исходил из того, что возможность опровержения презумпции является ее существенным и необходимым признаком», а с другой – последовательно отстаивал обоснованность выделения неопровержимых правовых презумпций².

Вполне очевидно, что это противоречие не могло остаться без критики со стороны противников выделения неопровержимых презумпций. Свою позицию они аргументируют тем, что «признак, присущий родовому понятию (презумпция), с необходимостью принадлежит каждому входящему в него виду (в данном случае правовой презумпции). Иное логика не допускает»³. Это действительно весомый довод, его нельзя оспорить.

В данном случае важно выяснить другое, на чем основано утверждение, что исключение из содержания понятия правовой презумпции признака опровержимости лишает его права называться презумпцией?

В.М. Баранов, В.Б. Першин и И.В. Першина обосновывают это следующим образом: «Основным содержанием презумпции является предположение. Предположение, как это и предусматривает логика, трактуется положением, которое временно принимается за возможно истинное, пока не будет установлена истина. Способом установления истины в презумпции предусматривается

¹ Ойгензихт В.А. Понятие гражданско-правовой презумпции // Советское государство и право. 1975. № 10. С. 33.

² См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 9, 41.

³ См.: Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Опровержима ли неопровержимая правовая презумпция? // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 92.

доказательство положения, противоречащего сделанному допущению»¹.

Насколько убедительно представленное обоснование. Зададимся вопросом, если истинность презюмируемого факта установлена не будет, можно ли в таком случае соответствующее предположение называть презумпцией? Перестает ли оно быть таковой или нет?

Для ответа на поставленный вопрос обратимся к опровержимым презумпциям, в отношении которых законом прямо предусматривается возможность опровержения. Требуется ли законодатель в случае с опровержимой презумпцией всякий раз доказывать обратное? Конечно, нет. В праве не закреплена обязанность во всех случаях проверять и тем более доказывать истинность или ложность предположения. Более того, в целом ряде случаев субъект правотворчества ориентирует правоприменителя на то, чтобы он этого не делал. При этом отнюдь не исключены ситуации, когда в действительности презюмируемый факт оказывается ложным, но формально юридически он признан истинным. Возникает вопрос, утрачиваются ли в подобных случаях формально-логические основания называть соответствующее нормативное предписание презумпцией?

Противники выделения неопровержимых презумпций таким вопросом не задаются. Не принимают они во внимание и то существенное обстоятельство, что категория «истинность» не применима к понятиям, она применима к суждениям и умозаключениям.

Сказанное позволяет сделать вывод, что признак опровержимости не должен признаваться существенным признаком правовой презумпции. Для дефинирования этого понятия вполне достаточно указания на вероятностное предположение. Потребность же в опровержении возникает лишь тогда, когда появляется необходимость проверки соответствующего предположения на его истинность.

С этой точки зрения совершенно обоснованным представляется вывод, к которому пришел В.К. Бабаев в процессе анализа неопровержимой правовой презумпции непонимания общественной

¹ Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Опровержима ли неопровержимая правовая презумпция? // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 89.

опасности лицом, не достигшим установленного законом возраста ответственности. Он заключил, что данная правовая презумпция может быть опровергнута логически, но этот факт не будет иметь совершенно никакого юридического значения и смысла¹, то есть она неопровержима юридически.

Если законодатель в целях правового регулирования исключает возможность опровержения предположения, то отнюдь не потому, что искренне верит в абсолютную достоверность презюмируемого факта. Он прекрасно понимает, что перед ним ситуация вероятностного характера и предполагаемый факт может как соответствовать реальному положению вещей, так и нет.

Другой вопрос, по какой причине законодатель не считает нужным возлагать на правоприменителя обязанность в каждом отдельном случае предельно точно определить и зафиксировать факт понимания или непонимания общественной опасности? Полагаем, что в значительной степени по той же причине, которую В.М. Баранов, В.Б. Першин и И.В. Першина использовали для обоснования необязательности признания высокой степени вероятности презюмируемого факта в качестве существенного признака презумпции.

Механическое перенесение действия законов и правил формальной логики в сферу норм права может приводить к некорректным, а в ряде случаев просто абсурдным выводам. Дело в том, что критерий истинности суждений к нормам вообще и нормам права в частности не применим. Истинность – это соответствие факту, а норма права – это установление (предписание) государства. Здесь «работает» деонтическая логика.

Для обоснования сказанного обратимся к еще одному положению, сформулированному В.М. Барановым, В.Б. Першиным и И.В. Першиной. Они пишут: «вероятное суждение о возможности непонимания общественной опасности деяния, совершенного лицом, не достигшим на момент совершения деяния возраста, установленного статьей 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, на основании чего данное лицо не подлежит уголовной ответственности, фиксируется не в виде предположения, а категорическим общеутвердительным суждением. Ложность этого суждения

¹ См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 43.

не вызывает никакого сомнения. Жизненная практика показывает, что далеко не каждый малолетний правонарушитель не осознает общественной опасности совершенного им деяния. Следовательно, совершенным законодателем действием закрепляется в форме императива очевидно ложное положение, что и позволяет считать его юридической фикцией»¹.

Во-первых, авторы сами это суждение признают вероятным, что уже указывает на его презумптивный характер. Возникает вопрос: «Как можно, апеллируя к логической аргументации, называть фикцией то, что, по сути, ею не является»? Основным критерием разграничения фикций и презумпций является не способ фиксации в праве, а логическая природа явления. Презумпция – это предположение, основанное на той или иной степени вероятности, а фикция – это предположение, не имеющее референтов в действительности. Цель презумпции – процессуальная экономия; цель фикции – преодоление невосполнимой неопределенности иными средствами правового регулирования.

Во-вторых, вряд ли можно согласиться с тем, что в данном случае имеет место закрепление очевидно ложного положения. Если бы это было так, таковым оно должно быть во всех случаях. Вместе с тем, совершенно очевидно, что многие лица, не достигшие возраста привлечения к юридической ответственности, действительно не понимают степень общественной опасности совершаемого поступка. Причем такой вывод сделан не юристами и логиками, а специалистами в области детской медицины и психологии. В.К. Бабаев пишет: «Приведенная выше презумпция выработана долголетней человеческой практикой, показывавшей, что малолетние не осознают в достаточной мере характер своего поведения, и подкреплена данными медицинского и биологического характера»². Если кто-то считает, что возрастная граница определена неверно, ее следует уточнить, но предварительно необходимо представить соответствующее научное обоснование.

¹ См.: *Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В.* Опровержима ли неопровержимая правовая презумпция? // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 94.

² *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 43.

Очевидно ложным рассматриваемое положение может и должно признаваться с точки зрения логических правил определения истинности суждения. Приведем простой пример. Утвердительное суждение: «Любой, кто не достиг установленного законом возраста юридической ответственности, не понимает общественной опасности деяния» с позиций формальной логики должно признаваться ложным уже в том случае, если будет установлено, что хотя бы один человек, не достигший установленного законом возраста, понимает общественную опасность совершенного деяния.

С точки зрения факта оценка будет иной. Какая-то часть несовершеннолетних окажется действительно непонимающей общественную опасность совершенного поступка, а другая – понимающей. Следовательно, с фактической точки зрения законодателем закреплено отнюдь не очевидно ложное положение.

На вопрос, почему законодатель избрал именно такой вариант правового регулирования данного общественного отношения, ответ был дан ранее.

Переходя к рассмотрению спорного вопроса, касающегося формулирования юридического определения правовой презумпции, следует отметить, что на сегодняшний день в юридической литературе представлено достаточно много вариаций доктринальных определений рассматриваемого понятия. Проблема в том, в какой мере они отражают собственно юридическую специфику явления?

Говоря о признаках, которые должны быть приняты во внимание при формулировании определения правовой презумпции, В.К. Бабаев обоснованно указал на необходимость отражения в нем не только обстоятельств, характеризующих логическую природу, но и юридический характер явления. В результате им была сформулирована дефиниция, получившая широкое признание не только в теории государства и права, но и отраслевой юридической науке: «правовая презумпция – это закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом»¹.

¹ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 14; Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства в схемах и определениях. Нижний Новгород, 1999. С. 86.

Не ставя под сомнение доктринальную ценность приведенного определения, заметим, что собственно юридическая специфика анализируемого явления в нем отражена в наиболее общей форме, посредством словосочетания «закрепленное в нормах права предположение». Полагаем, что данный признак нуждается в существенной конкретизации, которая позволит более четко отразить юридическую специфику явления. Иначе говоря, оно должно быть сформулировано на языке закона.

Исходить следует из того, что правовое регулирование общественных отношений осуществляется посредством дозволений, позитивных обяызываний и запретов. С их помощью законодатель определяет права и обязанности участников правовых отношений и таким образом фиксирует суть правового предписания. При этом для отражения в дефиниции видовой принадлежности конкретного технико-юридического приема нет необходимости детально раскрывать в нем признаки, характеризующие логическую природу соответствующего приема. Достаточно использовать словосочетание «презюмируемый факт».

С учетом сказанного в целом вполне адекватным для отражения собственно юридической специфики понятия правовой презумпции видится определение, сформулированное Т.В. Кашаниной: «Правовая презумпция – это обязанность правоприменителя признать без доказательств презюмируемый факт, на который есть указание в законе, установленным (существующим или отсутствующим) и разрешить в соответствии с этим юридическое дело»¹.

В представленной дефиниции четко определены субъект юридической обязанности (правоприменитель) и ее содержание (признать презюмируемый факт без доказательств). Существенное значение имеет указание на необходимость в зависимости от вида презумпции признавать факт установленным (существующим или отсутствующим). При этом в определение обоснованно не включен признак «пока не доказано обратное», поскольку, как было показано, он характерен лишь для одного из видов рассматриваемого понятия – опровержимых презумпций.

¹ Кашанина Т.В. Юридическая техника. Москва, 2007. С. 186.

Возможно избыточным в определении Т.В. Кашаниной является словосочетание «и разрешить в соответствии с этим юридическое дело», поскольку оно, как представляется, имплицитно включено в обязанность правоприменителя.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что приведенные в настоящей статье аргументы и сформулированные выводы, с одной стороны, будут способствовать адекватному пониманию логической, политической и юридической природы правовых презумпций в их диалектическом взаимодействии, а с другой – не станут поводом для псевдонаучной схоластики.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ

УДК 340

Алексеев С.Н.,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры административного права и про-
цесса Нижегородской академии МВД России*

Согласительные процедуры в контексте правовых презумпций

В науке уделяется серьезное внимание исследованию правовых презумпций. В.К. Бабаев посвятил данному вопросу отдельное теоретическое исследование. По устоявшейся точке зрения под презумпцией необходимо понимать «закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом»¹. Исходя из содержательной стороны данного правового явления, становится возможным рассматривать презумпцию во взаимосвязи с правовыми феноменами иного порядка. В частности, представляет интерес исследование согласительных процедур в контексте правовых презумпций.

Общеизвестно, что одним из принципов юридической ответственности является принцип презумпции невиновности, что, по сути, означает невозможным признать лицо виновным в совершении правонарушения до тех пор, пока его виновность не будет доказана в установленном законе порядке. В этом смысле взаимосвязь презумпции и согласительной процедуры прослеживается в их роли в процессе доказывания по уголовному делу, делу об административном правонарушении. Для нас в большей степени представляют интерес согласительные процедуры, реализуемые в рамках производства по делам об административных правонарушениях. В свою очередь, важным условием для таких согласительных

¹ См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 14.

процедур является заинтересованность сторон в их реализации. В этом смысле соглашение выступает компромиссом, при котором обе стороны готовы пойти на ранее оговоренные уступки взамен на удовлетворяющее интерес сторон поведение¹. Для лица, совершившего административное правонарушение, интересом выступает возможность смягчения административной ответственности либо возможность его полного освобождения от административной ответственности. Для правоприменительной стороны, в свою очередь, интересом выступают положительные активные действия лица, совершившего административное правонарушение. Важным уточнением является реализация таких действий после совершения административного правонарушения.

Очевидно, что они по целевому назначению являются разнонаправленными, в одном случае они обращены на достижение социальной справедливости, в том числе с решением вопроса о возмещении причиненного ущерба потерпевшей стороне, во втором случае направлены на достижение воспитательной функции наказания, в третьем случае направлены на предупреждение совершения новых правонарушений, когда речь идет о добровольной выдаче предметов либо орудий совершения правонарушений.

Помимо перечисленного, в рамках производства по делу об административном правонарушении, на наш взгляд, такие согласительные (компромиссные) процедуры выполняют немаловажную доказательственную функцию. В ряде случаев умозаключение сводится к тому, что признание вины и чистосердечное раскаяние, что тоже может являться условием компромисса, выступает фактом совершенного правонарушения. В этой части законодатель в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях закрепил показания лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в качестве доказательства. При таком понимании процесса доказывания уместно поставить вопрос, можно ли вести речь в этом случае о презумпции

¹ Подробнее о природе компромисса см.: *Толстик В.А.* Социальная и юридическая природа компромисса // *Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции* (г. Н. Новгород, 29–30 мая 2014 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, А.В. Парфенова. Нижний Новгород, 2014. С. 126–145.

вины? Налицо однопорядковое заключение, поскольку лицо дает признательные показания, возмещает ущерб пострадавшей стороне, следовательно, виновно в причинении этого вреда при совершении административного правонарушения.

Однако такой вывод далеко не всегда может быть верным. Как известно, самооговор не является исключением в рамках производства по делу об административном правонарушении. Следует согласиться с мнением А.М. Хужина, который, исследуя проблему повышения эффективности деятельности правоохранительных органов при квалификации и доказывании невиновного поведения, пишет: «Важным звеном правоприменительной деятельности является квалификация правонарушающего деяния, в том числе акта невиновного поведения. От того, насколько своевременно будет квалифицировано невиновное поведение, зависит эффективность всего правоохранительного механизма государства, ибо необоснованное обвинение – показатель всеобщей неэффективности правоохранительной деятельности»¹. Кроме того, есть и другие причины думать таким образом.

Первое – нормативный характер явления. Презумпция невиновности имеет законодательное закрепление, являясь принципом ответственности, тогда как самостоятельного законодательного закрепления презумпции вины как такового нет и, полагаем, не может быть. Особое значение имеет положение, закрепленное в примечании к статье 1.5 «Презумпция невиновности» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которое, по сути, закрепляет случаи исключения из правила о том, что лицо, которое привлекается к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность. В.А. Толстик в общетеоретическом исследовании верно выявил проблему совместимости принципа ответственности за вину и невиновной юридической ответственности².

¹ Хужин А.М. О направлениях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов при квалификации и доказывании невиновного поведения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 20. С. 122.

² См. подробнее: Толстик В.А. Принцип ответственности за вину и невиновная юридическая ответственность: проблема совместимости // Юридическая техника: Ежегодник. 2020. № 14. С. 324.

Второе – институциональный характер явления. Часто бывает, что сбор доказательств по делу об административном правонарушении и рассмотрение дела об административном правонарушении возлагается на разные административно-юрисдикционные субъекты. При этом каждый самостоятельно, исходя из личных убеждений, опыта оценивает их полноту, объективность и достоверность. То, что для одного является неопровержимым фактом, для другого таковым вовсе не является.

Третье – содержательный характер компромиссного соглашения. Вернее назвать данную причину разностью компромиссных условий. Эта разность носит двусторонний взаимный характер, по числу сторон такого соглашения. Каждое выполненное оговоренное действие преследует конкретный интерес. За совершение различных административных правонарушений в законе закрепляется и различный порядок реализации компромиссных процедур. Например, возможность освобождения от административной ответственности закреплена в примечании к статье 6.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в случае добровольной сдачи приобретенных без цели сбыта наркотических средств. Компромиссные обстоятельства, смягчающие административную ответственность, законодатель закрепил в статье 4.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (раскаяние лица, которое совершило административное правонарушение, добровольное возмещение им причиненного ущерба или добровольное устранение причиненного вреда; добровольное сообщение им о совершенном административном правонарушении) и т. д. Другим примером является возможность выплатить в двадцатидневный срок лишь половину суммы назначенного административного штрафа за отдельные виды административных правонарушений, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В последнем случае уместно сделать заключение такого же порядка. Поскольку лицо уплатило штраф со скидкой, не обжалуя постановление, следовательно, виновно в совершении административного правонарушения. Полагаем, что и такой вывод не всегда является верным. В данном случае государство допускает, что виновным в совершении правонарушения за превышение установленной максимальной скорости дорожного движения может являться вовсе не собственник транспортного

средства, а иное лицо. Тем не менее административное наказание в виде штрафа будет возложено на собственника транспортного средства, которое было зафиксировано системой видеофиксации в момент совершения административного правонарушения¹.

Такая логика не исключает и допущение вины собственника, предположение заключается в том, что лицо, являющееся собственником транспортного средства, в момент совершения правонарушения управляло им, поэтому подлежит привлечению к административной ответственности. Следует иметь в виду, что административную ответственность за превышение скорости понесет и юридическое лицо, которое является собственником транспортного средства, как самостоятельный субъект административной ответственности. Полагаем, такой подход является не совсем верным по нескольким очевидным причинам.

Во-первых, в немалом количестве случаев «истинный виновник» нарушения вовсе избегает ответственности. С точки зрения закона он может быть привлечен лишь в том случае, если собственник транспортного средства докажет свою невиновность в совершении правонарушения. В то же время собственники транспортного средства во избежание каких-либо сложностей (родственные связи с нарушившим водителем, исключение различного рода проволочек) не желают обжаловать постановления о назначении наказания. *Во-вторых*, весьма затруднительным представляется в таком случае реализация института смягчающих (в том числе компромиссных) ответственность обстоятельств.

Полагаем, что необходимо совершенствовать реализацию института административной ответственности за совершение административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения в части персонализации нарушителей правил дорожного движения либо установления самостоятельной ответственности собственника транспортного средства как источника повышенной опасности, которое было передано им другому лицу и зафиксировано

¹ На расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2019 года В.В. Колокольцев в своем выступлении сообщил, что в 2018 году системой автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения было выявлено почти 106 миллионов правонарушений. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 16.03.2020).

системой видеофиксации в момент совершения административного правонарушения. Думаем, такое понимание должно найти отражение в законе, так как данный шаг будет способствовать повышению эффективности реализации институтов правовых презумпций, согласительных процедур и в целом гармонизации административного законодательства. Н.В. Макарейко, исследуя проблему реформирования законодательства об административных правонарушениях, справедливо пишет: «Особую остроту представляет собой преобразование законодательства об административных правонарушениях. В настоящее время административная ответственность серьезно встроена в систему обеспечения правопорядка и безопасности»¹. Предложенные векторы изменений являются обсуждаемыми, требуют дополнительного научного осмысления и детальной проработки.

УДК 340

*Арзамасов Ю.Г.,
доктор юридических наук, профессор, про-
фессор департамента общих и межотрас-
левых юридических дисциплин факультета
права Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»*

Оценивая вклад профессора В.К. Бабаева в развитие общей теории права

Оценить вклад профессора В.К. Бабаева в отечественную юриспруденцию, с одной стороны, трудно, можно сказать, даже тяжело, а с другой стороны, просто и легко. В чем же заключается такое противоречие?

¹ Макарейко Н.В. Реформирование законодательства об административных правонарушениях как средство обеспечения административно-правовой безопасности // Актуальные проблемы административного права: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2020. С. 285.

Легко, прежде всего, потому, что практически сложно найти проблему общей теории права, которой бы не коснулся Владимир Константинович Бабаев. А трудно в том смысле, что, к огромному сожалению, нельзя в одной небольшой статье раскрыть все разнообразные грани его таланта.

Да, именно таланта! Причем таланта не только научного, проявившегося в формулировании общетеоретических понятий, моделировании правовых конструкций, выведении теоретических обобщений, своеобразных онтологических выводов, грамотном и умелом толковании норм права, а также в разработке предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства, но и таланта руководителя и организатора учебного процесса.

Сегодня, созерцая прекрасные корпуса Нижегородской академии МВД России и общаясь с ее выпускниками, бывшими курсантами, слушателями и адъюнктами, нельзя говорить о профессоре В.К. Бабаеве просто как об известном ученом, как о докторе наук, о профессоре, научном руководителе, нужно сказать и об умелом организаторе и руководителе большой, старейшей образовательной организации в системе МВД России, поскольку Горьковская высшая школа МВД СССР своими достижениями славилась, как тогда говорили, «на весь необъятный Союз».

Сейчас очень мало образовательных организаций, которые могут похвастаться своими начальниками не только как хозяйственниками, которые могут открывать новые учебные корпуса, тир, спортзалы, современные казармы, но и которые входят в научную элиту, являются флагманами, достойнейшими лидерами в области теории права, поскольку общая теория права и государства – это не только определенный онтологический фундамент, теоретическая и методологическая основа для других юридических наук, это и своеобразная база юриспруденции вообще. Определенный феномен юриспруденции заключается в том, что отсутствие теории юриспруденции заменяет общая теория права.

Одним из таких немногочисленных флагманов данной науки был Владимир Константинович Бабаев.

Сегодня не только теоретики права, но и представители отраслевых и специально-юридических наук помнят профессора В.К. Бабаева как автора многочисленных научных, интереснейших и полезных, можно сказать, фундаментальных трудов по теории государства

и права, который является основателем научной школы. Подтверждением тому служат не только его достойные ученики, но и проходящие ежегодные Бабаевские чтения.

Таких ученых, теоретиков права с большой буквы, а также отличных организаторов и хозяйственников, как В.К. Бабаев, мало можно найти. Здесь, конечно, нужно вспомнить профессора В.П. Сальникова, возглавлявшего Санкт-Петербургский университет МВД России, профессора П.П. Баранова, который с 1996 по 2008 год руководил Ростовским юридическим институтом МВД России, профессора В.Н. Синюкова, который возглавлял Саратовский юридический институт МВД России. Можно отметить также доктора юридических наук, профессора А.Г. Хабибулина, руководившего Академией экономической безопасности МВД России. Нельзя не упомянуть и нашего коллегу профессора Р.А. Ромашова, который с 2009 по 2015 год занимал должность начальника Самарского юридического института ФСИН России.

Также считаю необходимым отметить талант В.К. Бабаева как руководителя научных и учебных проектов. Так, например, все мы помним прекрасный курс лекций, изданный в 1993 году под названием «Общая теория права», который вышел в свет в Нижегородской высшей школе МВД России¹.

Следует заметить, что в ту нелегкую, переходную эпоху данный, можно сказать, учебник (официально – это курс лекций) был очень востребован преподавателями, аспирантами, слушателями и студентами. Это объясняется главным образом тем, что учебники советских времен, за исключением двухтомника профессора С.С. Алексеева², изобиловали цитатами классиков марксизма-ленинизма, в связи с чем невозможно было по ним вести занятия и рекомендовать их обучаемым. Учебник «Общая теория права и государства» под редакцией профессора В.В. Лазарева, как мы знаем, вышел в свет только в 1994 году, а в продаже его увидели только в 1995³. Поэтому существующий в тот период времени пробел в учебной литературе восполнял курс лекций под редакцией В.К. Бабаева.

¹ См.: Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. проф. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. II. Москва, 1982.

³ См.: Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. Москва, 1994.

Интересно вспомнить структуру данного учебного издания. Практически все лекции были написаны профессорами, докторами юридических наук, которые ранее разрабатывали данные проблемы в своих диссертационных и других монографических исследованиях. Случайных авторов здесь не было! Так, например, лекцию 3 «Юридическая типология и основные правовые системы современности» подготовил коллега из Узбекистана, известный специалист в области правовой компаративистики профессор А.Х. Саидов¹. Лекцию 11, посвященную функциям права, написал для данного издания профессор Т.Н. Радько, который под руководством профессора М.И. Байтина в 1967 году защитил диссертацию «Функции социалистического общенародного права»². Лекцию 15 «Реализация права» подготовил профессор В.В. Лазарев, который в 1977 году в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова защитил докторскую диссертацию, посвященную проблемам эффективности правоприменительных актов³, а лекцию 16 «Толкование права» – специалист в области толкования норм права профессор Н.Н. Вопленко.

Такой положительный опыт подготовки учебной литературы был взят на вооружение и использован в при работе известного всем теоретикам права учебника под названием «Общая теория государства и права» под редакцией М.Н. Марченко, который был издан в 3 томах⁴.

Отчасти данный принцип подготовки учебников был применен и при подготовке нашего кафедрального учебника «Теория государства и права», который вышел в свет под редакцией В.Б. Исакова в этом году. В нем темы «Нормативные правовые акты», «Нормотворчество и нормотворческий процесс. Систематизация

¹ См.: Саидов А.Х. Теоретические проблемы советского сравнительного правоведения: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1984.

² См.: Радько Т.Н. Функции социалистического общенародного права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967.

³ См.: Лазарев В.В. Правоприменительные акты и их эффективность: дис. ... доктора юрид. наук. Москва, 1977.

⁴ См.: Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / под ред. М.Н. Марченко. 3-е изд. Москва, 2007.

законодательства. Юридическая техника» были подготовлены мною, а тема «Толкование норм права» доцентом А.К. Соболевой¹.

Сегодня трудно найти классическую тему общей теории права, по которой бы не высказался профессор В.К. Бабаев. Это и понятие права, и нормы права, где В.К. Бабаев, несмотря на то, что был учеником профессора С.С. Алексеева, который активно пропагандировал логическую структуру нормы права, отмечал в своих работах, что нет смысла искать все три элемента нормы права в первичных, учредительных нормах права. Это и его специфическое понимание юридической ответственности, предусмотренной правовыми нормами обязанности субъекта права претерпевать неблагоприятные для него последствия правонарушения. Здесь также можно вспомнить дефиницию правовой системы, предложенную профессором В.К. Бабаевым, согласно которой под правовой системой следует понимать «совокупность взаимосвязанных, согласованных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, а также элементов, характеризующих уровень правового развития той или иной страны»². Аналогичные примеры можно еще долго приводить...

Таким образом, можно констатировать, что научное наследие профессора В.К. Бабаева весьма важно и нуждается в серьезном научном осмыслении, всестороннем изучении.

По нашему мнению, оно может быть оформлено даже в форме кандидатской диссертации по такому направлению специальности, как 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». Подобные прецеденты уже имеются. Так, например, в 2014 году в городе Саратове соискатель К.В. Шубенкова успешно защитила кандидатскую диссертацию, посвященную теоретическим взглядам профессора А.С. Пиголкина³, который был одним из моих соавторов по первому изданию нормографии⁴.

¹ См.: Теория государства и права: практикум / под общ. ред. В.Б. Исакова. Москва, 2020.

² Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 85.

³ См.: Шубенкова К.В. Теоретико-правовые концепции А.С. Пиголкина: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014.

⁴ См.: Нормография: теория и методология нормотворчества: учебно-методическое пособие / под ред. Ю.Г. Арзамасова. Москва, 2007. С. 129–148.

Идею о том, что научное наследие профессора В.К. Бабаева реально может стать предметом кандидатской диссертации, подтверждают и его работы, посвященные исследованию правовых презумпций.

Защитив в 1969 году под научным руководством известного цивилиста и теоретика права профессора С.С. Алексеева кандидатскую диссертацию на тему «Презумпции в советском праве»¹, Владимир Константинович на века вписал свое имя среди не только классиков теории права, но и нормографии: теории и технологии нормотворчества.

Так, например, во втором издании учебника «Нормография: теория и технология нормотворчества» в объемном параграфе, подготовленном мною совместно с профессором М.Л. Давыдовой, который носит название «Понятие и средства нормотворческой юридической техники», мы активно цитируем профессора В.К. Бабаева², а точнее его научную статью «Презумпции в российском праве и юридической практике», взятую из обзора материалов научно-методологического семинара, опубликованную в журнале «Государство и право» в 2000 году³.

И это не просто так, ведь свой, хотя трудный, но интересный и, как мы понимаем сейчас, плодотворный путь в науке профессор В.К. Бабаев начал с учения о презумпциях.

Несмотря на то, что презумпции исследовали многие ученые-юристы (С.С. Алексеев, В.П. Воложанин, С.А. Голунский, О.С. Иоффе, В.И. Каминская, В.А. Ойгензихт, М.С. Строгович, В.А. Туманов), и, естественно, были различные мнения относительно их понимания и классифицирования, определения их места среди средств юридической техники, Владимир Константинович сделал интересные, на наш взгляд, обобщения и классификации, что позволило ему внести свой вклад в раскрытие сущности правовых презумпций. Так, например, профессор В.К. Бабаев

¹ См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969.

² См.: *Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов* / под ред. Ю.Г. Арзамасова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2020. С. 126–128.

³ См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в российском праве и юридической практике // Обзор материалов научно-методологического семинара // Государство и право. 2000. № 12.

определил презумпцию как предположение о наличии или отсутствии предметов, связей, явлений, основанное на связи между ними, связями, явлениями наличными, подтвержденными жизненной практикой¹.

В последнее время не только в диссертационных исследованиях по теории права, но и в работах, подготовленных в рамках отраслевых исследований права, мы находим различные трактовки понятия «правовая презумпция». Так, например, Д.М. Щекин предложил понимать под презумпцией «прямо или косвенно закрепленное в законодательстве и детерминированное целями правового регулирования общеобязательное суждение, имеющее вероятностную природу, о наличии или отсутствии одного юридического факта при наличии другого юридического факта»².

Н.Н. Цуканов считал, что правовую презумпцию следует понимать, как «закрепленную в норме права юридическую обязанность признать определенный (резюмируемый) факт при наличии факта исходного, пока иное не будет установлено правоприменительным решением компетентного субъекта»³.

Между тем рассмотрение понятия «презумпция» не решает всех проблем, связанных с раскрытием сущности презумпций. В связи с этим большое теоретическое значение имеет классификация презумпций, так как практически любая наука не может существовать без классифицирования. Юриспруденция здесь не является исключением.

С этой точки зрения представляет определенную ценность, как для общей теории права, так и для нормографии, идея профессора В.К. Бабаева подразделять презумпции на два вида:

1) общеправовые презумпции, которые действуют во всех отраслях права и которые фактически стали принципами права. Их вряд ли можно рассматривать в качестве средств и приемов

¹ См: *Бабаев В.К.* Презумпции в российском праве и юридической практике // Обзор материалов научно-методологического семинара // Государство и право. 2000. № 12. С. 85.

² *Щекин Д.М.* Юридические презумпции в налоговом праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. С. 22.

³ *Цуканов Н.Н.* Правовые презумпции в административной деятельности милиции: дис ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 55.

юридической техники. Это принизило бы их роль! К таким презумпциям следует отнести:

а) презумпцию истинности и целесообразности норм права, в соответствии с которой все юридические нормы предполагаются правильно отражающими общественные отношения и дающими им адекватную оценку;

б) презумпция правосубъектности лиц и организаций, вступающих в правовые отношения, предполагающая, что все участники правоотношений наделены правоспособностью;

в) презумпция добропорядочности гражданина;

г) презумпция знания законов субъектами права.

Общеправовые презумпции выступают, таким образом, в качестве предпосылок действия правовых норм и проявляют себя в материально-правовом значении.

Роль принципов права (но не общеправовых, а межотраслевых или отраслевых) играют такие презумпции, как презумпция истинности приговора или решения суда, вступивших в законную силу; презумпция вины причинителя вреда и др.;

2) презумпции как приемы юридической техники (это и позволяет относить В.К. Бабаева к основоположникам нормографии). По своей значимости данные презумпции не достигли еще уровня презумпций-принципов. Их роль намного скромнее, тем не менее она значительна. К таким презумпциям относятся:

а) презумпция отцовства;

б) презумпция равенства доли каждого супруга при разделе совместно нажитого в браке имущества (если, конечно, нет брачного контракта);

в) презумпция смерти лица, безвестно отсутствующего более трех лет;

г) презумпция отказа истца от исковых требований, дважды не являвшегося без уважительных причин на судебное заседание и др.

Следует заметить, что такие презумпции могут иметь как материально-правовое, так и процессуальное значение, помогая решить дело по существу, сокращая и упрощая процесс доказывания и распределяя бремя доказывания. Следовательно, можно выделить презумпции материально-правовые и процессуальные.

Помимо этого, презумпции как нормы права могут быть написаны при помощи как императивного (авторитарного) метода

правового регулирования, так и диспозитивным методом (автономным). Следовательно, можно выделить императивные и диспозитивные презумпции.

Используя терминологию профессора В.К. Бабаева, следует указать, что презумпции могут быть не только общеправовыми и презумпциями, являющимися по своей сути приемами нормотворческой юридической техники, но и презумпциями-принципами. Например, презумпция знания закона, презумпция истинности нормативного правового акта. Хотя, как показывают реалии, не все граждане и иные физические лица, находящиеся на территории нашего государства, знают и хотят знать законы.

Однако знать все законы практически невозможно! Здесь следует заметить, что граждане, согласно Конституции Российской Федерации, должны не знать, а соблюдать законы! Но здесь возникает вопрос: как можно соблюдать нормы законов, не зная их?

На помощь приходят общепринятые нормы морали, которые в основе своей не противоречат нормам федеральных законов.

Помимо этого, как показывает практика, федеральные и региональные законы не всегда соответствуют конституционным нормам и международным стандартам о правах и свободах человека и гражданина, а также средствам нормотворческой юридической техники.

Как видим, научный задел в области исследования сущности правовых презумпций, их классификации был сделан профессором В.К. Бабаевым. Между тем классифицирование презумпций представляет собой довольно сложную работу, ведь до сих пор еще не выработана общая многоступенчатая классификация презумпций, расставляющая по полочкам все их виды.

«Резюмируя сказанное, считаю необходимым перечислить основные признаки (характерные особенности) презумпций. Наибольшую значительность представляют следующие признаки презумпций:

- 1) содержат вероятное предположение;
- 2) искусственно сформулированная норма права;
- 3) абстрактно сформулированная норма права;
- 4) специфическое дополнительное юридическое средство нормативного построения, которое редко используется законодателем.

На основе перечисленных и ряда других признаков выведем общее понятие правовой презумпции, которое опирается на идеи профессора В.К. Бабаева.

Правовая презумпция – это абстрактное, искусственно сформулированное разработчиками норм права и закрепленное в нормативных правовых актах вероятное предположение, изначально представляющее собой специальное средство нормотворческой юридической техники, которое при определенном фактическом составе, многократном применении и признании специалистов становится не простым правилом поведения (нормой права), а правовым принципом»¹.

УДК 340

Баранова М.В.,

доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Преemptивность и рецепция как тренды современной правовой политики

Изолированное существование единичной правовой системы на современном этапе развития социальных образований представляется неким фантастическим измышлением, поскольку в той или иной степени опыт правового регулирования, примеры устройства и функционирования других национальных правовых систем оказывают взаимное воздействие. «Социальная интеракция проходит непрерывно, как на микро-, так и на макроуровне, демонстрируя взаимодействие, взаимовлияние людей, мелких и крупных социальных общностей, целых государств»².

¹ Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов / под ред. Ю.Г. Арзамасова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2020. С. 128–129.

² Смелзер Н. Социология / пер. с англ. Москва, 1998. С. 152–154.

Безусловно, процессы взаимодействия сложны, протекают трудно, могут вызывать неоднозначные последствия, встречать сопротивление при восприятии. Солидаризируясь с Т. Джефферсоном, следует признать, что «очень сложно убедить большую часть рода человеческого отбросить то, чему они когда-то научились и в чем теперь преуспели, и учиться чему-то заново. Лишь время незаметно стирает старые привычки и неспешно вносит небольшие изменения, нам же всем нужно привыкнуть к этому процессу и спокойно следовать за теми, кто ушел до нас»¹. В настоящее время с высокой долей уверенности можно констатировать наличие «общих современных трендов» в развитии права и правовой доктрины, проявляющихся в конвергенции научного знания о праве, диффузности изысканий и идей. Вместе с трансдисциплинарностью, свойственной постиндустриальному периоду существования общества, выстраивается некая «новая реальность», требующая нового видения правовой науки и практики. В этих условиях, наряду с привнесенными инновациями, обновлением, модернизацией, происходит генезис новых традиций, закрепляющих видоизмененные представления и элементы юридической практики. Непривычное, ненормальное, ранее несочетаемое, возможно, отторгаемое становится частью нового бытия, преобразуя представление о нормальности правовой жизни. Правовая политика как «...деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования...»² придает характер ценности инновационным достижениям в праве. Ценность здесь выступает одним из возможных, но весьма противоречивых и неоднозначных критериев истинности властных велений, необходимых для проведения программируемых преобразований. Практически за счет конвенциональной договоренности о признании ценности осуществляется формирование новых правовых догматов, преобразование прошлых либо их импорт из иных правовых систем за счет рецепции.

¹ *Джефферсон Т.* Свет и свобода: Размышления о стремлении к счастью / под ред. Э.С. Петерсена; пер. с англ. О. Цыбенко. Санкт-Петербург, 2015. С. 114.

² *Малько А.В.* Теория правовой политики. Москва, 2012. С. 42–43.

В этой связи очевидным представляется придание правовой политике особого статуса, обусловленного ее возможностью реализации устремлений экономической, социальной, культурной политики. Значимым представляется обращение исследователей к направленности правовой политики на обеспечение должного качества правового регулирования, хотя следует признать, что должный уровень правовой жизни общества, правосознания, правовой культуры обеспечивается не только с помощью правового регулирования. Более корректно говорить о правовом воздействии в целом.

Правовое воздействие основано на применении особого юридического инструментария, дающего возможность качественно улучшать и упорядочивать жизнь граждан. Социальное воздействие уникально возможностью не только обеспечить определенную модель поведения человека, но и обозначить четкие пределы допустимого, дать позитивные стереотипы и установки. Руководствоваться общепринятыми правилами, придерживаться заданной модели поведения привычно и некоторым образом выгодно для индивида. Обладая чувством самосохранения, человек самостоятельно, добровольно осознает зависимость комфортного существования от умения держаться в обозначенных правовых рамках, осваивает новые формы исторически обусловленного компромиссного поведения. Профессор Г.В. Мальцев в рамках анализа культурных традиций права отметил, что «одной из первейших способностей, которыми должен был овладеть древний человек, была жизненно необходимая способность договариваться и ладить с другими. Этому учил его опыт сакрального контрактуализма»¹. Право опирается на идею соглашения, воплотившуюся в жесткой нормативности, реализуемой с помощью широкого спектра специализированных технико-юридических инструментов. Правовая политика актуализирует еще один тренд – модернизацию либо поиск новых способов использования технико-юридических средств, методов, приемов. Механизмы преемственности и рецепции позволяют результативно двигаться в этом направлении.

¹ *Мальцев Г.В.* Культурные традиции права: монография. Москва, 2013. С. 206.

Профессор В.К. Бабаев, отмечая практическую значимость исследования преемственности в праве, говорил, что «знания в этой области позволяют выделить конкретные направления и пределы заимствования отечественным правом элементов прошлых типов права»¹. Сложность здесь представляет как определение необходимого, обусловленного объективной реальностью и субъективными возможностями направления, так и возможные, допустимые пределы заимствования. Объем понятия преемственности в отечественном правоведении подвержен колебаниям. Весьма широко трактовал преемственность Н. Неновски, находя ее проявление в использовании правовых элементов прошлого, например, нормативных правовых установлений, отдельных институтов, принципов, элементов правовой системы, правовых форм, терминологии. Также Н. Неновски указывал на преемственность в сфере правотворчества – в законодательной технике, систематизации законодательства и в области применения права – в толковании права, формах функционирования процессуальных институтов. Исследователь отмечал возможность преемствования как по горизонтали (временной фактор), так и по вертикали (пространственный фактор)².

Смежными с преемственностью категориями являются «правовая аккультурация», «рецепция» и «конвергенция». Эти понятия отражают подходы к восприятию связей во времени и пространстве. Правовая аккультурация традиционно понимается как процесс взаимодействия правовых систем, приводящий к их изменению, усвоению ими новых элементов правовой культуры. Результатом глобального процесса правовой аккультурации является рецепция государственных властных установлений, юридических конструкций, концепций. Представляя собой связь прошлого и настоящего одной национальной правовой системы либо взаимодействие между разными национальными правовыми системами, преемственная связь являет собой связь, регулирующую заимствование правового опыта и одновременно сохраняющую накопленный юридический опыт. Примечательно, что в современной России

¹ Бабаев В.К. Советское право как логическая система. Москва, 1978. С. 75.

² См.: Неновски Н. Преемственность в праве / пер. с болг. Москва, 1977. С. 134.

трендом 90-х годов 20 века было именно заимствование элементов иных правовых систем, обусловленное коренными изменениями в социальной, политической и правовой жизни страны, встраиванием в мировое сообщество в новом качестве. Сохранение, поиск правовых решений в прошлом, порой отдельные «псевдо-попытки» возврата исторических юридических ценностей характерны для периода с 2010 по 2020 год. Целесообразность данного тренда скорее всего обусловлена стремлением к стабилизации бытия социума в историческом развитии, однако, как и заимствование, вызывает массу сложных моментов и проблем, неоднозначных последствий.

Подходы к пониманию преемственных связей колеблются от отождествления преемственности, рецепции и правовой аккультурации до полного размежевания этих понятий. Пристальное внимание правоведов привлекает вопрос разграничения преемственности и рецепции как основных видов преемственных связей. Анализ результатов научных изысканий позволяет укрепиться во мнении о корректности использования фактора субъекта. В случае с преемственностью заимствуется собственный исторический опыт государства в правовом воздействии, а в случае рецепции – это опыт других правовых систем. Таким образом, можно говорить о преемственности и рецепции в праве как об основных видах преемственных связей.

Преемственность и рецепция представляют собой специфические технико-юридические средства, каналы, способствующие повышению эффективности правового воздействия, находящемуся в тесной взаимосвязи с правовой политикой, формами ее реализации, основываются на них. Основные формы реализации правовой политики (правотворческая, правоприменительная, правоинтерпретационная, доктринальная, правообучающая), анализ сохраненных и обретенных посредством преемственности и рецепции правовых знаний, умений, навыков, технико-юридического инструментария позволяют выявить пути повышения эффективности правового воздействия.

Во-первых, следует говорить о необходимости повышения качества правотворческого процесса, как по форме, так и по содержанию, включая обоснование целесообразности принимаемых норм права.

Во-вторых, необходимо понимание и принятие на массовом уровне неразрывной взаимосвязи правового воздействия, законности и правопорядка.

В-третьих, совершенствование правореализационной практики. Особое значение в этой связи обретает позитивное преобразование правоприменения как архизначимой, властной формы претворения в жизнь государственных велений.

В-четвертых, повышение уровня правоинтерпретационной юридической техники, создающей фундамент для эффективной властной и невластной реализации.

В-пятых, воспитание и укрепление ценностного восприятия юридической науке, ее поступательное развитие, поиск «наддисциплинарных» и «междисциплинарных» связей и инноваций.

В-шестых, модернизация и повышение качества научной и профессиональной подготовки лиц, занятых в сфере юридической практики, правовой регламентации этих процессов. В условиях технологизации формирования юриста сама модель специалиста должна соответствовать вызовам времени, опираться как на отечественную традицию, так и на передовой мировой опыт.

В-седьмых, повышение уровня правосознания и правовой культуры участников процесса правового воздействия.

Профессор Н.И. Матузов, отмечая направленность правовой политики на повышение эффективности правового воздействия, справедливо отмечал, что «в практическом плане правовая политика представляет собой разностороннюю деятельность субъектов, направленную на решение конкретных задач, таких как совершенствование юридической системы, повышение эффективности правового регулирования, укрепление законности и правопорядка, борьба с преступностью, обеспечение прав и свобод граждан и усиление их гарантий, становление должного правосознания и правовой культуры общества, формирование законопослушной личности...»¹. Опираясь на данное авторитетное мнение, можно дифференцировать основные задачи правовой политики, решение которых во многом

¹ Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 56. С. 32.

обусловлено планомерностью, продуманностью и эффективностью преемственности и рецепции:

- своевременное совершенствование юридической системы в соответствии с политическими, экономическими, социальными, культурными вызовами в русле лучших образцов мирового опыта в правовой сфере, совершенствование юридической техники;

- повышение эффективности правового воздействия через рецептирование или стабилизацию в рамках преемственности;

- укрепление законности и правопорядка при гармоничном использовании широкого спектра средств и способов воздействия на личность, отношения, общество в целом;

- борьба с преступностью (инструментарий формируется с опорой на эффективные достижения отечественной правоохранительной деятельности и пригодный к использованию зарубежный опыт);

- обеспечение прав и свобод граждан, усиление их гарантий (изначально базируется на концепте «старых демократий», рецептированном и переработанном в соответствии со спецификой российской национальной правовой системы);

- становление высокого уровня правосознания и правовой культуры в социуме в контексте глобальных процессов инкультурации и аккультурации;

- формирование законопослушной личности (спектр средств здесь довольно широк и обусловлен сложным сочетанием заимствованного на разных исторических этапах и сохраненного и преобразованного опыта).

Правовая политика как деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового воздействия на правовую жизнь через развитие институтов преемственности и рецепции способна проявлять себя как в стремлении к стабилизации (вплоть до искусственной «заморозки» исторически устоявшихся правовых догматов), так и во внедрении привнесенных в национальную правовую систему юридических инноваций (с возможным созданием новых догм). Преемственность и рецепция права опосредуют и в некоторой степени определяют основополагающие задачи правовой политики на современном этапе развития социума, что делает их настоящими трендами современности, трендами правовой политики.

*Бережной А.А.,
начальник Управления на транспорте МВД Рос-
сии по Приволжскому федеральному округу*

**Доктринально-прикладные проблемы
уголовно-правового противодействия преступлениям
экстремистско-террористического толка**

Актуальность выбранного для исследования направления обусловлена двумя основополагающими детерминантами. Во-первых, это активное распространение экстремистско-террористических идеологий в современном мире, где Российская Федерация не является исключением. Во-вторых, юридическая неопределенность как в концептуальных признаках преступлений экстремистско-террористического толка, так и в их системе, что существенно затрудняет реализацию эффективных законодательных инструментов противодействия им, то есть фактически мы видим сегодня, с одной стороны, состояние неопределенности, а с другой – поиск новых юридико-технических механизмов борьбы с различными формами проявления экстремистской и террористической деятельности, что и демонстрирует современный курс уголовной политики в исследуемой области¹.

Учитывая вышеотмеченные особенности, полагаем, что первой дискуссионной площадкой в рассматриваемом сегменте научного познания выступает проблема соотношения экстремизма и терроризма. Например, в доктрине по данному вопросу отсутствует единство в их понимании и соотношении. Особенности разграничения в юридической науке связаны с отсутствием четкого научно обоснованного разведения вышеуказанных понятий.

¹ См.: *Петрянин А.В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: монография. Москва, 2017. С. 4; *Его же.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 3.

Считаем, что методологическое соотношение взятых для изучения дефиниций, в первую очередь, должно строиться на их этимологическом содержании. Термин «террор» является производным понятием от латинского слова «*terror*», означающего ужас и страх. В целом данный концепт, с учетом выделения дополнительных признаков, поддерживается и в российской справочной литературе. Так, например, в Толковом словаре В.И. Даля терроризм наделяется следующими признаками: является формой преступной деятельности, сопряжен с устрашением казнью или смертью¹. Вместе с тем, в Словаре русского языка С.И. Ожегова дается более развернутое его толкование, предлагающее рассматривать терроризм как форму насилия, применяемого в отношении политических противников².

Объединяя эти общие трактовки, приходим к выводу о том, что терроризм – это крайняя форма противоправно-политической борьбы, обязательно сопряженной как с устрашением, так и с физическим уничтожением не только политических фигур, но и обычных граждан, то есть конструктивным признаком деяний террористического толка выступают методы борьбы, связанные с посягательствами, порождающие страх у неограниченного числа лиц, используемых для достижения своих политизированных целей. Отмеченные характеристики терроризма находят свое отражение и на площадке международного сотрудничества³.

Экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) как явление уходит своими корнями в глубокую древность. Первый подход к определению содержания рассматриваемого понятия исходит из содержания латинских терминов «*extremitas*» и «*extremus*». Эти

¹ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 1985. Т. 4. С. 401.

² См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Москва, 2008. С. 779.

³ См.: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41, ст. 3941; *Петрянин А.В.* Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // Юридическая техника: Ежегодник. 2011. № 5. С. 373–377.

дефиниции употреблялись для описания самой отдаленной позиции относительно какой-либо точки измерения. В частности, термин «*extremitas mundi*» означал «границу мира»¹. Второй подход определяет, что латинский термин «*extremus*» происходит от греческого корня «*trema*» (открытие, просека). В таком случае под производным термином «*extremus*» мог пониматься тот, кто покинул границы укрепления полиса (греч. *polis*) для того, чтобы отказаться от внутренних обязанностей по отношению к принятым в нем ценностям и больше не быть к нему причастным².

Вместе с тем, в научный оборот рассматриваемое понятие было введено лишь в начале XX века М. Лероем, предложившим понимать под экстремизмом форму политической противоправной борьбы³, однако в классических российских толковых и справочных словарях данная дефиниция не получила своего разъяснения⁴, хотя современные энциклопедисты придерживаются приема, предложенного М. Лероем, и придают экстремизму глубокий политический оттенок в форме приверженности к идеологии к крайним взглядам и действиям в политике⁵.

На основе вышеизложенного приходим к выводу о том, что экстремизм и терроризм – взаимодополняемые и смежные явления, на что и делается особый акцент как в доктрине, так и в действующем законодательстве.

Современное российское правовое поле содержит специализированные нормативные акты, определяющие юридические характеристики экстремистской и террористической деятельности. Так, Федеральный закон «О противодействии терроризму» в ст. 3

¹ See: *Ermert M.* Der Extremismus im Strafrecht: Eine begriffsanalytische Analyse auf sozialwissenschaftlicher und verfassungsrechtlicher Grundlage. Herbolzheim: Centaurus-Verl., 2007. Zugl., 2003. S. 36–37.

² Там же.

³ См.: *Писаренко О.Н.* Экстремизм как социальное явление // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 212–219.

⁴ Энциклопедический словарь: в 86 т. / под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. Санкт-Петербург, 1904. Т. 79. 330 с.; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 1956. Т. 4.

⁵ См.: Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В.И. Бородулин, А.П. Горкин [и др.]. Москва, 2001. С. 829.

закрепляет определение терроризма, раскрывая его как идеологию насилия, преследующую цель воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, сопряженную с устрашением населения¹. Предложенная формулировка дает основание утверждать, что терроризм, кроме своего глубокого политического содержания, в отличие от экстремизма, о чем будет сказано далее, характеризуется совершением исключительно насильственно-противоправных действий.

Рассматривая юридическое понятие экстремизма, необходимо обратиться к положениям Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»², в рамках которого предпринята попытка закрепления дефиниции «экстремизм». Отметим, что прием, предложенный в этом нормативном правовом акте, существенно отличается от рассмотренного выше, однако имеет огромное значение в формулировании и демонстрации государственной позиции во взятой для изучения области³.

Первое отличие выражается в интерпретации определения «экстремизм». В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» предложено отождествление понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», чего нет в Федеральном законе «О противодействии терроризму» при соотношении терминов «терроризм» и «террористическая деятельность».

Второй отличительной особенностью выступает полный уход от демонстрации унифицированного понятия «экстремизм»⁴.

¹ О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11, ст. 1146.

² О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

³ См.: *Востриков П.П., Петрянин А.В.* Концептуальные особенности государственной политики противодействия экстремизму: теоретико-правовые аспекты // *Власть*. 2014. № 3. С. 101–106.

⁴ См.: *Петрянин А.В.* Направления уголовно-правового определения признаков экстремизма: теоретико-правовой аспект // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2014. № 3 (27). С. 136–140.

В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» применен прием, сопряженный с закреплением лишь перечня видов экстремистской деятельности и породивший наибольшее количество дискуссий в доктрине¹. С нашей точки зрения, главным методологическим недочетом такого подхода выступает отсутствие критериев, которые и давали бы легитимное основание относить указанные в предложенном перечне формы противоправного поведения к экстремистским. Они и должны быть отражены в унифицированном определении экстремизма.

Полагаем, что применение различных подходов к дефинированию понятий «экстремизм» и «терроризм» в дальнейшем и повлияло на формирование отличных друг от друга приемов при формировании системы преступлений экстремистской и террористической направленности.

Например, система террористических деяний, в отличие от экстремистских, имеет закрытый перечень, закрепленный в статьях 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁶ Уголовного кодекса Российской Федерации, который расширительному толкованию не подлежит. Ознакомление с ним дает основание выступить с научной гипотезой о том, что преступления террористической направленности создают непосредственную угрозу лишь общественной безопасности, конституционному строю и безопасности государства, миру и безопасности человечества.

Рассматривая же преступления экстремистского толка, отметим, что на стадии формирования уголовной политики в области противодействия экстремизму был также использован похожий юридико-технический прием, закрепивший в диспозиции ст. 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации исчерпывающий перечень этих деяний. В настоящее же время законодатель внедрил несимметричный, полностью полярный прием, отраженный в примечании 2 к ст. 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, легитимизирующий основание

¹ См.: *Петрянин А.В.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. С. 2.

для признания любого умышленного преступления экстремистским при доказанности одноименной мотивации, то есть объектами уголовно-правовой охраны, при совершении деяний экстремистского толка выступают не только общественные отношения, обеспечивающие безопасность конституционного строя и государства, но и все иные блага и ценности, находящиеся под охраной Уголовного закона России.

Вместе с тем, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» поставил официальную точку в соотношении экстремизма и терроризма. В частности, в соответствии с его положениями террористическая деятельность является разновидностью экстремистской и выступает его крайней, то есть наиболее радикальной, формой выражения.

Проведенное исследование дает основание сделать следующие выводы:

– во-первых, уголовная политика в области формирования общегосударственной стратегии противодействия преступлениям экстремистско-террористической направленности находится в фазе активного формирования и развития¹, о чем свидетельствует как модернизация системы данных деяний, так и использование отличающихся друг от друга приемов;

– во-вторых, с учетом представленных законодательных систем преступлений экстремистской и террористической направленности методологически обосновано объединение их в общую группу деяний экстремистско-террористического толка по причине рассмотрения терроризма и экстремизма как части и целого;

– в-третьих, предлагаемая нами систематизация позволит более комплексно подойти к противодействию исследуемым группам преступлений, что обосновывается их схожим характером и уровнем общественной опасности.

¹ См.: Черных Е.Е., Кузьменко В.С., Петрянин А.В. Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направления и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 159–164.

Варенцова Л.Ю.,

*кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России*

Основные тенденции политического и социально-экономического развития царского домена в Российском государстве в XVII веке

Актуальность данной темы определяется тем, что современный этап исторического развития России связан с преобразованиями в области политической системы, в сфере социальных отношений, с формированием и совершенствованием рыночных отношений. Организация эффективного использования частного сектора в экономике предполагает обращение к многовековому российскому историческому опыту. Важнейшее место в экономике Российского государства XVII века занимали частновладельческие дворцовые земли, располагавшие особой системой власти, собственным хозяйством. Их управление копировало систему управления в государстве, было связано и сопоставимо с ней. Дворцовые земли имели самое передовое хозяйство в стране. На их территории велась определенная социальная политика.

Новизна работы обусловливается постановкой научной проблемы, введением новых исторических источников в научный оборот. Цель данной статьи – выявить основные тенденции политического и социально-экономического развития царского домена в Российском государстве в XVII веке. Нами использовались труды известных российских правоведов и историков Н.П. Загоскина, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.Е. Романовского, В.О. Ключевского, И.Е. Забелина, С.Б. Веселовского, А.И. Заозерского, Я.Е. Водарского, А.Г. Манькова. Источниковую базу составили неопубликованные и опубликованные делопроизводственные материалы, памятники права XVII века, мемуары. Методологической базой послужили системно-исторический, проблемно-хронологический, синхронический методы научного исследования.

В XVII веке в Российском государстве сложилось два основных вида земельной собственности: 1) государственная; 2) частная¹. Разновидностью частного землевладения являлись дворцовые земли². Царский домен (фр. *Bomaine*, от лат. *Dominium* – владение) – это царские наследственные земельные владения, состоявшие из вотчин в разных уездах, городов, волостей, сел, слобод, деревень, лесов, рек, озер, лугов. Московскому государю принадлежало право на обладание недвижимым имуществом для содержания себя, своего семейства и царского двора³.

Царский домен занимал важное место в сфере крупной феодальной земельной собственности. Вотчины Дома Романовых к 1613 году располагались в виде отдельных городов, сел, деревень, починков, пустошей, лесов, лугов на территории 30 уездов Российского государства. Самое большое количество царских земель находилось в Московском, Костромском, Каширском уездах, Бежецком Верхе⁴. К концу XVII века масштабы дворцового землевладения в России удвоились, выросла прибыль от царских вотчин, которые располагались приблизительно в 60 уездах Российского государства.

Наибольшее количество дворцовых земель находилось в центральной части Российского государства. Значительное количество дворцовых вотчин располагалось в северо-западной и северо-восточной части России, некоторые дворцовые земли – в южной части страны, а также в Поволжье и близлежащих регионах. Масштабы дворцового землевладения увеличивались на протяжении всего XVII века, возрастала прибыль от царских вотчин. Немецкий путешественник и дипломат А. Олеарий в своих мемуарах «Описание путешествия в Московию» (глава XLVI) отметил: «Земли,

¹ См.: *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. Москва, 1988. С. 3.

² См.: *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. Санкт-Петербург, 1998. С. 65.

³ См.: *Загоскин Н.П.* История права Московского государства. Казань, 1871. Т. 1. С. 181.

⁴ См.: Алфавитный список земельных владений Дома Романовых в XVI–XVII ст. // *Кожевников М.* Земельные владения Дома Романовых в XVI и XVII ст. Составлено по опубликованным писцовым книгам и трудам разных ученых обществ и отдельных лиц. Санкт-Петербург, 1913. С. XV–XLII.

провинции и города доставляли ежегодно большой доход, в его, царского величества, казну»¹.

Домениальные владения не являлись величиной постоянной. Размеры царского домена, его доходность постоянно видоизменялись. Количество дворцовых земель возрастало за счет наследования, покупки, захватов черносошных территорий, присоединения выморочных и конфискованных владений знати. Домен имел важное государственное значение. Служилые люди по отечеству, царские фавориты, монастыри получали из его состава поместья или вотчины.

Дворцовые вотчины основывались, как правило, на лучших землях страны. Нередко они продавались в вотчины, при этом оценивались в 1,5 раза дороже, чем земли из государственного пахотного фонда². Продажа царских земель производилась из приказа Большого дворца³. Форматы дворцового землевладения в России в XVII веке находились в зависимости от социально-экономических или политических факторов.

Дворцовые владения находились в распоряжении специально учрежденных приказов, осуществлявших руководство домениальными владениями. Среди них ведущее место занимал приказ Большого дворца, деятельность которого отличалась стабильностью, прибыльностью, масштабностью. Его ежегодные доходы достигали 120 000 рублей⁴. Это была достаточно крупная сумма денег, составлявшая примерно 1/10 часть всего бюджета Российского государства (1 220 367 рублей) во второй половине XVII века⁵. Во главе приказа Большого дворца находились представители первостатейной российской знати (бояре

¹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск, 2003. С. 229.

² Соборное Уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. Санкт-Петербург, 1830. Т. 1. С. 98.

³ Переписная книга документов приказа Тайных дел 1676 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией (далее – РИБ). Санкт-Петербург, 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 149.

⁴ См.: *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Москва, 2000. С. 111.

⁵ См.: Россия. Энциклопедический словарь. Ленинград, 1991. С. 186.

В.В. Бутурлин, Т.Н. Стрешнев, окольничьи Б.М. Хитрово, Ф.М. Ртищев, князь В.Ф. Одоевский)¹.

В ведении приказа Большого дворца был Новгородский дворцовый приказ², заведовавший домениальными землями и обустроенным на них хозяйством в пределах новгородских пятин, осуществлявший финансовые, судебные, полицейские функции, привлекавший в государевы вотчины новых переселенцев.

Приказ Тайных дел – центральное ведомство по управлению дворцовыми землями в 1654–1676 годах, был создан царем Алексеем Михайловичем. В подчинении Тайного приказа находились хозяйственные и торговые дела в 20 уездах Российского государства³. Под началом приказа Тайных дел в 1655–1676 годах функционировал Хлебный приказ, учрежденный для управления выморочными вотчинами боярина Н.И. Романова⁴ в 15 уездах России⁵ – родственника царя Алексея Михайловича, владения которого пополнили царский домен.

Основным звеном местного управления в дворцовых городах и крупных селах являлись воеводы, которые назначались с согласия царя на места на 1–2 года из числа бояр, дворян, детей боярских⁶. За особые заслуги перед государем срок их службы мог продлиться до трех лет⁷. На них возлагалась полная ответственность за вверенную

¹ См.: Московские старинные приказы // Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся, изданная Н. Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при императорском Московском университете. Москва, 1791. Ч. XX. С. 284–286.

² См.: *Селин А.* Новгородские приказы в 1611–1617 гг. // Отечественная история. 2008. № 6. С. 53.

³ См.: *Заозерский А.И.* Царская вотчина в XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. Москва, 1937. С. 18–19.

⁴ См.: Дела Тайного приказа // РИБ. Санкт-Петербург, 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 22.

⁵ См.: *Водарский Я.Е.* Опись владений Хлебного приказа как источник по социально-экономической истории и исторической географии России второй половины XVII в. // Археографический ежегодник за 1970 г. Москва, 1971. С. 138–144.

⁶ См.: *Романовский В.Е.* Государственные учреждения Древней и Новой России. Москва, 1911. С. 417.

⁷ См.: 1678 г. мая 3. Грамота белозерскому воеводе Н. Тарakanову, об оставлении его на третий год, с похвалою за его службу // Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией (далее – ДКАИ). Санкт-Петербург, 1862. Т. 8. С. 62–63.

царскую вотчину. Приказчики – это представители центральной власти на территории тех дворцовых сел, волостей, малых городов, где имелось дворцовое хозяйство¹, например, были заведены государевы десятинные пашни². Административный и социальный статус приказчика приравнивался к воеводе. Дворы воевод и приказчиков строились и содержались силами дворцового населения.

Основным правительственным учреждением дворцовой вотчины считалась съезжая изба. В нее поступали сведения из приказов, решались экономические, судебные дела, она же служила местом сбора крестьянской или посадской общины³. Земские органы управления – старосты и целовальники – избирались дворцовым населением ежегодно⁴. Их главное назначение – раскладка и сбор податей, выполнение государевых повинностей, согласно наказам – «памятям» из столичных дворцовых приказов⁵. В дворцовых селениях полицейские и судебные функции наряду с воеводами и приказчиками выполняли губные власти, под надзором которых могло находиться от одной до трех тюрем⁶.

Дворцовое хозяйство включало три различных направления развития: сельское хозяйство, промыслы и мануфактурное производство. Оно обслуживалось в основном трудом дворцовых уездных и посадских людей.

Ведущее место в экономике царского домена занимало многоотраслевое сельское хозяйство. В разных частях России заводились царские пашни, сады, огороды, конюшни, скотные дворы, птичники, пчельники⁷. Их продукция поставлялась для царской семьи, а также для продажи на внутрисосудском

¹ См.: Отписка 1602 г. кушалинского дворцового приказчика Ф. Шишмарева царю Б. Годунову // *Антилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. Москва, 1967. С. 427–431.

² См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). г. Москва. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1520. Л. 3 об.

³ *Богоявленский С.К.* Научное наследие. Москва, 1980. С. 75.

⁴ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Петербург; Киев, 1915. С. 196.

⁵ См.: Дела Тайного приказа // РИБ. Санкт-Петербург, 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 1369.

⁶ См.: Писцовая книга г. Балахны 1674–1676 г. / под ред. А.Я. Садовского // Действия НГУАК. Нижний Новгород, 1912. Т. 15. Вып. 1. С. 16.

⁷ См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 36. Д. 53158.

рынке. Лучшее зерновое хозяйство с трехпольным оборотом было обустроено в подмосковных царских вотчинах в с. Измайлово, Ермолино, Екатерининской Роще, Васильевском, Алексеевском, Пахрино. «Государевы пчельные пасеки»¹ появились в Карповском, Вольновском, Харьковском, Чугуевском, Олешинском, Хотмышском уездах². Для обслуживания царских фруктовых, виноградных, тутовых садов, огородов привлекались первоклассные отечественные и немецкие специалисты И. Кашпир, Г. Хут, Ф. Давид. Использовался передовой европейский опыт, внедрялись в практику лучшие сорта растений, породы скота и птицы. Сельское хозяйство к 1660–1670-х годам на территории царского домена достигло своего максимального расцвета под влиянием приказа Тайных дел.

Обилие в составе царского домена природных богатств – лесов, рек, озер, пожен-покосов позволяло развивать дворцовые промыслы. В царских вотчинах добывали железную руду, соль, занимались рыбной ловлей, охотой, бортничеством, бобровым промыслом, «сенным трушением», мельничным делом. В составе хозяйства царя Алексея Михайловича особое место занимала добыча поташа. Промышленные заведения – поташные заводы с. Сергача и Шишковоерди Нижегородского уезда, майданы Арзамасского уезда, Орла производили продукцию на экспорт³. Дворцовый поташ из России служил сырьем для химической промышленности Германии, Голландии. Подневольный труд крестьян и бобылей в поташном производстве приносил хозяйству царя Алексея Михайловича немалые прибыли.

Центром дворцового рыбного промысла являлось Волжское Понизовье – г. Астрахань, Черный Яр. Белозерский государев рыбный двор особо выделялся в составе дворцового рыбного

¹ См.: *Барановский М.* Дворцовое хозяйство по делам приказа Тайных дел. Киев, 1914. С. 16.

² См.: Обзорение историко-географических материалов XVII и XVIII вв., заключающееся в книгах Разрядного приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства юстиции. Москва, 1884. Кн. 4. С. 327–329.

³ См.: Докладная выписка Хлебного приказа относительно продажи поташа 1673 г. мая 29 // ДкАИ. Санкт-Петербург, 1857. Т. 6. С. 284.

хозяйства¹ в 1660–1680-е годы, приносил немалые прибыли в виде натуральных рыбных продуктов, поставлявшихся на Кормовой дворец в Москву.

Российская дворцовая обрабатывающая промышленность в XVII веке была представлена стекольными, сафьянными, хамовными, железоделательными мануфактурами. Основная часть их продукции поступала царской семье. Высококачественные изделия дворцовых мануфактур: стеклянная посуда, кожаный и замшевый товар, льняные полотна и скатерти, соль, железо поступали на все-российский рынок. За границей были востребованы изделия дворцовых железоделательных заводов, которыми голландские предприниматели А. Винус, Е. Виккенс, П. Марселис, Ф. Акема² на условиях ежегодной выплаты оброка и пошлин с каждой плавильной печи обеспечивали русскую армию ратными запасами. Царские железоделательные заводы находились под опекой великого государя. Полотняные мануфактуры размещались в пределах Московского и Ярославского уездов, функционировали при участии и под руководством самой царицы³. Эксклюзивная продукция измайловского стекольного завода⁴ создавалась в традициях Венеции, использовалась для дворцовых нужд в качестве царских подарков, продавалась в Москве.

В непосредственном подчинении приказа Тайных дел в 1666–1681 годах в Москве функционировала царская кожевенная мануфактура «Сафьянный завод на Бечевинном дворе»⁵. На ней использовался труд специалистов из Армении, Грузии, Ирана. Козловые шкуры и замши предназначались для изготовления обуви для царской семьи, на продажу в столице, других городах России.

¹ См.: *Лапто-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. Санкт-Петербург, 1890. С. 468.

² См.: 1665 г. декабря 25. Жалованная грамота голландцу Ф. Акеме с племянниками на железные заводы в Малоярославском и Оболенском уездах // ДКАИ. Санкт-Петербург, 1855. Т. 5. С. 55–61.

³ См.: *Барановский М.* Дворцовое хозяйство по делам приказа Тайных дел. Киев, 1914. С. 3.

⁴ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Москва, 1918. Ч. 1. С. 551.

⁵ Дела Тайного приказа // РИБ. Санкт-Петербург, 1904. Т. 23. Кн. 3. С. 1601.

Царь Алексей Михайлович контролировал развитие дворцового соляного дела. Ростовские варницы, наряду со Старой Руссой, Тотьмой, Соликамском, Астраханью, Симбирском, Каргополом, Вычегдой, Балахной, поставляли соль на всероссийский рынок. Кроме обычного применения – «про государев обиход», соль использовали в качестве натуральной оплаты работным людям, на кормовое жалование за службу. Из дворцового хозяйства в 1667–1668 годах было продано 20 000 пудов соли на сумму 8900 рублей¹.

Права и обязанности дворцовых крестьян и посадских людей определялись Соборным Уложением 1649 года. Правовой статус дворцового населения был достаточно низким. За бесчестье дворцового крестьянина полагалось платить в 50 раз меньше, чем за представителей именитого рода Строгановых, в 25 раз меньше, чем за «гостя», в 10 раз меньше, чем за купца гостиной и 7,5 раз меньше купца суконной сотни². Главной обязанностью дворцового населения считалась поставка продовольствия для великого государя и работа в системе дворцового хозяйства.

Дворцовые приказы осуществляли организацию труда в системе царского хозяйства, вели насильственную переселенческую политику³. Самые распространенные обязанности дворцового населения в России XVII века – участие в заготовках сена для царских конюшен и скотных дворов, подводная повинность, то есть доставка государева хлеба, леса, камня, продовольствия. Была разработана система поисков и наказаний для беглых дворцовых людей и их местных властей⁴.

Для дворцового населения существовали особые повинности. Одной из самых распространенных повинностей крестьян по всем дворцовым вотчинам являлись работы на государевой

¹ См.: *Барановский М.* Дворцовое хозяйство по делам приказа Тайных дел. Киев, 1914. С. 20–21.

² Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. Москва, 1985. С. 111.

³ Государственный исторический музей Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). г. Москва. Ф. 440. Оп. 1. Д. 368. Л. 46.

⁴ 1682 г. Именной указ. О возвращении беглых людей и крестьян из дворцовых и Украинных городов // ПСЗРИ. Собрание первое. Санкт-Петербург, 1830. Т. 2. С. 489–490.

десятинной пашне¹. Для ее возделывания крестьяне привлекались в массовом порядке. Они же обязывались выполнять перевозки десятинного хлеба, вести его переработку на царских винокуренных заводах.

Определенная часть дворцового населения привлекалась к выполнению строительных работ в Москве, других городах России – городскому и острожному делу. Государевы каменщики, кирпичники, плотники находились под некоторым покровительством царя, их дворы «обелялись», освобождались от посадского тягла и крестьянских податей². В приказах Каменных дел, Большого дворца и Тайных дел велся учет мастеров, составлялись росписи – поименные списки мастеров. Воеводы и приказчики несли персональную ответственность за их доставку в Москву. Если мастера разбегались, умирали, то к строительным работам привлекались их родственники.

Дворцовое население набиралось в посошную рать. Сбор даточных людей осуществлялся по уездам, городам, приказам, со всей России. «Даточные люди» набирались с определенного количества четвертей пашни или дворов³. Ратное дело для дворцовых уездных и посадских людей являлось одной из самых тяжелых и опасных повинностей. Мужское население дворцовых вотчин в 1650–1680-х годах направлялось на фронты Русско-польской и Русско-турецких войн.

Таким образом, эволюция царского домена в Российском государстве происходила на протяжении всего XVII века. За это время число царских вотчин удвоилось. Они размещались фактически по всей стране, прежде всего, в тех уездах страны, которые имели значимость с точки зрения политического и экономического развития Российского государства. Система центральной и местной властей в царских вотчинах, с одной стороны, была

¹ См.: Обзорение историко-географических материалов XVII и XVIII вв., заключающееся в книгах Разрядного приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства юстиции. Москва, 1884. Кн. 4. С. 362–363.

² См.: ГИМ ОПИ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

³ См.: *Липто-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. Санкт-Петербург, 1890. С. 390.

аналогичной государственному управлению, с другой стороны, во многом определялась волей монарха. Среди администрации дворцовых приказов были представители политической элиты России XVII века. Временем расцвета многоотраслевого дворцового хозяйства, организованного в пределах царских вотчин, следует считать вторую половину XVII столетия, правление царя Алексея Михайловича. Дворцовое население обладало особым правовым статусом, являлось отдельной категорией в социальной структуре Российского государства.

УДК 378:001

Васильев П.В.,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Степень востребованности научной продукции обучающимися как критерий для оценки вклада ученого в образовательный процесс

В Нижегородской академии МВД России помнят и чтут память Владимира Константиновича Бабаева, который много сделал для развития всей российской юридической науки, а также юридического образования в Нижегородской области. Его научные труды представлены в РИНЦ 59 публикациями, 1908 цитатами, индекс Хирша 14¹. Он принял участие в составлении многих учебников и учебных пособий. Его именем назван первый лекционный зал, являющийся символом доброй памяти благодарных сослуживцев и педагогических работников. Без преувеличения можно сказать, что научное наследие и оставленная им Нижегородская академия МВД России в прекрасном организационном состоянии сами по себе свидетельствуют о вкладе Владимира

¹ URL: <https://www.elibrary.ru/authors.asp> (дата обращения: 27.03.2020).

Константиновича в социокультурные институты юридической науки и образования.

Нам научное наследие Владимира Константиновича помогло обосновать возможность понимания правовых санкций в качестве особых правовых последствий¹.

Тем не менее обоснованно и объективно оценить влияние научного наследия Владимира Константиновича Бабаева на социокультурный институт науки, а также на образовательный процесс, в сравнении с аналогичными влияниями других ученых, в настоящее время сложно. Сформулируем проблему шире: *как вообще можно оценить вклад того или иного ученого в образовательный процесс?*

Современные тенденции к всеобщей цифровизации и автоматизации заставляют социокультурный институт науки соответствовать им. Сегодня для оценки работы ученого существуют самые различные системы. Большинство из них подвергнуты справедливой критике. Так, например, профессор В.А. Толстик, рассуждая о проблеме оценивания результатов научной деятельности, представляет интересный критический анализ существующей практики оценки труда ученого², однако указанное исследование, а также иные обнаруженные нами работы освещают только оценки собственно научного вклада исследователя в сумму научных знаний. В настоящей же статье сосредоточим внимание на *возможных критериях, позволяющих оценить вклад ученого в образовательный процесс.*

В науке представлены авторские позиции по поводу влияния отдельных факторов на образовательный процесс. Таковой, например, мы считаем научную статью профессора М.В. Барановой о критериях определения новизны научного знания как значимого фактора подготовки современного юриста³. Тем не менее оценка роли новизны

¹ См.: Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 106.

² См.: Толстик В.А. Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // Государство и право. 2019. № 1. С. 65–74.

³ См.: Баранова М.В. Критерии определения новизны научного знания как значимый фактор подготовки современного юриста // Критерии в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Н. Новгород, 24–25 мая 2018 года) / под общ. ред. В.А. Толстика, П.В. Васильева. Нижний Новгород, 2018. С. 96–101.

или какого-либо иного фактора на результат обучения – формирование компетенций обучающихся, как теперь принято говорить, не может заменить общей системы критериев, с помощью которых можно было бы объективно разграничить вклад того или иного исследователя в образовательный процесс.

Для начала обозначим несколько парадигмальных позиций.

Во-первых, критерий в его общеупотребительном понимании можно определить как познавательный (гносеологический, эпистемологический) инструмент, позволяющий различать существующие явления. Свойство, обеспечивающее способность проводить указанные различия, обозначим термином «дистинктивность», то есть различительная способность. Последняя обусловлена тем, что сам критерий состоит как минимум из двух частей (обозначения признаков, предикаторы), образующих его координатную систему¹, однако для научного исследования недопустимо, чтобы какая-либо часть критерия оставалась имплицитной, так как это служит основой для неявного нарушения законов формальной логики и научных заблуждений. Пример последних можно обнаружить, встретив классификацию поведения на правомерное, неправомерное и юридически безразличное.

Во-вторых, критерии часто подразделяют на количественные и качественные. Мы не согласны с таким разделением по следующим основаниям. Невозможно² сформулировать внятный и достаточно определенный критерий для разделения явлений на качественные и количественные. Осмысление феномена количества неизбежно приводит к пониманию некоего качества. В чистом виде никакого количества, отдельного от качества, не существует. *Рассмотрение количества в отрыве от качества представляет собой отрыв формы существования множественного явления от его содержания – компонентного состава*, но главное не в этом. Сторонники разграничения количества и качества не видят того факта, что *количество есть главное качество множества, то есть объем понятия «количество» полностью входит в объем понятия «качество»*. По этой причине

¹ Нередко одна часть критерия, разумеется, сама собой и в процессе рассуждения опускается, обуславливая иллюзию того, что критерий – это какой-нибудь признак.

² У нас не получилось ни самостоятельно, ни с помощью источников.

невозможно найти чисто количественные критерии чего-либо. Количество всегда отражает основное качество множества явлений. Это означает, что в принципе невозможно объективно и обоснованно говорить о количественных или о качественных критериях. В то же время упоминание о качестве имплицитно или явно всегда сопровождается образом некоего количества явлений, пусть даже реально не существующих (понятия с нулевым объемом).

В-третьих, по составу критерии могут быть элементарными и системными, предусматривающими субкритерии, которые часто называют показателями.

В-четвертых, в практике оценочной деятельности часто можно видеть феномен подмены оцениваемых явлений, обеспечиваемый достаточно спекулятивным приемом безосновательного обозначения критериев качественными или количественными. Например, индекс Хирша показывает не вклад автора в систему научного знания, а всего лишь количество регистрируемых обращений к его работам, но оценки обращающихся могут быть троякими: положительными (достижения цитируемого автора стали основой для дальнейшего научного поиска или подкрепления разрабатываемой позиции), нейтральными (простое указание тех, кто занимался проблематикой), отрицательными (негативная критика авторской позиции). Индекс Хирша ничего этого не учитывает и автоматически приравнивает к положительным как нейтральные оценки, так и отрицательные. Иными словами, в существующей форме индекс Хирша не обладает дистинктивностью, обеспечивающей различие качественно противоположных оценок. Разумеется, что не вполне удачная идея одного автора может навести другого на объективное и обоснованное знание (в особенности, если последний владеет методологией модификационного или трансформационного контрадикторного исследования). С научной точки зрения полагаем все же, что *оценка удачных и неудачных идей должна быть различной.*

В-пятых, все указанное для образовательного процесса означает, что обучающихся следует научать владеть методологией научного исследования как вообще, так и объективного оценивания в частности.

Возникает вопрос: *«Как именно можно оценить влияние научных работ ученого на образовательный процесс?»*

С точки зрения образовательного процесса имеет смысл оценка потребности, а если говорить конкретнее – *востребованности научной продукции обучающимися*.

Фактически востребованность научной продукции обучающимися может быть реализованной, когда обучающийся реально обратился к источнику, и нереализованной.

Указанная востребованность предполагает введение критерия *степени* востребованности, то есть определения того, насколько одни научные работы востребованнее других. Сразу оговоримся, что это никак не показывает степени достижения абсолютной истины в изучаемых вопросах, так как последней в нашей реальности просто не существует, а реализация закона отрицания отрицания неумолимо отправляет на свалку истории все казавшиеся гениальными достижения (теплород, утверждение о том, что природа не терпит пустоты, плоская форма земного шара, абсолютное постоянство пространства и времени, а также многие другие).

С технической точки зрения внедрение в оценочную практику обозначенного и некоторых других критериев требует совершенствования электронной образовательной среды образовательной организации, например посредством разработки и введения в эксплуатацию электронной научно-образовательной системы «Электронный конспект», обстоятельно обсуждавшийся в ходе работы методического совета Нижегородской академии МВД России¹.

Если востребованность научной продукции фактически предполагает использование последней, то можно говорить о функционировании критерия степени обращаемости обучающихся к научной продукции. Субкритерии (показатели) критерия степени обращаемости обучающихся к научной продукции могут быть следующие:

– число фактов обращений к научной работе за определенный период может показать общее количество регистрируемых обращений без учета количества обращающихся лиц;

¹ Информация председателя секции научно-методического обеспечения образовательного процесса полковника полиции Васильева Павла Вячеславовича по вопросу 10 «О результатах внедрения научной продукции и эффективности ее влияния на уровень практической и теоретической подготовки обучающихся в НА МВД России» // Архив методического совета Нижегородской академии МВД России за апрель 2019 года.

– число обучающихся, обратившихся к научной работе за определенный период, – акцентирует внимание именно на количестве обучающихся, обращающихся к конкретной научной работе автора;

– средняя (среднемесячная, среднеквартальная, среднегодовая) обращаемость обучающихся к научной работе за определенный период – поможет сравнить востребованность научных достижений автора не одновременно, а на протяжении ряда одинаковых временных периодов;

– удельная востребованность обучающимися каждой единицы научной продукции в общем числе научных работ автора позволит определить наиболее востребованные источники;

– удельная востребованность обучающимися научной продукции конкретного автора в общем числе всех зарегистрированных в базе научных работ позволит определить востребованность научных работ конкретного автора в общем количестве зарегистрированных авторов;

– субъективная оценка обучающимися полезности научной работы в вариантах: «получил конкретное полезное новое знание», «получил полезную общую информацию», «получил полезную подтверждающую информацию», «зря потратил время».

Сегодня есть смысл говорить о совершенствовании существующей наукометрии как минимум в части учета качества оценок (положительное, нейтральное, отрицательное) в общих субкритериях степени востребованности научной продукции обучающимися. Это возможно, если ссылки сопровождать условными знаками «+», «-», «0», которые могли бы учитываться при обработке фактов обращений обучающихся к научным источникам. Технически это можно сделать посредством внесения в ГОСТ о библиографических ссылках обязывающих проставлять соответствующий знак в ссылке на научные источники.

Оценить же неудовлетворенную потребность научной продукции обучающимися (востребованность существует, но нет реальной возможности обращения к источнику) можно непосредственно через создание в информационной среде образовательной организации соответствующего ресурса заказов.

Полагаем, что в настоящее время целесообразно задуматься о реализации критерия степени востребованности научной продукции обучающимися хотя бы в части механизма регистрации

обращаемости. Этому могут способствовать различные онлайн-ресурсы (например, Образовательная платформа «Юрайт» для образовательных организаций и др.), используемые для обеспечения образовательного процесса литературой, но всероссийской базы, позволяющей проследить востребованность научной продукции обучающимися, в том числе и обращающимися к научному наследию Владимира Константиновича Бабаева, сейчас не существует.

Однако разработка таких сервисов с учетом сложной экономико-эпидемиологической обстановки в марте–июне 2020 года может стать устойчивой тенденцией в совершенствовании технического обеспечения образовательного процесса.

Таким образом, полагаем, что внедрение *критерия степени востребованности научной продукции обучающимися и системы его субкритериев* в современную наукометрию позволит реально увидеть вклад Владимира Константиновича Бабаева и других ученых в образовательный процесс.

УДК 340

Волк-Леонович С.О.,
*преподаватель кафедры теории и истории
государства и права Нижегородской академии
МВД России*

Цель как признак государства в трудах ученых-юристов государственной школы права

Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств приводит в первой статье знакомые нам признаки государства (как субъекта международного права): а) постоянное население; б) определенная территория; в) правительство и г) способность к вступлению в отношения с другими государствами¹.

¹ См.: Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств (г. Монтевидео, 26 декабря 1933 г.) с Поправками Правительства, представленными на Седьмой Международной Конференции Американских Государств. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.03.2020).

Но исчерпывают ли указанные выше признаки представление о государстве? Определение государства как постоянного населения, живущего на определенной территории, находящегося под властью правительства и способного вступать в отношения с другими государствами, выглядит не вполне завершенным. Как полагали представители «государственной школы» права во второй половине XIX века¹, для более полного определения государства необходимо указать еще и на цель существования подобного коллективного субъекта.

И действительно, если мы рассматриваем государство не только как определенным образом организованную публичную власть, но, прежде всего, как определенный тип общественного отношения, имманентный союзу людей, осознающих себя единым народом, то мы неизбежно должны прийти к включению в понятие государства субъективных признаков, которые проигнорированы в вышеуказанной конвенции и о которых писали государственники. Мысль о цели как признаке государства не являлась чем-то новым в политической мысли: так, например, Гуго Гроций под государством понимал «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы»². Томас Гоббс видел в государстве «единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»³.

Представители государственной школы права полагали, что признак цели присущ любому человеческому сообществу, в том числе и государству.

Целью государства является общее благо, которое заключается в постоянном и наиболее полном развитии всех элементов государства, через которые раскрывается сама суть этого явления, идея государства. Цель двуедина, в ней присутствует юридический и нравственный компоненты: с одной стороны, подавление личности посредством мер юридического принуждения, с другой

¹ См.: *Сергеевич В.И.* Русское государственное право. Москва, 1868–1869. С. 2.

² *Гроций Г.* О праве войны и мира: репринт с изд. 1956 г. Москва, 1994. С. 19.

³ *Гоббс Т.* Левиафан. Москва, 2001. С. 125.

стороны, согласование частных интересов для достижения общего блага. Отличие цели государства от других форм социальной организации заключается в том, что цель носит общий характер, в то время как другие формы социальной организации преследуют лишь частные цели. Такой общей целью выступает достижение наиболее гармоничного уклада общественной жизни. Этой цели с необходимостью подчиняется верховная власть, которая действует в качестве силы, направленной на разрешение задач, связанных с обеспечением безопасности общества и государства. Здесь государство выступает как охранительная структура, которая посредством насилия реализует еще одну задачу, необходимую для достижения цели государства, – обеспечивает права и свободы человека.

Будучи наделенными в полной мере правами и свободами, граждане выступают в качестве субъектов гражданского общества – того самого осознанного союза, каким является народ. Следовательно, как союз, так и каждый его субъект, являясь элементом государства, делают его неотъемлемым признаком свободу, которая проявляется посредством равной возможности участия в осуществлении общих дел, в том числе и управлении государством. Это есть политическая свобода, обеспечение которой является необходимым условием достижения обозначенной выше цели.

Политическая свобода должна быть обусловлена высшим нравственным порядком, заключающимся в осознании каждым субъектом ценностей права других лиц – именно это позволяет субъекту быть носителем «высших начал». Государство как общественное отношение продуцирует нравственно-юридический союз, состоящий из таких субъектов, обеспечивая согласование частных интересов для достижения общего блага, что воплощается в нравственном законе и обуславливает нравственное возвышение людей. Формирование такого уклада является необходимой задачей государства, обеспечивающей само его существование.

В рамках нравственно-юридического союза народ, с одной стороны, выступает как единая личность, с другой стороны – состоит из индивидов и союзов индивидов, преследующих разные цели. Эти цели в той или иной мере обязано удовлетворять государство, примеряя их с целями общего порядка и сочетая

таким образом противоположные элементы, относящиеся к личному и общественному, обеспечивающие и гарантирующие свободу и поддерживающие порядок. «Мир, свобода, порядок, общая польза – все это, – по мнению Б.Н. Чичерина, приводится к высшему гармоническому единству»¹. И вот это высшее гармоническое единство и образует идею государства как универсальное средство и форму идеального сосуществования индивидов.

Таким образом, развитие идеи государства является высшей и конечной целью государства. Государство должно олицетворять собой высшую форму господства справедливости для каждого и общества в целом. Это формирует состояние свободы, определяющее единение индивидов в нравственно-юридический союз. Очевидно, что такая цель носит характер недостижимого идеала и воплощается в реальный мир по мере развития человеческого общества. И действительно, если мы рассмотрим эволюцию государств, то увидим, что это бесконечное претворение идеи об идеальном устройстве общества, воплощаемое в мир ограниченных физических возможностей. Эта идея развивается из века в век, выдвигаются идеи о более совершенных формах и средствах ее достижения. Где кончается идеальное в государстве и начинается то, что мы видим как воплощенную идею? Таким образом, вполне закономерен вопрос, а может ли быть государством такая организация власти, населения и территории, которая не ставит своей целью построение общественного уклада, отвечающего требованиям «высшего гармоничного единства, например, такая форма организации общества, где одна часть населения живет за счет угнетения другой части населения, – с точки зрения государственников, по всей вероятности, нет.

Интересно, что, пытаясь ответить на данный вопрос, изучая историю развития государственности в России, государствовники вынуждены были прийти к выводу о сравнительно позднем возникновении государства на территории России, относящимся ко времени правления Ивана III. По мнению К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, государство не совместимо ни с господством кровных отношений, характеризующих такой общественный

¹ Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. и с предисл. В.Л. Томсинова. Москва, 2006. С. 100.

союз, как семья, ни с господством отношений частного права, характерным для гражданского общества. Власть отдельных частных лиц не урегулирована нормами, обеспечивающими государственный порядок, так же, как и лица, составляющие вольную общину, не сознают себя «членами общества как единого целого»¹. Важным индикатором отсутствия государства является отношение собственности. Вотчина для князей – это не государственная территория, а земельный участок, находящийся в собственности, при этом люди, которые его населяют, – не более чем арендаторы в нашем понимании этого слова (то есть Киевская Русь – не более чем союз землевладельцев, корпорация по совместной эксплуатации природных и людских ресурсов). Это подтверждается фактическими и юридическими действиями князей, такими как раздел земли между наследниками, захват земли и владение по праву оккупации, передача отдельных территорий во владение другим лицам, передача земли в прокорм².

Государство может распаться на отдельные территории вследствие определенных условий, территория государства может состоять из нескольких частей или из нескольких отдельных государств, образующих одно целое. Но в Древнерусском государстве дробление уделов определяется внутренним постоянным законом, что свидетельствует об отсутствии такого важного признака, как нераздельность государственной территории, что указывает на отсутствие на Руси государства³.

Таким образом, К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин делают вывод, что князья – не более чем простые собственники, а не представители публичной власти, отношения носят ярко выраженный частный, а не публичный характер; земля – это не государственная территория, а территория частного собственника, народа как такового нет, есть люди, находящиеся с князьями и между собой в договорных отношениях. Сами князья строят отношения между

¹ Чичерин Б.Н. *Опыты по истории русского права*. Москва, 1858. С. 365.

² См.: Чичерин Б.Н. *Опыты по истории русского права*. Москва, 1858. С. 24, 361. См. также: *Его же*. *Собственность и государство* / подготовка текста, вступ. ст. и коммент. И.И. Евлampieва. Санкт-Петербург, 2005. С. 176.

³ См.: Чичерин Б.Н. *Опыты по истории русского права* Москва, 1858. С. 379; *Его же*. *Общее государственное право* / под ред. и с преисл. В.Л. Томсинова. Москва, 2006. С. 100–102.

собой и великим князем в соответствии с договором. Б.Н. Чичерин делает вывод, что такие отношения предполагают, что контрагенты независимы друг от друга, а, следовательно, не находятся в отношениях власти–подчинения, и далее остается лишь сделать вывод, что власть великого князя не носит государственный характер, а сам он – не государь, а удельные князья по отношению к нему не являются подданными, так же, как и люди, населяющие землю уделов по отношению к удельным князьям. Следует обратить внимание и на содержание договоров, где в обязанности князей входит осуществление службы в отношении великого князя. В договоре присутствуют юридические формулы, которые, по мнению Б.Н. Чичерина, не носят характера публичного отношения, а являются ярко выраженными отношениями частного правового характера, заверяемые при этом принесением личной клятвы на кресте – «крестоцелованием». Это указывает на отсутствие таких признаков, как верховная власть и народ. «В целом, – заключает он, – это был порядок, самый противоположный государственному»¹.

Отношения в вольной общине, подобно вотчине, не носят публичный характер, а являются частноправовыми. Вместо князя-вотчинника здесь выступает корпорация, «союз свободных людей, живущих вместе и состоящих друг с другом в договорных отношениях»².

Для возникновения государства потребовалось формирование носителя идеи гармоничного развития общества, тех самых идеалов справедливого устройства уклада общества, который бы нивелировал местечковые интересы феодалов и феодальных корпораций, приведя их к знаменателю общего блага. Это позволило, в свою очередь, формироваться нравственно-юридическому союзу, народу – носителю высшей формы свободы. Носителем такой идеи выступают у государственников московские цари, начиная с Ивана III, трансформировавшие удел в государство посредством изменения порядка наследования: из частного собственника, таким образом, вырастает государь – носитель идеи государства.

¹ Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. Москва, 1858. С. 336, 379.

² Там же.

Многое в концепции государственников является спорным и неоднозначным, но их выводы, на взгляд автора, заставляют обращаться к следующим вопросам: сводится ли государство к одним лишь внешним признакам? Какова доля идеального в строительстве каждого государства? Должна ли цель достижения построения справедливого общества быть имманентно присущей государству как организации и этим выгодно отличать его от всех других? По крайней мере, на последний вопрос автор бы ответил утвердительно.

УДК 340

*Давыдова М.Л.,
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой конституционного и муниципального
права Волгоградского государственного
университета*

Юридическая техника Русской Правды в категориях современной теории права

Юридическая техника, возникая и развиваясь одновременно с правом, не только отражает состояние общественных отношений в каждый конкретный исторический период, но и обеспечивает преемственность правового развития, сохраняя, как правило, лучшие приемы и средства юридической деятельности, разработанные ранее. Эта особенность юридической техники позволяет даже в архаичных, казалось бы, крайне примитивных, правовых источниках обнаружить приемы, которые определенным образом переключаются с техникой современного права. Именно в этом аспекте ниже рассматриваются технико-юридические особенности важнейшего памятника отечественного права – Русской Правды¹.

¹ В работе использованы Краткая редакция Русской Правды (далее – КРП) по Академическому списку с указаниями разночтений по Археографическому списку и Пространная редакция Русской Правды (далее – ПРП) по Троицкому I списку (Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. Москва; Ленинград, 1940. Т. I. Тексты. С. 67–89).

Имеющиеся в распоряжении исследователей источники позволяют оценить особенности юридической техники Русской Правды в нескольких аспектах. В первую очередь, это специфика нормативного текста: 1) на лексическом уровне; 2) на уровне структуры предложения и выраженного в нем правового веления; 3) на уровне последовательности предложений и строения текста в целом.

В целом текст Русской Правды свидетельствует о формировании юридического языка, развивающегося в рамках официально-делового стиля, яркой особенностью которого является высокая терминологичность. В качестве юридических терминов рассматриваются, в частности, слова «голова» («убитый»), «головникъ» («убийца»), «мечник» («член княжеского административно-судебного аппарата»), «разбой», «видокъ» («свидетель», «очевидец»), «послухъ» («свидетель доброй славы»), «свод» («процесс розыска»), «извод» («показания свидетелей»), «татьба» («кража»), «вира» («штраф»), «тяжа» («тяжба»), «продажа» («денежный штраф»), «поклеп» («ложное обвинение»), «дати праву» («решить дело судом»), «ряд» («договор», «соглашение»), «вязебная» («плата за задержание»), «утяжют» («присудят») и др. Каждый правовой термин при этом по своему исходному смыслу является мотивированным, на что указывает анализ этимологии («послух» – тот, кто слышал о преступлении, «видок» – тот, кто видел, и т. п.).

Важно отметить, что многие термины архаичного юридического языка легли в основу современной терминологии, сохранившись полностью («разбой», «истец») или в однокоренных словах: «уголовный» («головник»), «свидетель» («видок»), «подряд» («ряд») и др.

Своеобразная самобытность, отсутствие или незначительное количество заимствованных слов являются специфической чертой архаичного права. Для русского права это характерно в особенности. Как отмечает Д. Кайзер, русское средневековое существенно отличалось от европейского: «Никогда прежде Россия не получала достаточной порции классического наследия, поэтому неточным будет представление о возрождении здесь классического учения, так же как неточным было бы вообразить, что классика пронизывала Россию до того, как славяне поселились на Восточно-Европейской равнине. Для России никогда не было «Средних веков»,

которые разделяли бы два мира, наполненных классическим учением»¹. Русская Правда поэтому более аутентична, чем «варварские правды» Европы, несущие на себе отпечаток «вульгарного римского права». На более поздних стадиях влияние рецепции приводит к появлению иностранных терминов, количество которых в современном юридическом языке иногда рассматривается как критическое. Анализ текста Русской Правды позволяет в этой связи исследовать древнейший пласт национальной юридической терминологии.

Вполне современной выглядит структура правовых велений. Типичная для нормативно-правовых предписаний действующего права логическая структура «если..., то...» четко прослеживается во всех статьях Русской Правды («Если кто вынет меч, а не ударит (гипотеза), то тот платит гривну (санкция)» – статья 9 КРП). Чаще всего гипотеза выражается словами «аже», «оже», «будеть»; диспозиция и санкция – словами «то» и «будеть». Стоит заметить, что, несмотря на большое разнообразие формулировок, которыми характеризуется современный нормативный текст, в сознании юристов и в правовой доктрине конструкция «если..., то..., иначе...» является эталонной, что позволяет рассматривать структуру предписаний Русской Правды как некий архетип правовой нормы.

Типичные для современного права элементы законодательного стиля просматриваются не только в строении нормативных предписаний, начинающихся с «если...», но и в их заголовках, абсолютное большинство которых начинается с «О» («Об убийстве» – статья 3 ПРП, «О вирах» – статья 10 ПРП, «О челяди» – статья 32 ПРП и пр.). Этот прием сохранился в законодательной стилистике до сих пор (ср.: федеральные законы «Об образовании», «О физической культуре и спорте», «О противодействии коррупции» и т. п.).

К чертам формирующегося делового стиля следует отнести и использование юридических формул, представлявших собой легко запоминающиеся правовые клише. Некоторые приемы выглядят при этом как явно устаревшие, однако при ближайшем рассмотрении и для них находят современные аналоги. К примеру,

¹ *Daniel H. Kaiser. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1980. P. X.*

в ряде статей для обозначения устоявшихся словесно-обрядовых процедур используется прямая речь (статья 14 КРП: «Если опознает кто похищенное, то не берет его, и пусть не скажет тому, у кого находится опознанное: «Мое», но скажет ему так: «Пойди на свод, где взял». Если же не пойдет, то пусть предъявит поручителя, что пойдет на свод в течение пяти дней», см. также статью 16 КРП, статьи 49, 52, 85 ПРП).

С одной стороны, наличие прямой речи не типично для современного официально-делового стиля, тем более для языка нормативных правовых актов. Чаще всего положения, связанные с необходимостью озвучить ту или иную информацию, в современном законодательстве заменяются косвенной речью, что свидетельствует о снижении формализма права и юридического языка, когда важно не столько конкретное сочетание слов, сколько их содержание. Таким образом, например, описывается в процессуальных кодексах порядок ведения судебного заседания и осуществления других юридически значимых процедур: «Председательствующий выясняет отношение свидетеля к лицам, участвующим в деле, и предлагает свидетелю сообщить суду все, что ему лично известно об обстоятельствах дела» (пункт 2 статьи 177 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации)¹; «Одновременно лицу, в отношении которого избрана мера пресечения, разъясняется порядок обжалования решения об избрании меры пресечения, установленный статьями 123–127 настоящего Кодекса» (пункт 3 статьи 101 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)² и т. п. На этом фоне приведенные выше цитаты из Русской Правды, содержащие прямую речь, звучат архаично.

С другой стороны, именно в тех случаях, когда произнесение определенных речевых формул имеет символическое значение, они до сих пор закрепляются текстуально: «При вступлении в должность Президент Российской Федерации приносит народу

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921.

следующую присягу: “Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина...”» (статья 82 Конституции Российской Федерации). «Участники процесса обращаются к судьям со словами: “Уважаемый суд!” и свои показания и объяснения они дают стоя» (пункт 2 статьи 158 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации). Еще строже регламентирована письменная речь, например, реквизиты и оформление официальных документов: «Текст протокола излагают от третьего лица множественного числа (“слушали”, “выступили”, “постановили”, “решили”)), – пункт 5.18 ГОСТ Р 7.0.97–2016 «Требования к оформлению документов»¹. Все это свидетельствует о том, что формализм права – это не дань времени. Он никуда не делся и из современного устного и письменного юридического языка, продолжая выступать одной из ярких, вневременных его черт.

С точки зрения структуры текста в целом яркой особенностью Русской Правды является то, что ее правовой материал не был разделен не только на статьи, но и на предложения. Не знали нормативные акты древнейшего периода и приемов нумерации структурных единиц текста. Вместе с тем, своеобразным технико-юридическим средством, указывающим на разделение статей и норм права, можно признать киноарные буквы в первом случае и заглавия во втором. В частности, Пространная редакция, именуемая «Суд Ярослав Володимирович. Правда Руськая» (по Троицкому списку XIV века), содержит 57 норморазделяющих киноарных букв и 50 заголовков. Последовательность изложения свидетельствует об отсутствии отраслевого деления и попыток систематизировать материал по каким-либо юридическим признакам.

Наряду с текстологическими особенностями Русской Правды, заслуживает внимания получившая в ней отражение глубина развития и осмысления правовых явлений: степень абстрактности

¹ ГОСТ Р 7.0.97–2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов (ред. от 14.05.2018), утв. приказом Росстандарта от 8 декабря 2016 года № 2004-ст. Москва, 2017.

правового мышления, наличие юридических конструкций, использование других технико-юридических средств (презумпций, фикций и пр.).

Важно при этом избегать опасности искусственного осовременивания объекта исследования. В частности, вполне обоснованы сомнения в том, правомерно ли вообще ставить вопрос о наличии в Русской Правде юридических конструкций. Юридическая конструкция – логическая модель, отражающая внутреннее строение правовых понятий и явлений – часто признается важнейшим средством юридической техники. При этом является она производным не нормотворческой деятельности, а доктринальной переработки нормативных текстов. Естественно, ни о какой доктрине на рассматриваемом этапе правового развития говорить не приходится. С другой стороны, и конструкции римского права представляют собой не столько непосредственное произведение римских юристов, сколько результат работы глоссаторов. Аналогичным образом текст Русской Правды становится предметом анализа правовой доктрины значительно позже, чем заканчивается период ее действия. Структурирование текста, деление его на статьи производится именно в ходе такого доктринального осмысления¹. Подобным же образом исследователи анализируют структуру ключевых правовых понятий, отраженную в тексте источника. К примеру, можно исследовать элементный состав понятия «обида» с позиций современной юридической конструкции «состав преступления», выделяя соответственно объект, субъект, объективную и субъективную стороны последнего².

¹ Само по себе это деление является предметом отдельной дискуссии. В.И. Сергеевич, в частности, предлагал деление Русской Правды на статьи малого объема, включавшие только по одному казусу. В Правде Ярослава (Древнейшей Правде) и в Правде Ярославичей (Домениальном Уставе) исследователь выделил 25 статей, в Пространной Редакции – 155 статей (см.: *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. Санкт-Петербург, 1903). Такое деление текста не получило широкого признания.

² *Лоба В.Е., Малахов С.Н.* Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды): монография. Армавир, 2011.

Под правовой фикцией принято понимать прием юридической техники, заключающийся в придании юридического значения факту, заведомо не соответствующему действительности. Этот прием считается типичным для древнего права, так как позволяет преодолеть его формализм. Необходимость фикций во все времена обусловлена тем обстоятельством, что истинная информация об определенных фактах бывает недоступна, а дальнейшее движение правоотношений без них невозможно.

В ряде норм Русской Правды можно обнаружить выражение юридической фикции. Так, статья 19 ПРП устанавливает: «А за останки и за мертвеца, если не ведомо его имя и он неизвестен, то вервь не платит». В данном случае информация о субъекте преступления, находящаяся в состоянии невосполнимой неизвестности, заменяется заведомо неистинной информацией об отсутствии того, кто ответственен за преступление. Очевидно, в современном понимании фикции следует рассматривать нормы, позволяющие признавать отсутствие вины путем показаний послухов, подтверждающих доброе (честное) имя ответчика. В частности, это касается обвинений в убийстве (статья 18 ПРП), взыскания денег (статья 47 ПРП). Говоря о вымышленном, заведомо неистинном характере фикции, не следует рассматривать ее содержание как абсолютно произвольное. Содержание фикций, как правило, можно обосновать с точки зрения логики, здравого смысла и характерных для соответствующего исторического периода представлений о справедливости (как в приведенном выше примере с отрицанием убийства, при обнаружении неопознанного тела или останков). Однако, даже если в основе фикции лежит вполне разумное предположение, фиктивность его определяется безусловным характером – норма является императивной и не предусматривает вариантов опровержения, то есть законодатель заведомо отказывается от дальнейшего поиска истины.

Более сложным средством юридической техники является правовая презумпция, содержащая не только предположение, основанное, как и фикция, на индуктивном обобщении, но и возможность его опровержения, так называемую контрпрезумпцию, возлагающую бремя доказывания на одну из сторон спора.

К примеру, статьи 48 и 49 ПРП закрепляют соответственно презумпции добропорядочности купца и хранителя, предусматривающие возможность заключения договоров займа и хранения без привлечения свидетелей. В случае возникновения спора бремя доказывания лежит на кредиторе и хранителе, однако само доказывание ограничивается судебной клятвой. Характерно, что в отношении обычного кредитора, не являющегося купцом, презумпция добропорядочности не действовала. Согласно статье 52 ПРП, договор займа на сумму свыше 3 гривен, заключенный таким кредитором без свидетелей, признавался недействительным: «Если свидетелей не будет, а <долг> составит 3 гривны кун, то идти ему на судебную клятву <с иском> на свои деньги; если же <долг составил > большую сумму, то сказать ему так: “Сам виноват, что давал в долг без свидетелей”».

Третий аспект исследования Русской Правды выходит за рамки ее технико-юридического качества, так как анализ текста источника дает информацию сразу о нескольких видах юридической деятельности этого периода: правоприменительной, интерпретационной, правосистематизационной.

В Пространной Русской Правде проявляется характерный для раннего русского права технико-юридический прием включения в закон не только новых норм, но и старых, изменяемых новым законодательством. В частности, в статью 1 включена норма о применении кровной мести, принцип которой был существенно ограничен Ярославом. Статья 2 сообщает об отмене кровной мести Ярославичами. Здесь же (не только в преамбуле, что вполне типично, но и в отдельных статьях) встречается прием указания времени создания либо инициаторов и времени изменения нормы права. В статье 53 излагается история появления нормы («А это постановил Владимир Всеволодович после смерти Святополка, созвав свою дружину в Берестове...»). Статья 9 ПРП описывает размеры обеспечения чиновников, действовавшие в период княжения Ярослава Владимировича («А се покони вирнии были при Ярославѣ...»). При этом, если сравнить ее со статьей 42 КРП, то можно увидеть, что текстуально они не совпадают. Это означает, что в ПРП мы имеем дело не с воспроизведением точной формулировки, а с более или менее вольным ее пересказом. Все эти комментарии, сопровождающие изложение,

свидетельствуют о том, что в данном случае речь правильнее вести не столько о правотворческой технике в чистом виде, сколько о технике *систематизации* права.

В современном праве нормативные предписания, указывающие на источники формирования правовых норм, мотивы и цели их принятия – правовые декларации – преимущественно помещаются в преамбулу нормативного правового акта, реже излагаются в основном тексте. При этом такие разъяснения в абсолютном большинстве случаев относятся к действующим нормам, хотя иногда могут затрагивать и историю их создания. Подобное было характерно, в частности, для законодательства советского периода (см. преамбулы Конституции (Основного закона) РСФСР от 12 апреля 1978 года, Гражданского кодекса РСФСР от 11 июня 1964 года и др.).

Что касается техники применения права, в первую очередь судебной, следует заметить, что определенная обрядовость сохранилась в ней до настоящего времени, однако Русская Правда дает информацию о ряде средств, характерных исключительно для архаичного права, таких как ордалии – испытания железом и водой (статьи 21, 22, 85, 87 ПРП и др.) и судебная клятва, применявшаяся преимущественно в обеспечение позиции стороны по имущественным спорам (статья 10 КРП, статьи 22, 31, 37, 115, 118 ПРП и др.).

Безусловно, характерное для архаичного права преобладание устной и конклюдентной форм выражения существенно затрудняет восстановление полной картины его формирования и функционирования. Письменные памятники выступают в данном случае лишь проекцией, фрагментарным отражением того, что в реальности представляло собой архаичное право. Однако и эта проекция наглядно показывает, что в значительной мере его юридическая техника безнадежно устарела. Но есть целый ряд средств и приемов, имеющих современные аналоги. Они сохраняют свою актуальность и позволяют нам рассматривать юридическую технику как такую сторону правовой реальности, которая обеспечивает преемственность в деятельности юристов, отвечает за постепенное совершенствование юридического искусства и накопление лучших его образцов.

Денисенко В.В.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета

**Легитимация и конвергенция:
рациональные основания
в сравнительном правоведении***

В отечественном правоведении при классификации правовых систем на уровне учебных пособий наиболее авторитетной является концепция французского ученого Рене Давида, который в своем классическом труде «Основные правовые системы современности» выделил так называемые правовые семьи¹. Однако в настоящее время данная классификация требует корректировки, что связано с процессом правовой конвергенции. Юридическая конвергенция – это процесс сближения в праве, который, по мнению О.Д. Третьяковой, следует понимать как «взаимодействие отдельных элементов национальной правовой системы, так и взаимодействие между отдельными правовыми системами в форме повышения степени связанности и согласованности правового регулирования общественных отношений»². Современные правовые системы в начале XXI века сближаются, что дает основания современным исследователям в области сравнительного правоведения вводить в научный оборот такую категорию, как «смешанная» правовая система. Как справедливо указывает Е.Н. Трикоз: «Под смешанной правовой системой мы понимаем

* Данная статья подготовлена в рамках гранта РФФИ, предоставленного на проект «Делиберативность как принцип принятия публично значимых решений: юридическое измерение», договор № 19-011-00796.

¹ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. Москва, 1996.

² Третьякова О.Д. Понятие правовой конвергенции // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2008. № 3. С. 39.

такую правовую структурную общность, которая объединяет в себе элементы двух или более правовых традиций/семей. Для нее характерны такие черты, как полиюридизм, неоднородность правовой регламентации и юридическая гетерогенность»¹. Феномен смешанной правовой системы обусловлен процессами глобализации права, взаимодействием различных правовых культур, результатом которого стало заимствование различными правовыми системами технико-юридических и идеологических особенностей. Развитие смешанных правовых систем первоначально происходило в границах семьи «западного права», когда речь шла о взаимопроникновении англо-саксонской и романо-германской семей. Второй вариант смешанной правовой системы – это пересечение «западного права» с правом религиозным, или «восточным». В настоящее время смешанная правовая семья может объединять различные заимствованные и синкретичные правовые системы как в границах одного национального государства, так и на уровне субрегиональных международных организаций.

В последние годы выделяют также такую правовую категорию, как «кочующая правовая система»². По мнению автора данной статьи, кочующие правовые системы следует считать «разновидностью локально смешанных правовых систем. Так как это тоже разновидность «микстовой системы», мы наблюдаем смешение коренной правовой семьи и пришлой правовой культуры, впускающей в себя «островки» другой правовой культуры/традиции»³. Таким образом, в настоящее время ряд правовых систем нельзя однозначно отнести к какой-либо группе или «семье». Кроме того, в настоящее время не представляется возможным деление правовых систем на восточные и западные. Например, И.Ю. Козлихин считает, что Запад характеризуется либерально-

¹ Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 29–37.

² Данный термин впервые ввел в научный оборот профессор Ю.А. Тихомиров в своем «Курсе сравнительного правоведения» (Москва, 1996).

³ Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 29–37.

индивидуалистическим типом мировоззрения, то есть правовым, а Восток характеризуется этатическим, неюридическим типом¹. Однако в настоящее время мы наблюдаем правовые системы Южной Кореи или Сингапура, в которых правовая система является рациональной и автономной.

Между тем довольно большое количество правовых систем не вписывается в данную классификацию и в последние годы широкое распространение получили категории «смешанные правовые системы» и «кочующие правовые системы». Это обусловлено, на наш взгляд, необходимостью учета ряда иных критериев в условиях глобализации права и формирования мультикультурных обществ. Актуальным основанием для классификации современных правовых систем может быть тип правового мышления, критерий, сформулированный впервые Максом Вебером.

Для того чтобы раскрыть вопросы классификации правовых систем через правовое мышление, необходимо осветить понимание данного критерия в работах М. Вебера. Типология правового мышления связана с тремя вопросами. Во-первых, соединена или отделена правовая система с политическим управлением и религией. Во-вторых, понимается ли право как совокупность созданных гражданами правил или как общепринятый свод неизменных ценностей. В-третьих, судебные решения выносятся на основе общих принципов или в каждом случае индивидуально². Отвечая на эти вопросы, М. Вебер выводит два критерия для классификации правовых систем – формальность и рациональность права. Прежде всего, правовые системы различаются по степени формальности.

«Формальность» – это тип юридического мышления, противоположный «материальности» мышления. Формальная правовая система предполагает самодостаточность, когда все правила и процедуры обеспечиваются самой системой. Материально-правовая система базируется на формировании нормативных

¹ См.: *Козлихин И.Ю.* Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3. С. 11.

² См.: *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. Москва, 1990. С. 389.

и индивидуальных актов, на внешних по отношению к праву нормах, то есть связана с религиозными, этическими, а также политическими ценностями. Вторым критерий – степень рациональности типов правового мышления. Следует отметить, что «рациональность» – это центральная категория в работах М. Вебера по праву. При классификации правовых систем по форме правовой мысли рациональность понимается в двух смыслах: 1. Как система, регулируемая общими правилами и принципами. 2. Как возможность контролировать процедуры интеллектом. Используя указанные выше критерии, М. Вебер выделял четыре правовые системы: формальное иррациональное право; материальное иррациональное право; материальное рациональное право; формальное рациональное право¹.

Типологию М. Вебера не следует рассматривать как неизбежный перечень стадий эволюции правовой мысли. Типы правового мышления – это инструмент исследования, позволяющий анализировать конкретные социальные феномены. Тем не менее правовые системы, связанные с иррациональностью права, присущи более примитивным обществам. Например, формальное иррациональное право понимается М. Вебером как примитивное, так как в качестве примеров такого права можно привести обращение к иррациональным способам доказательств – ордалиям. Иным примером такой правовой системы может быть обращение к оракулам для разрешения споров. В такой правовой системе требуется строгое соблюдение процедуры при произнесении клятв или при обращении к оракулу, так как существенной характеристикой всех магических процедур является их жесткий формализм. Иррациональность данной системы заключается в том, что процедура принятия решений совершенно не контролируется разумом и поэтому предсказать исход дела совершенно невозможно. К иррациональному типу правового мышления М. Вебер относил и вторую правовую систему – материального иррационального права. В такой правовой системе решение принимается на индивидуальной основе, в каждом случае отдельно,

¹ См.: Вебер М. Хозяйство и общество. Ч. 1: Экономика. Общественное устройство и власть. Москва, 1990. С. 120–150.

на основании политической целесообразности, этических и иных соображений. В качестве обобщающего термина для такого права Вебер использует категорию «правосудие кади»¹. Кади – это священник у мусульман, который имеет полномочия выполнять функции правосудия. Однако этот термин Вебер использует для характеристики аналогичных правовых институтов за пределами мусульманского мира. Народные суды в Древней Греции и традиционные китайские суды схожи с институтом кади в том, что решение не основано на общих принципах, каждый случай рассматривается в свете уникальных соображений. В отличие от формального права, материальное иррациональное право не связано строгой процедурой. Наиболее ярким примером такой правовой системы, когда решение принимается индивидуально и на основе не правовых, а иных критериев, является так называемый Соломонов суд. Решения, которые выносил иудейский царь Соломон, было невозможно предугадать заранее. Как было сказано выше, иррациональные правовые системы носят примитивный характер, но это не исключает их существование и в настоящее время.

Большей предсказуемостью права обладают рациональные правовые системы. В рамках рационального типа правового мышления М. Вебер выделяет две правовые системы. Первая – материально-рационального права – существовала, например, в Европе в период абсолютизма. Право в этот исторический период становится рациональным, так как основано не на религии и магии, а работает на внутренних принципах юридического характера. Существует кодификация законов, профессиональные адвокаты и принципы принятия решений судьями закреплены в формах права. При этом право является материальным, то есть неограниченная исполнительная власть в любой момент может разрушить все юридические гарантии. Поэтому в условиях абсолютной монархии политическая целесообразность стоит выше законности. Второй тип правовой системы – это формально-рациональное право, которое сформировалось в период

¹ См.: Вебер М. Хозяйство и общество. Ч. 1: Экономика. Общественное устройство и власть. Москва, 1990. С. 170.

европейских буржуазных революций, когда правовая система получила независимость от вмешательства монархии вследствие реализации разделения властей. В такой правовой системе «правовые характеристики фактов раскрываются посредством логического анализа значения и... соответственно, четко определенные понятия в виде высоко абстрактных правил формулируются и применяются»¹. Чем более рациональна правовая система, тем более она предсказуема. В этом было принципиальное отличие позиций М. Вебера и К. Маркса, так как, по мнению Вебера, не экономика определяет все отношения, а, напротив, предсказуемое право является условием развития экономики. «Современное капиталистическое предприятие основано, прежде всего, на расчете и предполагает правовую и административную систему, функционирование которой может быть рационально предсказано, по крайней мере, в принципе, благодаря ее фиксированным общим нормам»². При этом чтобы отдельные граждане могли рационально преследовать свои индивидуальные цели, они должны предвидеть с высокой степенью точности, в каких случаях может быть применено принуждение. Требуется, чтобы правовая система действовала на основе фиксированных общих норм, при этом необходимо закрепление права судьи действовать по своему усмотрению и отделение правовых норм от иных (прежде всего, религиозных) систем³. Таким образом, вопрос предсказуемости права тесно связан с вопросом автономии правовой системы.

В заключение нашего исследования можно сделать ряд выводов. Прежде всего, глобализация права закономерно ставит перед юридической наукой вопрос об учете факта конвергенции правовых систем при основании классификации. Наличие правовых систем смешанного типа приводит нас к неизбежности учета типа правового мышления и легитимации для адекватной оценки современной правовой карты мира.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Москва, 1990. С. 132.

² Там же. С. 135.

³ См.: Толстик В.А. Пределы законодательного усмотрения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 282–285.

Кожевина М.А.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Преемственность в русском праве: взгляд отечественных юристов XIX века¹

Преемственность как неотъемлемая характеристика состояния отечественного права и юридической практики в современной науке приобрела аксиоматичное значение. Нет никакого сомнения в том, что право, являясь одним из основных социальных регуляторов, имеет свою историческую проекцию, развиваясь, следует канонам приятия и сохранения ценного опыта, а также отрицания устаревшего. Однако в качестве понятия, наполненного юридическим смыслом, в научный оборот вводится лишь в недавнем советском прошлом, при этом определяется учеными как многоаспектное явление. Это и предпосылка развития высокой правовой культуры правотворчества², и инструмент улучшения права³, индикатор современного состояния правового регулирования и важнейшая часть развития права⁴, средство исследования направлений и пределов заимствования правом элементов прошлых типов⁵ и т. д. Вместе с тем, преемственность в праве рассматривается в методологическом контексте, в качестве средства научной рефлексии, выявления закономерностей и особенностей в развитии права, а также в развитии науки о праве⁶.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 20-011-00523 «Эволюция науки истории права и государства России XVIII–XX вв.».

² См.: Проблемы совершенствования советского права. Москва, 1977. С. 25.

³ См.: Очерки сравнительного права / под ред. В.А. Туманова. Москва, 1981. С. 109.

⁴ См.: Швеков В.Г. Преемственность в праве. Москва, 1983. С. 9.

⁵ См.: Бабаев В.К. Советское право как логическая система. Москва, 1978. С. 75.

⁶ См.: Рыбаков В.А. Преемственность в развитии права (теоретико-исторический аспект). Омск, 2007. С. 9.

Казалось бы, юридическая наука сформировала содержательное представление о преемственности как важнейшей составляющей научного знания не только о праве, но и о последовательном глубоком и всестороннем изучении этого объекта, о формировании исследовательского опыта науки, который тоже преемственен. И тем не менее здесь мы в полной мере солидарны с профессором С.В. Коданом¹: современные научные изыскания юридического содержания порой страдают легковесностью в части аналитики предшествующего научного опыта, историографии вопроса, поверхностным и конъюнктурным поиском, отбором и вовлечением в познание юридической материи носителей государственно-правовой информации. Причин тому много, возможно, это тема отдельного разговора, но одной проблеме все-таки следует уделить внимание в силу того, что преемственность как объективное свойство и юридической науки самой, и права как объекта, изучаемого ею, будет познаваема в полном объеме лишь при условии грамотного применения исторического подхода, вдумчивого следования требованиям научного источниковедческого и историографического анализа. Опыт отечественной юридической науки дореволюционного периода в этой связи приобретает непреходящее значение, он представляется нам наиболее последовательным и системным.

Понимание объективности преемственных связей в правовом развитии общества и государства складывалось с момента зарождения отечественной юридической науки, однако специальным предметом исследования преемственность как фактор развития становится лишь к середине XIX столетия, когда основным определяется исторический подход к пониманию права. Выбор научного подхода был обусловлен рядом факторов, оказавших заметное влияние на становление самостоятельных научных направлений, прежде всего истории права. С одной стороны, российской монархией был сформулирован идеологический постулат – «самодержавие, православие, народ», предполагающий историческое обоснование незыблемости власти в ее триединстве. С другой – укрепление государства мыслилось за счет стабилизации и универсализации правового пространства посредством систематизации российского

¹ См.: *Кодан С.В.* Источниковедческие риски ненадлежащего подбора, анализа и презентации данных носителей государственно-правовой информации в юридическом исследовании // *Юридическая техника: Ежегодник. 2019. № 13.* С. 186.

законодательства, которая «по размаху и дерзости» не имела аналогов в мировой юридической практике. В-третьих, естественно-правовая парадигма, лежащая в основе правовых изысканий в XVIII столетии, постепенно утрачивала свою актуальность в силу ограниченного потенциала в познании сущности права. На фоне идеологического кризиса европейской юридической науки формировалось новое видение методологии науки, в которой основным инструментом познавательной деятельности мыслилась история.

Для российских правоведов новая парадигма в полной мере отвечала запросам времени. Адаптивной средой для утверждения нового видения права как исторически сложившейся преемственной системы могла стать только университетская аудитория. Образование, в отличие от практики, было более отзывчивым на новые вызовы науки. А.Г. Станиславский, анализируя этот факт, отмечал, что «господствующее направление в преподавании и в юридической литературе было практико-догматическое. Большею частью ограничивались, здесь и там, изложением постановлений действующего законодательства, не разъясняя его историческими изысканиями, и не стараясь, посредством благоразумного употребления философского метода, проникнуть в общий дух изучаемого законодательства...»¹. И если согласно Университетскому уставу 1835 года образовательные программы лишь опосредованно отражали интерес к истории права, то на основе Университетских уставов 1863 и 1884 годов был создан историко-правовой цикл, включающий историю философии права, историю римского права, историю русского права, историю важнейших законодательств древних и новых, историю славянских законодательств и др.

Таким образом, вся суммарность объективно-субъективных предпосылок способствовала тому, что история русского права становилась не только средством идентификации и формой исторической памяти российского общества, но и предметом научного познания, постепенно приобретала научную автономию.

Новый вектор в отечественной юридической науке обусловил и необходимость системного видения права как непрерывно развивающегося объекта. Сформировавшийся в середине – второй

¹ Станиславский А.Г. О ходе законовещения в России и о результатах современного его направления. Казань, 1853. С. 38–40.

половине XIX столетия опыт исторической рефлексии, на наш взгляд, современной наукой может быть воспринят как классическая модель познания права в его преемственных связях. Выделим основные системные элементы этой модели и охарактеризуем их, апеллируя к научному творчеству отечественных правоведов.

Прежде всего обратимся к научному наследию К.А. Неволлина, выпускника школы профессора М.М. Сперанского и ученика Ф.К. фон Савиньи. Его воззрения послужили основой в формировании взгляда на историю права вообще и на историю русского права в частности. Исходя из посыла субъективно-объективного единства исторического развития, он указывает на важное свойство этого единства – его целенаправленность, обуславливающую преемственность в развитии. На субъективном уровне это порядок «в духе автора, сочиняющего историю», заключающийся в последовательном изложении «происшествий, случаев» с определенной прагматической целью. На объективном уровне выделяется два «порядка» – низший, «когда мы двигаемся непосредственно внутри круга исторического, не возводя наши взоры за его пределы», и высший, когда цель познания связана с выявлением причинно-следственных связей, определением закономерностей и особенностей развития права. Размышляя в этом ключе, ученый, не вводя понятия преемственности, фактически раскрывает его содержание. Он пишет: «При осуществлении общей цели бытия рода человеческого, каждый народ, каждый век имеет свою особенную задачу, как бы особенное начало, которое он должен развить. Нравственная идея должна вполне раскрыться. Одному народу или веку предоставляется раскрыть одну ее сторону, другому – другую, третьему – третью. Начало, развитое одним народом, передается от него другому, который на основании сего начала развивает свое собственное начало, и, кончивши свою работу, передает третьему, и так далее. Таким образом каждое низшее начало сохраняется в каждом высшем, но, естественно, столько, сколько это позволяет свойство высшего начала. При таком развитии общее достояние человечества непрерывно умножается и передается от одного поколения другому»¹. Таким образом

¹ *Неволин К.А.* Энциклопедия законовещения. Введение в энциклопедию. Общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений К.Н. Неволлина. Т. 1. Санкт-Петербург, 1857. С. 119–120.

обозначаются характерные признаки преемственности, а именно: ее историческая сущность, объективный характер, последовательность и единство в развитии общественной жизни, трансляция опыта последующим поколениям не в полном объеме, а лишь в той части, которая актуализирована во времени, передача этого опыта может осуществляться как в горизонтальной временной перспективе от поколения к поколению, так и от одного народа другому, то есть в пространстве в рамках одного периода.

Экстраполируя взгляд на общее развитие «жизни народной» в сферу права, К.А. Неволин указывает еще один важный аспект, раскрывающий не только суть права как социокультурного феномена, но и определяющий основной ракурс познавательного процесса преемственности в отечественном праве. Он ставит право в один ряд с религией, наукой, искусством и другими явлениями общественной жизни, которые находятся в неразрывной, тесной связи, во взаимодействии и взаимовлиянии друг на друга, представляют единство, целостность, то есть во всей своей совокупности обладают системным характером¹.

Осознание объективности и системности преемственных связей в развитии права обусловило выбор методологии познания истории русского права², которая, безусловно, с учетом современных научных трендов, в основе своей может служить неким алгоритмом в формировании полноценного представления о предмете научного изыскания.

История русского права исследовалась в рамках двух историй: внешней и внутренней. Главная задача виделась в «научной разработке юридического быта» русского народа. Под внешней историей

¹ Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию. Общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений К.Н. Неволина. Т. 1. Санкт-Петербург, 1857. С. 122.

² См. об этом подробнее: Леонтович Ф.И. История русского права. Одесса, 1869; Михайлов М.М. История русского права. Санкт-Петербург, 1871; Самковасов Д.Я. История русского права. Варшава, 1878; Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. Москва, 1879; Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. Санкт-Петербург, 1883; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1886; Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права. Санкт-Петербург, 1888; Ясинский М.Н. Лекции по внешней истории русского права. Вып. 1. Киев, 1898; Загоскин Н.П. История права русского народа. Т. 1. Казань, 1899; и др.

понималось «обозрение памятников законодательства», на основе которого формировалось общее представление об источнике права, причинах его издания, мотивах и целях законодателя, определялись источники, положенные в основание, прослеживалась их «дальнейшая судьба». Юридические памятники и правовые обычаи изучались в системе последовательно по периодам, определялись и анализировались их внешние признаки, к которым относились язык, порядок образования и «распределения отдельных постановлений», также изучалось содержание источников настолько, «насколько необходимо для общего знакомства». Завершающим этапом познания было определение значения каждого памятника для системы законодательства с целью систематизации современного законодательства и обозначения перспектив его развития.

Внутренняя история связывалась с исследованием норм права, институтов и отраслей права в их эволюции, раскрывалось содержание права, которое рассматривалось как «общий предмет внутренней и внешней истории». Отличие заключалось лишь в том, что в рамках внутренней истории выявлялись «мотивы и влияния» на установление юридических правил, раскрывалась сущность, внутренние связи и системность этих правил. В целом складывалось общее представление о праве.

Одновременно ставился вопрос о предметных рамках исторического познания отечественного права. К примеру, В.Ф. Владимирский-Буданов считал, что «понятие о науке истории русского права выводится из трех отдельных признаков, входящих в него, а именно из понятий: а) о праве как совокупности обязательных норм, определяющих отношения государственные и частные; б) об истории как прогрессивном движении явлений от форм простых к более сложным и совершенным; в) о нации как части человеческого рода, воспроизводящей в себе общечеловеческие законы развития в формах особенных (оригинальных). Итак, история русского права есть наука, излагающая прогрессивное развитие юридических норм в жизни русского народа... Предмет определяется первым из указанных признаков, то есть понятием о праве»¹.

При этом понятие русского права мыслилось широко – как национальное право, которое складывалось в рамках не только Русского государства, но в «таких русских областях, которые

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1886. С. 6.

не входили и не входят в состав русского государства». На этом фоне выделялись преемственные связи с литовско-русским правом «как связующим звеном между древним правом... и периодом империи», а также с правом «общеславянским», считалось, что факты, «сообщаемые источниками о праве других славянских народов в ту эпоху, могут быть безошибочно приписаны русскому»¹.

Одновременно обуславливались и методы выявления преемственного развития: историко-сравнительный, догматический и философский. В качестве системообразующего способа познания предлагалась периодизация. Выделялось «три периода: 1) период земский (или т. н. княжеский) IX—XIII вв.; 2) период московский (правильнее – двух государств Московского и Литовского) XIV—XVI вв.; 3) период империи XVIII—XIX вв. – В 1-м находим отдельные земли – княжения; во втором – два больших государства; в 3-м – одну империю. В первом господствует обычное право; во втором – обычай и закон в равной силе; в 3-м господствует закон»².

Различение истории внешней и внутренней, их периодизация связывались с различием источника права по форме и по содержанию, а также с понятием толкования источника права. Основополагающий посыл был определен К.А. Неволлиным. Он указывал на взаимосвязь и взаимовлияние системы человеческих отношений, системы знаний об этих отношениях и системы законов, регулирующих эти отношения³. Ученый предлагал три способа «приобрести познание о законах: практика, чтение законов и сочинений об них, слушание изустных наставлений о законах»⁴ в их исторической проекции и преемственности.

Этот опыт подтолкнул отечественных правоведов к теоретическим обобщениям⁵. Принимая во внимание, что значительная часть работ по истории и общей теории права с некоторыми различиями

¹ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1886. С. 9.

² Там же. С. 11.

³ См.: *Неволин К.А.* Энциклопедия законовения // Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1857. Т. 1. С. 91.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ См. об этом подробнее: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. Москва, 1904; *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. Москва, 1908; *Рождественский А.А.* Общая теория права: курс лекций. Москва, 1909; *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Москва, 1910–1912. Вып. 1–4; *Виноградов П.Г.* Очерки по теории права. Москва, 1915; и др.

содержит схожие рассуждения, обратимся к авторитетному мнению профессора Г.Ф. Шершеневича, чья работа появилась на завершающей стадии исследуемого периода.

Изучение правовой действительности ученый предлагал основывать на критике права. «Цель критики права, – пишет он, – определить подлинность нормы и правильность ее текста»¹. «За критикой следует толкование, которое состоит в раскрытии содержания норм права. Критика и толкование – это два момента в установлении большой посылки, которая сама представляет только одну из стадий в процессе познания права...»².

Раскрывая суть толкования права, он выделяет и способы толкования – обыденный, научный, грамматический, логический, распространительный, ограничительный и т. п. Собственно, все те, что в современной науке приняты. Важными же являются его размышления, связанные с определением объекта толкования. Он задает вопрос: «Что им является – мысль или воля, выраженная в норме права?» И отвечает: «Воля без мысли непостижима, мысль без воли не будет нормой права»³. Ученый считал: «Не то важно, что хотел законодатель, а то, что он успел и сумел выразить в законе»⁴. Усиливая внимание по отношению к преемственным связям, он выводит принципы толкования – целесообразности и справедливости, соотнося два вопроса: как следует толковать законы – по тому смыслу, какой они имели в момент их издания, или по тому смыслу, какой они получают в момент применения? И справедливо отмечает, что второй вопрос логично вытекает из первого. Желание сделать уступку времени – это аргумент в пользу изменения законодательства, а не в пользу извращения смысла закона⁵.

В этом контексте ученый обращает внимание на исторический опыт составления закона и придает огромное значение историческому толкованию, суть которого видит в сопоставлении и уяснении содержания данного закона с другими, ранее принятыми. При этом призывает к системному видению внутреннего содержания закона и внешних обстоятельств, побудивших законодателя издать

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Москва, 1910. С. 716.

² Там же. С. 723.

³ Там же. С. 729.

⁴ Там же. С. 731.

⁵ См. там же.

закон. Одновременно определяет значимыми для установления преемственных связей в праве и правовой практике источники, стоящие вне закона, к примеру, объяснительные записки, протоколы заседаний комиссий по составлению проекта закона и т. д., которые служат «средством для понимания намерений законодателя в процессе осмысления необходимости изменения закона»¹.

Таким образом, заключая, отметим, что отечественными юристами XIX века был накоплен достойный опыт осмысления проблемы преемственности в праве, который не утратил своей актуальности и на современном этапе. Он позволяет, не будем считать это тавтологией, увидеть преемственность в исследовании вопроса и не утратить значимые научные обобщения для дальнейших изысканий.

УДК 34

Корелов О.А.,

кандидат физико-математических наук, профессор кафедры управления Нижегородской академии МВД России;

Морозов О.Л.,

кандидат экономических наук, начальник кафедры управления Нижегородской академии МВД России

Перспективы развития процесса законотворчества в современную эпоху

Противоречивыми словами ты сбиваешь меня с толку. Говори лишь о том, как мне достичь блага.
Ефремов И.А. «Час быка»

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена особенностями современной эпохи и теми требованиями, которые они

¹ *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Москва, 1910. С. 740–741.

предъявляют к законодательству. Главная отличительная черта современности – это переход от состояния, когда общественный прогресс осуществлялся по объективным законам, а люди, не познавшие их, были по большому счету отчуждены от этого процесса, к состоянию, когда последние (люди), опираясь на полученные знания (спасибо Гегелю и Марксу), могут и должны сознательно использовать их для достижения поставленных целей. Следует отметить, что масштаб перемен при этом и их последствий сравним с теми, когда наши далекие предки переходили от присвоения готовых продуктов природы к производству. Такая трансформация качественно расширяет горизонт возможностей, с одной стороны, но одновременно в той же мере повышает цену вопроса¹.

В современную эпоху любое позитивное изменение в обществе может быть обеспечено только активной целесообразной и целенаправленной деятельностью некоего уполномоченного обществом субъекта, причем неадекватное вмешательство в действие объективных законов может привести к катастрофе с непредсказуемыми последствиями².

Следует отметить, что именно право в силу ряда обстоятельств в настоящее время является основным регулятором общественных процессов, и именно это предъявляет повышенные требования к деятельности законодателя вообще, в том числе к процессу законотворчества³.

Таким образом, для правильной постановки проблемы этот процесс следует рассматривать как элемент более общей системы – социального управления, деятельности уполномоченного обществом субъекта, направленной на взятие под контроль доселе отчужденных общественных отношений, и, соответственно, необходимо рассматривать не сам по себе нормативно-правовой аспект проблемы, но как минимум еще два:

1) общий аспект – это деятельность, содержанием которой является перевод идеального образа в реальность;

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Избранные произведения: в 3 т. Москва, 1979. С. 26.

² См.: *Платонов С.* После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. Москва, 1988. С. 18.

³ См. там же. С. 49.

2) организационный аспект – это деятельность, содержанием которой является конвертирование информации в иные формы ресурсов.

Цель законотворчества – снять отчуждение общественных отношений, то есть, познав эти отношения, взять их в подсознательный общественный контроль и преобразовать их так, чтобы это отвечало общим замыслам социального развития. Предметом труда законодателя, в том числе в процессе законотворчества, является исторически сложившаяся совокупность (отчужденных!) общественных отношений.

Поэтому первое и основное требование к законотворчеству: законодательные акты должны соответствовать, с одной стороны, объективным законам общественного развития, а с другой – отвечать стоящим перед обществом актуальным целям и задачам.

Из того факта, что процесс социального регулирования, одним из инструментов которого является законотворчество, представляет собой целостность, вытекает второе требование процесса законотворчества – разработка и принятие новых законов должны обеспечивать самосогласованность законодательства.

Это предполагает решение проблем двоякого рода.

Первая, наиболее простая, очевидная, но необходимая задача – установить, в чем именно новый закон дополняет предшествующие (кто это устанавливает? Разве субъект правотворчества не знает, какие изменения он новым законом вносит в действующий закон (законы)?), не следует ли внести в них, а также в принятые на их основе нормативные акты поправки. Вторая задача – гораздо более сложная, нетривиальная и, как предполагается, не имеющая решения в общем виде. Она связана с тем, что законодательство – это корни правового дерева, и даже незначительные изменения в нем могут породить существенные изменения во всем правовом древе, и предсказать кумулятивные эффекты «вальса отражений», в том числе и в связи с изменениями собственно в общественной жизни, которые порождает данный закон (или которые произойдут независимо от него), очень сложно.

Следующее требование к процессу законотворчества состоит в том, что разрабатываемые и принимаемые законы должны быть

исполнимы. Это означает, во-первых, что они не противоречат прямо объективным законам природы и, во-вторых, их исполнение обеспечено необходимыми ресурсами (кадровыми, финансовыми, производственными, техническими, информационными и т. д.). Следует рассматривать как наличные ресурсы, так и возможности их дополнительной мобилизации.

Наконец, процесс законотворчества в обязательном порядке должен предполагать разработку механизма реализации законодательных актов: кто именно, опираясь на какие ресурсы, как и в каком порядке будет обеспечивать исполнение данного закона. При этом возможны два варианта: либо приспособление уже имеющих субъектов социального управления под решение новых, дополнительных задач, либо создание, конструирование принципиально нового.

Отметим, что указанные выше четыре аспекта предъявляемых к процессу законотворчества необходимых требований теснейшим образом между собой связаны, образуя целостность¹.

Сравнение этих требований с реальным процессом законотворчества в современной России показывает, что они удовлетворяются не в полном объеме и процесс нуждается в совершенствовании.

Идеала – образа желаемого будущего – нет. Анализ реальности проводится примитивными методами. Соответственно, цели декларативны, системная совокупность проблем и узловые цели – не выявлены, задачи – не ранжированы по важности, расчет необходимых ресурсов не производится, а выделенные – размазываются тонким слоем по всем направлениям работы.

Упреждающее воздействие на события минимально.

Планирование воздействия на реальность посредством разрабатываемых законов принципиально одноэтапное (причем – на неопределенный либо формально определенный срок). Между тем

¹ См.: *Корелов О.А., Коробков М.П.* Право как инструмент социального регулирования в современную эпоху // Передовой опыт и проблемы профилизации учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях системы МВД России: сборник статей под ред. Е.Е. Черных. Нижний Новгород, 2018. С. 78–87.

решение любой задачи, очевидно, открывает «веер возможностей» и одновременно может порождать новые проблемы. Эти аспекты не учитываются.

Отсутствуют научно обоснованные и воспринятые обществом критерии успешности, эффективности как законодательного регулирования вообще, так и процесса законотворчества в частности.

Действующая система не позволяет обеспечить сравнение желаемого состояния с действительным, так как:

- определены без должного анализа соотношения категорий «количество» и «качество»;
- нет дифференцирования критериев, как по уровням управления, так и по территориальному признаку;
- не учитывают динамичность регулируемой реальности;
- не увязаны с общим целеполаганием законодательной регуляции процессов в обществе и потому не стимулируют к достижению цели.

В целом в настоящее время схема проектного управления остается нереализованной. Реальный процесс созидания законодательства строится либо на принципах рефлексии – поспешное (и зачастую – непродуманное) реагирование на уже состоявшееся событие либо в лучшем случае слежения – отслеживаются изменения реальности, какие-то поддерживаются, какие-то пресекаются.

Исходя из вышеизложенного, основными направлениями совершенствования российского процесса законотворчества на его основных, рассмотренных выше этапах представляются следующие.

Во-первых, это автоматизация процесса законотворчества, которая наиболее актуальна, прежде всего, на этапе непосредственного создания правовых норм. Указанное выше содержание современной эпохи не может быть реализовано на базе индустриального производства и требует внедрения, во-первых, автоматизированного (в пределе – автоматического) производства и, во-вторых, корреспондирующих этому процессу новых коммуникационных технологий. Это целиком и полностью относится также и к производству законов. Например, указанные выше требования самосогласованности законодательных актов едва ли могут быть адекватно решены без разработки и внедрения

систем автоматизированного проектирования нормативно-правовой документации.

Такие системы используются, в частности, в США с середины 60-х годов прошлого века и предполагают решение задач двух уровней сложности.

Первый уровень – контентный анализ нормативных актов, направленный на выявление формальных расхождений и противоречий.

Второй уровень – создание человеком машинных комплексов, обеспечивающих переход от сформулированного идеала развития общества к предписаниям для конкретных исполнителей (и обратно). Следует отметить два обстоятельства. Во-первых, в США данные о разработке и использовании такого рода систем были в начале 70-х годов прошлого века засекречены¹.

Во-вторых, разработка такого рода систем находится в тесной связи с одной из главных отличительных черт идущего сейчас процесса построения информационного общества, внедрения информационных, цифровых технологий в управление общественными процессами. Суть ее, с одной стороны, снижение субъективного фактора в разработке управленческих решений (например, законов), в смысле устранения произвола, но, с другой стороны, повышение этого фактора, в смысле расширения диапазона достижимых целей за счет адекватного учета и использования имеющихся ресурсов. Поэтому автоматизация процесса законотворчества на всех его этапах, и прежде всего на этапе непосредственного принятия закона, представляется насущно необходимой.

В любом случае субъектом снятия отчуждения общественных отношений государство (точнее – государство в современном виде и только оно) быть не может, так как:

- государство само есть продукт отчужденных отношений;
- оно – генератор отчужденных отношений: на всем протяжении своей истории преодолеvalo существующие противоречия в обществе тем, что оформляло (а иногда – и инициировало) добавление качественно новых слоев отчуждения;

¹ См.: Платонов С. После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. Москва, 1988. С. 131.

– является посредником, и как любой посредник приобрело власть над опосредуемыми элементами и начало самостоятельное развитие, имеющее целью сохранить себя и приумножить именно свое влияние, выводя первоначальную задачу – согласование деятельности социальных структур – на второй план.

Поэтому быть субъектом снятия отчуждения современное государство не захочет (это равносильно самоубийству), а если и захочет, то не сможет, ибо никогда этим не занималось.

Отсюда непосредственно следует и еще одно направление совершенствования российского законодательства.

Одной из ведущих тенденций идущей сейчас цифровизации, насыщения общественной жизни современными информационными технологиями, с одной стороны, является максимальное устранение опосредующих звеньев или уменьшение их влияния там, где устранение невозможно или нецелесообразно.

С другой стороны, особенностью информационного общества является также невозможность достижения общественно значимых целей, если эта цель внятно не сформулирована и не воспринята широкими массами тех, кто ее будет достигать.

Это имеет непосредственное отношение к положению Конституции Российской Федерации, гласящему, что носителем власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, а органы законодательной власти – это органы, в том числе посредством которых народ осуществляет свою власть. Следовательно, на повестку дня прежде всего при разработке и отчасти на этапе непосредственного принятия законов ставится расширение и углубление институтов прямой демократии. Это предполагает в качестве подготовительных мер:

– повышение общей и в частности правовой культуры людей;

– формирование углубленного понимания таких аспектов общественной жизни, как: чего хотим, что этому мешает, какими ресурсами располагаем, какими могут быть последствия принятого решения;

– доведение указанных знаний до всех заинтересованных субъектов.

На этой основе может быть решена задача расширения участия институтов гражданского общества в процессе законотворчества,

в том числе разработан и внедрен механизм обсуждения законопроектов, предложений и внесенных поправок, а также общественного контроля за законодательным процессом на всех его этапах.

Одна из черт такого представления права – наличие обратных связей, например в форме мониторинга соответствия реально достигнутого запланированному и внесения в планы оперативных изменений.

Следует сказать, что ни теоретически, ни практически проблемы такого рода представления и осуществления законодательных актов в современной России должным образом не проработаны, что существенно снижает возможности полноценного правового регулирования общественных процессов.

Поскольку, как уже отмечалось, современное право – это не просто средство установки общих рамок правомерного поведения, но инструмент активного преобразования реальности, оно все чаще приобретает форму программ (комплекс: субъект – цели – деятельность – ресурсы) и проектов (комплекс программ, включая программу реализации программ).

Тем самым определяются основные направления развития законоотворчества в России: от рефлексивного (сейчас) к проектному (в перспективе).

Для этого необходимо обеспечить решение следующих задач.

1. Определиться, наконец, во имя чего и зачем живет и работает Россия и ее народ, чего мы хотим добиться, чтобы, сопоставляя этот идеал с реальностью, выявляя проблемы, мешающие его реализации, уяснить самим и внятно предложить обществу наши цели, в том числе определиться с целями нормотворчества.

2. Обеспечить внедрение в процесс законоотворчества современных инновационных технологий, создание автоматизированных человеко-машинных комплексов, в перспективе – с элементами искусственного интеллекта, сводя к минимуму субъективизм и произвол законодателя вообще и уменьшая до минимума несогласованность разновременных и разноуровневых нормативных актов в частности.

3. Внедрить передовые методы анализа реальности, подлежащей преобразованию, а равно – выявление возможных последствий нормативно-правового вмешательства, в том числе

с широким использованием математического моделирования¹. Современные методы анализа, прежде всего, математические – это способ познания отношений меры, единства качественных и количественных показателей, границ в пространстве параметров системы между допустимыми и недопустимыми сценариями ее развития. На этой основе:

Во-первых, разработать действенную систему критериев оценки эффективности работы законодателя в целом и отдельных этапов их работы, в том числе работы по разработке, обсуждению, принятию и реализации законов²;

Во-вторых, обеспечить создание полноценной службы мониторинга результатов применения разработанных и принятых законов в рамках органов законодательной власти, разработать и внедрить методы ее работы. В настоящее время мониторинг (а более жестко – разведка, ибо придется выявлять и неявно представленную информацию) как метод системного анализа всего доступного объема информации, позволяющего создать условия для принятия, в том числе упреждающих, управленческих решений, не ведется³.

Все вышеизложенное должно стать основой для разработки комплексных и целевых программ, а в перспективе – полноценного национального проекта аналогичного назначения на федеральном уровне по совершенствованию процесса законотворчества в России.

¹ См.: *Корелов О.А., Бугай В.В.* Применение современных методов анализа статистической информации для совершенствования организационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности // *Оперативно-розыскное законодательство: история, современность, тенденции развития (к 100-летию уголовного розыска): материалы Всероссийской научно-практической конференции (Н. Новгород, 11 апреля 2018 г.): сборник статей / под ред. В.И. Шарова.* Нижний Новгород, 2019. С. 97–103.

² См.: *Корелов О.А., Коробков М.П.* Право как инструмент социального регулирования в современную эпоху // *Передовой опыт и проблемы профиликации учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях системы МВД России: сборник статей под ред. Е.Е. Черных.* Нижний Новгород, 2018. С. 78–87.

³ См.: *Морозов О.Л., Корелов О.А.* Некоторые проблемы разработки и реализации комплексных программ борьбы с преступностью // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2019. № 4. С. 187–191.

Косых А.А.,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России*

**Современная модель
и принципы федеративного устройства
Российского государства**

Впервые как федеративное государство Россия была провозглашена в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа в 1918 году. В ней было закреплено: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик»¹. Декларация впоследствии стала частью Конституции РСФСР 1918 года. Советское федеративное государство было образовано 30 декабря 1922 года в результате подписания Договора об образовании СССР. Таким образом, особенностью процесса становления федерализма в России является сочетание искусственного провозглашения данной идеи с идеей договорного образования единого государства.

Россия относится к федерациям смешанного типа: часть субъектов образована по территориальному принципу (города федерального значения, области, края); другая часть субъектов образована по национально-территориальному принципу (республики, автономные округа, автономная область). В последнее время учеными выделяется еще один принцип образования субъектов – экономический. Он положен в основу образования нового субъекта путем объединения нескольких субъектов в один. Так, например,

¹ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа 3(16) января 1918 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/declarat.htm> (дата обращения: 15.05.2020).

были образованы Забайкальский край, Камчатский край, Пермский край и ряд других субъектов.

Российскую Федерацию можно охарактеризовать как асимметричную федерацию, поскольку составляющие ее субъекты, с одной стороны, являются равноправными субъектами в составе Российской Федерации (статья 5 Конституции Российской Федерации), с другой стороны, имеют различный государственно-правовой статус (статья 66 Конституции Российской Федерации). Учитывая принятые в последние годы государственно-правые решения, а также тот факт, что Российская Федерация оставила за собой право регулирования большинства вопросов, отнесенных к ведению государственной власти, Российскую Федерацию стоит признать централизованной федерацией.

К основным принципам федеративного устройства России стоит отнести государственную целостность; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; единство системы государственной власти; равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации (статья 5 Конституции Российской Федерации); государственный суверенитет (статья 4 Конституции Российской Федерации); равноправие субъектов (статья 5 Конституции Российской Федерации); единство конституционно-правовой системы (статья 15 Конституции Российской Федерации).

Государственная целостность. Данный принцип состоит из двух диалектически связанных компонентов: с одной стороны, государственная целостность определяется единством и неделимостью государственной власти, с другой стороны, государственная целостность предполагает территориальную целостность Российской Федерации. Основным и исключительным источником государственной власти выступает многонациональный народ Российской Федерации (статья 3 Конституции Российской Федерации). Территориальная целостность федерации определяется государственной границей и неотчуждаемостью государственной территории. Государственная граница – это «пространственный предел действия государственного

суверенитета Российской Федерации»¹. Приоритет государственной целостности в системе конституционных ценностей отмечен в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой: «государственная целостность – важное условие равного правового статуса всех граждан независимо от места их проживания, одна из гарантий их конституционных прав и свобод».

Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Правовой основой реализации данного принципа являются положения статей 71–73, 76 Конституции Российской Федерации. Анализ данных статей позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, статья 71 Конституции Российской Федерации, регламентирующая предметы ведения Российской Федерации, соответствующие полномочия также закрепляет за федеральными органами государственной власти.

Во-вторых, предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в равной мере распространяются на все субъекты Федерации вне зависимости от их конституционно-правового статуса.

В-третьих, субъекты обладают всей полнотой государственной власти по предметам ведения, не закрепленным в статьях 71 и 72 Конституции Российской Федерации. Данное положение было учтено в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», в соответствии с которым к пункту «д» части 1 статьи 72 было предложено отнести сельское хозяйство. Ранее данная сфера не регламентировалась ни статьей 71 Конституции Российской Федерации, ни статьей 72 Конституции Российской Федерации, а значит де-юре относилась к ведению субъектов Федерации. Де-факто управление данным сектором

¹ О государственной границе Российской Федерации: закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 года № 4730-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2020).

экономики осуществлялось региональными и федеральными органами государственной власти совместно (о чем свидетельствует принятие Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы и других документов).

Также к проблемным вопросам стоит отнести:

1. Принятие по предметам совместного ведения федеральных законов, законов и иных нормативных правовых актов субъектов. Подобная формулировка не позволяет понять, по каким именно вопросам следует принимать федеральный закон, а по каким вопросам – закон или иной нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации.

2. Размытость границ правового регулирования по предметам совместного ведения, указанным в подпунктах «е», «ж», «и», «н» и «о» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации. С одной стороны, органы государственной власти должны на федеральном уровне устанавливать общие принципы в сфере налогообложения, организации системы органов государственной власти и местного самоуправления, науки и образования и по ряду других вопросов. С другой стороны, законодательная деятельность субъектов Российской Федерации не должна быть сведена на «нет» или ограничиваться банальным дублированием норм федеральных законов.

3. Необходимость совершенствования законодательного процесса по вопросам, отнесенным к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Представление отзывов законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации на законопроекты по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации зачастую является формальностью.

Равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации. Данный принцип, по сути, дублирует нормы международного права, закрепленные в Уставе ООН 1945 года и международных пактах 1966 года «О гражданских и политических правах», «Об экономических, социальных и культурных правах»,

и заключается в праве народа, проживающего на данной территории самостоятельно определять свою судьбу. По данным переписи, проводимой в России в 2010 году, на ее территории проживает более 180 народов.

Самоопределение – это свободное определение своего политического статуса и свободное обеспечение своего культурного, духовного, экономического и социального развития. Отличительной чертой принципа равноправия и самоопределения народов в контексте рассмотрения отечественного федерализма является возможность его реализации исключительно в составе Федерации. Право народов на самоопределение ограничено конституционно-правовыми принципами государственного суверенитета и целостности, а также принципом разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Основные формы реализации принципа равноправия и самоопределения народов:

- право народа (граждан Российской Федерации) вне зависимости от пола, расы, национальности, языка и других обстоятельств обладать политическими правами и свободами;

- охраняемое законом равноправие языков народов Российской Федерации, равно как равноправие в культурной сфере: на сохранение и развитие своей культуры, традиций и обычаев, на культурное самоопределение;

- право на образование нового субъекта Российской Федерации, которое, исходя из смысла части 2 статьи 65 Конституции Российской Федерации, реализуется в соответствии с федеральным конституционным законом;

- право народа на изменение территорий субъекта, на котором проживает данный народ, а также право на территориальное выделение проживающего народа на территории какого-либо субъекта. Данный вопрос в соответствии с пунктом «б» статьи 71 Конституции Российской Федерации находится в исключительном ведении Российской Федерации, поэтому его решение возможно только с участием органов федеральной власти;

- право на определение наименования субъекта Федерации. Новое наименование должно соответствовать ряду требований

(не затрагивать интересы других субъектов Российской Федерации, не изменять конституционно-правовой статус субъекта Российской Федерации и другие).

Государственный суверенитет. Большинство ученых суверенитет определяется как сущностный признак государства, характеризующийся в верховенстве государственной власти на всей ее территории и независимости в международных отношениях. Важнейшей гарантией государственного суверенитета является его конституционно-правовое закрепление (по статье 4 Конституции Российской Федерации суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию) и отказ от закрепления суверенитета республик, краев, областей и других субъектов. Тем самым Конституция Российской Федерации исключает наличие двухуровневого суверенитета. Данное положение подтверждается решениями Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 1992 года, от 7 июля 2000 года, а также определением Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года, основным вывод которых заключается в том, что суверенитетом обладает Российская Федерация в целом, а субъекты Российской Федерации суверенитета не имеют.

Субъекты Федерации не обладают признаками суверенитета: они не наделены правом на верховенство государственной власти на своей территории (несмотря на то, что республика в статье 5 Конституции Российской Федерации именуется «государством» и имеет свою конституцию и законодательство) или независимостью как в отношениях с федеральным центром, так и на международной арене. В противном случае федерация неизбежно трансформируется в конфедерацию.

Другой гарантией суверенитета Федерации выступает полномочие Президента Российской Федерации как гаранта Конституции Российской Федерации, которое закреплено в статье 80 Конституции Российской Федерации: «В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации...». Как верно прокомментировал В.Е. Чиркин, независимо от формы правления президент как глава государства выступает тем лицом, которое выполняет особые функции, среди которых

можно выделить функции, связанные с защитой суверенитета и целостности всего государства¹. Для сравнения, согласно Конституции Франции, президент является гарантом территориальной целостности и национальной независимости (статья 5); в Италии государство признается суверенным (статья 7 Конституции Италии), а президент является главой государства и представляет национальное единство (статья 87 Конституции Италии); территория Республики Беларусь является пространственным пределом и основой суверенитета (статья 9 Конституции Республики Беларусь), а президент принимает меры по охране суверенитета республики (статья 79 Конституции Республики Беларусь).

Равноправие субъектов. Данный принцип распространяется:

– на взаимоотношения субъектов Федерации между собой (горизонтальное равноправие);

– на взаимоотношения субъектов с федеральными органами государственной власти (вертикальное равноправие).

Равноправие необходимо рассматривать как равенство конституционно-правовых статусов всех субъектов, входящих в состав Российской Федерации, то есть наличие равного количества прав, обязанностей и ответственности. Так, например, признание суверенитета за республиками (или какими бы то ни было другими субъектами) нарушило бы данный принцип, поскольку «субъект Российской Федерации, не обладающий суверенитетом, по своему статусу не может быть равноправным с суверенным государством»².

При этом принцип равноправия не может трактоваться с точки зрения равенства субъектов. Различные субъекты не являются, да и не должны быть равными в различных сферах общественных отношений. Формальное равноправие субъектов

¹ См.: *Чиркин В.Е.* Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. Москва, 2010.

² По запросу Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2001 года № 250-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2020).

находится в противоречии с их социальными, духовными, экономическими и географическими различиями. Так, площадь Республики Коми в 53 раза превышает площадь Республики Адыгея; численность населения города федерального значения Москвы в 46 раз превышает численность Республики Калмыкия. Отличаются субъекты своим социально-экономическим потенциалом. Величина среднемесячного дохода на душу населения в 2019 году в Российской Федерации составила 35 188 рублей, при этом в Москве эта цифра составляет 74011 рублей, в Московской области – 47 547 рублей, в Республике Ингушетия – 17 807 рублей, в Ставропольском Крае – 24 366 рублей, в Курганской области – 21 185 рублей, в Ямало-Ненецком автономном округе – 84 365 рублей¹.

Единство конституционно-правовой системы. Данный принцип обеспечивается следующим:

- во-первых, провозглашением в части 1 статьи 15 верховенства Конституции Российской Федерации;
- во-вторых, закреплением в части 2 статьи 15 Конституции Российской Федерации обязанности соблюдать Конституцию и законы;
- в-третьих, закреплением сфер исключительной компетенции Российской Федерации и предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов;
- в-четвертых, признанием в части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров частью правовой системы Российской Федерации;
- в-пятых, гарантией самостоятельности субъектов в сфере законотворчества (статья 76 Конституции Российской Федерации).

Соблюдение принципов федерализма в Российской Федерации является залогом успешного построения устойчивого, сбалансированного, а главное правового государства, деятельность которого способна преодолеть ассиметричные различия субъектного состава и достичь одинаковых условий и стандартов во всех субъектах, входящих в ее состав.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_20/Main.htm (дата обращения: 15.05.2020).

Купцова О.Б.,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России*

Новое понимание экономической функции современного Российского государства: постановка проблемы

В настоящее время в теории функций государства, которая лежит в основе научной школы профессора В.К. Бабаева, продолжается период переосмысления и уточнения устоявшихся положений. Развивается государство и общество и связанные с ними политико-правовые институты, подвержена активным изменениям экономическая система, идет критический пересмотр государственно-правового наследия, трансформируются целевые ориентиры государства, в мире происходят значимые события глобального масштаба. В.К. Бабаев справедливо отмечал, что осуществление функций государства является в свою очередь показателем того, обоснована ли идея экономического, политического и государственного строительства, продумано ли законодательство¹. Указанные явления непосредственным образом определяют изменение специфики функций государства в целом и экономической функции государства в частности.

Экономическая деятельность государства изучается длительное время и с различных позиций доктринального анализа, находит отражение во многих научных трудах, начиная с древнегреческих и древнеримских сочинений и заканчивая работами современных ученых-юристов, которые с разных сторон исследуют сложный феномен функционирования государства в экономической сфере общества.

Понимание экономической функции государства базируется на более общей дефиниции функций государства, под которой в

¹ См.: Бабаев В.К., Бабаев С.В. Функции современного Российского государства. Нижний Новгород, 2001. С. 6.

теории государства и права традиционно понимаются направления государственной деятельности, наиболее отчетливо выражающие сущность и социальное назначение государства в рамках определенного целеполагания. На основании этого исходного определения формируется понятие собственно экономической функции государства¹. Происходит приращение к данному понятию характеристик экономической функции государства, отражающих специфику государства, общества в целом и экономической сферы на конкретном этапе их развития.

Определение понятия экономической функции государства получило активное формирование и развитие в советский период существования государства и права. Как отмечал Д.Ю. Цивадзе, государство осуществляло свои экономические функции, соотносясь с конкретными историческими условиями². Используя экономические законы социализма, государство организовало новую систему народного хозяйства, в основе которого было жесткое планирование развития экономики. В работах начала постсоветского периода развития государства и общества в свете либеральных тенденций акцент содержания экономической функции государства был сделан на обеспечение в определенной степени саморегулирующейся смешанной экономики с целью реализации лишь экономических интересов. Данная позиция отражала экономическую теорию «дефектов рынка»³, в ряде исследований она называется «принцип *laissez faire*⁴». Есть основания полагать, что это слишком узкий и односторонний взгляд, понятие экономической функции государства в этом отношении отражают преимущественно труды исследователей-экономистов.

В русле тех или иных понятийных вариаций *in sensu stricto* экономическая функция государства определяется как характеристика роли и места государства в регулировании экономических отношений, выражающаяся в выработке и координации

¹ См.: Щербаковский Г.З. Государство и экономическая система общества: теоретико-правовые и прагматологические основания соотношения и взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 120.

² См.: Цивадзе Д.Ю. Развитие экономических функций советского государства. Москва, 1970. С. 37.

³ См.: Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: в 2 т. Т. 1. Москва, 1992. С. 94.

⁴ Идея «невидимой руки рынка».

государством развития экономики страны в оптимальном режиме¹. В настоящее время следует констатировать тот факт, что понимание экономической функции государства должно постепенно трансформироваться, для этого существует целый перечень объективных причин.

В первую очередь необходимо отметить, что развитие экономики зависит не только от совершенства механизма государственно-правового регулирования экономических отношений, а также от особенностей экономической сферы. Из-за влияния цифровизации экономики и права увеличивается скорость и специфика осуществления деятельности в русле экономической функции государства – уменьшается время регулирования экономических процедур и принятия экономически значимых решений, алгоритмизация государственного воздействия на экономические отношения, идет переосмысление экономических, государственных, правовых и в ряде случаев нравственных ценностей, форм взаимодействия государства с иными субъектами права.

Как отмечают М.В. Воронин и Р.Р. Галишин, новые формы экономических отношений институционализировались в категории «цифровая экономика», которая сегодня является неотъемлемым атрибутом современного мироустройства, оказывая влияние на всю систему общественных отношений. Такое влияние не могло не затронуть основные направления деятельности государства, выраженные в его функциях². Дефиниция «цифровая экономика» определена в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203, как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования

¹ См.: *Анципов В.В.* Экономическая функция государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 17.

² См.: *Воронин М.В., Галишин Р.Р.* Воззрение на экономическую функцию государства в условиях цифровизации общественной жизни // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2018. С. 12–13.

позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»¹.

Развитие цифровой экономики позволило ряду государств внедрить автоматизированное управление финансами, граждане имеют возможность создания онлайн-кабинетов и прочего, что позволяет им пользоваться, государственными услугами, сокращая операционные издержки, которые также сокращаются и у государства, что требует своевременной трансформации государственного воздействия на данную сферу общественных отношений. В этом направлении активно расширяется нормативная правовая база. Рассматривая данные процессы с точки зрения не только *de lege lata*, но и *de lege ferenda*, можно привести пример проекта Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)». Предлагается закрепить такие законодательные дефиниции, как, например «майнинг – предпринимательская деятельность, направленная на создание криптовалюты и/или валидацию с целью получения вознаграждения в виде криптовалюты. Криптовалюта – вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций»². Несмотря на то, что судьба данного законопроекта остается весьма неопределенной, хотелось бы отметить, что явления, которые в скором времени получат нормативное закрепление, будут обеспечиваться государственно-властным воздействием.

Расширяется также перечень направлений в рамках экономической функции государства. Профессор В.К. Бабаев суть

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

² О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах): проект Федерального закона № 419059-7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).

экономической функции современного Российского государства сводил к следующим элементам: 1) законодательное регулирование экономических процессов, хозяйственной жизни страны; 2) обеспечение условий для развития всех форм собственности; 3) управление государственным сектором в экономике; 4) осуществление проектов и программ, требующих больших капиталовложений и исключительно важных для общества; 5) внешне-экономическая деятельность государства¹.

В настоящее время к ним можно добавить такую составляющую, как обеспечение экономической безопасности государства – состояние его защищенности от угроз, при котором обеспечивается стабильное развитие экономики страны. Кроме того, ряд исследователей включают такой элемент, как достижение стабильности экономики, так как введение экономических санкций в отношении Российской Федерации потребовало изменения тактики экономической политики в новых условиях. Еще одним самостоятельным направлением в рамках реализации экономической функции государства предлагается считать создание каналов обмена информацией в экономической сфере, что предполагает развитие информационной инфраструктуры рынка, позволяющей обмениваться данными с минимальными издержками и искажениями².

Также следует констатировать тот факт, что в процессе функционирования современного государства в целом складываются предпосылки для более активного участия негосударственных субъектов в осуществлении функций государства. В первую очередь это связано с новыми возможностями коммуникации государственных и общественных институтов, которую обеспечивают новые возможности научно-технического прогресса – возможность обмена мнениями, учет реакции общества на государственно-властные решения, участие населения в принятии государственно-властных решений. В целом необходимо отметить, что при анализе всех функций современного государства, а не только экономической, постепенно осуществляется переход от парадигмы классической

¹ См.: *Бабаев В.К., Бабаев С.В.* Функции современного Российского государства. Нижний Новгород, 2001. С. 61.

² См.: *Гусев С.А.* Экономические функции государства в условиях рыночной экономики // Вестник ГУУ. 2015. № 5. С. 59.

рациональности к неклассической и постнеклассической рациональности. Есть основания полагать, что условия для этого в современном социуме сложились, так как в настоящее время можно констатировать развитие тенденции активного воздействия общественных институтов на государственно-властные структуры – конвергенцию функционирования государства и общества, в том числе в экономической сфере общественных отношений. В поддержку данной концепции можно привести слова известного исследователя Г. Еллинека, который справедливо считал единственно правильной точкой зрения конструкцию государства как функции человеческого общения и отмечал, что «определенное точнее государство состоит в отношении воль множества людей»¹. Следовательно, общению равноуровневых субъектов, как обладающих, так и не обладающих государственно-властными полномочиями, взаимодействию их в экономической сфере и нужно уделять внимание в современную эпоху активного развития научно-технического прогресса.

Обращаясь к трудам зарубежных ученых, можно отметить, что достаточно длительное время высказываются мнения о том, что коммуникация государственных и общественных структур должна стать частью механизма государства². Данные выводы можно применить и к функциональной характеристике государства. Общество начинает все в большей мере проникать в функционирование государства, в первую очередь это стало возможным благодаря активному развитию общественной жизни. Современное общество не случайно называется информационным, как справедливо отмечает Д.А. Пашенцев, сегодня невозможно отрицать стремительность информатизации всех сфер общественной и государственной жизни, возрастают роль, скорость и объем передачи информации, появляются новые каналы ее перемещения, трансформируются механизмы правового воздействия

¹ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. Санкт-Петербург, 2004. С. 186.

² См., например: *Marriott John A.R. The Mechanism of the Modern State. A Treatise on the Science and Art of Government.* Oxford, 1927. P. 408 (Digital Edition). URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/mechanism-of-the-modern-state-a-treatise-on-the-science-and-art-of-government-by-john-a-r-marriott-new-york-oxford-university-press-1927-two-volumes-pp-xxiv-596-xii-595/4A32374610B6B42AFD7F2AFCBE176B51> (дата обращения: 01.05.2020).

на личность¹. Также появляются новые платформы для обсуждения информационных потоков, актуальные формы и способы воздействия на принимаемые решения. Так, например, простой человек может направить обращение к органам государственной власти на официальном сайте в сети «Интернет», проголосовать на платформе информационных ресурсов, выразив свое мнение о вводимых поправках к Конституции Российской Федерации, и т. д.

Таким образом, современный социум все в большей степени реализует возможности влияния на государственно-правовые институты для сдерживания реализации ими властных полномочий *in destructionem*, направляя деятельность властных субъектов в русло *in aedificationem*. Этому способствуют в определенной степени и последствия формирования и развития цифровой экономики. Как отмечает М.И. Воейков, при этом общественный интерес начинает преобладать над индивидуальными экономическими интересами, государство из политической формы перерождается в экономического агента, оно не только «погружается в экономику», но и создает новую экономику. Экономические функции государства состоят не столько в извлечении прибыли, сколько в стабильном и благополучном развитии общества².

Кроме того, в настоящее время можно утверждать, что активно формируются предпосылки для включения в функционирование государства в экономической сфере делегированной общественной деятельности негосударственного характера, осуществляемой на основании коммуникации государственных и общественных институтов. Бесспорно, против этого возражают апологеты концепций «эрозии власти» или «размывания государственной власти», но рано или поздно данная сфера деятельности в большей степени проявит себя. Как отмечает М.И. Воейков, в условиях цифровой экономики ведущей социальной стратегией становится формирующийся новый так называемый креативный

¹ См.: Пашенцев Д.А. Базовые характеристики общества в цифровую эпоху // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.Я. Капустин и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. Москва, 2020. С. 199.

² См.: Воейков М.И. Государство в эпоху цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2019. № 1. С. 49.

класс¹. По этой причине государственные служащие, какими бы квалифицированными они ни были, в ряде случаев не смогут конкурировать в принятии решений с использованием узких информационных технологий. При этом определенным выходом из ситуации мог бы стать потенциал аутсорсинга, который хорошо себя зарекомендовал в сфере бизнес-отношений, он заключается в рассредоточении функций коммерческой фирмы и передаче некоторых ее функций, которые она выполняет не очень хорошо сторонним субъектам². Возможности аутсорсинга в государственной деятельности активно обсуждаются в современной науке³.

Также весьма перспективны для анализируемого направления исследования возможности краудсорсинга – явления, которое в целях получения нового знания относительно инновационных путей развития субъекта-инициатора позволяет вовлекать в данный процесс с помощью Интернета, социальных сетей и специализированных компьютерных платформ круг лиц из внешней и внутренней среды организации, используя их знания, профессиональный и потребительский опыт⁴. Бесспорен целый ряд позитивных моментов этого: решения, принимаемые властными органами, в подготовке которых участвовало население, реализуются более эффективно; обращение органов власти к общественному мнению позволяет принять наиболее взвешенное решение; будучи вовлеченными в обмен позиций с государством, люди могут изменять и корректировать свое видение осуществляемых

¹ См.: *Воейков М.И.* Государство в эпоху цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2019. № 1. С. 50.

² См.: *Усяев Р.Ж.* Аутсорсинг и его роль в современной экономике // Наука, техника и образование. 2015. № 4 (10); *Толстик В.А.* Проблемы специализации и интеграции полицейской системы: структурно-функциональный анализ // Полиция в механизме государства: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 24–25 мая 2017 года) / под общ. ред. В.А. Толстика. Нижний Новгород, 2017. С. 67.

³ См., например: *Котляров И.Д.* Применение аутсорсинга в государственной деятельности в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2012. С. 106.

⁴ См.: *Лихачев Е.Ф.* Краудсорсинг как новое явление в экономике, его социо-инновационная природа и классификация // Вестник евразийской науки. 2016. № 1 (32). С. 7.

процессов, что способствует выбору модели правомерного поведения. Как вариант данный потенциал может быть использован в качестве дополнительной формы легитимации решений государственно-властного характера. Бесспорно, что возможности признания такого рода процессов элементом функции государства пока еще находятся в очень далекой перспективе, тем не менее данная тенденция будет сохраняться.

Таким образом, понимание экономической функции современного Российского государства должно быть пересмотрено на основе новых представлений о трансформированном цифровом государстве и о цифровой экономике в эпоху научно-технического прогресса. Также важно учитывать изменение парадигмы рациональности, которая лежит в основе данных явлений. Эта тематика, несомненно, еще ждет своего исследователя.

УДК 343

Лапатников М.В.,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного процесса Нижегородской
академии МВД России*

**К вопросу о процессуальном статусе лица,
дающего объяснения в рамках доследственной проверки
в порядке статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации: где логика?**

Современная конструкция стадии возбуждения уголовного дела (далее – стадия ВУД) в отечественном уголовном процессе имеет незавершенный вид. После того, как в 2013 году законодатель значительно изменил архитектуру этого этапа судопроизводства, введя в его ткань ряд принципиальных новелл¹, границы

¹ См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ // Российская газета. 2013. 6 марта.

стадий ВУД и предварительного расследования во многом истончились, однако полного слияния этих двух этапов не произошло. Последствием такой непоследовательности законодателя стало то, что содержание первоначальной стадии уголовного процесса стало носить размытый и неопределенный характер, и, естественно, обусловило постановку перед уголовно-процессуальной доктриной и правоприменительной практикой ряда проблем, до сих пор не получивших надлежащего разрешения. Одной из таких проблем выступает вопрос о процессуальном статусе лица, дающего объяснение в рамках доследственной проверки в порядке статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Несмотря на то, что объяснение выступает в качестве практически единственного легального способа получения подробных сведений от лица (за исключением явки с повинной) на этапе доследственной проверки, до 2013 года, то есть до указанных выше изменений законодательства, вопрос о процессуальном статусе лиц – участников проверки не стоял в принципе. Таким статусом наделялись только должностные лица, ведущие уголовный процесс, то есть лица, либо непосредственно проводившие проверку, либо тем или иным образом участвовавшие в ней (например, начальник органа дознания, уполномочивавший сотрудника органа дознания на проведение проверки и др.). Все остальные приобретали процессуальный статус участника уголовного судопроизводства после возбуждения уголовного дела, то есть на втором этапе процесса. И хотя такое положение дел порождало справедливые вопросы о том, насколько стадия ВУД является полноценным процессом, каков статус объяснения и других проверочных действий типа ведомственных исследований и др., однако такая конфигурация полностью соответствовала тому предназначению данной стадии, которое, судя по всему, изначально подразумевалось творцами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года.

При принятии в 2001 году нового уголовно-процессуального закона стадия ВУД представляла собой достаточно незначительный по времени (максимум 10 дней) этап сбора информации, основная задача которого заключалась в установлении минимальных признаков состава преступления либо отсутствии

таковых для принятия надлежащего процессуального решения. Закон не требовал установления всех или даже большинства элементов состава преступления, ограничившись не совсем ясной формулировкой «признаки преступления» (часть 2 статьи 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), так как для этого предназначалась стадия предварительного расследования. Стадия же ВУД имела две цели: 1) «отсеивание» от необходимости полного расследования происшествий, не имеющих признаков преступления; 2) повышение обоснованности принимаемого решения о начале полноценного уголовного судопроизводства.

Таким ограниченным целям соответствовал как достаточно небольшой срок стадии (до 10 суток), так и ограниченный набор средств познания, из которых только одно – осмотр мест происшествия – обладало статусом процессуального действия. Не предусматривалось на этой фазе и применение каких-либо мер принуждения. Так как допрос как следственное действие допускался только после того, как возбуждено уголовное дело, основным средством получения и оформления информации от живых лиц выступало объяснение. Однако сведения, полученные при взятии объяснения, как правило, доказательственным значением не обладали. В этой связи логичным выглядело то, что вопрос о статусе лица, у которого берутся объяснения, не стоял на повестке дня.

В итоге вопросы о том, происходит ли в стадии ВУД процессуальное доказывание, если да, то какими средствами оно осуществляется, и ряд других, хоть и поднимались в процессуальной науке, но все же не носили достаточно острого характера. Но набирающая силу сначала на практике, а потом на законодательном уровне тенденция переноса центра тяжести уголовно-процессуального познания со стадии предварительного расследования привела к ее процессуализации и стиранию большинства граней между процессуальной и непроцессуальной деятельностью. Инициировав эти новеллы, законодатель, тем не менее, предпочел не доводить дело до логического конца, оставив процессуальную деятельность на первоначальной стадии процесса в подвешенном состоянии.

Очевидно, что сама по себе тенденция к формализации деятельности на этапе доследственной проверки возникла из потребностей

следственной практики, где, как отмечает А.В. Смирнов, «в последнее время наблюдается многозначительная тенденция: предварительное расследование почти целиком стремится переместиться в изначальную и самую маленькую стадию возбуждения уголовного дела. Там следователи получают возможность в менее формализованных, а значит, и более комфортных для себя условиях выяснять все обстоятельства преступления, не будучи стесненными особыми процессуальными рамками, и только после этого решают, возбуждать уголовное дело или – если у него не вполне ясная судебная перспектива – отказать в его возбуждении, причем нередко по нереабилитирующим основаниям (в этом случае преступление все равно зачитывается как раскрытое)»¹.

Одной из наиболее значимых новелл такой процессуализации стадии ВУД явилось наделение объяснения статусом процессуального действия. Лицо, у которого берется такое объяснение, было весьма невнятно обозначено в качестве «участника досудебного производства» (часть 1.1 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), а закон обязывал ему разъяснить права и обязанности, перечисленные в указанной выше норме, и обеспечить возможность осуществления их в той части, в которой производимое действие затрагивает его интересы. Однако отсутствие системного подхода, избирательность и непродуманность нормативной процессуализации стадии ВУД привели к новым проблемам, усугубившим ситуацию. Обретение объяснением нового статуса процессуального действия поставило перед теорией и практикой ряд вопросов, до настоящего времени так и не получивших должного разрешения, а именно:

1) каков процессуальный статус лиц, в отношении которых проводятся процессуальные действия при проверке сообщения о преступлении;

2) какие именно права, кроме тех, которые указаны в части 1.1 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, должны быть разъяснены лицу, в отношении которого проводятся процессуальные действия;

¹ Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета. URL.: <https://www.iuaj.net/node/1668> (дата обращения: 06.06.2020).

3) каковы критерии разграничения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и лица, которое дает показания в качестве очевидца;

4) сущность и пределы применения права на защиту лица, в отношении которого проводится доследственная проверка;

5) возможность применения мер процессуального принуждения, прежде всего принудительного привода, в отношении лица, не являющегося по неуважительным причинам по вызовам для дачи объяснения; собственно порядок такого вызова;

5) обладает ли полученное объяснение статусом доказательства?

Без сомнения, ключевым аспектом всей проблематики является вопрос о том, имеют ли показания¹, данные при взятии объяснения, доказательственное значение. Однако для этого необходимо определиться со стандартами, которым и должен в идеале соответствовать протокол объяснения как допустимого доказательства. В особенности это важно, если речь идет о том, что признательные показания лица при даче объяснения будут использоваться как обвинительное доказательство. По логике эти стандарты не могут быть ниже правил допустимости показаний лиц, допрошенных на стадии предварительного расследования в качестве подозреваемого, обвиняемого. В противном случае это, во-первых, будет являться проявлением обвинительного уклона, во-вторых, еще более ограничит возможности защиты, в-третьих, будет противоречить принципам уголовного процесса и правовым позициям Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Но при этом необходимо учитывать, что к показаниям лица, подвергаемого уголовному преследованию (подозреваемого, обвиняемого), и лица, «просто» дающего показания, предъявляются разные требования. Основное различие здесь проходит именно по линии обеспечения права на защиту. В целом лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, в отличие от

¹ Термин «показания» в отношении сведений, полученных в ходе объяснения на этапе доследственной проверки, мы используем в условном широком смысле, не ограничиваясь смысловыми значениями, указанными в статьях 76–79 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

свидетеля-очевидца и потерпевшего, принадлежит следующий комплекс прав: а) право знать, в чем он подозревается; б) право пользоваться услугами защитника; в) право не подлежать уголовной ответственности за отказ от дачи показаний (статья 308 Уголовного кодекса Российской Федерации) и за дачу заведомо ложных показаний (статья 307 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Конечно, на этом право на защиту не исчерпывается, однако, как представляется, в принадлежности этих прав пролегает граница между статусом лица, подвергаемого уголовному преследованию и дающего показания об обстоятельствах происшедшего. То есть мы настаиваем, что при взятии объяснения необходимо четко определить, у кого (в каком статусе) берется объяснение, так как в зависимости от этого лицо будет иметь право на реализацию указанных выше правомочий. Тем самым желательно, чтобы на нормативном уровне невнятный и аморфный статус участника досудебного производства был разграничен на статус лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и лица, которое дает объяснения как очевидец (в широком смысле этого слова)¹.

Вообще надо отметить, что именно такое разграничение на уровне терминологии мы можем обнаружить как в законодательстве, так и в позициях высших судебных инстанций. Так, закон связывает участие защитника с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (пункт 6 части 3 статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Пленум Верховного Суда Российской Федерации в качестве участников, обладающих правом на защиту, обозначает любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной

¹ Под очевидцем мы понимаем лицо, не только непосредственно наблюдавшее событие происшествия, но и способное дать любые показания относительно предмета доследственной проверки.

против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица¹.

К сожалению, обозначив такого участника доследственной проверки как лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, законодатель так и не удосужился четко прояснить вопрос, где пролегает граница между этими лицом и очевидцем. За последние годы этот проблемный вопрос не только не прояснился, но и, наоборот, усугубился. Так, 2 декабря 2019 года вступили в силу изменения в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие, в том числе, уголовную ответственность свидетеля, потерпевшего за дачу заведомо ложных показаний не только в ходе предварительного расследования, но и в ходе досудебного производства². То, что речь идет именно об этих участниках процесса, вытекает из примечания к данной статье уголовного закона, где указано, что свидетель, потерпевший, эксперт, специалист или переводчик освобождаются от уголовной ответственности, если они добровольно в ходе досудебного производства или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявили о ложности данных ими показаний, заключения или заведомо неправильном переводе.

При этом согласно пояснительной записке и иным документам, составляемым при законотворческом процессе при обсуждении законопроекта, речь шла исключительно об уголовной ответственности эксперта при даче заключения на стадии возбуждения уголовного дела³. Но, как мы указывали выше, такое понимание не согласуется с примечанием к статье. Кроме того, в ряде других изученных нами документов к законопроекту речь шла о распространении

¹ См.: О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.

² См.: О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 2 декабря 2019 года № 410-ФЗ // Российская газета. 2019. 4 декабря.

³ См.: Законопроект № 751070-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/751070-7> (дата обращения: 94.06.2020).

действия всей статьи 307 Уголовного кодекса Российской Федерации на стадию ВУД.

Полагаем, что эта неопределенность нуждается в пояснении как минимум со стороны Верховного Суда Российской Федерации. На настоящий момент нет никаких правовых оснований для предупреждения лица, дающего объяснение в ходе доследственной проверки в порядке статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Данный тезис мы обосновываем следующими аргументами:

1) предупреждение предусматривается только при допросе свидетеля, потерпевшего, но не иных участников уголовного процесса. Ни в одной норме мы не обнаружим противоположное;

2) такая практика противоречила бы правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации о том, что статья 307 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает привлечение к уголовной ответственности лишь за заведомо ложные показания свидетеля или потерпевшего¹;

3) предупреждение лица, дающего объяснение, привело бы к логической коллизии, поскольку, как мы писали выше, закон четко не разграничивает на стадии ВУД уголовно-преследуемое лицо и очевидца. Тогда бы получалось, что уголовно-преследуемое лицо на стадии предварительного расследования в статусе подозреваемого, обвиняемого не предупреждалось по статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, а на предыдущем этапе – наоборот.

Тем не менее анализируемая проблема бы не возникла, если бы законодатель определился с процессуальным статусом лица, дающего объяснения в рамках доследственной проверки. Наша позиция здесь остается прежней и заключается в том, что мы отстаиваем удаление из организма отечественного уголовно-процессуального права института возбуждения уголовного дела

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карпова Максима Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 303 и 307 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2017 года № 1531-О. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 06.06.2020).

путем его слияния со стадией предварительного расследования в единое досудебное производство. Однако, судя по уголовной политике последних лет, законодатель пока не готов к столь радикальным переменам. Но дело в том, что проблему противоречивости и эклектичности содержания стадии ВУД так или иначе рано или поздно придется решать независимо от того, какая уголовно-процессуальная модель будет реализовываться в нашей стране. По всей видимости, именно «поздно», если учесть, сколько времени уже прошло со времени изменений 2013 года.

В настоящее время ситуация носит характер правовой неопределенности. С одной стороны, как мы указывали выше, закон использует словосочетание «участник досудебного производства», признает за объяснением статус процессуального действия и утверждает его доказательственное значение (часть 1.1 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), обязывает разъяснять лицу комплекс прав, весьма сходный с правами такого участника уголовного процесса, как свидетель (часть 4 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). При этом в правовых позициях высших судебных инстанций и ЕСПЧ утверждается, что лицо, которое дает объяснение, обладает правом на защиту, если его права и свободы существенно затрагиваются действиями, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности.

С другой стороны, лицо, дающее объяснение, не подлежит принудительному приводу, не предупреждается об ответственности за отказ от показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Иначе говоря, объяснение как процессуальное действие не обеспечено механизмом его эффективного применения. Этакая light-версия получения показаний. Остается неясным, и что именно имеется в виду под правом на защиту – право на адвоката как на представителя, которое и так принадлежит свидетелю в соответствии пунктом 6 части 4 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, или же право на защиту, которое действует в отношении подозреваемого или обвиняемого.

ЕСПЧ в своих решениях однозначно утверждает вторую позицию, указывая, что право на защиту неизбежно ставится под сомнение, если в основе обвинения лежат показания, сделанные во время допроса полицией без присутствия адвоката; если же

признательные показания, сделанные во время допросов в полиции без доступа к адвокату, используются для осуждения, то необходимо говорить об утрате права на защиту (постановления ЕСПЧ по делу «Нечто против России» от 21 января 2012 года; «Шамардаков (Shamardakov) против России» от 30 апреля 2015 года). Для Евросуда не имеет значения, в каком правовом режиме получены показания, если они используются как обвинительное доказательство, лицу должно быть обеспечено право на защиту.

Неудивительно, что отсутствие ясности ведет в противоречивой судебной практике, где можно встретить абсолютно разные позиции судов по этому вопросу. Так, по мнению Центрального районного суда города Волгограда, объяснения свидетеля № 3 от 30 марта 2018 года в судебном заседании не исследовались, поскольку не являются доказательством виновности Ю.Р. Бучневой и И.С. Хасановой, и соответственно суд не имеет правовых оснований разрешить ходатайство адвоката М.В. Онищенко о недопустимости протокола допроса указанного свидетеля и исключения его из числа доказательств стороны обвинения, в частности по доводу о наличии существенных противоречий¹. В то же время, согласно позиции Томпонского районного суда Республики Саха (Якутия), объяснение свидетеля, полученное в порядке, предусмотренном статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и приобщенное к материалам дела в качестве «иног документа», судом признается доказательством в соответствии с пунктом 6 части 2 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации².

Думается, что корневая причина сложившегося положения дела в противоречивой и непоследовательной уголовной политике нашего государства, в отсутствии системного стратегического видения того, какими должна быть отечественная уголовная юстиция и какие задачи реализовывать.

¹ Приговор Центрального районного суда г. Волгограда (Волгоградская область) № 1-75/2019 от 20 мая 2019 года по делу № 1-75/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KvFhwkPbAyrT/> (дата обращения: 06.06.2020).

² Приговор Томпонского районного суда (Республика Саха (Якутия)) № 1-20/2019 от 18 ноября 2019 года по делу № 1-20/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GsNSv9пууУНн/> (дата обращения: 06.06.2020).

Либанова С.Э.,

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, адвокат-медиатор Адвокатской палаты Курганской области;

Былинкина Е.В.,

заместитель заведующего кафедрой гражданско-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА, руководитель юридической клиники МФЮА, член Ассоциации юристов России

Правовое пространство XXI века через призму вечных ценностей и правовой культуры

Представляется, что осью развития информационного правового пространства XXI века должны стать фундаментальные подлинные вечные духовные ценности общества, которые укореняются в нем через знания (информацию в широком смысле) и способствуют повышению правовой культуры, а также соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения, заложенных в Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием.

Определив феномен правового пространства как одного из основополагающих явлений развития общества в XXI веке, возможно структурировать процесс универсализации фундаментальных правовых и духовных ценностей, влияющих на формирование правовой культуры, взаимоотношения человека и государства, в том числе в условиях пандемии при реально возникшей дилемме расстановки приоритетов между сохранением стабильности экономических отношений, урегулированной гражданским правом, и распределением между участниками предпринимательской деятельности бремени расходов, вызванных

необходимостью обеспечения безопасности жизни людей и ограничением самой деятельности.

Для раскрытия темы исследования определимся с используемым понятийным аппаратом.

Термин «правовое пространство» достаточно широко применяется не только в научной литературе, но и в нормативных правовых актах. Так, в 2000 году был издан Указ Президента Российской Федерации «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации»¹. В нем отсутствует определение такого явления, как «правовое пространство», но отмечается необходимость создания федерального регистра (банка) нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в целях обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов в Российской Федерации, реализации конституционного права граждан на получение достоверной информации о нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации. В послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года подчеркивается важность обеспечения приоритета Конституции Российской Федерации в правовом пространстве Российской Федерации².

Несмотря на активное обсуждение необходимости обеспечения единого правового пространства, механизмов такого обеспечения и системы участия различных государственных структур в самом обеспечении, единого правового пространства до сих пор не сложилось. Представляется, что это связано с отсутствием не только единого нормативного определения, но и единства научного понимания этого феноменального явления.

Достаточно часто правовое пространство отождествляется с совокупностью норм права или нормативных актов (Б.В. Бочков³,

¹ См.: О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 августа 2000 года № 1486 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 33, ст. 3356.

² См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года // Российская газета. 2020. 16 января.

³ См.: Бочков Б.В. Вопросы обеспечения единства правового пространства на примере деятельности территориальных органов Минюста России, действующих в пределах Дальневосточного федерального округа // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 42–44.

Е.Ю. Синельщикова¹). Следует отметить, что ряд авторов рассматривают правовое пространство сквозь призму философского понимания пространства как формы бытия материи, которая выражает протяженность, структуру, порядок сосуществования и рядоположенность материальных объектов, усматривая, что в правовом пространстве объединяются и система права, и система законодательства, и юридическая практика². Особого внимания в свете настоящей статьи заслуживает подход к феномену правового пространства, изложенный в коллективной монографии «Правовое пространство и человек». Авторы справедливо соотносят правовое пространство с человеком, отводя особую роль именно субъекту с его правовыми статусами, которые определяют характер его поведения в различных правовых режимах: национальном, международном, партикулярном и т. д.³ В современном цивилизованном обществе именно правовое пространство выполняет функцию первичного, структурирующего фактора, интегрирующего в себе все другие пространства, замещая их собой, придавая значение всему тому существующему в действительности, что важно для цивилизованного поведения членов общества⁴.

Полагаем, что правовое пространство – явление многомерное и многоаспектное, выполняющее формообразующую и структурирующую роль по отношению к субъектам, совершающим именно в нем свои действия, регулируемые нормами права, определяющим степень цивилизованности и гармоничности взаимодействия всех субъектов, в том числе гармоничного развития институтов гражданского общества и органов системы

¹ См.: Синельщикова Е.Ю. Обеспечение органами прокуратуры прав человека и гражданина на единство конституционного правового пространства страны // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 104–108.

² См.: Дзыбова С.Г., Парасюк Е.А., Шаов И.К. К вопросу о сущности понятия «правовое пространство» // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 12–14.

³ См.: Правовое пространство и человек: монография / Н.В. Власова [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. Москва, 2012. С. 11–30.

⁴ См.: Братусева О.Н., Федорченко А.А. Концепция правового пространства: от метафоры к реальности и нормативности // Вопросы теории и истории государства и права. 2017. № 3. С. 37.

государственной власти¹. Правовое пространство – это жизненное пространство, определяющее не только условия жизни каждого субъекта, но и правила общежития всех субъектов, изменение прав и обязанностей участников социального общения.

В связи с вышеизложенным чрезвычайно важным представляется поиск информационного ключа для формирования конституционного правового пространства, без которого невозможно продолжение цивилизованной жизни, объединяющего общество во всех сферах его существования.

Руководствуясь принципами диалектико-материалистического подхода, можно утверждать, что «категория ценности как явление познания раскрывает необходимость и положительную значимость объекта для субъекта. Ценность является результатом акта взаимодействия субъекта с его разнообразными потребностями и интересами (субъективная предпосылка) и объекта, наделенного имманентными свойствами (объективная предпосылка ценности)... Ценность – это объектно-предметная форма проявления общественного отношения»².

Правовое пространство воздействует на реальные фактические отношения с целью их преобразования в правовые отношения, основанные на таких фундаментальных ценностях, как справедливость, свобода, равенство, права и свободы человека, законность, приобретающих особое значение в условиях глобализации и интеграции в экономической, культурной, политической, информационно-технологической и иных сферах жизнедеятельности человечества. Унификацию права считают основным инструментом глобализационного процесса³. Особая роль в этом процессе отводится универсализации фундаментальных

¹ См. подробнее о гармоничном развитии институтов гражданского общества и органов системы государственной власти: *Либанова С.Э.* Демократия: монография. Курган, 2014.

² *Витрук Н.В.* Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: материалы Международной научно-практической конференции 4–6 декабря 2008 г.: в 2 т. Т. 1 / под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. Москва, 2010. С. 11.

³ См.: *Кабалкин А., Санникова Л.* Глобализация правового пространства и новеллы российского гражданского законодательства // Российская юстиция. 2001. № 12.

ценностей, которая началась с середины XX века, о чем свидетельствует принятие многочисленных международных актов, закрепляющих основные ценности, права и свободы человека, отраженных в национальных законодательствах, прежде всего в конституциях.

Так, Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Фундаментальные принципы изложены прежде всего в преамбуле Конституции, а также в главе 1 «Основы конституционного строя» и главе 2 «Права и свободы человека и гражданина».

Значение высокой правовой культуры для развития правового государства, формирования гражданского общества, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов, признается на самом высоком государственном уровне¹. При реализации государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания могут быть сформированы традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан поощряют добропорядочность и добросовестность как преобладающую модель социального поведения и направлены в целом на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства.

Особое внимание необходимо обратить на важность формирования общего культурно-информационного пространства с целью регулирования возникающих в мире конфликтов и споров, для выработки норм, принципов и общих ценностей современного

¹ См.: Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 года № Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля.

мира; возникновение «общего поля глобальной культуры (культурная глобализация)»¹. Мы наблюдаем активный процесс взаимного проникновения и переплетения культурных (духовных) ценностей разных народов и государств, признания в качестве важнейших фундаментальных универсальных ценностей справедливости, свободы, равенства, прав человека, законности и т. д. На фоне выработки глобальной культуры в правовом пространстве (международное право) стабильность национального права не утрачивает своей значимости.

Условия жизни и работы в период пандемии 2020 года породили множество нестандартных ситуаций, которых ранее не было в правоприменительной практике, и являются ярким примером формирования правового пространства в сфере регулирования гражданского оборота. С новой силой ожил и еще проявит себя при устранении ее (пандемии) последствий юридический институт договорной ответственности сторон, выступив инструментом права и правоприменения, призванным обеспечить стабильность экономических отношений. В этот сложный период приоритетом (ценностью) явилась не экономика, а жизнь людей, но без развития экономики и бизнеса нет нормальных условий жизни. Для формирования конституционного правового пространства важно, какие ценности будут презюмироваться судами при рассмотрении исков участников предпринимательской деятельности в первую очередь – правовые презумпции для малого и среднего бизнеса в договорных отношениях аренды – классические или обусловленные режимом ограничения деятельности в период пандемии.

В настоящее время не сложилось правоприменительной практики по вопросу распределения бремени финансовых потерь в арендных отношениях в сочетании с правом на одностороннее расторжение договора как арендодателем, так и арендатором, несущим гражданско-правовую ответственность по оплате принятого в аренду на определенный срок объекта недвижимости – помещения, но не осуществляющим деятельность из-за пандемии

¹ Гревцева А.А. Культурная глобализация: проблемы и парадигмы // Известия Российского педагогического университета имени А. Герцена. 2008. Вып. 70. С. 145–149.

в сферах, определенных правительством как запретные на период эпидемии. Арендатор деятельность не осуществлял, доход не получил, но платить арендную плату он обязан по закону и договору. Арендодатель не должен пострадать финансово. Правительством предложено самим сторонам найти компромисс и включить режим отсрочек платежей. При расторжении договора в этот период найти новых арендаторов практически нереально. Как сформируется правовое пространство при досрочном одностороннем расторжении арендатором договора из-за невозможности платить при наличии в самом договоре определенного срока предупреждения об этом арендатора с обязанностью оплаты всех коммунальных и арендных платежей, пока неясно. Полагаем, что в октябре 2020 года уже сформируется правоприменительная практика.

Представляется, что стабильность экономического оборота базируется на незыблемости договорных отношений как правовой ценности.

Из локального формирования правового пространства в нестандартных жизненных ситуациях можно определить расстановку ценностных приоритетов государства и оценить мудрость правителей.

Именно правовая культура, относящаяся к третьей сфере и соответствующая осевому принципу развития общества (по Д. Беллу), способна явиться ответом гражданского общества на вызов века, обеспечив его развитие и обобщенность. Одной из ценностей эффективного развития информационного правового пространства XXI века, основанного на повышении правовой культуры и соблюдении ценностных норм поведения каждым, должно стать развитие гражданского общества, заключающееся в достижении определенного состояния общественных отношений, дающих возможность всему народу и каждому человеку участвовать в государственном управлении, контроле за этим управлением, тесно взаимодействовать с контролирующими органами власти. Программируемое на получение знаний, в том числе правовых, гражданское общество должно быть конституционализировано в отличие от традиционного общества, то есть иметь несравнимо большее влияние на государство в целом, а также на его различные органы и организации.

Лушин А.Н.,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России;

Чудецкая К.А.,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

**Преимственность в предупреждении
и раскрытии преступлений в особом направлении
деятельности российского уголовного розыска
в XIX – первой четверти XX века**

Авторам данной статьи обоснованно представляется, что рассматриваемая ими проблема может иметь несомненное значение для практических сотрудников органов внутренних дел, так как современный преступный мир в определенной степени придерживается традиций, истоки которых уходят в далекое прошлое. К числу таковых традиций относится и особый тайный язык общения между преступными сообществами (особенно старой формации с воровской иерархией), сохранившийся и частично используемый ими до настоящего времени. Знание воровского жаргона является для профессиональных преступников своего рода паролем для опознания представителей криминального рода деятельности в различных жизненных ситуациях, что может быть умело использовано в оперативных целях подготовленными сотрудниками уголовного розыска.

Одной из важных служебных задач, стоявших перед чинами российского уголовного розыска имперской полиции, было внедрение секретных агентов в преступный мир, который для сокрытия своих опасных деяний использовал собственный тайный язык. Знание воровского языка (жаргона) было также

необходимо чинам уголовного розыска для чтения записок, посредством которых преступники сообщали друг другу о своих злонамерениях и совершенных кражах или грабежах. В ряде регионов Российской империи преступные сообщества иногда пользовались чисто местными жаргонизмами, однако существовал и воровской язык более широкого диапазона, хорошо известный в преступной среде в масштабах страны, так называемая «феня» или «блатная музыка». Писатель В.Л. Гиляровский, неплохо изучивший московский преступный мир, в книге «Москва и москвичи» отмечал широкое использование на рубеже XIX–XX веков тайного языка разных групп профессиональных преступников¹.

Изучение жаргона преступного мира было, несомненно, важным и необходимым делом для определенной категории сотрудников российской полиции и чинов тюремного ведомства. В 1842 году чиновник особой канцелярии Министерства внутренних дел (далее – МВД) В.И. Даль составил рукописный «Условный словарь петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка», однако авторам неизвестно, использовался ли он в практической деятельности столичной полиции. Явную значимость этого словаря для того времени отмечает современный исследователь воровского языка профессор М.А. Грачев. Знаменитый сыщик второй половины XIX века И.Д. Путилин, знавший на собственном огромном оперативном опыте, что понимание воровского языка особо необходимо сотрудникам сыскной полиции, также составлял словарь жаргонизмов и поощрял их знание чинами сыскной полиции. С этого времени можно констатировать определенную преимущество в деятельности секретных служб российской полиции по внимательному изучению и реальному использованию в интересах общественной безопасности тайного языка преступного мира при проведении оперативных и розыскных мероприятий.

Для ознакомления с воровским языком опытные сотрудники российского уголовного розыска в начале XX века составляли специальные словари, предназначенные исключительно

¹ См.: *Гиляровский В.Л.* Москва и москвичи: очерки. Москва, 1979.

для служебного пользования. Один из сугубо служебных словарей был составлен начальником московской сыскной полиции В.И. Лебедевым и включал более 150 слов и фраз из воровского жаргона¹. Его профессиональные статьи об условном воровском языке публиковались в 1909 году в ведомственном журнале «Вестник полиции». Определенное хождение в полицейской среде имел также «Словарь воровского и арестантского языка», составленный приставом киевской полиции В.М. Поповым и адресованный как чинам полиции, так и представителям судебного и тюремного ведомств². Руководители сыскных служб всегда справедливо полагали, что эффективность ряда оперативных мероприятий находится в прямой связи с тем, насколько их сотрудники владеют секретами преступных сообществ, при этом учитывали опыт работы своих предшественников по изучению быта и особого поведения представителей разных групп преступного мира.

В начале XX века работа по составлению подобных словарей проводилась централизованно департаментом полиции МВД, но, так как воры, мошенники, грабители часто перемещались по различным городам Российской империи, вступая там в отношения с местными преступными сообществами, сотрудникам уголовного розыска было необходимо знать и провинциальные воровские тайные слова. В связи с этим можно привести пример составления краткого словаря воровского языка, имевшего хождение в Нижнем Новгороде с его знаменитой всероссийской торгово-промышленной ярмаркой.

22 декабря 1913 года департамент полиции МВД адресно направил всем губернаторам и градоначальникам секретный циркуляр за № 90071 с поручением составить словари воровского языка, характерного для различных регионов Российской империи.

¹ См.: *Лебедев В.И.* Справочный указатель для чинов полиции. Фотографии профессиональных преступников по категориям, с очерком антропометрии и приложением краткого словаря воровского языка / сост. начальник Московской сыскной полиции В.И. Лебедев. Москва, 1903.

² См.: *Попов В.М.* Словарь воровского и арестантского языка / сост. пристав В.М. Попов. Киев, 1912.

Соответственно, из канцелярии нижегородского губернатора тайного советника В.М. Борзенко 4 января 1914 года за № 12096 в адреса нижегородского полицмейстера подполковника А.Л. Комендантова и полицейских уездных исправников поступил секретный циркуляр следующего содержания: «Для наиболее успешной постановки дела борьбы с уголовной преступностью является необходимость возможно тщательного ознакомления чинов полиции с преступной средой и, в частности, с воровским языком, и потребность в издании для чинов полиции достаточно полного, отвечающего условиям современной жизни и вполне доступного словаря воровского языка оказывается ныне особенно сильно вследствие недостаточности имеющихся в обращении частных изданий этого рода, уже устаревших и мало известных чинам полиции, а также неполноты сведений по этому предмету, помещенных на страницах “Вестника полиции” и в изданном редакцией названного журнала в 1910 году “Календаре для чинов полиции”. В этих видах представляется, в свою очередь, желательным предварительное сосредоточение в департаменте полиции соответствующего материала, который несомненно имеется и в распоряжении местных органов полиции.

Вследствие сего предписываю начальникам полиции доставить к 1 мая 1914 года непосредственно в VII-е делопроизводство департамента полиции имеющиеся у каждого из них сведения по этому предмету. Последние должны быть изложены в виде обыкновенных списков слов воровского языка, написанных для удобства дальнейшего использования их, лишь на одной стороне листа, с соответствующими объяснениями общепринятого значения каждого слова, причем желательно, чтобы были особо отмечены те слова воровского жаргона, которые имеют исключительно местное употребление»¹.

22 апреля 1914 года начальник сыскного отделения коллежский асессор В.И. Вознесенский доложил рапортом нижегородскому полицмейстеру, что представляет словарь местного воровского языка, который необходимо направить в соответствии с циркуляром в департамент полиции МВД. К рапорту прилагался

¹ ГКУ ЦАНО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 4224. Циркуляр с приложением местного воровского языка. Дек. 1913 – дек. 1914. Л. 5.

словарь, содержащий 38 жаргонизмов, из которых некоторые были общеупотребительными для преступных сообществ других регионов Российской империи. К таковым относились «стрема» (преступник, поставленный на караул во время совершения кражи), «ширмач» (карманный вор), «шпалер» (револьвер), «хаза» (квартира), «бан» (вокзал). Некоторые из таких специфических слов входили и в краткий воровской словарь, составленный московской полицией. Остальные слова встречались в воровском языке преступных сообществ обширного Поволжья, тесно связанного с Нижегородской торгово-промышленной ярмаркой, ежегодно привлекавшей с весны до осени преступников разных мастей со всей страны¹. Данный словарь местного воровского языка был соответственно секретному циркуляру направлен из канцелярии Нижегородского губернатора в департамент полиции МВД. Аналогичные словари жаргонов были составлены в других губерниях и направлены согласно циркуляру по месту требования.

Примечательно, что в секретном циркуляре упоминаются частные издания жаргона преступного мира, в числе которых особую известность среди чинов полиции и тюремного ведомства имела книга В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)»². Этот факт свидетельствует о том, что тайный язык преступного мира вызывал чисто научный интерес у лингвистов, специализировавшихся на изучении аргю. В последующем проблемой сохранения и использования воровского языка с научной точки зрения интересовался Д.С. Лихачев, отбывавший заключение в Соловецком лагере особого назначения в 1928–1932 годах.

Со значительным ростом организованной преступности в период новой экономической политики в 1920-е годы пришлось активно бороться также советскому уголовному розыску. В этот период широкого разгула бандитских групп и воровских шаек стал востребован опыт оперативной деятельности чинов имперского уголовного розыска, в том числе по внедрению секретных агентов в криминальные сообщества, когда знание воровского языка

¹ См.: ГКУ ЦАНО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 4224. Циркуляр с приложением местного воровского языка. Дек. 1913 – дек. 1914. Л. 18–19.

² См.: *Трахтенберг В.Ф.* Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы) / под ред. и с предисл. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Санкт-Петербург, 1908.

имело сугубо практическое значение. Как правило, лидеры большинства преступных групп еще в период до большевистского октябрьского переворота 1917 года вели активную преступную деятельность, используя в своем профессиональном общении тайный язык. Пришедшие на службу в органы милиции молодые сотрудники, конечно, не владели им, поэтому в наркомате внутренних дел начали специально составлять словари для внутреннего пользования.

В 1923 году с учетом словарей имперского уголовного розыска был подготовлен в управлении уголовного розыска Народного комиссариата внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик (далее – НКВД СССР) новый секретный словарь. В 1927 году начальник научно-технического отдела Отдела уголовного розыска Центрального административного управления НКВД СССР (далее – ОУР ЦАУ НКВД СССР) С.М. Потапов составил секретный «Словарь жаргона преступников (блатная музыка)», в котором отметил, что «выяснение истинного смысла «блатных» слов представляет одну из важнейших мер предупреждения и раскрытия преступлений»¹. Несомненная преемственность в секретной служебно-оперативной деятельности советских сыщиков по отношению к сыщикам имперского периода просматривается в том, что С.М. Потапов обратился к сотрудникам милиции и судебных органов с указанием выявлять новые слова воровского языка и сообщать о них в ОУР ЦАУ НКВД СССР, что будет способствовать «успеху предупреждения и раскрытия преступлений». Впоследствии подобные ведомственные словари под грифом «не подлежит оглашению» или «для служебного пользования» периодически выпускались для оперативных и следственных сотрудников милиции.

Таким образом, историческая преемственность в использовании отечественными органами внутренних дел такого особого средства в борьбе с организованной преступностью представляет несомненный научный интерес и ставит существенный вопрос о причинах сохранения (живучести) и даже некоторого распространения языка преступного мира в наше время.

¹ Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / составил по новейшим данным С.М. Потапов. Москва, 1927. С. 3.

Макарейко Н.В.,

*доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры административного права и про-
цесса Нижегородской академии МВД России*

**Преимственность и новизна в регулировании
института административной ответственности
в свете проекта Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях**

Преимственность и новизна традиционно свойственны общественному развитию. Данная посылка в полной мере присуща праву как наиболее значимому социальному регулятору. С одной стороны, развитие общественных отношений требует совершенствования правового регулирования, поиска и применения новых подходов, наиболее эффективных механизмов. С другой стороны, праву должен быть свойственен «разумный» консерватизм, что является залогом обеспечения стабильности общественных отношений, предупреждает социальные потрясения. Особую остроту названная проблема приобретает в отношении государственного принуждения, его отдельных форм. Такое положение обусловлено тем правоограничительным потенциалом, который они заключают.

В научном сообществе традиционно предметом повышенного внимания выступают вопросы административной ответственности. Истоки такого положения обнаруживаются в масштабах применения названной формы административного принуждения, его потенциале в сфере обеспечения правопорядка и безопасности. Веским аргументом в пользу дополнительного внимания является проводимая реформа законодательства об административных правонарушениях. В настоящее время наступил ее завершающий этап. Об этом свидетельствует размещение проектов Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Федерального закона об их введении в действие в январе 2020 года на официальном портале правовой информации в целях

общественного обсуждения, определения регулирующего воздействия, антикоррупционной экспертизы.

Учитывая масштабность реформы материально-правовой и процессуальной составляющих института административной ответственности, от законодателя требуется проявить мудрость. Не утратили актуальности слова А.И. Галагана: «*Мудрость законодателя* (курсив наш. – Н.М.) заключается в том, чтобы предвидеть возможность возникновения отношений, нежелательных для общества и государства. Он должен дать в руки правоприменяющих органов и должностных лиц и такое средство правового воздействия, применяя которое, можно было бы упредить, предотвратить правонарушения или иные вредные эксцессы»¹.

Отрадным является тот факт, что вопросы преемственности выступили предметом пристального теоретико-правового внимания². С учетом значимости указанной проблематики она явилась темой Вторых Бабаевских чтений³. На тот момент нами были исследованы вопросы преемственности в нормативном правовом регулировании административной ответственности⁴, но прошедший почти десятилетний период и вышеуказанная реформа законодательства требуют дополнительного осмысления данной проблематики.

¹ Иван Александрович Галаган и его научное исследование / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2010. С. 184.

² См.: *Бабаев В.К.* О преемственности между социалистическим и прошлыми типами права // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 102–107; *Лесной В.Н.* Социалистическая государственность: закономерности происхождения и функционирования. Москва, 1976; *Наконечная Т.В.* Преемственность в развитии советского права. Москва, 1987; *Неновски Н.* Преемственность в праве. Москва, 1977; *Рыбаков В.А.* Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Омск, 2009; *Черниловский З.М.* Социалистическое право переходного периода и проблемы преемственности // Советское государство и право. 1977. № 10. С. 27–35; *Швеков Г.В.* Преемственность в праве. Москва, 1983; *Толстик В.А.* Преемственность в понимании // Юридическая техника: Ежегодник. 2011. № 5. С. 482–486) и др.

³ См.: Юридическая техника. Ежегодник. Вторые Бабаевские чтения: Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника. Нижний Новгород, 2011.

⁴ См.: *Макарейко Н.В.* Преемственность в институте административной ответственности // Юридическая техника. Ежегодник. Вторые Бабаевские чтения: Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника. Нижний Новгород, 2011. С. 302–307.

Преимственность в праве – весьма сложное явление и охватывает самые различные аспекты. В.К. Бабаев отметил, что преимственность в праве следует рассматривать применительно к содержанию и форме права, а также юридической технике¹. Очевидно, что указанный подход не утратил своей актуальности и будет учтен нами применительно к заявленному предмету исследования.

Зачастую разработчики законопроектов стремятся показать новизну и даже «революционность» новелл, что в ряде случаев делается в ущерб качеству. При этом не только не обеспечивается преимственность в правовом регулировании, но и игнорируются очевидные правовые закономерности². Именно к такой новелле можно отнести разделение ранее единого законодательного акта (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях) на два отдельных кодифицированных законопроекта. Очевидно, что такое изменение не может оказать позитивное влияние на качество нормативного правового регулирования института административной ответственности и даже в некоторой мере является контрпродуктивным.

При осуществлении реформирования законодательства об административных правонарушениях востребован учет исторического опыта. В этой связи Ю.И. Попугаевым было отмечено: «Определение тенденций развития, перспектив дальнейшего совершенствования законодательства предполагает знание всего предшествующего опыта правового регулирования тех или иных общественных отношений. В этой связи историография отечественного законодательства об административной ответственности, его генезис, основные рубежные этапы развития представляют безусловный интерес для специалистов, принимающих участие в работе по его совершенствованию»³.

¹ См.: *Бабаев В.К.* Понятие права // Теория права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2007. С. 229.

² См.: Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Нижний Новгород, 2013.

³ *Попугаев Ю.И.* Из историографии отечественного административно-делiktного законодательства дореволюционного, советского и современного периода // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 18.

Использование метода сравнительного правоведения позволяет констатировать, что его разработчики сохранили определенную преемственность, но при этом внесли ряд принципиальных новелл. С точки зрения структурной организации, как было отмечено выше, предложены два отдельных проекта кодифицированных законов: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Существенно увеличилось число глав. Действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях включает 5 разделов, объединяющих 33 главы, из которых 22 главы регулируют материальные аспекты административной ответственности и 11 глав посвящены процессуальным аспектам. В предлагаемых законопроектах материальные вопросы урегулированы 44 главами, включенными в 3 раздела, а процессуальные – 13 главами, объединенными в 5 разделах. В этой связи можно констатировать существенное увеличение структурных элементов законопроектов. Свое внимание мы остановим на материальных аспектах института административной ответственности.

Разработчики законопроекта по непонятной причине не преодолели давний дефект, а именно не включили в проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях все нормы, устанавливающие административную ответственность, сохранив последние в специальных законах. Данная посылка относится к налоговому и банковскому законодательству. Нашу позицию разделяет П.П. Серков, которым было отмечено, что «налоговое законодательство и налоговые правоотношения должны быть объектами защиты традиционными видами юридической ответственности, в том числе мерами административной ответственности»¹. С.М. Зырянов акцентировал внимание на универсальности административной ответственности, которая охраняет самый широкий спектр общественных отношений, и финансовые, в том числе и налоговые, отношения не должны быть исключением².

¹ Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. Москва, 2012. С. 403.

² См.: Зырянов С.М. Административная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: материалы VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина. Москва, 2013. С. 111–120.

Не получило принципиальных изменений нормативное правовое регулирование полномочий субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях. Исключение составляет часть 3 статьи 1.1 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которой предусмотрено, что субъекты Российской Федерации по вопросам установления административной ответственности принимают единый региональный закон. В настоящее время этот вопрос не урегулирован императивным способом и субъекты Российской Федерации вправе определять единый закон или несколько законов принимать по данному предмету правового регулирования. Вместе с тем, сохранено ограничение полномочий субъектов Российской Федерации по установлению административных наказаний за нарушение регионального законодательства. Региональный законодатель сегодня вправе использовать только два вида административных наказаний, а именно предупреждение и административный штраф. Такой подход в значительной степени обедняет потенциал административной ответственности на уровне субъектов Федерации, снижает эффективность применения административной ответственности. Нельзя признать оправданным расширение полномочий городов федерального значения в области законодательства об административных правонарушениях, которые вправе устанавливать административную ответственность по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (часть 2 статьи 1.4 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), что нарушает принцип равенства субъектов Российской Федерации.

Предпринята попытка категоризации административных правонарушений посредством введения категории «грубое административное правонарушение» (статья 2.2 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Следует признать оправданным расширение правового тезауруса института административной ответственности. Об этом свидетельствует закрепление таких дефиниций, как «длящееся административное правонарушение», «продолжаемое административное правонарушение», «однородное административное правонарушение», «повторное административное правонарушение», «административная ответственность».

В проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях сохранен перечень субъектов административных правонарушений, то есть разработчики не отказались от установления административной ответственности в отношении юридических лиц, что вызывает существенные проблемы, ограничивает потенциал экономической деятельности названных субъектов¹. Следует признать, что меры административной ответственности в ряде случаев используются для реализации противоправных интересов в экономической сфере. Необходимо признать оправданной детализацию характеристики административной ответственности отдельных субъектов (граждан, должностных лиц, военнослужащих, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, иностранных граждан и лиц без гражданства, собственников транспортных средств и земельных участков – статьи 2.6–2.13 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Вместе с тем, не уточнена форма вины юридического лица, что приводит к юридическим ошибкам в ходе реализации административной ответственности².

Разработчики законопроектов при определении цели административных наказаний (часть 2 статьи 3.1 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) ограничили ее предупреждением административных правонарушений, то есть сохранили ранее имевший место дефект (часть 1 статьи 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). При этом проигнорированы такие цели, как упрочение правопорядка, восстановление социальной справедливости, воспитание лиц, совершивших административное правонарушение.

¹ См.: *Зырянов С.М.* Тенденции развития законодательства об административных правонарушениях и правоприменительная практика // *Вестник экономической безопасности*. 2017. № 2. С. 34–39; *Каплунов А.И.* Административная ответственность как форма административного принуждения // *Сибирское юридическое обозрение*. 2019. Т. 16. № 4. С. 518–524; *Россинский Б.В.* Почему в Российской Федерации утвердился институт административной ответственности юридических лиц и пришло ли время его ликвидировать? // *Административное право и процесс*. 2018. № 1. С. 5–13.

² См.: *Кисин В.Р.* Некоторые размышления о положении юридического лица как субъекта административно-деликтного отношения // *Административное право и процесс*. 2019. № 1. С. 41–44.

Авторы законопроекта сохранили в полной мере линейку административных наказаний, принципиально не изменив их характеристику (глава 3 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Не оправдались ожидания о распространении лишения специального права на более широкий перечень прав (статья 3.16 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). В то же время уточнен перечень специальных прав, в отношении которых может быть применено указанное административное наказание, то есть, преодолен недостаток, имеющий место в статье 3.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В систему административных наказаний не была включена ликвидация юридического лица. При этом такое предложение было предусмотрено Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях¹.

Нельзя признать оправданным соединение в рамках главы 3 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях норм, закрепляющих административные наказания и порядок их значения, что в настоящее время предусмотрено главами 3 и 4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Существенно усложнился порядок определения размера административного наказания в виде административного штрафа (статьи 3.12, 3.13 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Предложенный механизм отличается существенной сложностью и на практике будет провоцировать юридические ошибки. Наряду с этим сохранилась очевидная «фискализация» административной ответственности. Об этом свидетельствуют санкции Особенной части (II раздел проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). В ряде случаев размеры административных штрафов не соответствуют степени общественной опасности деяния. Данная тенденция особенно очевидна на примере административной ответственности в области дорожного движения (глава 21 проекта Кодекса Российской Федерации об административных

¹ См.: Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2020).

правонарушениях Российской Федерации), что получило негативную оценку экспертного сообщества¹.

Вызывает закономерные вопросы закрепление сроков давности привлечения к административной ответственности (статья 3.31 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Российской Федерации). Минимальный срок установлен в один год против 2 месяцев в настоящее время (статья 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), что свидетельствует об усилении административной репрессии. При этом сохранен срок в 6 лет, что соответствует сроку давности привлечения к уголовной ответственности за преступления средней тяжести (пункт «б» части 1 статьи 83 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Отдельная глава посвящена освобождению от административной ответственности, административных наказаний, замене административного наказания, отсрочке, рассрочке, приостановлению исполнения административного наказания (глава 4 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), что следует признать оправданным. Такое решение будет способствовать качественной реализации принципа индивидуализации административной ответственности.

К числу очевидных новелл необходимо отнести отдельную главу (главу 5 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), которая посвящена особенностям административной ответственности несовершеннолетних, что в настоящее время урегулировано фрагментарно (статья 2.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Нельзя согласиться с сохранением возраста административной ответственности в 16 лет (статья 5.1 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Очевидно, что следовало использовать опыт Республики Беларусь (часть 2 статья 4.3 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь) и снизить административную деликтоспособность за отдельные административные правонарушения, например посягающие на собственность, общественный порядок, общественную безопасность до 14 лет.

¹ См.: Шкуматов П. Новый КоАП // За рулем. 2020. № 4 (1066). С. 10.

Обращает на себя внимание сохранение нумерации статей в границах одной главы, а не всего законопроекта. Разумеется, такой подход сохранен в расчете на будущие интенсивные изменения, что нельзя признать оправданным.

Вызывает вопросы включение в проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях раздела III «Субъекты административной юрисдикции». Возможно, его целесообразно отнести к процессуальным аспектам законодательства, в силу чего разместить в проекте процессуального Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Обращает на себя внимание сохранение существенных административно-юрисдикционных полномочий судов. П.П. Серков считает, что необходимо сокращать полномочия судей по рассмотрению дел об административных правонарушениях в пользу внесудебного порядка привлечения к административной ответственности¹.

Объем научной статьи не позволяет в должной мере дать оценку преемственности и новизны в проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Мы разделяем позицию, высказанную Ю.Е. Аврутиным, о необходимости существенной научной проработки проекта законодательства об административных правонарушениях, а не дистанцировании правоведов от проектной деятельности². В этой связи должна быть проведена существенная научная проработка проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, что позволит обеспечить его преемственность с действующим законодательством и закрепить новеллы с учетом динамики охраняемых отношений. Реализация такого подхода будет способствовать повышению эффективности применения потенциала административной ответственности.

¹ См.: *Серков П.П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. Москва, 2012. С. 336.

² См.: *Аврутин Ю.Е.* Проблемы законодательной модернизации механизма административно-правового регулирования в контексте обеспечения надлежащего публичного управления // *Административное право и процесс.* 2015. № 8. С. 11–12.

Малыковцева Е.В.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Аксиологическая составляющая преемственности в праве

Преемственность в праве представляет одну из сторон его развития. Динамика права как социокультурного феномена обусловлена законами развития культурных явлений. Преемственность имманентна праву, она представляет собой процесс передачи и восприятия правовых явлений. Следствием актуализации проблемы преемственности в праве становится ряд вопросов, в частности: проблема пределов, содержательная специфика, субъекты передачи правового опыта и др.

Преемственность субъективна в силу того, что именно субъекты права переносят правовой материал из прошлого в настоящее право. Субъекты преемственности в праве – все субъекты правового общения, именно через них конструируется правовая действительность, именно они творцы права, будь то государство, будь то индивид как основной субъект, вступающий в правоотношения, будь то иные участники правовой жизни, обменивающиеся правами и обязанностями в процессе правового взаимодействия. Ограничивать преемственность в праве исключительно участием государства фактически невозможно, так как именно субъекты правового общения воплощают в правовых практиках образцы возможного правового поведения, часть из которых они передают в качестве правового опыта следующим поколениям.

Государство обеспечивает преемственность в праве и как правотворец, и как правоприменитель. Что может позволить себе государство в процессе преемственности в праве? Государство может не только способствовать передаче положительного правового опыта, но и привносить отжившие или недействующие в данном типе общественного устройства образцы или модели правового

взаимодействия. Это, скорее, вопрос о том, насколько адекватно государство оценивает степень искусственного вмешательства в право с точки зрения нецелесообразности существования тех или иных правовых явлений. Нужно ли это государству? По природе – нет, по содержанию – да. Это вопрос отражения классового начала, идеологического воздействия государства с помощью права на общество. Перенос тех или иных правовых моделей, не являющихся оптимальными для существующего права, – это снижение его потенциала, а в целом проблема эффективности права как социального регулятора.

Для того, чтобы государство понимало, что в праве подлежит преемственности, что можно и необходимо брать из прошлого, следует иметь цельную картину всех происходящих правовых процессов, нужно понимание основных правовых ценностей существующего права. Также должно быть знание того, зачем тот или иной правовой институт становился частью правового массива, для какой цели, какой круг общественных отношений он обслуживал и действительно ли потребность в таком регулировании или в таких правовых средствах на сегодняшний день. Именно «собственного» права, то есть права, вызревшего в паре с государством, прошедшего свой путь развития до момента настоящего (автор подразумевает точку, в которой происходит передача правового опыта). Имея представления об указанных процессах, государство в лице законодателя способно творить нужные и необходимые законы, правоприменитель – реализовывать правовые предписания, взаимно удовлетворяя и индивида, и государство, то есть гармонизируя частное и публичное. Но каждое ли государство способно к такому пониманию и способно ли вообще? В контексте постклассического правового мышления все правовые процессы рассматриваются с позиции субъекта.

Применительно к государству речь идет об особом типе правосознания – государственническом (возьмем за основу классификационные типы правосознания, выделенные профессором В.П. Малаховым)¹. Государственническое правосознание

¹ См.: Малахов В.П. Характерные черты государственнического правосознания // Вестник городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 3 (35). С. 8–17.

абсолютизировано, оно далеко от правовой реальности. Поэтому в государствах, где в основном правотворец – оно само, право часто оказывается оторванным от действительности. Правосудие должно нивелировать эти процессы, но специфика каждого отдельно взятого государственного образования вносит в этот процесс коррективы. В государствах, где власть имеет представление о правовой реальности (часто это следствие пределов взаимодействия различных ветвей власти, уровня доверия населения к власти, степени участия общества в управлении и др.), в результате преемственности в праве в действующее право переходят правовые ценности, то есть содержание преемственности в праве представлено аксиологической составляющей. Например, в Великобритании в силу того, что право творится преимущественно в судах, а также функционируют демократические процедуры участия населения (что возможно за счет развитого гражданского общества) в процессе иных форм правотворчества, моменты преемственности ненужных правовых конструкций фактически отсутствуют. Сам же государственный аппарат занят государством, то есть властью, что естественно для государства. Веками длящееся партийное противоборство власти никак не отражается на ценностном строе права и, как следствие, не влияет на то, какие правовые институты или процедуры подлежат преемственности.

Помимо аксиологического компонента преемственности в праве, необходимо остановиться на выработанных юридической наукой пределах данного процесса, которые государству следует учитывать.

Интересной и научно-содержательной является позиция профессора В.К. Бабаева, выделяющего уровни преемственности. Речь идет о том, что преемственность в праве возможна в различных пределах и объеме. Еще в 1980 году В.К. Бабаев отмечал, что в отношении отдельных элементов содержания права преемственность может быть весьма ограничена. В отношении преемственности в элементах формы автор пишет следующее: «При характеристике этого положения отмечается, что не все отрасли социалистического права могут (способны) воспринимать отдельные элементы прошлых правовых систем.

Более благоприятны для этого условия в гражданском праве и процессуальных отраслях, что объясняется особенностями предмета их правового регулирования и некоторыми другими обстоятельствами»¹. Подтверждением данных строк является сравнительно-правовая характеристика дореволюционного, советского и современного российского права. Так, советское право содержало множество норм гражданского дореволюционного права, ставших частью правовой системы именно благодаря процессу преемственности.

Нужно отдать должное юридической грамотности реформаторов, когда были заимствованы нормы, именно традиционные для нашего отечественного права, а не права ряда европейских государств, имеющих на тот момент общую идеологическую составляющую, как и в Советском государстве. Профессор Т.Е.Новицкая, так же как и профессор В.К. Бабаев, отмечает, что преемственность была в большей степени возможна именно в сфере частно-правового регулирования (и это несмотря на то, что гражданское право в Советском государстве было объявлено публичным). Автор отмечает, что преемственность прослеживается в понимании права собственности и его объектов, регулировании вопросов прекращения права собственности, в частности порядка осуществления реквизиций, в регулировании обязательственных отношений (договоров купли-продажи, поставки), прав в отношении изобретений и т. п.² В уголовно-процессуальном праве начального периода становления Советского государства тоже нашли отражение нормы дореволюционного законодательства. Так, в народных судах при реализации следственных действий продолжали действовать некоторые правила, установленные в ходе Судебной реформы 1864 года (эта временная мера просуществовала только до конца 1921 года). На современном этапе элементы преемственности

¹ *Бабаев В.К.* Логические проблемы социалистического права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1980. С. 17.

² Например, см.: *Новицкая Т.Е.* Преемственность в регулировании гражданско-правовых отношений в российском дореволюционном и советском законодательстве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 5. С. 37.

норм советского права можно найти в семейном, трудовом, гражданском и других отраслях права.

Значительная степень преемственности в праве, считает В.К. Бабаев, возможна в сфере юридической техники. Автор верно отмечает, что данный факт обусловлен тем, что правила законодательной техники не являются отражением сущности права, а также являются составной частью общей культуры. Болгарский ученый Нено Неновски тоже указывал на необходимость сходства правовых материй, в рамках которых передается правовой материал. Ученый в качестве обязательных выделял наличие сходных отраслей и институтов, идентичность правовых норм, сходство целей отдельных правовых институтов, преемственность принципов права, сходный логический и концептуальный аппарат языка права и законодательной техники¹. Юридические конструкции, способы изложения правового материала, сам юридический язык и другие элементы техники правового общения (как устной речи, так и письменного правового материала) – это часть инструментального наследия права конкретной страны, с помощью которого веками право становилось тем правом, к которому привыкла общность. Как бы мы ни хотели иметь простые и доступные для понимания адресата источники права, традиционно отечественная юридическая техника составления документов направлена на их профессиональное прочтение, что в целом предполагает или высокий уровень правовой грамотности населения, или доступность профессиональных юристов, что уже лежит на плечах государства.

Как отмечалось выше, непосредственными участниками передачи правового материала являются все субъекты правового общения. Именно они передают свой правовой опыт из поколения в поколение. Задача государства – обеспечить реальность и действенность переносимых образцов в существующем праве. Именно правовые ценности, эти «невидимые скрепы» возможности правового общения субъектов права, определяют уровень доверия к праву, делают право желательным инструментом разрешения споров и удовлетворения интересов.

¹ См.: *Неновски Н.* Преемственность в праве. Москва, 1977. С. 20.

Содержательные особенности процесса преемственности в праве не меняются в зависимости от типа правопонимания, существующего общественно-политического строя, идеологического фактора. В этом данный процесс – отражение культурного кода отдельно взятой страны или цивилизации. Возможно ли иное содержательное наполнение преемственности в праве? Возможно. Но в данном случае речь идет либо об идеологическом государственном воздействии или о неумелом использовании правового материала. К сожалению, отечественная современная правовая действительность знает примеры преемственности норм, которые впоследствии становятся «мертвым правом» или фактически в силу тех или иных причин не действуют, подрывая не только авторитет к праву, но и доверие населения к правовым нормам. Так, возвращение к дореволюционным попыткам определить арест в качестве вида уголовного наказания и закрепить в Уголовном кодексе Российской Федерации ни к чему фактически на сегодняшний день не привело.

Данные утверждения, став частью национальной правовой доктрины, могли бы остановить массив правовых моделей, взятых из прошлого или из опыта стран с несколько иными традиционными корнями и не вписывающихся в реальность современного отечественного права, что способствовало бы повышению эффективности последнего.

Говоря о преемственности в праве или, более того, участвуя в данном процессе, следует подразумевать ее содержательные особенности, а именно аксиологическую составляющую – правовые ценности, существующие в праве. Они должны невидимым крылом закрывать все то, что в дальнейшем не сможет стать частью правовой действительности и приведет лишь к «предсказуемым» последствиям. Любая правовая реформа, любой новый закон или иной источник права – это отражение прошлого, настоящего и будущего. Прошлое – правовые ценности, настоящее – реалии действительности, будущее – возможность работы документа на опережение. Возможно ли такое? В самой терминологии источника права заложены эти основания, поэтому знание ценностного «строя» права своей страны – залог успешных правовых преобразований и, как следствие, эффективности правовых реформ.

Малютина О.А.,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса Нижегородской
академии МВД России*

Презумпции в антимонопольном законодательстве

Источник презумпций заключается в невозможности для судьи во всех случаях добираться путем правильного исследования до истины, вследствие чего право и указывает судье руководствоваться в некоторых случаях предположениями, выведенными на основании вероятности из данных опыта жизни...

С.А. Муромцев¹

Слово «презумпция», имеющее латинское происхождение, как множество юридических терминов, раскрывается авторами по-разному. Не исключено здесь и субъективное восприятие перевода слова, и его контекстное восприятие. Так, в словаре С.И. Ожегова презумпция толкуется как «предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное»². Согласно другой позиции презумпция – «предложение или суждение, принятое как достоверное»³. Разные определения одного понятия, в основу которых положена истина и достоверность, стали предметом бурных дискуссий⁴. Исторические аспекты определения по-

¹ См.: Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции. Опыт по истории римского права. Москва, 1875. С. 100–101.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1992.

³ Литературоведческая энциклопедия: в 2 т. Т. 2./ авт.-сост. Ю.И. Кузнецов. Москва, 2007.

⁴ См., например: Барабаш А.С. Понятие «презумпция»: основания появления и использование в правовой деятельности // Российский юридический журнал. 2019. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

нения «презумпция» отсылают нас к формулировке «вероятности» наступления последствия; «костылям»¹ законовещения; попыткам создать «абстрактную истину»²; презумпциям, выполняющим роль юридических фактов³; отождествлению презумпций с правовой нормой⁴ и т. д. Споры вокруг рассматриваемого и положенного в основу настоящей статьи понятия не утихают в юридической науке и на сегодняшний день⁵.

Не погружаясь в полемику по поводу сущностных характеристик и не ставя перед собой цели в данной статье провести анализ научной литературы в части, касающейся определения понятия «презумпция» в праве в целом, остановимся лишь на одном направлении – антимонопольном законодательстве. Предпримем попытку проанализировать наличие презумпций в антимонопольном законодательстве, их целевое назначение и возможность классификации.

Антимонопольное законодательство представляет собой объединение нормативных правовых актов как частного, так и публичного права. Эта сложная взаимосвязь порождает столкновение двух презумпций: виновности и невиновности субъектов права. С одной стороны, согласно нормам административного законодательства (статья 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), определяющим один из видов ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, установлена презумпция невиновности субъекта правонарушения. С другой стороны, суды указывают, что «при

¹ См.: *Спасович В.Д.* Обзор решений гражданского кассационного департамента Правительствующего сената по вопросам гражданского и торгового права за вторую половину 1871 г. и первую половину 1872 г. // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 2. С. 177.

² См.: *Голунский С.* О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики. Москва, 1937. Кн. 4. С. 59.

³ См., например: *Бабеев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 72.

⁴ Иногда даже отмечается, что учение о классических опровержимых презумпциях со временем превратилось в общее учение о диспозитивных нормах. См.: *Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.* Санкт-Петербург, 1898. Т. 25: Праяга – Просрочка отпуска. С. 53.

⁵ См.: *Барабаи А.С.* Понятие «презумпция»: основания появления и использование в правовой деятельности // Российский юридический журнал. 2019. № 4; и др.

обычном ведении хозяйственной деятельности, при отсутствии чрезвычайных событий и обстоятельств, которые лицо не могло предвидеть и предотвратить при соблюдении обычной степени заботливости и осмотрительности, нарушение требований законодательства само по себе свидетельствует о наличии вины»¹, если лицами не были представлены дополнительные доказательства своевременного принятия всех необходимых мер по соблюдению антимонопольных запретов².

Приведенные выдержки из судебной практики свидетельствуют о том, что в отношении нарушения антимонопольного законодательства субъектом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, установлена *презумпция вины* (выделено нами. – **О.М.**), что является исключением в соответствии с повышенной ответственностью, возлагаемой на предпринимателя частью 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Конституционный суд, оценивая конституционность положений пункта 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции»³ (далее – ФЗ № 135), также отметил, что отступление от презумпции невиновности в антимонопольном законодательстве обусловлено «спецификой предпринимательской деятельности, в связи с которой предусматривается возложение на хозяйствующие субъекты неблагоприятных последствий совершения ими определенных злоупотреблений, поскольку такие деяния совершаются в условиях неоче-

¹ См., например: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2016 года № 305-АД16-12201 по делу № А40-188021/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

² См., например: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2015 года № 302-АД15-13437 по делу № А19-14717/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020); постановление Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2016 года № 305-АД15-17624 по делу № А40-186276/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

³ О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

видности...»¹. Объяснения «условий неочевидности» в постановлении не содержится.

Отметим, однако, что презумпция виновности предпринимателя в совершении нарушения антимонопольного законодательства не означает *презумпцию возмещения убытков* в рамках частных правовых отношений, причиненных нарушением антимонопольного законодательства. В этом случае факт наличия убытков необходимо доказать². В отсутствие же подтвержденного антимонопольным органом факта нарушения антимонопольного законодательства процедура доказывания убытков существенно осложняется³.

Презумпция ограничения конкуренции установлена в антимонопольном законодательстве для деяний, квалифицируемых в качестве картельных соглашений⁴. Существование данной презумпции означает, что сам факт ограничения не требует отдельного установления или доказывания. Специалист вправе констатировать этот факт на основании наличия антиконкурентного соглашения (его признаков)⁵.

¹ По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнерго-сеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим» (Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.М. Казанцева): постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2009 года № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 28, ст. 3581.

² См.: Предпринимательское право: современный взгляд: монография / отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. Москва, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

³ См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 ноября 2013 года по делу № А40-33952/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

⁴ См.: Об утверждении методических рекомендаций: приказ Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации от 8 августа 2019 года № 1073/19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

⁵ См., например: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 9966/10. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 30.06.2020); постановление Арбитражного суда Поволжского округа по делу № А57-4980/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020); постановление Арбитражного суда Центрального округа по делу № А23-1472/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

В связи с этим антимонопольный орган доказывает только то, что соответствующие последствия наступили или могли наступить. Объектом защиты в таких случаях является фактическое положение хозяйствующего субъекта, значимое в контексте стабильности экономического оборота.

Стоит отметить, что факт ограничения конкуренции требует доказывания в уголовном законодательстве, поскольку конструкция статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяющей ответственность за картель, имеет материальный, а не формальный состав. Таким образом, говорить о презумпции ограничения конкуренции при заключении картеля можно лишь в рамках административного законодательства. О гармонизации законодательства, противодействующего картелям в экономике, речь шла и в интервью представителей Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации¹.

Презумпция ограничения конкуренции установлена и в отношении:

- «вертикальных» соглашений (часть 2 статьи 11 ФЗ № 135);
- соглашений участников рынка электрической энергии (часть 3 статьи 11 ФЗ № 135);
- координации экономической деятельности (часть 5 статьи 11 ФЗ № 135);
- согласованных действий, приводящих к последствиям, указанным в частях 1 и 2 статьи 11.1 ФЗ № 135.

Презумпция возникновения убытков в результате заключения картельного соглашения, используемая в европейском антимонопольном законодательстве (статья 17(2) Директивы 2014/104/ЕС)², в российском антимонопольном законодательстве не применяется (часть 3 статьи 37 ФЗ № 135).

Презумпция доминирующего положения основана на количественных критериях и экономических составляющих положения

¹ См.: Антикартельные расследования: основные итоги и планы работы ФАС России на 2019 год: интервью с А.П. Тенишевым, начальником управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

² Директива 2014/104/ЕС Европейского Парламента и Совета Европы. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/TXT/?uri=celex%3A32014L0104> (дата обращения: 30.06.2020).

хозяйствующего субъекта. Количественный критерий предполагает, что факт доминирования устанавливается при доле хозяйствующего субъекта на товарном рынке, превышающей 50% (часть 1 статьи 5 ФЗ № 135).

При доле субъекта на товарном рынке менее 50% доминирующее положение устанавливается антимонопольным органом при проведении анализа состояния конкуренции на товарном рынке, порядок которого определен приказом Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации № 220¹.

Во взаимосвязи с презумпцией доминирующего положения для определения монопольно высоких (монопольно низких) цен в отсутствие сопоставимого товарного рынка на рынке электроэнергии презюмируется его функционирование в неконкурентных условиях². Последствием существования такого рода презумпций является применение определенных методик антимонопольного законодательства.

О *презумпции оспоримости* сделок, заключенных с нарушением частей 1–3 статьи 17 ФЗ № 135, пишет М.А. Егорова³, определяя, что данная презумпция применяется в силу нарушения требований антимонопольного законодательства при проведении конкурентных процедур и заключении на их основе сделок.

Проведенный анализ антимонопольного законодательства позволяет выделить следующие виды презумпций, характерные для рассмотренной сферы: опровержимые и неопровержимые; предусмотренные федеральным антимонопольным законодательством и подзаконными актами; существующие в российском антимонопольном законодательстве и применимые лишь в международном законодательстве.

¹ См.: Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке: приказ Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации от 28 апреля 2010 года № 220. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

² См.: О правоприменительной практике в процессе формирования договорных отношений в сфере теплоснабжения: письмо Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации от 28 июня 2019 года № ИА/54920/19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

³ См.: *Егорова М.А.* Некоторые особенности недействительности торгов, нарушающих требования антимонопольного законодательства // Юрист. 2017. № 1. С. 14. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

Безусловно, оснований для классификации презумпций анти-монопольного законодательства может быть значительно больше, как и мнений по поводу существенных характеристик рассматриваемых презумпций. Выказана лишь авторская позиция, основанная на собственном анализе и предположительно корректируемая в последующем.

Виды презумпций, проанализированные в настоящей статье, позволяют высказать мнение о том, что под определением понятия «презумпция» в рассматриваемой сфере понимается предположение, в основе которого лежит повторяемость определенных событий, которая дает основание при установлении одного условия предполагать наличие другого – связанного с ним условия. Следует согласиться с мнением А.С. Барабаша¹, который считает, что «условия могут наступить, но последствия отсутствовать в силу той или иной причины». Это не делает презумпцию неприменимой, а лишь свидетельствует о возможности ее опровержения в конкретном случае. Полагаем, это не противоречит основным нормам о защите прав субъектов в сфере конкуренции.

УДК 340

Мурсалимов К.Р.,

кандидат юридических наук, доцент, ведущий эксперт отдела нормативно-правового обеспечения Следственного департамента МВД России

**К 80-летию Владимира Константиновича Бабаева
(о неразрывной связи теории государства и теории права
и научной объективизации правообразующей
деятельности государства)**

Важной вехой в истории развития правовой мысли является издание курса лекций по общей теории права под редакцией

¹ *Барабаш А.С.* Понятие «презумпция»: основания появления и использование в правовой деятельности // Российский юридический журнал. 2019. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2020).

В.К. Бабаева¹, в котором на высоком методологическом уровне логически выверенно обозначены основные постулаты общеправовой науки. Многие поколения юристов успешно осваивали и осваивают фундаментальные положения общей теории права благодаря данному курсу лекций.

Однако пытливость ума и системное стратегическое мышление В.К. Бабаева детерминировали на основе существующих общеправовых разработок создание учебника по теории государства и права², который стал знаковым событием в юридической научно-образовательной сфере.

Значимость данного учебника обуславливается воссоединением половинок одного целого. По меткому замечанию В.К. Бабаева, в случае рассмотрения теории государства отдельно от теории права «разрываются два неразрывно связанных социальных феномена – государство и право, что нецелесообразно»³.

Уникальность указанного учебного издания заключается в том, что теория государства, которая на тот момент, по справедливому замечанию В.К. Бабаева, характеризовалась отсутствием стройности и логической последовательности в связи с ломкой прежних государственных структур, отсутствием четкой перспективы, социально-экономического, политического и государственного развития⁴, гармонизировалась с весьма проработанной теорией права.

В учебнике авторству В.К. Бабаева принадлежит глава 18 «Правотворчество в современном российском государстве», в которой, как и в курсе лекций по общей теории права, выделяется категория «правообразование», включающая в себя, по мнению автора, анализ социальной ситуации, осознание необходимости ее правового урегулирования, общее представление о юридическом предписании, которое следует издать, разработку и принятие юридической нормы⁵.

¹ См.: Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.

² См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 1999.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 320.

В части гармонизации теории государства и теории права указанная тема имеет значительный потенциал и определенную перспективу развития. Именно через формирование права оценивается роль государства в общественной жизни.

Традиционно правообразование связывалось с государственной деятельностью исключительно в рамках правотворческого процесса. Такое рассмотрение правообразования было обусловлено как юридической практикой, так и теорией права. Со времен советской России и до настоящего времени закон (нормативный правовой акт) является главенствующей формой права. А.И. Денисов еще в прошлом столетии очень точно отметил существующую по сей день тенденцию формирования права: «Издаваемый законодательными органами закон, опирающийся на конституционную основу, становится главным нормативным актом, основным звеном правотворческой деятельности государства»¹.

Вместе с тем, сложились объективные предпосылки к расширению сферы правообразования и выделению правообразующей деятельности государства.

В настоящее время правообразующая деятельность государства осуществляется в сфере правотворчества (создание нормативных правовых актов), правоприменения (например, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации (статья 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»²)), толкования права (например, толкование Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации (статья 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»³)).

При этом в правоприменительной сфере правообразующая деятельность суда выражается в решениях, являющихся результатом логических операций, отражающих существо правовой проблемы,

¹ Теория государства и права: учебник / под ред. А.И. Денисова. Москва, 1967. С. 299.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6, ст. 550.

³ Там же. 1994. № 13, ст. 1447.

разрешение которой основано на выборе варианта поведения, соответствующего духу и букве законодательства Российской Федерации. Правообразующие решения суда направлены на устранение возникшей в правоприменительной деятельности правовой неопределенности путем определения единственно возможного с позиции законодательства Российской Федерации варианта поведения.

В ходе толкования права правообразующая деятельность суда выражается в правовых позициях, под которыми понимаются «правовые представления (выводы) общего характера Конституционного Суда Российской Федерации как результат толкования Конституционным Судом Российской Федерации и выявления им конституционного смысла положений законов и других нормативных актов в пределах компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, которые снимают конституционно-правовую неопределенность и служат правовым основанием итоговых решений (постановлений) Конституционного Суда Российской Федерации»¹.

Выделение правообразующей деятельности государства как системной политико-правовой категории обусловлено также активным развитием институтов гражданского общества, появлением общественных организаций, осуществляющих наряду с государством правообразующую деятельность, что требует соответствующего разграничения.

В частности, Общественная палата Российской Федерации согласно статье 2 Федерального закона от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»² осуществляет проведение общественной экспертизы (экспертизы) проектов федеральных законов и проектов законов субъектов Российской Федерации, а также проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти Российской Федерации и проектов правовых актов органов местного самоуправления.

Таким образом, в связи с расширением содержательного наполнения правообразования, выделением устоявшейся как в науке, так и в практике неправотворческой правообразующей

¹ *Витрук Н.В.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: сборник докладов. Москва, 1999. С. 89.

² *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2005. № 15, ст. 1277.

деятельности высших органов судебной власти (например, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации), а также необходимостью отграничения правообразующей деятельности государства от правообразующей деятельности субъектов гражданского общества следует провести научную объективизацию понятия «правообразующая деятельность государства» в целях формирования системного представления об этом политико-правовом явлении.

УДК 343

*Николаева Т.А.,
заместитель начальника кафедры уголовного
процесса Нижегородской академии МВД России*

Презумпция невиновности в досудебном уголовном процессе: прямое или косвенное состояние?

Исследуя презумпцию в уголовном процессе России, мы, безусловно, вынуждены обратиться к истокам и процессам становления института презумпций, а также правовых презумпций, которые занимают доминирующее положение в юридических науках. Некоторые авторы подразделяют правовые презумпции на виды. Так, В.К. Бабаев делит презумпции как на общеправовые – презумпции, принятые во всех отраслях права, так и на презумпции юридической техники¹; Т.Д. Зражевская рассматривает презумпции применительно к конституционному праву², М.Н. Бронникова – в гражданском праве³ и т. д.

¹ См.: *Арзамасов Ю.Г.* О понятии презумпции и их месте в системе средств юридической техники // Первые Бабаевские чтения: Правовые презумпции, теория, практика, техника. Нижний Новгород, 2010. № 4. С. 72–76.

² См.: *Зражевская Т.Д.* Презумпции в конституционном праве России // Первые Бабаевские чтения: Правовые презумпции, теория, практика, техника. Нижний Новгород, 2010. № 4. С. 37–40.

³ *Бронникова М.Н.* Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 8.

Термин «презумпция», произошедший от латинского слова “*praesumptio*”, означает «предположение», однако наряду с приведенным переводом существует и иное понимание рассматриваемого термина, например «преждевременно употреблять... предвидеть... догадываться, осмелиться».

Идея презумпции невиновности вошла в римскую юриспруденцию, хотя римляне понятие презумпции не дали, однако термин «презумпция» отождествлялся с предположением¹.

Примером «проявления» презумпции невиновности в Древнем Риме стал случай при дворе императора Юлия, прокомментированный в работе О.И. Цыбулевской и А.Н. Омариевой: «Цезарь, присутствующий в процессе, ответил на восклицание обвинителя Дельфидиуса: “О великий Цезарь! Что же станет с виновным, если недостаточно только обвинить?” Император же ответил: “А что станет с невиновным, если достаточно только обвинить?”» (*Regum Gestarum? L. XVIII, с. 1*). Авторы рассматривают и анализируют историю становления принципа презумпции невиновности в уголовном процессе, начиная с истоков ее формирования, при переходе понимания презумпции через различные религии и до современного периода, обращая внимание на то, что большее ущемление презумпции невиновности выражено в периоды ограничения прав человека².

Многочисленные исследования рассматриваемого института говорят о колоссальном значении существующего принципа – презумпции невиновности, однако презумпция невиновности не сразу стала принципом...

По этому поводу на страницах научных журналов наблюдалась оживленная дискуссия. Так, В.К. Бабаев понимал презумпцию как «закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденными предшествующим опытом»³.

¹ См.: *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 6-е изд., стер. Москва, 2000. С. 612.

² *Цыбулевская О.И., Омариева А.Н.* Презумпция невиновности: аксиологическое измерение // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 4 (49). С. 51–57.

³ *Бабаев В.К.* Презумпция в советском праве. Горький, 1974. С. 9, 14.

Е.Е. Ершов, в свою очередь, в выступлении на IV Международной научно-практической конференции «Принципы уголовного судопроизводства и их реализация по уголовным делам» (5–6 апреля 2016 года, Москва) и вовсе поставил под сомнение факт отнесения правовых презумпций к принципам уголовного процесса. Однако мы не можем согласиться с такой позицией, необходимо проанализировать критерии принципов: нормативность, регулятивность, универсальность и т. д. Презумпция невиновности такими признаками обладает.

Имеется также и другое суждение. В связи с тем, что презумпция невиновности не подтверждена эмпирическими данными и, соответственно, имеет искусственный характер, ее невозможно отнести к презумпциям в общепринятом смысле, но можно исключительно к принципам уголовно-процессуального права. Данную позицию отстаивала Т.Ю. Вилкова¹.

Рассматривая подобное суждение, В.К. Бабаев, с учетом приведенных оснований, предлагал назвать рассматриваемый принцип «принципом невиновности обвиняемого»². Однако позволим себе не согласиться с позицией уважаемого ученого, так как не можем поддержать ее.

Проанализируем «принцип невиновности обвиняемого», то есть положение лица, которому согласно статье 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предъявлено обвинение на основании собранных по делу доказательств. Соответственно, уполномоченное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, обладает неоспоримыми данными причастности лица к совершенному преступлению, знает о его роли, умысле, порядке действий и т. д. То есть большая часть процессуальной деятельности стороной обвинения уже проведена, определенные выводы имеются. В связи с этим полагаем, что принцип презумпции невиновности уместно применять к любому лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, начиная с периода рассмотрения материала проверки и заканчивая вынесением обвинительного решения суда.

¹ См.: *Вилкова Т.Ю.* Презумпция невиновности – принцип уголовного судопроизводства // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 57–63.

² См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в российском праве и юридической технике // Проблемы юридической техники: сборник статей. Нижний Новгород, 2000. С. 329–330.

Всем известно, что принципы в уголовном процессе провозглашают все его стадии, принцип презумпции невиновности не является исключением. Статья 14 УПК РФ четко говорит о том, что лицо считается виновным только после вступившего в законную силу обвинительного приговора суда. На досудебных стадиях принцип презумпции невиновности позволяет лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, не доказывать свою невиновность, бремя доказывания лежит на стороне обвинения. Необходимо заметить, что принцип презумпции невиновности – это своеобразная гарантия защищенности личности, его прав и свобод в период преследования, что подтверждает его фиксацию в Конституции Российской Федерации. Рассматривая ранее принцип состязательности¹, мы говорили о том, что невозможно выделить один из существующих принципов. На наш взгляд, при осуществлении правосудия и подготовки к такому правосудию должны действовать все принципы уголовного процесса.

Кроме того, схожую позицию занимает и Европейский суд по правам человека (далее – Европейский суд), который отметил, что принцип презумпции невиновности стоит наравне с такими принципами, как справедливость, гуманизм, состязательность, равенство сторон и др.

Россия, вступив в Совет Европы и ратифицировав Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года, именно принципом презумпции невиновности гарантировала соблюдение прав и свобод человека и гражданина не только на национальном уровне, но и в сфере международных обязательств. Говоря о том, что принцип презумпции невиновности не имеет подтверждения, можно обратиться к решениям Европейского суда, в которых он давал толкование рассматриваемому принципу и порядку его применения².

Анализируя сведения по итогам деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России при расследовании

¹ См.: Николаева Т.А. Реализация принципов уголовного процесса при осуществлении уголовного преследования в досудебном производстве // Юридическая техника: Ежегодник. 2020. № 14. С. 640–643.

² См.: Беляев О.В. Институт ограничений прав и свобод человека и гражданина в российском праве: учебное пособие. Орел, 2013. С. 5–21.

уголовных дел, относящихся к компетенции следователей органов внутренних дел, в 1 полугодии 2018 года правоохранителям удалось обеспечить соблюдение законности в данном направлении. Это обстоятельство позволило сохранить положительную динамику снижения на 15% (с 107 до 91) числа лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, на 10,3% (с 194 до 174) – оправданных судом и лиц, в отношении которых судом принято решение о прекращении уголовного преследования¹.

Исследовав мнения и позиции авторов, проанализировав этапы становления института презумпции, принцип презумпции невиновности полагаем возможным рассматривать не только в рамках уголовно-процессуального законодательства, позволим себе говорить о межотраслевом его статусе. Принцип презумпции невиновности поддерживает статус России как правового государства, так как данный принцип является одной из гарантий законности в обществе, законности соблюдения прав и свобод личности.

УДК 340

Орлов Д.В.,

*кандидат юридических наук, заместитель
начальника кафедры теории и истории госу-
дарства и права Нижегородской академии
МВД России*

Правовой статус сотрудника органов внутренних дел: особенности и причинная обусловленность изменений правового явления в 1917–1941 годах

История органов внутренних дел в различное время интересовала многих ученых. При этом отдельного внимания всегда

¹ Обзор о состоянии законности в деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России в 1 полугодии 2018 года от 30 августа 2018 года (исх. № 17/2-30931). Материал не опубликован.

заслуживали кадровые вопросы, в том числе вопросы обучения и воспитания как в рамках образовательных учреждений, так и при непосредственно служебной деятельности. В.К. Бабаев не раз обращал свой взор к этой проблематике¹, раскрывая отдельные вопросы и высказывая мнения на этот счет. Множество аспектов процесса становления кадров было рассмотрено также в трудах Р.С. Мулукаева².

Все кадровые вопросы тесно взаимосвязаны с проблемой, которая становилась предметом изучения с начала 90-х годов XX столетия, а именно правовым положением сотрудника органов внутренних дел³. Во многом это обусловлено, с одной стороны, периодическим реформированием в части структуры Министерства внутренних дел (далее – МВД)⁴, а также подготовкой реформ, нацеленных на правовую деятельность сотрудников полиции, с другой стороны, отношением самого полицейского к службе и мнением граждан о его деятельности. Безусловно, свой отпечаток накладывает время и особенности правовой реальности, в которой все это и происходит. После распада СССР был взят курс на построение правового государства, основанного на уважении личности, защите прав и свобод, безопасности.

¹ См.: *Бабаев В.К.* Подготовку кадров – на современный уровень // Отчет УВД перед гражданами Нижегородской области о состоянии борьбы с преступностью и обеспечении общественной безопасности. Нижний Новгород, 1995; *Его же.* Органы внутренних дел в условиях правовой реформы // Отчет УВД перед гражданами Нижегородской области о состоянии борьбы с преступностью и обеспечении общественной безопасности. Нижний Новгород, 1996; *Его же.* Подготовка специалиста в специализированном вузе МВД России // Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД России. 1997. № 2. С. 71–79.

² См.: *Мулукаев Р.С.* Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров в органах внутренних дел: учебное пособие. Москва, 1978.

³ См.: *Шамаров В.М.* Государственное обеспечение работников милиции (историко-правовые аспекты социальной защиты). Москва, 1995.

⁴ См.: *Толстик В.А.* Проблемы специализации и интеграции полицейской системы: структурно-функциональный анализ // Полиция в механизме государства: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 24–25 мая 2017 года) / под общ. ред. В.А. Толстика. Нижний Новгород, 2017. С. 58–67.

Ежегодно Президентом России и руководством МВД ставятся задачи в части повышения эффективности борьбы с преступностью¹, поднятия высокого уровня доверия к сотруднику, подготовки высококвалифицированных кадров для этой деятельности.

Стоит учесть, что данные задачи не решаются замкнуто. Во многом достижение результата происходит во взаимосвязи с иными решениями проблем, например: повышение престижности полицейской службы, предоставление юридических и социальных гарантий сотрудникам полиции, обеспечивающих конкурс при приеме на их работу. Очень важно, чтобы сотрудник при решении возложенных на него задач мог как ощущать самостоятельность в принимаемых решениях, ответственность за эти решения, так и чувствовать нужность и важность для «системы», ощущать поддержку государства в вопросе стабильности дальнейшей работы в органах внутренних дел, защиты государства от необъективных оценок и обвинений со стороны граждан в совершении сотрудниками правонарушений.

Под правовым статусом сотрудника органов внутренних дел (полиции или милиции) нами понимается совокупность взаимосвязанных между собой элементов, таких, как права, обязанности, ответственность, ограничения и запреты, которые необходимы непосредственно для эффективной профессиональной деятельности и косвенно связаны с этой деятельностью, то есть с процессом назначения на должность, прохождением службы, увольнением. Таким образом, условно можно выделить 2 группы, составляющие правовой статус: 1) права, обязанности, ответственность, ограничения, запреты и гарантии, связанные с приемом, прохождением и увольнением со службы; 2) права, обязанности, ответственность сотрудника, связанные с осуществляемой им деятельностью.

Между тем для реализации всего вышеперечисленного необходимо разобраться в вопросе правового статуса сотрудника милиции.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 20.05.2020); Текст официального выступления В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2019 года. URL: <https://мвд.пф/news/item/12414375> (дата обращения: 20.05.2020).

Начать следует именно с правовых установлений Советского государства как периода, предшествующего современному этапу.

После Октябрьской революции усилия советской власти были направлены на создание собственной системы органов и новую организацию ее деятельности. Необходимо было показать непохожесть новой структуры со старой, чему способствовали смена власти, смена роли человека в государстве и отношения государства к нему. Идея была проста – хочешь изменить существующий порядок, то участвуй сам и достигай цели с помощью таких же простых людей, как ты. Эта мысль подчеркивается названием самого постановления Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД), принятого 28 октября 1917 года, «О рабочей милиции»¹, подразумевающего формирование органа не столько властным решением, сколько желанием самих трудящихся.

В то беспокойное время ценность нормативного регулирования ушла на второй план, документов, устанавливающих права и обязанности, а также регулирующих общественные отношения, принималось очень мало и вышеуказанный правовой акт был не исключением. Основным источником права являлось правосознание, которое формировалось идеологией большевиков и непосредственно революционными событиями.

Одной из причин отсутствия в вышеуказанном документе элементов правового статуса личности сотрудника милиции являлось то, что каждый гражданин, правильно понимающий обстановку в государстве, потенциально был сотрудником. По сути, права и обязанности сотрудника милиции отождествлялись с правами и обязанностями революционно настроенных граждан. В идеале каждый должен был бороться с контрреволюцией, охранять общественную собственность и достигать общего благополучия. Кроме того, к моменту принятия документа милиция уже функционировала с марта 1917 года, и опыт ее деятельности указывал на отсутствие необходимости ее регулирования. Были и другие причины, но в результате они сводились именно к обозначенному.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 1, ст. 15.

Отсутствие четкого правового разделения на граждан и сотрудников милиции повлекло нежелание последних заниматься этой деятельностью. Практически сразу пошли волны текучести кадров, приведшие к отсутствию опытного постоянно действующего личного состава сотрудников. Во многом именно эта причина способствовала желанию власти более серьезно заняться вопросом подбора кадров (установить минимальные требования к принимаемым на службу, а также цели и задачи службы, права и обязанности сотрудников, хоть и небольшую, но все же заработную плату за осуществляемую деятельность).

Так, в марте 1918 года народный комиссар внутренних дел Г.И. Петровский поставил в Совете народных комиссаров (далее – СНК) вопрос об организации советской милиции на штатных началах. 21 марта 1918 года на заседании СНК этот вопрос был рассмотрен, и НКВД было предложено выработать и внести в СНК положение о советской милиции. 10 мая 1918 года коллегия НКВД приняла решение о существовании милиции с постоянным штатом лиц, исполняющих специальные функции, и при этом милиция должна была стать в организационном порядке самостоятельной от Красной Армии, что влекло строгое разграничение функциональных обязанностей.

В связи с переходом советской милиции на постоянную основу огромное значение имело завершение юридического оформления основ ее организации и деятельности. 21 августа 1918 года СНК на заседании рассмотрел проект положения о советской милиции и принял решение о переработке данного документа в инструкцию, содержащую преимущественно указания на борьбу против уголовных элементов, поддержание санитарного порядка и приведение в исполнение предписаний местных властей.

В результате этой работы 12 октября 1918 года НКВД и Народный комиссариат юстиции РСФСР утвердили Инструкцию об организации советской рабоче-крестьянской милиции¹, которой регламентировалась структура губернской уездной милиции, определялось финансирование, а также устанавливались основы правового статуса сотрудника милиции.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 75, ст. 813.

Стоит отметить, что данный документ содержал требования к желающему поступить на службу, в том числе и ограничения при приеме. Как таковых прав и обязанностей сотрудников милиции в нем не было, имелись лишь пункты, которые косвенно давали понимание обязанностей милиционеров. В совокупности эти пункты именовались как предметы ведения советской милиции. Речи в документе и не шло о каких-либо социальных гарантиях.

Это был первый значимый шаг в сторону закрепления основ правового статуса сотрудника. Данным документом власть лишь пыталась решить общие проблемы со структурой и организацией милиции. Многие вещи отдавались на откуп местным органам с направлением индивидуальных указаний этим адресатам.

Значительные изменения происходят уже в октябре 1918 года – появляется уголовный розыск; в 1919–1920 годах принимается решение о создании подразделений милиции исходя из направлений их деятельности. Сначала создается железнодорожная, затем речная и позже ведомственная милиция. Так, например, в постановлении Всероссийского центрального исполнительного комитета «О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции»¹ было указано, что железнодорожная милиция несет все обязанности и пользуется всеми правами общей милиции, включенными в общие инструкции. Кроме того, железнодорожная милиция выполняет специальные обязанности по охране революционного порядка и безопасности, обусловленные особенностями жизни в районе железных дорог.

В это время вводится обязательное денежное довольствие по единым правилам и нормам системы оплаты труда, появляется продуктивное довольствие, медицинское обеспечение, предоставление отпусков. Данные преобразования влекли изменения в организации служб. Так, появляются хозяйственно-финансовые службы, обеспечивающие и контролирующиеся названные блага. Следует отметить, что о дифференциации обеспечения сотрудников милиции речи не шло, они приравнивались к иным госслужащим.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 5, ст. 48.

Хорошей иллюстрацией улучшения ситуации с мерами поддержки сотрудников милиции явилось принятое 11 ноября 1927 года постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и СНК РСФСР «О мерах улучшения быта и службы работников рабоче-крестьянской милиции»¹, устанавливающее для работников милиции периодическую прибавку за выслугу лет к основному окладу по должности. Этим же постановлением в целях улучшения жилищных условий работников милиции предлагалось местным исполнительным комитетам разработать ряд мероприятий, направленных на улучшение жилищных условий, а также выделять ежегодно средства на строительство общежитий.

В 20-х – начале 30-х годов XX века процесс формирования отдельных элементов правового статуса сотрудников напрямую зависел от политического и экономического положения общества, от организации и построения аппарата милиции. Так, финансирование милиции осуществлялось за счет местного бюджета и источников, был низкий уровень оплаты труда, имело место «запоздалое» предоставление льгот – все это свидетельствовало об отношении власти к милиции. В результате развития структуры милиции в 20-х годах возникали первые элементы правовой защиты и социального обеспечения ее сотрудников, которые в первой половине 30-х годов сформировались в целостную систему. Несмотря на дискуссионность вопроса существования при органах милиции профессиональных союзов, большая роль в правовой защите и социальных гарантиях отводилась именно им. На данном этапе «улучшение материального обеспечения работников милиции не являлось самоцелью, а было вызвано реалиями экономического и военно-политического положения республики и осуществлялось в рамках реализации задач по милитаризации и боевому сплочению милиции»².

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1927. № 113, ст. 761.

² *Петрожицкий В.М.* Организационно-правовые основы социальной и правовой защиты сотрудников милиции РСФСР (1917–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1997. С. 12.

В 30 и 40-е годы ситуация с правовым статусом менялась в лучшую сторону. Росло значение и роль милиции, принимались нормативные правовые акты, еще более конкретизирующие права и обязанности сотрудников милиции, устанавливающие существенный перечень социальных гарантий. Ранее существовавшие отдельные несистематизированные нормы о социальной защите работников милиции в начале 30-х годов выстраивались в единую целостную систему. Так, Положением о рабоче-крестьянской милиции, утвержденным постановлением СНК СССР от 25 мая 1931 года¹, помимо закрепления служебных обязанностей и прав устанавливалось, что работники высшего, старшего, среднего и младшего начальствующего состава милиции и их семьи пользуются государственным обеспечением наравне с лицами высшего, старшего, среднего и младшего состава сверх срочной службы начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии и их семьями. Существенно расширялась практика предоставления различных социальных льгот (в области образования, жилищных вопросов и т. д.), прежде всего в части налогов (например, по уплате коммунальных платежей).

Однако во второй половине десятилетия ряд льгот перестает применяться в отношении сотрудников. Во многом это было связано с тем, что структура становилась изолированной и замкнутой. Этому способствовало также и восстановление политического аппарата с партийно-политическим и воспитательным воздействием. Регулирование вопросов службы с помощью демократических начал (льгот и пособий) вытеснялось установлением более жесткой дисциплины.

Все вышеуказанное дает возможность сделать некоторые выводы. Правовой статус сотрудника эволюционировал параллельно с развитием самой структуры органов внутренних дел. При формировании милиции об этом речи не шло в связи с отсутствием четкого отграничения правового статуса сотрудника от правового статуса гражданина и тем более статуса государственного служащего. Первые права и обязанности, закрепляемые в нормативных

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1931. № 33, ст. 247.

правовых актах, касались только служебной деятельности. Существенные изменения повлекли документы, принятые во второй половине 20-х годов, устанавливающие систему и структуру органов внутренних дел и определяющие сотрудника как специальное уполномоченное лицо с необходимостью закрепления его правового статуса. Подобные изменения были связаны не с конкретной целью по улучшению благосостояния сотрудников милиции, а, скорее, отражали необходимость улучшения положения силовых структур как опоры власти в своей сложной политике в условиях усиления классовых борьбы. Особенно это очевидно стало в период начала 30-х годов, когда потребность в силовых структурах была наиболее значима.

Положение современного правового статуса сотрудника органов внутренних дел во многом определялось историей развития этого вопроса в 20–30-е годы. Некоторые положения нормативных правовых актов того периода до сих пор находят свое отражение в современных нормативных актах, регламентирующих поступление и прохождение службы. В настоящее время, когда «система» переживает трудности в кадровом вопросе, опыт прошлого должен обязательно найти свое отражение в принимаемых решениях.

УДК 340

Осипов М.Ю.,

*старший научный сотрудник, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Института
законоведения и управления ВПА*

К вопросу об особенностях исследования категории «правовая презумпция»

Проблема определения места категории «правовая презумпция» в системе понятий юридической науки – это одна из актуальных проблем, стоящих перед современной теорией права. Необходимо отметить, что по данной теме было написано немало

работ¹. Однако впервые тема правовых презумпций в праве России была поднята замечательным ученым В.К. Бабаевым в его диссертации «Презумпции в советском праве»². По его мнению, «правовые презумпции – вид общих презумпций как философско-логических категорий. По своей логической природе – это обобщения индуктивного характера»³.

Также он полагал, что «необходимость применения презумпций в советском праве объясняется наличием у них тех свойств, которые могут быть использованы в правовом регулировании: презумпции являются своеобразным способом “экономии мышления”, они используются при оценке тех или иных действий, выступают в роли отдельных юридических явлений. Этим самым презумпции убыстряют и упрощают процесс правового регулирования, способствуют его стабильности. Правовая презумпция в диссертации определяется как закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом»⁴.

Нисколько не оспаривая данную точку зрения, тем не менее можно задать вопрос: насколько будет правильным рассматривать правовые презумпции только как средства юридической техники, не могут ли они иметь и других свойств, которые позволяют их относить к другому классу понятий, например к классу правовых

¹ Каранина Н.С. Сущность правовой презумпции: определение понятия «презумпция» в современной теории права и российском законодательстве; признаки правовой презумпции // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 213–220; Мордовцев А.Ю., Угренинова Е.А. Правовые презумпции в российском социально-правовом пространстве: введение в проблему // Философия права. 2014. № 6 (67). С. 47–51; Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2004; Самсонов А.П. Презумпции права в современной правовой политике России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009; Минникес И.А. Роль правовых презумпций в индивидуальном правовом регулировании // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 390–395.

² Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969.

³ Там же.

⁴ Там же.

принципов? По нашему мнению, такая постановка проблемы вполне уместна. Дело все в том, что правовая презумпция – это не только понятие или категория юридической науки, это еще и явление правовой реальности, которая должна быть осмыслена юридической наукой¹. Каким же образом происходит процесс такого осмысления? Ответ представляется достаточно очевидным: правовая реальность осмысливается и объясняется при помощи таких логических инструментов, как «понятие» и «определение»².

Возникает, однако, вопрос применительно к правовым понятиям: что понимать под общими и существенными признаками предметов, в данном случае – правовых явлений, которые дают возможность определить то или иное правовое понятие? Ответ на этот вопрос весьма непросто, поскольку обычный путь определения правовых понятий через ближайший род и видовое отличие представляется весьма затруднительным, так как каждое правовое явление, взаимодействуя с другими правовыми и социальными явлениями, по своему проявляет себя и тем самым обнаруживает определенные свойства, о которых ранее не было известно. Причем такое положение считается нормальным с точки зрения современной науки³. При этом анализ положений гражданского законодательства показывает, что одно и то же понятие может использоваться в разных значениях. Об этом свидетельствуют, например, попытки в общем виде раскрыть понятие «момент передачи права»⁴.

Точно так же понятие «презумпция невиновности», которое является видовым понятием по отношению к понятию «презумпция», может рассматриваться в понятийном ряду «аксиомы – презумпции – фикции» как средства юридической техники. При этом в качестве

¹ См.: *Ливеровский А.А.* Рациональная модель конституционного регулирования // *Lex russica*. 2019. № 1. С. 70–82; *Максимов С.И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. 328 с.; *Берлявский Л.Г., Лунчанская И.В.* Правовая реальность как категория онтологии права // *История государства и права*. 2015. № 17. С. 38–43; *Трофимов В.В.* Концепция «правовой жизни»: теоретико-методологическое значение // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2009. № 2. С. 60–65.

² См.: *Виноградов С.Н., Кузьмин А.Ф.* Логика. Москва, 1954. 176 с.

³ *Скловский К.И.* Повседневная цивилистика. Москва, 2017. 288 с.

⁴ Там же.

аксиом выступают самоочевидные предположения, не нуждающиеся в доказывании. Презумпции – предположения о фактическом состоянии того или иного явления, которое может быть опровергнуто, фикции – заведомо ложные положения, которые признаются действительными в силу их целесообразности.

С другой стороны, презумпция как явление может рассматриваться как принцип, то есть основное начало, определяющее конкретное содержание правового регулирования: например, принцип презумпции невиновности, который определяет во многом содержание современного уголовного процесса, в частности следствием принципа презумпции невиновности является недопустимость оставления в подозрении, а также равное право на реабилитацию лица, чья вина была в суде не доказана, и лица, чья вина в суде была полностью опровергнута. Аналогично обстоят дела и с другими правовыми явлениями.

Следовательно, на основе всего вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что при исследовании тех или иных правовых явлений очень важно установить: каким образом проявляется то или иное правовое явление при регулировании тех или иных общественных отношений, каковы существенные признаки данного явления, то есть те свойства, которые проявляются наиболее стабильным образом при регулировании данного общественного отношения (класса отношений). Это позволяет сформировать так называемые понятийные ряды, то есть группы понятий, которые отражают те или иные правовые явления, проявляющие одни и те же свойства, которые будут выступать в качестве существенных признаков данного понятия. Использование методологии понятийных рядов позволит устанавливать ограничения той или иной теории, развивать конструктивную критику, выявлять сильные и слабые стороны той или иной теории или концепции, предотвращать так называемую вражду разных юридических школ.

В заключение необходимо сделать вывод о том, что для установления точного понимания значения того или иного понятия, в том числе такого понятия, как «презумпция», следует учитывать, что за тем или иным понятием юридической науки, в том числе таким, как «презумпция», стоит то или иное явление правовой реальности, которое обладает определенным набором свойств. Задача же юридической науки видится в том, чтобы, опираясь

на определенный набор свойств того или иного явления, в том числе такого явления, как презумпция, установить его свойства и постараться их описать на языке, который позволяет в максимальной степени раскрыть данные свойства. Поэтому нечего удивляться наличию разнообразных подходов к проблемам юридической науки, в том числе к определению места и роли правовых презумпций в системе действующего права. Гораздо важнее определить методологический потенциал того или иного подхода к определению места и роли правовых презумпций в системе юридической науки. А для того чтобы сделать это, необходимо вначале определить, какие задачи, стоящие перед исследователем того или иного правового явления, в том числе такого, как правовые презумпции, могут быть решены с помощью того или иного подхода, а какие – не могут. Это позволит сразу выявить методологический потенциал того или иного подхода к исследованию правовых презумпций, будет способствовать развитию диалога между представителями различных подходов к исследованию проблем правовых презумпций, более всестороннему исследованию того или иного явления, в том числе такого, как правовая презумпция, что, несомненно, вызовет прогресс юридической науки.

УДК 340

Парфенов А.В.,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Презумпции в праве как специфическая предпосылка устойчивости социальной системы (в контексте рассуждений о правовом компромиссе)

Глубокую и тщательную разработку теории презумпций в праве в отечественной юридической науке заслуженно связывают с именем Владимира Константиновича Бабаева. Русская поговорка гласит: «Большое видится на расстоянии». С высоты сегодняшних дней

мы можем взглянуть на ее основные постулаты и лишний раз констатировать их логичность, убедительность и оригинальность суждений данного ученого-правоведа, высочайший уровень качества представленного им научного материала. При этом проблематика, затронутая В.К. Бабаевым, выявила круг вопросов, которые продолжают оставаться актуальными и для современной отечественной юриспруденции. Его усилиями был задан вектор исследований для нынешнего поколения ученых-правоведов. Выявленное им проблемное поле имеет выход и на вопрос устойчивости социальной системы, который, как нам представляется, в условиях построения правового государства в России имеет особое значение. Справедливости ради отметим, что к его отдельным аспектам ранее обращались представители философии, социологии и иных гуманитарных областей знания¹. Свою лепту в решение данной проблемы традиционно пытались внести и ученые-правоведы. Любопытно, что представители гуманитарных неюридических наук в этом случае проявляли с ними редкую солидарность, подчеркивая, что «центральную роль в стабилизации социальной системы должно играть государство»² посредством формирования законодательства и проведения соответствующей политики³.

Разделяя в целом подобную точку зрения, считаем необходимым уточнить, что задача современной юридической науки состоит в том, чтобы выявить конкретные механизмы стабилизации социальной системы в рамках государственно организованного общества, определить принципы их функционирования. Здесь

¹ См., например: *Демичев И.В.* Устойчивость социальных систем: Опыт философского анализа: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2011. С. 12; *Волков Ю.Е.* Социальные системы как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 119–125.

² *Абдуллаева Р.А.* Социальная система переходного периода и ее стабилизация (социально-философский анализ): дис. ... канд. соц.-филос. наук. Волгоград, 2006. С. 13.

³ См., например: Россия в условиях стратегической нестабильности. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1995. № 9. С. 3–42; *Макарычев А.С.* Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полис. Политические исследования. 1998. № 1. С. 149–157; *Волков Ю.Е.* Социальные системы как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 119–125.

творческое наследие В.К. Бабаева во многом способно выступить высокоценной методологической основой. Целый ряд вопросов, например связанных с формированием законодательства, юридическим оформлением «договоренностей» между государством и обществом, целесообразно рассматривать сквозь призму его учения о презумпциях в праве. Именно оно является ключом к пониманию ряда принципиально важных моментов.

Государство, как известно, создает «социальную среду», в которой функционирует общество. В качестве главного инструмента ее формирования, закрепления и охраны выступает право. Его содержание может существенно различаться в разных государствах, в разные исторические периоды. Например, посредством права населению может навязываться воля группы лиц, находящейся у власти. Возможен также и вариант, когда действующие юридические нормы преимущественно выражают интересы граждан. Вместе с тем, нужно понимать, что «стабильность социальной системы достигается посредством сбалансированности и гармонии интересов между социальными институтами и людьми»¹.

На практике нередко обнаруживается расхождение интересов государства и общества. В его основе лежат объективные и субъективные причины. При этом притязания каждой из сторон весьма убедительны. Так, стремление государства повышать налоги во многом обусловлено необходимостью достойного содержания, помимо органов государственной власти, учреждений науки, образования, здравоохранения, культуры и т. д. В этом отношении его следует признать оправданным. Однако повышение налогового бремени встречает сопротивление со стороны населения. Упрекать его в несознательности, низком уровне правовой культуры здесь вряд ли уместно. В условиях экономического кризиса и относительно невысокого размера заработной платы увеличение налогов является «ударом» по семейному бюджету граждан. Государство, конечно же, может прибегнуть к насилию, навязать обществу свою волю. Однако насколько устойчивой окажется такая схема отношений? Ответ очевиден. Для сохранения

¹ См.: *Абдуллаева Р.А.* Социальная система переходного периода и ее стабилизация (социально-философский анализ): дис. ... канд. соц.-филос. наук. Волгоград, 2006. С. 25, 29.

долговременных партнерских отношений между государством и обществом требуется сбалансировать их интересы, отразить полученный результат в действующем законодательстве.

Решение задачи такого рода мы склонны связывать с формированием правового компромисса. В области правотворчества, которая затрагивается в рамках данной статьи, его следует обозначить как «законодательный компромисс». Он представляет собой «закрепленную в праве меру согласования противоречивых интересов, достигнутую в процессе правотворчества»¹. Законодательный компромисс служит основой стабильности социальной системы, обеспечивает реализацию начал справедливости в отношениях государства и общества. Полагаем, что именно в сфере его формирования исключительно велика роль презумпций в праве.

Рассмотрим данный вопрос подробнее. На наш взгляд, законодательный компромисс имеет самую тесную связь с презумпциями в праве. С точки зрения ученого-правоведа целесообразно проследить ее по двум направлениям: 1) презумпции как средство юридической техники, используемое при построении и оформлении законодательного компромисса; 2) презумпции как результат правотворчества, форма выражения законодательного компромисса.

Законодательный компромисс, как известно, является результатом согласования интересов различных субъектов. К их числу можно отнести граждан, общественные объединения, государственные органы и т. д. Логично предположить, что первым принципиально важным шагом на пути формирования законодательного компромисса будет выступить выяснение правотворческим органом круга наиболее важных интересов физических и юридических лиц. Источники такой информации достаточно многочисленны и разнообразны. К ним, например, можно отнести встречи депутатов со своими избирателями; гарантированное статьей 33 Конституции Российской Федерации обращение граждан в государственные органы и органы местного самоуправления. Информация о наиболее

¹ См.: Толстик В.А. Социальная и юридическая природа компромисса // Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29–30 мая 2014 года): в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Толстика. Нижний Новгород, 2014. С. 142.

значимых интересах субъектов может доноситься до правотворческих органов посредством митингов, шествий, пикетирований. Так, акции, проводимые медицинскими работниками в целях привлечения внимания к условиям и оплате их труда в период коронавируса (COVID-19) весной 2020 года, привели к появлению постановления Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 года № 415¹ и указа Президента Российской Федерации от 6 мая 2020 года № 313².

Возникает резонный вопрос: «Все ли значимые интересы субъектов правотворческому органу целесообразно выявлять посредством коммуникации с ними?» Да и возможно ли это сделать? Известно, что большинство потребностей людей, как и сами общественные отношения, характеризуются типичностью, устойчивостью и повторяемостью. Например, граждане заинтересованы в наличии благоприятной окружающей среды, безопасности, продлении рода и т. д. Знание сложившегося уклада жизни общества позволяет в целом ряде случаев строить обоснованные предположения о системе существующих в нем интересов. Соответственно, данная информация при грамотном использовании позволит правотворческому органу существенно ускорить процесс формирования «картины интересов», уточнить их иерархию. Кроме того, отсутствие «личного» контакта с индивидами и социальными группами будет способствовать сокращению затрат времени и иных ресурсов, столь ценных для государственных органов.

¹ Об утверждении Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования, в том числе в полном объеме, расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку медицинским работникам, оказывающим медицинскую помощь гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией: постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 года № 415. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2020).

² О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников: указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2020 года № 313. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2020).

В этой связи логично предположить, что при формировании законодательного компромисса правотворческим органам существенную помощь могут оказать презумпции. Более того, есть основания полагать, что субъекты правотворчества в ходе осуществления своей деятельности достаточно часто обращаются к данному технико-юридическому средству. По нашему мнению, их информированность о системе наиболее важных интересов во многом носит именно предположительный характер. Вместе с тем, использование презумпций, как нам представляется, осуществляется здесь скорее интуитивно, нежели осознанно. При этом их юридический аспект упорно игнорируется.

Дело в том, что зачастую те или иные предположения не могут быть своевременно идентифицированы и отнесены к числу презумпций в праве по той простой причине, что для большинства ученых-правоведов и юристов-практиков последние прочно ассоциируются с положениями, прямо закрепленными в праве. Так, наивно было бы полагать, что субъектам правотворчества неизвестно об очевидном интересе автолюбителей в «привязке» цены на бензин к цене на нефть. Изучение отечественных социально-экономических реалий неизбежно подталкивает к появлению подобного предположения. Однако оно никоим образом не отражено в действующем законодательстве. В статье мы не будем акцентировать внимание на политических и экономических причинах, приводящих к неизменному росту стоимости топлива как в условиях подорожания нефти, так и при ее значительном удешевлении. С точки зрения ученого-правоведа, более любопытным является вопрос о том, следует ли отнести подобное предположение к числу презумпций в праве.

Ключ к решению данного вопроса и преодолению отмеченного выше стереотипа необходимо искать в трудах В.К. Бабаева. В них презумпции в праве преподносятся в качестве сложного и многогранного явления. Наряду с формулированием ставшей классической дефиниции понятия «правовая презумпция», В.К. Бабаев отмечал, что в зависимости от факта правового закрепления презумпции подразделяются на *фактические* и *законные*¹. Тем самым он признавал наличие в правовой сфере презумпций, как прямо закрепленных в юридических нормах, так и не зафиксированных в них, но имеющих определенное юридическое значение.

¹ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 41.

Мы полагаем, что формированию законодательного компромисса предшествует выявление и уточнение круга наиболее значимых интересов субъектов. Способствовать данному процессу призваны *фактические презумпции*. Для них не характерны такие признаки, как, во-первых, отражение в действующем законодательстве, во-вторых, общеобязательность, в-третьих, наличие какого-либо материально-правового значения. Однако, следуя логике В.К. Бабаева, их необходимо признать полноценными, хотя во многом и нетипичными, презумпциями в праве. Фактические презумпции в данном случае представляют собой обобщения, отражающие определенные закономерности и связи повседневной жизни¹, базирующиеся на накопленном социальном опыте.

В.К. Бабаев акцентировал внимание на роли фактических презумпций в области правоприменения. Он отмечал, что «прежде чем подвергать то или иное действие юридическому анализу, суд или орган расследования оценивает его с точки зрения житейской: могло ли данное действие вообще иметь место в отношениях между людьми, либо его существование в силу необычности вызывает сомнение»².

Использование фактических презумпций в сфере правотворчества – вопрос относительно новый для отечественной юридической науки. Однако очевидно, что и здесь данный феномен играет важную роль. Обращение к нему, на наш взгляд, в первую очередь имеет цель формирования у субъектов правотворчества обоснованных предположений о характере, состоянии и динамике отношений в определенной сфере жизни общества. Так, вследствие самоизоляции граждан, обусловленной появлением коронавируса (COVID-19), обоснованным представлялось *предположение* о том, что уровень жизни некоторых из них существенно понизится. Для выживания им срочно потребуется помощь государства.

При этом также вполне оправданным выглядело *предположение*, что простой промышленных предприятий в указанный период на фоне общего экономического кризиса и падения цен на нефть сократит доходы государства, которому станет намного труднее выполнять взятые на себя обязательства.

¹ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 44.

² Там же.

Данные о системе общественных отношений, в свою очередь, выступают основой для вынесения правотворческим органом предположения об объеме и характере интересов их субъектов. В представленном выше примере, как можно заметить, интересы и граждан, и государства оказались связаны с получением денег. Возможность их удовлетворения обусловлена целым комплексом разнообразных факторов. Так, перспектива удовлетворения в полном объеме интересов граждан ставит под угрозу экономическую систему государства. «Потакание» интересам государства, в свою очередь, вызовет напряженность в обществе.

Необходимость согласования интересов сторон очевидна и не вызывает сомнений. Значительно более трудным является вопрос о том, как это сделать. Российским государством была предложена следующая модель. Ему, в контексте поправки в пункте «ж» статьи 72 Конституции Российской Федерации, декларирующей защиту семьи, материнства, отцовства и детства, создание условий для достойного воспитания детей в семье, вполне логичным представлялось оказать адресную помощь в первую очередь семьям, имеющим детей. В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 11 мая 2020 года № 317 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 7 апреля 2020 года № 249 “О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей”»¹ в апреле–июне 2020 года семьям с детьми до трех лет были предоставлены ежемесячные выплаты в размере 5000 рублей. Семьи с детьми от трех до шестнадцати лет получили единовременную выплату в размере 10 000 рублей на каждого ребенка на основании указа Президента Российской Федерации от 23 июня 2020 года № 412 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей»².

Предположения, конечно же, не являются для субъектов правотворчества единственным источником информации. Вместе с тем, знание некоторых общих закономерностей нередко освобождает их от необходимости обращения к конкретным фактам. В области правотворчества информация предположительного характера представляется весьма ценной. Ее грамотное использование

¹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005110001> (дата обращения: 20.05.2020).

² URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45618> (дата обращения: 25.06.2020).

будет способствовать уточнению сферы правового регулирования, которое предполагает своевременное включение в нее новых социально значимых отношений и, соответственно, исключение тех отношений, которые перестали быть таковыми. Кроме того, полученные таким путем сведения о системе интересов субъектов выступают предпосылкой для их последующего согласования. Последнее обстоятельство является наиболее важным применительно к вопросу о законодательном компромиссе.

Представленный материал показал, что фактические презумпции играют достаточно важную роль в сфере правотворчества. Они по большей части проявляют себя в процессе деятельности соответствующих субъектов, служат для них весьма важным технико-юридическим средством.

Вместе с тем, предназначение рассматриваемого феномена в правотворчестве не может и не должно сводиться лишь к специфическому инструменту выявления юридически значимых фактов, обстоятельств и интересов. В ряде случаев появление презумпции выступает итогом правотворческой деятельности. Включение предположений в ткань правовой материи приводит к появлению так называемых законных презумпций. Они прямо либо косвенно фиксируются в правовых нормах и имеют юридическое значение. Законные презумпции, как нам представляется, тесно связаны с законодательным компромиссом. Они, в частности, выступают в качестве итога, специфической формы его выражения. Здесь законные презумпции возникают тогда, когда информация предположительного характера в той или иной мере выгодна сторонам и обеспечивает согласование их интересов. Так, для придания правовым предписаниям большего авторитета на фоне иных социальных регуляторов, подчеркивания продуктивности и обоснованности как их самих, так и актов, созданных на их основе, вводится презумпция законности государственного правового акта. Подобное предположение выгодно в первую очередь государству, ибо позволяет возводить в закон его волю, преподнося ее как право. При этом оно также значимо и для общества. В его глазах позитивное право – форма отражения и закрепления столь ценного для него естественного права.

Сам факт включения законных презумпций в действующее законодательство нередко является показателем зрелости последнего, выступает результатом многовековой борьбы народа за содержание

права¹. В основе отношений государства и общества, как известно, лежит ряд договоренностей. Например, государство обещает гражданам защиту и многие иные блага, а те, со своей стороны, обязуются платить налоги и соблюдать требования закона. По мере усложнения общественных отношений перечень взаимных обязательств начинает расширяться. Наученные жизненным опытом, нередко горьким, люди начинают требовать от власти новых дополнительных гарантий безопасности и достойного существования. Государство, в свою очередь, нередко готово пойти на этот шаг. Например, одним из специфических средств защиты индивида от произвола со стороны властей является презумпция невиновности. Она направлена против необоснованного привлечения лица к юридической ответственности. В соответствии с ней обвиняемый предполагается невиновным, пока виновность его не установлена приговором суда. В.К. Бабаев обращал внимание на нетипичность данной презумпции, ее обусловленность в большей степени политическими соображениями². Разделяя в целом его взгляд, мы считаем необходимым подчеркнуть факт закрепления презумпции невиновности в действующем законодательстве. Ее, в частности, можно обнаружить в статье 49 Конституции Российской Федерации, статье 14 «Презумпция невиновности» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Все аспекты взаимосвязи законодательного компромисса и презумпций в праве вряд ли можно осветить в рамках одной научной статьи. Данная проблема требует отдельного самостоятельного исследования. Мы посчитали целесообразным акцентировать внимание лишь на наиболее важных аспектах. Презумпции в праве выступают весьма значимой предпосылкой устойчивости социальной системы. Фактические презумпции обеспечивают выявление круга интересов, требующих согласования. Законные презумпции позволяют внешне выразить содержание достигнутых в рамках законодательного компромисса договоренностей.

¹ Подробнее об этом см.: *Толстик В.А.* От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 13–21; *Толстик В.А., Трусов Н.А.* Борьба за содержание права: монография. Нижний Новгород, 2008; *Толстик В.А., Трусов Н.А.* Понятие содержания права // Государство и право. 2014. № 6. С. 5–13.

² См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 15–16.

Парфенов А.В.,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Общетеоретические проблемы использования способов альтернативного разрешения споров

Обращение к истории человеческого общества показывает, что ни один из ее этапов не был свободен от конфликтов. Возникая в результате столкновения противоречивых интересов разнообразных сил, сформировавшихся в обществе, они были различны как по своей форме, так и по направленности. Потребность в своевременном разрешении наиболее острых социальных конфликтов стала одной из причин появления государства. По сей день оно продолжает традиционно рассматриваться как специфическая надстройка над обществом, обеспечивающая согласование интересов индивидов и социальных групп. К числу основных задач государства относится и поиск механизмов разрешения конфликтов. Рассмотрим их основные модели.

Первая, традиционная, может быть обозначена как «*юрисдикционная*». В современных условиях она получила наибольшее распространение. В рамках данной модели ведущее место в процессе разрешения конфликта отводится государству. К нему за помощью в случае необходимости обращаются как физические, так и юридические лица. Компетентные государственные органы на основе специально установленной юридической процедуры пытаются разобраться в сложившейся ситуации и разрешить конфликт посредством вынесения индивидуального государственно-властного решения, которому обязаны подчиниться стороны конфликта. Рядом современных ученых-правоведов и юристов-практиков отмечается, что к подобному механизму субъекты обращаются наиболее часто. Действительно, обращение в суд, на первый взгляд, в большинстве случаев должно обеспечить своевременное разрешение конфликтов в сфере

гражданско-правовых, семейных, трудовых и иных отношений. В этой связи *юрисдикционная модель* продолжает выглядеть достаточно привлекательно.

Вместе с тем, обращение к опыту ее функционирования позволяет говорить о наличии серьезных проблем. Помимо традиционных абсолютизации роли государства в области решения конфликтов и «связывания» инициативы, самостоятельности его сторон, следует обратить внимание на крайне низкий уровень исполнения судебных решений. Далеко не случайно Правительством Российской Федерации была поставлена задача увеличения «объема исполнения судебных актов с 52 до 80 процентов»¹. В целом предпринятые меры дали позитивный результат. К тому же «обеспечение эффективного исполнения судебных решений» продолжает оставаться важной проблемой, на решение которой во многом направлена федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»².

Таким образом, *юрисдикционная модель* разрешения конфликтов, наряду с большим количеством достоинств, не лишена существенных недостатков. Прежде всего, несовершенная система исполнения судебных решений сводит на нет работу судов по рассмотрению и разрешению споров, что подрывает авторитет судебной системы³. В этой связи логично поставить вопрос о путях ее совершенствования. Отдельные пожелания субъектов правотворчества по его решению обнаруживаются при анализе действующего законодательства. В нем, в частности, отмечается,

¹ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы: постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 года № 583 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 41, ст. 4248.

² См. раздел I «Характеристика проблемы, на решение которой направлена Программа» постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 1, ст. 13.

³ См. раздел II «Обоснование целесообразности решения проблемы программно-целевым методом» распоряжения Правительства Российской Федерации от 4 августа 2006 года № 1082-р «О Концепции федеральной целевой программы “Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 33, ст. 3652.

что «развитие судебной системы не может быть простым наращиванием количества судей», четко прослеживается мысль о необходимости «снижения судебной нагрузки»¹.

Вполне справедливым в затронутых выше нормативных правовых актах выглядит призыв активно внедрять внесудебные и досудебные способы урегулирования споров, а также примирительные процедуры. Данная идея наиболее отчетливо была выражена в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года. Она требовала «оказать поддержку внесудебным формам разрешения корпоративных и иных конфликтов, стимулировать передачу споров в третейские суды... рассмотреть возможность применения... медиации»².

В этой связи представляется, что ожидания общества и органов государственной власти, связанные с дальнейшим совершенствованием отечественной судебной системы, во многом способна оправдать вторая модель механизма разрешения конфликтов. Она может быть обозначена как «альтернативная». Данное название носит условный характер. В его основу положена западная юридическая категория *alternative dispute resolution (ADR)*, которая в переводе на русский язык обозначает «альтернативное разрешение споров» (АРС). Здесь необходимо подчеркнуть, что *альтернативная модель* не рассматривается в качестве замены государственному правосудию. Она не может и не должна подменять его. *Альтернативная модель* механизма разрешения конфликтов и государственное правосудие сосуществуют в рамках отечественной правовой системы, взаимодействуют и дополняют друг друга. Подобный подход представляется нам наиболее перспективным.

В настоящий момент в России происходит становление механизма такого рода. Он включает в себя третейское разбирательство,

¹ См. раздел II «Обоснование целесообразности решения проблемы программно-целевым методом» распоряжения Правительства Российской Федерации от 4 августа 2006 года № 1082-р «О Концепции федеральной целевой программы “Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 33, ст. 3652.

² См.: Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 года № 2043-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 3, ст. 423.

международный коммерческий арбитраж, посредничество (медиацию), примирение и т. д.

Альтернативная модель позволяет разгрузить судебную систему, ускорить и существенно упростить процедуру принятия решения. Споры разрешаются в порядке, избавленном от многочисленных юридических формальностей. Процесс ориентирован на своевременное и эффективное достижение цели.

Помимо этого, *альтернативная модель* предполагает активизацию самостоятельных действий сторон конфликта, направленных на поиск взаимоприемлемого варианта его решения. Данный процесс сопровождается кардинальным изменением и упрощением роли государства. Для него процедура подготовки и принятия решения по делу в целом ряде случаев заменяется деятельностью, связанной с формированием и защитой социальной среды, в которой станет возможна конструктивная коммуникация субъектов конфликтного отношения.

В начале XXI века в России отмечается существенный рост популярности *альтернативной модели* механизма разрешения конфликтов. Она нашла отражение в целом ряде специальных юридических исследований. Теоретическое осмысление опыта использования *альтернативной модели* на Западе, предложения, связанные с реализацией данного феномена в рамках отечественного правового поля, нашли отражение в трудах российских ученых-правоведов¹.

В указанный период законодателем была проделана существенная работа по формированию нормативной основы применения альтернативных способов разрешения конфликтов. К числу ее наиболее значимых результатов следует отнести, в частности, разработку законов «Об альтернативной процедуре урегулирования

¹ См., например: *Носырева Е.И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001; *Брыжинский А.А.* Альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2005; *Бенова В.И.* Медиация как альтернативный способ разрешения международных коммерческих споров: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013; *Бутенко Р.Н.* Адьюдикация как альтернативный способ разрешения международных коммерческих споров: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018.

споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ и «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»².

Внедрение *альтернативной модели* в российскую юридическую практику – сложный и длительный процесс. Его результативность во многом будет зависеть от того, насколько научное сообщество и юристы-практики будут способны своевременно выявлять возникающие проблемы, взаимодействовать в ходе поиска их решения.

По нашему мнению, в ходе внедрения концепции *альтернативной модели* механизма разрешения конфликтов четко обозначился целый ряд научно-практических вопросов, требующих повышенного внимания со стороны представителей теории государства и права. Они, на первый взгляд, носят достаточно общий характер. Однако, как справедливо отмечал В.И. Ленин, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натыкаться” на эти общие вопросы»³. Их решение во многом определяют как видение концепции рассматриваемого феномена в целом, так и перспективы его практического использования. Отметим наиболее значимые среди них:

1) одной из самых серьезных проблем продолжает оставаться *отсутствие унификации юридической терминологии в сфере АРС*. Так, ученые-правоведы в своих трудах, как правило, оперируют понятием «конфликт»⁴. В правовой сфере под ним понимается «открытое противоборство между, как минимум, двумя субъектами права, обусловленное противоречиями их юридически значимых интересов, влекущее юридические последствия и преодолеваемое с помощью юридических же

¹ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

² Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ // Российская газета. 2015. 31 декабря.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва, 1972. Т. XV. С. 368.

⁴ См., например: Худойкина Т.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002; Жигачев Г.А. Правовой конфликт: методики предупреждения в правоохранительной деятельности: монография. Москва, 2007.

средств и методов»¹. Популярность понятия «конфликт» в среде ученых-правоведов не была принята во внимание отечественным законодателем. Он, в свою очередь, предпочитает использовать термин «спор»². Легко заметить, что в данном примере ученые-правоведы и законодатель ведут речь фактически об одном и том же явлении. Однако для его обозначения ими используются различные понятия.

Понятийные проблемы в сфере АРС не ограничиваются дискуссиями о соотношении категорий «спор» и «конфликт». Наряду с ними также весьма актуален вопрос о термине, способном адекватно обозначить процедуру, связанную с поиском варианта выхода из конфликтной ситуации. На сегодняшний день она нашла отражение в целом ряде понятий. Так, в научной юридической литературе, в тексте нормативных правовых актов речь может идти о «вынесении решения», «разрешении споров», «применении норм права» и «урегулировании конфликтов». Нередко данные понятия воспринимаются как синонимы. Специалисты неоднократно предпринимали попытки разграничить их. Одно из удачных, на наш взгляд, предложений сводится к закреплению в понятийно-категориальном аппарате юридической науки лишь двух понятий – «вынесение решения» и «урегулирование конфликта». Каждое из них отражает специфический метод АРС. Так, «вынесение решения» предполагает обращение сторон конфликта к третьей стороне и содержит в себе такие способы, как третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. «Урегулирование конфликта» рассматривается как самостоятельное достижение субъектами компромисса. Наиболее яркое выражение оно получило в медиации.

¹ *Астахов П.А.* Юридические конфликты и современные формы их разрешения: теоретико-правовое исследование: дис ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006. С. 9.

² См., например, часть 4 статьи 3 «Законодательство о судопроизводстве в арбитражных судах», часть 5 статьи 4 «Право на обращение в арбитражный суд» Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 30, статью 3012; статью 1 «Сфера применения настоящего Федерального закона»; статью 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе»; статью 33 «Мировое соглашение» Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // *Российская газета*. 2015. 31 декабря.

Как можно заметить, итогом отсутствия унификации юридической терминологии в сфере альтернативного разрешения споров становится, во-первых, ничем не оправданное удвоение юридической терминологии, во-вторых, «размытие» содержания юридических понятий и категорий¹. Опасность подобной ситуации очевидна. Нам она видится прежде всего в угрозе утраты ясности и определенности юридического языка;

2) в качестве второй принципиально важной проблемы отметим *наличие пробелов в области законодательства, определяющего организационно-правовые формы АРС и процедуры их использования.*

Появление и развитие феномена АРС ученые-правоведы во многом склонны связывать с частью 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». В контексте потребностей процесса формирования гражданского общества подобное дозволение представляется вполне оправданным. Столкновение человеческих интересов и необходимость их защиты выступает важным побудительным мотивом самосовершенствования индивидов. Достижение подобных целей предполагает наличие соответствующих способов, позволяющих субъекту в ряде случаев действовать самостоятельно и обходиться без помощи государственных органов. Они традиционно обозначаются как «альтернативные».

Правовое регулирование отношений в сфере альтернативного разрешения споров в современных условиях осуществляется при помощи многочисленных нормативных правовых актов. Большое влияние на их содержание оказали Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ, типовой закон ЮНСИТРАЛ «О международном торговом арбитраже», типовой закон ЮНСИТРАЛ «О международной коммерческой согласительной процедуре». Как показывает накопленный социально-правовой опыт, весьма востребованными в сфере юридической практики оказались законы Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже», «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», «Об альтернативной процедуре

¹ См.: Толстик В.А. Проблемы классификации юридической терминологии // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 176–182.

урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Наряду с ними в рассматриваемой области общественных отношений большую роль играют положения многочисленных локальных нормативных правовых актов.

В то же время анализ содержания юридических предписаний позволяет говорить о наличии так называемых пробелов в действующем праве. С некоторой долей условности их можно разделить на две группы:

а) *пробелы в области законодательной регламентации системы способов альтернативного разрешения споров.* Анализ действующих нормативных правовых актов, к сожалению, не позволяет установить ни полный перечень способов АРС, которые могут быть использованы в современной России, ни их место в системе отечественного законодательства. Данное обстоятельство явно мешает как формированию внутренне непротиворечивой теоретической концепции АРС, так и практическому использованию подобных способов в рамках отдельных жизненных ситуаций.

Пробелы такого рода приводят к тому, что многими субъектами АРС не воспринимается как самостоятельный комплексный феномен. В результате третейское разбирательство, медиация, переговоры и т. д., к сожалению, нередко продолжают рассматриваться бессистемно. Стороны конфликта зачастую лишены возможности получить достоверную информацию обо всей «палитре» АРС и, соответственно, не в состоянии подобрать для себя подходящий вариант;

б) *пробелы в области законодательной регламентации процедуры использования способов альтернативного разрешения споров.* Ученым-правоведам следует обратить внимание на отсутствие единой законодательно установленной процессуальной формы для использования системы способов альтернативного разрешения споров. Она во многом отдается на откуп самим сторонам конфликта. Они вправе выбрать наиболее подходящий способ взаимодействия, определить субъекта, решению которого будут следовать, и т. д. Подобная процессуальная диспозитивность на первый взгляд направлена на повышение активности и инициативы сторон конфликта, призвана «подтолкнуть» их к поиску наиболее удобного пути принятия совместного решения. Государство в данной области общественных отношений сводит свое присутствие до минимума.

Вместе с тем, на практике может быть получен прямо противоположный результат. Субъекты, не имея в основе своих юридически значимых шагов надежной нормативной основы, будут сомневаться в их дозволенности и целесообразности. Размытость, неясность процедуры может породить недоверие к целому ряду способов АРС. Очевидно, что при обращении к ним субъекты нуждаются в некоем ориентире. В качестве такового, на наш взгляд, могли бы выступать типовые правила (рекомендации), разработанные специалистами и утвержденные компетентными государственными органами, для каждого из способов АРС.

Представленный перечень проблем, конечно же, не является исчерпывающим и законченным. В силу заданного объема статьи к нему были отнесены лишь вопросы, имеющие, на наш взгляд, принципиально важное значение. Их своевременное решение призвано способствовать внедрению *альтернативной модели* механизма разрешения конфликтов.

УДК 34:343

Петрянин А.В.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

Проблемы юридической науки в определении признаков и формировании понятия «экстремизм»

Взяв для исследования проблему определения признаков экстремизма, мы не можем не остановиться на демонстрации методологически значимых аргументов, подтверждающих потребность в его проведении.

Во-первых, нужно подчеркнуть, как нам кажется, самый значимый момент. Экстремизм как явление не считается новым феноменом. Он сопровождает общество с момента возникновения государства, повлекшего симметричную реакцию со стороны несогласных с политикой правящего класса, что выливается на разных

исторических этапах в борьбу за власть, то есть расслоение на классы – это первопричина экстремистской деятельности.

В уже проведенных исследованиях приводится масса аргументов, это доказывающих¹.

Во-вторых, концептуальные признаки исследуемого явления как формы политической борьбы, предложенные М. Лероем, в результате введения в научный оборот дефиниции «экстремизм» не потеряли актуальности и сегодня. Неоспоримым доказательством этого являются факты резкого увеличения экстремистской активности в политически нестабильных регионах, так как выступают эффективным способом подрыва авторитета и безопасности государства.

В-третьих, развитие уголовной политики в области противодействия экстремизму характеризуется своей нестабильностью. Принятие Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» не только не откорректировало ее содержание, а, наоборот, усложнило понимание направлений государственной стратегии в рассматриваемом сегменте правового регулирования.

Полагаем, что приведенные аргументы, хотя и не являются исчерпывающими, явно демонстрируют два важных основания. Первое заключается в том, что причиной неопределенности в содержании признаков экстремизма является отсутствие его унифицированного понятия, закрепленного на нормативном уровне. Второе выражено в озабоченности научного сообщества в части формирования четких направлений уголовной политики в области противодействия экстремистской деятельности. Это и становится причиной разработки и предложения массы авторских определений экстремизма, на анализе которых нам бы и хотелось остановиться в рамках данной научной статьи в целях обоснования и предложения своего личного подхода.

Хотя статья и посвящена рассмотрению проблем юридической науки во взятой для исследования области, тем не менее на начальном этапе ее изучения с учетом глубоко политического содержания экстремизма, а также его сложности в научном и практическом аспектах не можем обойти стороной суждения политологов, социологов и, конечно же, философов, акцентирующих свое внимание на существенных характеристиках этого феномена.

¹ См., например: *Ланцов С.А.* Террор и террористы. Санкт-Петербург, 2004. С. 4.

Например, философы отождествляют экстремистскую деятельность с актами насилия и агрессии, нацеленными на радикальную трансформацию существующей модели общества¹. В целом, не отрицая данные ее характеристики, подчеркнем, что в рамках изучаемого явления имеется более глубинное целеполагание, на чем особо акцентируют свое внимание политологи.

В частности, по их мнению, главной характерной чертой экстремизма выступает его сверхполитизированность², так как именно политическая мотивация является детерминантой как в возникновении, так и в разрешении социальных конфликтов, направленных на дестабилизацию конституционных основ³. При этом ее реализация видится исключительно в силовых методах, что и придает экстремизму насильственный формат⁴. Дополняя эти признаки, ученые в области политологии акцентируют внимание, как нам кажется, еще на очень важной его характеристике. Ему придается групповой формат⁵, тем самым обосновывается наличие среди представителей экстремистских течений разделяемой ими общей идеологии, позволяющей системно группироваться и выступать единым фронтом. В целом ознакомившись с различными интерпретациями идеалов, интересов и мировоззрений экстремистов, приходим к выводу,

¹ См.: *Килясханов Х.Ш.* Социально-философский анализ феномена политического экстремизма в условиях реформирования российского общества: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2006. С. 14; *Хоровинников А.А.* Экстремизм как социальное явление (философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. С. 7.

² См.: *Екимов С.О.* Административная деятельность органов внутренних дел: учебник / под ред. В.П. Сальникова. Москва, 2005. С. 474; См.: *Назарова Е.С.* Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001. С. 111.

³ См.: *Воронов И.В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2003. С. 14.

⁴ См.: *Гречкина Е.Н.* Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006. С. 15–16; См.: *Воронов И.В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2003. С. 33.

⁵ См.: *Лабунец М.И.* Политический экстремизм: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 9.

что они сконцентрированы на ликвидации противников, к которым причисляются не только лица, не разделяющие их концептуальные идеи, но и нейтрально относящиеся субъекты.

Учитывая развитие антиэкстремистского законодательства, политологи, корректируя выдвигаемые точки зрения, все чаще концентрируют свое внимание на непосредственной опасности исследуемого явления для конституционного строя государства, тем самым соглашаясь с превалирующей сегодня позицией.

Вместе с тем, в социологии также наблюдается развитие самостоятельного научного направления, посвященного изучению экстремизма, также в целом разделяющего законодательную позицию. Представителями этой науки предпринята попытка к расширению объектов экстремистских посягательств, что заслуживает особого внимания и поддержки. Вместе с государственной безопасностью к ним относятся права и свободы человека и гражданина, а также международные интересы¹. Фактически демонстрируется проникновение экстремизма и в иные наиболее значимые сферы личной и общественной жизни.

Юристы в данной области имеют значительное количество подходов, как буквально дублирующих законодательные позиции, так и выходящие за их рамки. Связано это со сложностью феномена «экстремизм». Например, если провести небольшое ретроспективное исследование законодательства конца XX века, мы приходим к выводу о том, что экстремистская деятельность отождествлялась с деятельностью религиозного толка. К тому были веские причины. В частности, внутrigосударственные конфликты того времени имели глубокое религиозное содержание, именно поэтому нормативная база России была перегружена актами такого формата².

¹ См.: Резникова А.В. Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма (роль «исламского» фактора в Северо-Кавказском регионе): дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 17.

² «Комплексный план мероприятий по противодействию исламскому экстремизму», «Перечень первоочередных мероприятий по противодействию исламскому экстремизму и предотвращению распространения радикальных исламских течений на территории Российской Федерации в 1998–2000 гг.», решение Совета Безопасности Российской Федерации «О дополнительных мерах по пресечению антиконституционной деятельности исламских экстремистских организаций в Российской Федерации» и др.

Учитывая же сегодняшнее состояние законодательства, а также трансформацию и мутацию экстремизма, констатируем наличие в юриспруденции бесчисленного количества его авторских определений, свидетельствующих о наличии самостоятельных концепций противодействия экстремистской деятельности, на демонстрации некоторых из них мы и остановимся.

В рамках первой концепции рассматриваемому феномену приписывается статус насильственно-политической идеологии¹. Вместе с тем, ее авторы не акцентируют свое внимание на общественных отношениях, непосредственно страдающих от нее.

В рамках второй концепции предпринята попытка в определении благ и ценностей, непосредственно страдающих от экстремистской деятельности, однако ее приемники, безапелляционно соглашаясь с законодателем, относят к ним лишь интересы в области обеспечения конституционного строя².

Считаем, что главным недостатком всех вышеперечисленных подходов является неопределенность научного сообщества в системе общественных отношений, страдающих от посягательств экстремистского толка, что и должно образовывать основу современной концепции уголовной политики в области противодействия экстремизму.

Попытки в раскрытии концептуальных черт экстремизма по-прежнему порождают дискуссии о возможности оценки этого явления с точки зрения права в принципе³.

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что ученые сегодня, образуя единый научный фронт в области борьбы с различными проявлениями экстремистской деятельности, едины в выделении ее концептуальных признаков. В частности, политический и насильственный форматы экстремизма создают непосредственную угрозу для конституционных устоев, демонстрируют не только методологически значимые признаки,

¹ См.: *Афанасьев Н.Н.* Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 1. С. 234–235.

² См.: *Хлебушкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / отв. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2007. С. 27.

³ См.: *Залужный А.Г.* Экстремизм: сущность и способы противодействия // Современное право. 2002. № 12. С. 76.

имеющие существенное значение в развитии дальнейшего курса уголовной политики в сегменте противодействия экстремизму, но и ее современное состояние.

Продолжая исследование развития этого курса, можем наблюдать изменение, то есть расширение подхода в части установления общественных отношений, благ и ценностей, непосредственно страдающих от экстремистской деятельности. Приведем несколько аргументов в поддержку вышесказанного.

Во-первых, подтверждением того, что противодействие экстремизму выходит за рамки обеспечения безопасности конституционного строя, являются положения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»¹. В частности, исходя из положений статьи 1 этого документа, мы приходим к выводу о том, что терроризм также является формой экстремистской деятельности, что дает легитимное основание относить общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, к группе непосредственно страдающих от реализации экстремистских идеологий.

Во-вторых, к группе схожих благ и ценностей должны быть также отнесены мир и безопасность человечества. Это связано с процессом криминализации акта международного терроризма в рамках статьи 361 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В-третьих, существенное расширение группы рассматриваемых отношений предусмотрено и в рамках примечания 2 к статье 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепившего понятие преступлений экстремистской направленности. Буквальное его толкование дает основание утверждать, что любое умышленное преступление, основанное на экстремистской мотивации, должно быть признано таковым. Полагаем, что, хотя такой прием и является дискуссионным и достаточно часто критикуется в доктрине, вместе с тем, он и определяет тренд современной уголовной политики в исследуемой области и возможные направления дальнейшей ее трансформации.

¹ О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

Подводя итог проведенного исследования, подчеркнем, что современная наука не лишена проблем в определении признаков и формировании понятия экстремизма.

С нашей точки зрения, экстремизм сегодня – это состояние противоправной политической борьбы, направленной на подрыв общественной безопасности, конституционного строя, мира и безопасности человечества, основанной на политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных мотивах.

Уголовная политика в данной области представляет собой деятельность государственных и общественных объединений, включающую в себя научно обоснованную разработку эффективных правовых механизмов, направленных на противодействие экстремизму, выражающихся в реализации комплекса специально-политических и экономико-правовых мер, а также основанную на принципах законности, справедливости и неотвратимости ответственности.

В заключение отметим, что полемика в этой области будет продолжаться и далее, аргументированные и обоснованные дискуссии позволят не только правильно корректировать курс уголовной политики, но и создавать качественные юридико-технические преграды в области противодействия дальнейшему распространению деяний экстремистского толка.

УДК 34

Петрянина О.А.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России

**Институт уполномоченного по правам человека:
гносеологические проблемы становления**

Уполномоченный по правам человека, а если быть точным, то омбудсмен – именно так его называют в большинстве стран мира, занимает в системе, осуществляющей контроль за деятельностью

аппарата управления, очень важное место. Его содержание и деятельность открыли новую главу в отношениях между государством и гражданином, между лицами, наделенными властью, и управляемыми¹.

Некоторые ученые-историки упоминают в своих работах о том, что институт омбудсмана стал зарождаться во времена Древней Греции и Древнего Рима, именно тогда впервые были осуществлены попытки установить контроль за исполнением положений правоустанавливающих документов, которые касались соблюдения прав и свобод граждан².

Свою историю развития институт омбудсмана начал в 1809 году в Швеции³. Именно Конституция 1809 года заложила образование нового института⁴. В Швеции омбудсмен имеет несколько значений: представитель, агент, делегат, адвокат, опекун или любое иное лицо, уполномоченное кем-либо действовать от их имени⁵.

Само слово «омбудсмен» имеет немецкие корни, в период развития германских племен оно обозначало лицо, которое выбиралось для сбора денег за убийство в пользу и от имени пострадавшей стороны с преступников. По другой версии, слово «омбудсмен» имеет датские корни и переводится как «несущий весть».

В XVI–XVII веках контрольные функции над королевской властью осуществлял омбудсмен. Эта функция в государственном устройстве Швеции была направлена по отношению к судебным чиновникам государственной глубинки.

¹ См.: *Мешкова А.В.* Политическое взаимодействие уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с федеральными институтами государственной власти: дис. ... полит. наук. Москва, 2014. С. 5.

² См.: *Мешкова А.В.* Становление и развитие института омбудсмана в зарубежных странах // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2. С. 1–9.

³ См.: *Хиль-Роблес А.* Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмана). Москва, 2004. С. 39.

⁴ См.: *Корнилов Р.Б.* История создания института омбудсмана в мире // Образовательная система: вопросы теории и практика. Казань, 2019. С. 82–85.

⁵ См.: *Комбаров Н.В.* Институт уполномоченного по правам человека: опыт законодательного регулирования и практической деятельности // Журнал правовых и экономических исследований. 2009. № 3. С. 26–30.

Конституция Швеции разделяла полномочия между королем и советом, парламентом и судами¹. Институт Парламентского омбудсмана в Швеции с момента образования дал возможность контроля за соблюдением закона и постановлений всеми органами государственной власти в стране.

Омбудсмен назначался парламентом и был ответственным за правильность применения закона государственными служащими и административными работниками, также он осуществлял контроль и рассмотрение поступающих жалоб от граждан. При развитии института омбудсмана в Швеции некоторые положения, закрепленные изначально, поменялись, но сама идея лица, защищающего права человека и гражданина от незаконных действий со стороны властей, осталась неизменной.

При проведении проверки по жалобе шведский омбудсмен может рассматривать и изучать законность актов и процедуры их принятия, а также рассматривать законность деятельности органов государственной власти и должностных лиц, знакомиться с материалами уголовных и гражданских дел на предмет не только законности вынесенного решения, но и соблюдения процессуальных сроков².

Парламент в Швеции назначил не одного, а нескольких омбудсменов. Так, выделялись защитники по правам детей, прессы, потребителей и по вопросам равенства.

Зародившись в Швеции, институт омбудсмана стал появляться и в других государствах, которые и перенимали опыт защиты прав человека и гражданина. В начале XX века этими странами стали Финляндия (1919), Дания (1953) и Норвегия (1962)³. Далее по пути развития института шведского омбудсмана пошли Испания (1978), Венгрия (1989) и т. д. Польша в 1987 году стала первой восточноевропейской страной, которая присоединилась к государствам, образовавшим на своей территории институт омбудсмана.

¹ См.: *Иванова С.И.* К вопросу об истории формирования и развития института омбудсмана в Королевстве Швеция // Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в России и мире: материалы международной научно-практической конференции (6 декабря 2018 г.). Москва, 2019. С. 369–373.

² См.: *Тимофеев М.Т.* Институт омбудсмана в Великобритании и Ирландии: контроль, основанный на сотрудничестве. Москва, 2006. С. 11.

³ См.: *Карибаева Э.Т.* Институт омбудсмана в современном мире // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2010. № 4 (20). С. 224–228.

В 1966 году институт омбудсмена появился в ряде африканских государств – о. Танзании, Гане, Замбии и Нигерии¹.

В настоящее время институт омбудсмена существует более чем в 100 государствах. Совместно с классической моделью существуют и другие модели. Например, омбудсмен по исполнительным и административным делам; омбудсмен, защищающий только заключенных (омбудсмен по делам заключенных, или тюремный омбудсмен); военный омбудсмен; омбудсмен по делам молодежи, студентов; детский омбудсмен; региональный омбудсмен и т. д.

В большинстве государств назначение омбудсмена производилось по шведской модели – парламентом. В Великобритании омбудсмен (парламентский уполномоченный) назначается Королевой, во Франции – Посредник (омбудсмен) назначается Советом министров в соответствии с Законом «Об утверждении должности Посредника» (1973 год)².

Если рассматривать государства с федеральной формой устройства, то омбудсмен назначается как на уровне федерации, так и на уровне отдельных ее субъектов (Канада, Австралия). В Танзании и Пакистане – только на федеральном уровне, а в США и Индии – только на уровне штатов³.

Назначение омбудсмена происходит на определенный срок: на 4 года в Дании, Швеции, Финляндии, Португалии, Польше, Югославии; на 5 лет – в России, Испании и Германии; на 6 лет в Австрии, Голландии и Франции; на 8 лет в Хорватии. В Великобритании срок полномочий омбудсмена не указан, но ограничен достижением лицом, занимающим данную должность, 65 лет⁴.

¹ См.: *Тхаркахо М.М.* Особенности формирования института омбудсмена в зарубежных странах // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 2. С. 228–232.

² Конституции зарубежных государств / сост. В.В. Маклаков. Москва, 2001. С. 11, 55.

³ Конституционное (государственное) право зарубежных стран / под ред. А.С. Автономова. Москва, 2001. С. 88.

⁴ См.: *Тхаркахо М.М.* Особенности формирования института омбудсмена в зарубежных странах // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 2. С. 228–232.

Несмотря на это, во всех государствах, где есть институт омбудсмена, если омбудсмен не оправдал доверия или не справился с возложенными на него обязанностями, его срок прекращается и назначается новый борец за права человека.

Страны по критерию назначения на должность можно разделить на три группы: первая группа – кандидаты на должность должны (предпочтение) иметь юридическое образование (Швеция, Финляндия и др.); вторая группа – кандидаты на должность должны обладать опытом работы в государственном аппарате (США и Великобритания); третья группа – кандидаты на должность должны иметь не только познания, но и опыт защиты прав и свобод человека, в данных случаях категория образования не берется во внимание (Россия).

Для уменьшения нагрузки институт омбудсмена практически во всех странах законодательно вводит специализированный вид омбудсменов. Например, уполномоченный по официальным языкам Канады и омбудсмен по вопросам информации Канады (Канада); омбудсмен по правам ребенка (Швеция, Россия); омбудсмен для вооруженных сил; омбудсмен по делам администрации (Норвегия)¹; омбудсмен фолькетинга (Дания); Уполномоченный бундестага по обороне Западной Германии (Западная Германия); парламентский уполномоченный по делам администрации, по жалобам для Северной Ирландии (Великобритания)².

В зависимости от того, в каком государстве находится омбудсмен, его компетенция различается. Как правило, ограничивается органами государственного управления. Выделяются следующие виды омбудсменов:

1. Омбудсмены, полномочия которых распространяются только на органы исполнительной власти³.

2. Омбудсмены, осуществляющие полномочия в отношении государственных органов, принадлежащие только разнообразным ветвям власти.

¹ См.: Глушкова С.И. Права человека в России. Москва, 2005. С. 312.

² См.: *Карибаева Э.Т.* Институт омбудсмана в современном мире // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2010. № 4 (20). С. 224–228.

³ См. там же. С. 224–228.

3. Омбудсмены, полномочия которых относятся только к государственным органам и негосударственным структурам.

4. Омбудсмены, основной задачей которых является решение проблем и трудностей определенных слоев населения.

Значит, наиболее верной можно признать характеристику правового положения уполномоченного как государственного органа, так как он наделен государственными полномочиями.

Подводя итог проведенного исследования, отметим, что стремление государств к законодательному введению института омбудсмана является важнейшим шагом в развитии демократических процессов, которые направлены на укрепление правового статуса человека, а также гарантий реализации прав и свобод личности. Рассматриваемый институт создает возможность ликвидации проблем, возникающих в сфере защиты прав и свобод человека, и оказания влияния на деятельность в сфере взаимодействия государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц и гражданских служащих с гражданами государств и заинтересованными лицами. Эффективность работы института омбудсмана доказывает необходимость защиты прав и свобод человека на современном этапе развития взаимоотношений между государством и личностью.

УДК 340

Пронина М.П.,

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России

Правовые презумпции как технико-юридический феномен в рамках развития научного наследия В.К. Бабаева

В.К. Бабаев приложил много усилий для подготовки молодых научных кадров и до последнего дня своей жизни занимался наукой. Мне посчастливилось быть одной из последних учениц

В.К. Бабаева, поэтому светлые воспоминания об этом великом ученом и человеке с большой буквы я пронесу через всю жизнь. Все мы помним и храним в сердце моменты рабочих встреч, бесед, советов и жизненных напутствий, полученных от профессионала своего дела, человека талантливого во всем, за что он брался: от великого научного прорыва, осуществленного им, до руководства высшими учебными заведениями. Свой путь Владимир Константинович прошел на самом высоком уровне, показывая нам достойный пример самоотверженного служения Родине и науке. Автор более 200 работ, основатель целого направления в правовой науке – логики права, научный руководитель для многочисленных учеников. Он оставил после себя глубочайший след, целое научное наследие для отечественной правовой юриспруденции.

Более того, Владимир Константинович определил и доверил мне исследовать главную тему его научного круга интересов, касающуюся правовых презумпций. В 1969 году он защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора С.С. Алексеева «Презумпции в советском праве». И когда мы обсуждали будущую тему моей кандидатской диссертации, он предложил столь высокую миссию для меня – рассмотреть правовые презумпции в современном российском праве. Выбор темы был обусловлен тем, что развитие новой системы законодательства Российской Федерации протекало довольно сложно и противоречиво в условиях проводимых политических и социально-экономических реформ. Данная ситуация предъявляла новые требования к эффективности законодательного процесса, к качеству принимаемых правовых норм и в целом всей системе законодательства. Возрастание роли закона – объективная реальность, обусловленная сложностью стоящих перед российским обществом задач, которые кардинально отличались от задач, поставленных в СССР.

Развитие в России новых общественных отношений потребовало обновления всего правового массива, проработки более совершенного механизма законодательного регулирования, создания многочисленных правовых институтов. Вместе с тем, интенсификация правотворческого процесса породила проблемы в законодательном обеспечении складывающихся общественных отношений, привела к возникновению диспропорций между

правотворчеством и правоприменением. Создаваемые правовые установления оказались несовершенными и противоречивыми, не отличались внутренней согласованностью, не позволяли упорядочить весь законодательный материал. В этой связи возникла необходимость в пересмотре существующих положений в области всего правотворчества, переоценке действующего законодательства: прежние правовые регламенты оказались несовершенными с точки зрения юридической техники, порождали проблемы в законодательном обеспечении. Это и обусловило выбор темы «Правовые презумпции в современном российском праве». Во время работы над темой диссертации Владимир Константинович внес неоценимый вклад в подготовку материала. Он на протяжении всей работы отслеживал новые статьи и искал интересные материалы, с особым трепетом обсуждая это со мной. Его бесценные советы, терпение и поиск научной истины зародили во мне жажду знаний и огромное желание развить данное направление юридической техники.

Рассмотрение категории презумпции права как правового явления должно начинаться с изучения правовых памятников. Первые доказательства существования презумпции в правовых нормах о передаче обвинителю обязанности доказывать вину обвиняемого в совершении преступления можно найти в самых древних правовых памятниках: законах Хаммурапи и законах Ману. Презумпции были также известны в римском праве, которое использовало эти юридические конструкции как для доказательства, так и для установления фактов. В Средние века и в эпоху буржуазных революций также использовались презумпции, но не было теоретических разработок, посвященных этому явлению.

В России первые попытки нормативной консолидации презумпции приходится на период просвещенного абсолютизма и принадлежат императрице Екатерине II, которая выразила свою готовность усилить презумпцию невиновности подсудимого нормативно¹.

¹ Наказ ея императорскаго величества Екатерины Вторяя самодержицы все-российския данный Коммиссии о сочинении проекта новаго уложения. Санкт-Петербург, 1770. URL: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=%2013289 (дата обращения: 15.02.2020).

Презумпции применялись для доказательства того, что человек совершил преступление, в советском уголовном процессе. Презюмируя, что все граждане Советской республики были заинтересованы в защите достижений революции, законодательный орган позволял им опротестовать оправдательный приговор, поскольку они исходят из «революционного правосознания».

Сегодня российское законодательство имеет более пятидесяти презумпций, таких как презумпция невиновности, презумпция знания закона и другие, большая часть которых была принята на законодательном уровне относительно недавно, однако теоретическое развитие категории «презумпция» в российской юридической науке стало происходить почти одновременно с Европой – с начала XX века.

В современной теории права при определении понятия «презумпция» не сформировалось общего мнения относительно того, является ли она чисто правовой категорией или же ее сфера использования намного шире. В настоящее время существует три подхода к разрешению этого вопроса.

Юристы, рассматривающие презумпцию в рамках первого подхода, определяют, что это в основном логическая категория, основанная на предыдущем опыте (суждении, гипотезе), которая согласно закону позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии юридических фактов (В.К. Бабаев¹, В.И. Каминская² и др.).

Защитники этой точки зрения основываются на широком определении сферы применения презумпций, рассматривая их как универсальную категорию, широко применяемую в разных областях человеческой жизнедеятельности. При таком подходе правовая презумпция представляет собой особую разновидность презумпций, характеризующихся «ее действиями в области права, предопределением задач правового регулирования»³.

¹ См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 13; *Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А.* Теория права и государства в схемах и определениях. Нижний Новгород, 1999. С. 86.

² См.: *Каминская В.И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. Москва; Ленинград, 1948. С. 3.

³ *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 13–52.

Второй подход, в отличие от первого, состоит в том, что презумпция считается изначально правовым явлением, то есть сам термин «презумпция» говорит о его причастности к правовому полю. Придерживаясь этой точки зрения (В.П. Воложанин¹, Я.Б. Левенталь², В.А. Ойгензихт³ и др.), ученые синонимируют презумпцию с юридическими правилами, с помощью которых можно прийти к выводу о существовании определенных юридических фактов, законодательных свойств и правовых статусов. Проигрышность такого подхода состоит в том, что презумпции отводится второстепенная роль отдельного юридического приема; предполагается, что презумпция не имеет какой-либо связи с нормой права.

Третья позиция научного сообщества, часто называемая «нормативная», связана с именами таких ученых, как Н.Н. Цуканов, Д.М. Щекин. Ее оригинальность заключается в том, что термин «презумпция» охватывает всю правовую норму, которая содержит логический метод презюмирования.

Последние два подхода делают термин «презумпция права», как можно видеть, несущественным, поскольку они подразумевают наличие презумпций только в области права, однако трудно отрицать универсальность презумпции как логико-философской категории, которая фактически объективно существует до того, как она будет санкционирована в законодательстве, но получает такое закрепление только из-за необходимости регулирования социальных отношений. В связи с этим наиболее оправдана позиция В.К. Бабаева и других ученых, которые рассматривают правовые презумпции как вид презумпций в целом.

Что касается самого определения правовых презумпций в науке, то здесь консенсуса также не наблюдается. Многие определения правовых презумпций, имеющиеся в правовой литературе,

¹ См.: *Воложанин В.П.* Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953. С. 5.

² См.: *Левенталь Я.Б.* К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1949. № 6. С. 56.

³ См.: *Ойгензихт В.А.* Понятие гражданско-правовых презумпций // Советское государство и право. 1975. № 10. С. 26.

хотя и отражают те или иные их существенные характеристики, не лишены недостатков.

Краткий словарь иностранных слов указывает, что презумпция (от лат. *praesumptio*) означает: 1) гипотезу, основанную на вероятности; 2) юридическое признание факта достоверным, если не доказано иное¹. В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.Л. Эфрона презумпция определяется как «положение, устанавливающее существование фактов или событий без полного доказательства их существования. Они необходимы, когда, например, в гражданском процессе при определенных обстоятельствах невозможно получить полное доказательство какого-либо явления и приходится согласиться с вероятными выводами»².

Большой юридический словарь подразумевает под правовой презумпцией «предположение, считающееся надежным, пока не доказано обратное»³.

Можно проследить, что первые две категории дают определение презумпции в целом, хотя их авторы в той или иной степени связывают существование презумпции с правовой сферой. В третьем случае имеется в виду именно правовая презумпция, однако приведенное определение не указывает на ее правовое закрепление в законе.

Отдельные ученые считают презумпцию закрепленной в законе или вытекающей из него нормой, согласно которой при возникновении определенных юридических событий можно сделать предположение о наличии или отсутствии других фактов, правоотношений без предоставления доказательств в их поддержку⁴.

Например, Г. Донатути трактует презумпцию в римском праве как правовую норму, которая предписывает факт, существование которого является сомнительным, признавать истинным в доказательственном процессе до тех пор, пока не доказано

¹ См.: Краткий словарь иностранных слов / гл. ред. С.М. Локшина. Москва, 1978. С. 218.

² Энциклопедический словарь / под ред. Ф.А. Брокгауза и И.Л. Эфрона. Санкт-Петербург, 1808. Т. XXV. С. 52.

³ Большой юридический словарь / под ред. А.Л. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. Москва, 1998. С. 535.

⁴ *Либус И.А.* Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 14.

обратное; однако предполагаемый факт может быть внешним событием или фактом внутреннего порядка¹.

В.И. Каминская отмечает, что «правовой презумпцией является такое положение, выраженное прямо или косвенно в правовой норме, которым какой-либо порядок явлений в области отношений, возникающих из человеческого поведения, признается обычным, постоянным, нормальным и не требующим в силу этого специальных доказательств»², однако приведенные выше определения не указывают на существенные признаки презумпций, такие как связь между фактом доказанным и фактом предполагаемым, а также вероятностный характер презумпции.

А.М. Ларин описывает презумпцию как «правовое положение, основанное на законе и, следовательно, обязательное для всех», но это определение подходит для абсолютно любого юридического требования, а не только для презумпции.

Большой интерес вызывает исследование В.К. Бабаева, посвященное правовым презумпциям, поскольку в дополнение к детальному анализу правовых презумпций он также коснулся вопросов, связанных с презумпциями в целом, включая методы их формирования. В.К. Бабаев дает следующее определение презумпции: «Предположение о наличии или отсутствии предметов (явлений), основанное на связи между ними и предметами (явлениями) наличными, подтвержденное предшествующей жизненной практикой»³.

Что касается правовых презумпций, В.К. Бабаев классифицирует их как разновидность общих презумпций и раскрывает как «допущение в нормах закона о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предыдущим опытом»⁴. Это определение правовой презумпции учитывает ее связь с универсальным человеческим опытом и в то же время отделяет от других презумпций, поскольку

¹ См.: *Quido Donatuti. Studi di diritto romano. Milano: Dott. A. Giuffre` editore, 1976. Vol. I. P. 421–424.*

² См.: *Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. Москва; Ленинград, 1948. С. 3.*

³ *Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 12.*

⁴ Там же. С. 14.

точкой соприкосновения предположения являются исключительно правовые факты, то есть обстоятельства, с которым закон связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

Эти определения можно признать наиболее полными и отражающими почти все существенные признаки презумпции, однако они не указывают на опровержимость презумпций, что, как будет показано ниже, по мнению автора, является их обязательной характеристикой.

В приведенных выше определениях была рассмотрена общая концепция правовых презумпций, но полноценное изучение этой категории не представляется возможным без обращения к определениям презумпций, существующим в отдельных отраслях права.

Многие авторы, обращаясь к этому явлению, по-разному характеризуют его специфические особенности. Юридические презумпции определяются как способ исключения фактов из предмета доказывания¹ и как критерий для распределения бремени доказывания между сторонами².

В.Л. Воложанин, рассматривающий презумпцию как «допущение, которое освобождает сторону в процессе от доказывания факта при доказанности остальных фактов в связи с тем, что между ними существует причинно-следственная связь, которая подтверждается предыдущим опытом и практикой»³, подчеркивает связь между фактами.

М.С. Строгович полагает, что правовая презумпция – это «общее правило, которое требует, чтобы суд признал факт как установленный или неустановленный, если в судебном процессе по делу установлен другой факт (или действие) в случае, когда это правило связывает заранее определенные следствия»⁴.

О.А. Кузнецова определяет правовые презумпции при исследовании их в области гражданского права как прямо или косвенно закрепленное в норме права индуктивное вероятное предположение,

¹ См.: *Юдельсон К.С.* Проблема доказывания в советском гражданском процессе. Москва, 1951. С. 263.

² См.: *Штутин Я.Л.* Законные предположения в советском гражданском процессе // Научные записки Киевского университета. Т. 13. 1960. Вып. 5. № 7. С. 117.

³ См.: *Воложанин В.П.* Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953. С. 5.

⁴ *Строгович М.С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. Москва, 1947. С. 168.

которое основано на статистической связи предполагаемого факта с действительным фактом, на статистической связи презюмируемого факта с фактом действительным, касающееся обстоятельств, имеющих правовое значение, и влекущее правовые последствия путем необходимости его применения при условии, что не будет доказано наличие противоположного предположению¹.

В любом случае большинство вышеприведенных определений презумпции связывают ее с процессом доказывания, что значительно снижает применимость данных определений. Кроме того, категории составлены громоздко и тяжелы для восприятия, что затрудняет их запоминание и анализ и является явным недостатком, однако следует отметить, что во всех приведенных примерах существует только одна базовая конструкция презумпции, учитывающая особенности отраслей права.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что все определения правовых презумпций можно разделить на общетеоретические и отраслевые. Среди общетеоретических категорий прослеживаются следующие недостатки: во-первых, отсутствует ссылка на правовое закрепление презумпции; во-вторых, не установлена связь между существующим фактом и презюмируемым; в-третьих, нет указания на вероятность и опровержимость презумпции. Некоторые определения не содержат каких-либо существенных признаков презумпции и подходят для любого юридического требования, другие являются расплывчатыми и неясными.

В отраслевых определениях презумпции, кроме вышеперечисленных пробелов, имеются следующие недостатки: во-первых, связь презумпций исключительно с процессом доказывания; во-вторых, тяжесть формулировки.

Таким образом, на основании исследуемых определений и выделенных признаков представляется возможным сформулировать следующее определение правовой презумпции – это закрепленное в правовой норме вероятностное опровержимое предположение о существовании юридического факта, основанное на статистически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым².

¹ Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве: дис ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 28.

² Проница М.П. Презумпции в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. С. 38.

Ремизов П.В.,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

Правовые презумпции в административно-деликтном праве: анализ, дефекты и направления совершенствования

Вопросы повышения качества отечественного законодательства имеют большое значение. Не является исключением и законодательство об административных правонарушениях. В настоящее время указанный правовой институт проходит период законодательного реформирования, включающего принятие нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹, основанного на принципиально новых концептуальных подходах², поэтому научное осмысление направлений совершенствования административно-деликтного права, в том числе доработка применяемых в нем юридико-технических средств и приемов, представляется своевременным и актуальным.

Следует отметить, что, на наш взгляд, такому направлению, как юридическая техника в административно-деликтном праве, уделяется недостаточно внимания. Нерешенными являются вопросы презумпций, зафиксированных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Думается, что в корне этой проблемы лежит отсутствие

¹ Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, текст по состоянию на 30.01.2020). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2020).

² Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2020).

логически завершенной системы правовых презумпций во всей правовой науке¹.

Представляется возможным выделить следующие презумпции в административно-деликтном праве:

- презумпцию невиновности;
- презумпцию виновности (вины);
- презумпцию вменяемости;
- презумпцию справедливости санкций административно-деликтного права;
- презумпцию знания закона;
- презумпцию непонимания лицом до достижения возраста ответственности общественной опасности (вредности) совершенного деяния;
- презумпцию истинности административно-правового запрета;
- презумпцию истинности решения по делу об административном правонарушении;
- презумпцию потери общественной опасности (вредности) противоправного деяния при истечении срока давности.

Вероятно, приведенный перечень не является исчерпывающим. Рассмотрим более детально отдельные виды из приведенных выше презумпций, а также связанные с ними проблемы нормативно-правового регулирования.

Презумпция невиновности базируется на четырех фундаментальных положениях, зафиксированных в статье 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Подчеркнем, что конструкция презумпции невиновности в законодательстве об административных правонарушениях несколько отличается от конституционной и уголовно-процессуальной презумпций невиновности.

Презумпция невиновности корреспондирует презумпция виновности (вины). Ее правовой основой выступает часть 3 и примечание к статье 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающее исключение из базового правила презумпции невиновности, согласно которому лицо

¹ Каранина Н.С. Сущность правовой презумпции: определение понятия «презумпция» в современной теории права и российском законодательстве; признаки правовой презумпции // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 213–220.

не обязано доказывать свою невиновность. При выявлении средствами автоматической фиксации административных правонарушений, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также административных правонарушений в области благоустройства территории, ответственность за совершение которых предусмотрена законами субъектов Российской Федерации, к ответственности привлекаются собственники соответствующих транспортных средств или земельных участков (статьи 2.6.1, 2.6.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). При этом бремя доказывания своей невиновности ложится на указанных субъектов. В соответствии с частью 3 статьи 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в отношении рассматриваемой категории дел допускается упрощенное производство без составления протокола об административном правонарушении.

Именно презумпции невиновности и виновности являются самыми обсуждаемыми в юридической литературе¹. Применительно к указанным презумпциям в недавнем времени, по нашему мнению, образовалась достаточно серьезная коллизия, существенным образом нарушающая права и законные интересы граждан. Речь идет о региональном нормативном правовом акте – Законе г. Москвы от 1 апреля 2020 года № 6 «О внесении изменений в статьи 2 и 8 Закона города Москвы от 10 декабря 2003 года № 77 "Об общественных пунктах охраны порядка в городе Москве" и Закон города Москвы

¹ *Пронина М.П.* Проблемы конструкции презумпции невиновности в КоАП РФ // *Юридическая техника: Ежегодник.* 2013. № 7-2. С. 634–637; *Колодеев Е.П.* Действие принципа презумпции невиновности при применении статьи 2.6.1 КоАП РФ «Административная ответственность собственников (владельцев) транспортных средств» // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2013. № 22. С. 54–58; *Денисенко Е.В.* Вина, презумпция невиновности и ненаказуемость в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации // *Актуальные вопросы публичного права.* 2012. № 7 (7). С. 19–28; *Габараев Б.А., Денишева К.Т.* Презумпция невиновности или презумпция виновности – вот в чем вопрос! // *Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer.* 2010. № 10 (249). С. 105–116; *Баббабекова Д.А., Супонина Е.А.* О презумпции вины в российском административно-деликтном законодательстве // *Новая наука: Стратегии и векторы развития.* 2016. № 4-3 (76). С. 181–183; и др.

от 21 ноября 2007 года № 45 "Кодекс города Москвы об административных правонарушениях"»¹. Указанный закон дополнил Кодекс города Москвы новыми положениями, включая статью 3.18.1 «Нарушение требований нормативных правовых актов города Москвы, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности на территории города Москвы» и часть 1.1 статьи 16.6, позволяющей привлекать к ответственности за совершение правонарушений, охватываемых статьей 3.18.1, посредством технологий электронного мониторинга местоположения гражданина в определенной геолокации с использованием системы городского видеонаблюдения, технических устройств и программного обеспечения без составления протокола в порядке, установленном частью 3 статьи 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Часть 1.1 статьи 16.6 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях, как нам думается, противоречит целому ряду норм федерального кодекса. Во-первых, часть 2 статьи 28.6 предусматривает привлечение к ответственности только за совершение административных правонарушений в области дорожного движения (глава 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) и в области нарушения правил благоустройства территории по законодательству об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации. Статья 3.18.1 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях не относится к указанным категориям.

Во-вторых, при подобном привлечении к ответственности бремя доказывания своей невиновности ложится на лицо, привлекаемое к ответственности, так как не составляется протокол, а нарушитель не присутствует на рассмотрении дела. Доказывание невиновности возможно только в ходе обжалования постановления об административном наказании, то есть после привлечения к ответственности, что противоречит статье 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Кроме того, установив эту норму, региональный законодатель вышел за пределы своей компетенции. В соответствии со статьями 1.3 и 1.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях субъекты Российской Федерации имеют

¹ Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 19.

право заниматься только организацией производства по делам об административных правонарушениях, предусматривающих ответственность за нарушение законодательства субъекта Российской Федерации. Установление порядка производства по делам об административных правонарушениях является исключительным полномочием Российской Федерации.

Все подобные исключения, даже несмотря на экстраординарный характер эпидемиологической ситуации, должны регулироваться только федеральным законодательством. В действующей редакции Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях уже имеются примеры учета интересов конкретных субъектов Российской Федерации. В качестве иллюстрации можно привести части 5 и 6 статьи 12.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающие ответственность за нарушения правил остановки или стоянки транспортных средств, совершенных в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге.

Еще одной дискуссионной презумпцией выступает презумпция непонимания лицом до достижения возраста ответственности общественной опасности (вредности) совершенного деяния. Ключевым моментом здесь выступает сам возраст административной ответственности – 16 лет (часть 1 статьи 2.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Установление этой общей планки для всех административных правонарушений без исключения, на наш взгляд, является несколько нелогичным и вводит Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в некоторое состояние дисбаланса по отношению к уголовному закону. Так, например, согласно части 2 статьи 20 Уголовного кодекса Российской Федерации возраст ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 158 Уголовного кодекса Российской Федерации «Кража», составляет 14 лет. Вместе с этим административная ответственность за совершение мелкого хищения (статья 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), как нами уже отмечалось, наступает с 16 лет. При этом указанные составы ограничиваются главным образом, по стоимости похищенного имущества.

Нелогичность, как мы считаем, проявляется в следующем. Допустим, 14-летний нарушитель украл предмет стоимостью

2500 рублей – он не осознает общественную опасность своего противоправного деяния. Если же тайно похитил имущество стоимостью в 2501 рубль, то в силу закона он уже понимает противоправный и общественно опасный характер своих действий, однако и в том и в другом случае были и прямой умысел, и корыстная цель. Объективная сторона деяний также схожа. Сам законодатель признает возможность осознания общественной опасности и противоправности хищения с 14 лет. Полагаем необходимым снизить возраст административной ответственности за совершение отдельных видов административных правонарушений. Это станет шагом к гармонизации административной и уголовной ответственности, а также выступит дополнительной превентивной мерой и специальной юридической гарантией законности.

Подводя итог, отметим сложность, дискуссионность и многоаспектность проблем правовых презумпций в законодательстве об административных правонарушениях. Важным шагом на пути решения этих проблем должен стать доктринальный мониторинг всех без исключения положений законодательства об административных правонарушениях на предмет их соответствия современным требованиям юридической техники.

УДК 34

Рязанов М.Ю.,

кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры общетеоретической юриспруденции Национального университета «Одесская юридическая академия»

К вопросу о субъектах правового наследия

Правовое наследие, как и право в целом, не может существовать без субъекта, волей которого они созданы. Как писал И. Ильин: «право немислимо и невозможно без субъекта права, то есть того, для кого оно, чье оно, посредством кого оно воплощается». В данной плоскости следует отметить высказывание С.И. Архипова:

«право принадлежит не самому себе, а правовому субъекту; это его “собственность”»¹. Продолжая самого себя, автор делает вывод радикального характера: «не субъект существует для права, а право существует для субъекта и определяется им».

В контексте правового наследия его субъектами представляются участники определенного коммуникационного процесса, а именно творец и реципиент наследия или адресант и адресат. Существенным здесь является то, что они не разрозненные субъекты общения (говорящий – слушатель, писатель – читатель и прочие дуальные модели), а участники коммуникативного акта, внутри которого вырабатываются общие ориентиры, то есть создается определенная область взаимодействия. Наличие коммуникативного акта между коммуникантами позволяет объектам правового наследия быть переданными из поколения в поколение, быть укорененными и понятными, то есть однозначными. Это достигается благодаря тому, что коммуниканты настроены на стереотипные наборы кодов, значений, образов, смыслов. Таким образом, коммуникатив в контексте правового наследия можно выразить в двуедином образе – как «потребитель», реципиент правовых артефактов, традиций, ценностей, ментальности, которая передана из прошлых поколений, и как «творец» новых объектов права и правовой культуры, нового, собственного и самобытного мира.

В данном контексте правовые средства возможно рассматривать как правовые артефакты или начало чувственно-эмоционального восприятия норм права. Такое восприятие состоит из переживаний пассивного характера (ощущение чувства страдания и удовольствия) и активного (волевая целеустремленность) и олицетворяет внешнее поведение индивида. Из вышесказанного очевидной является следующая формула: правовые средства – восприятие их субъектом – эмоциональные переживания – дальнейшее поведение (правомерное или противоправное)².

Собственное видение этого процесса выразил В.А. Бачинин, связав между собой следующие составляющие: познавательная

¹ *Архипов С.И.* Субъект права (теоретическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

² *Латишинов Э.В.* Понятие правовых средств в правовой традиции // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 3.

модель – результат интеллектуальной творческой деятельности человека – правовое поведение. Продолжая свою мысль, он констатирует, что познавательная модель как результат интеллектуальной творческой деятельности человека, его мыслей, воображения, интуиции, формирующая правовое поведение индивида, выражена в юридических артефактах¹, которые, в свою очередь, находят объективацию в правовых институтах. Правовые институты облегчают дальнейшее построение новых и сложных общественных взаимосвязей и позволяют избежать правовых и социальных коллизий. Соответственно, они являются фундаментальными для всей системы правовых средств или правовых артефактов.

Итак, понятие «правовой институт» четко можно вписать в уже предложенную формулу: правила поведения – восприятие их индивидом – ценностная оценка – правовое поведение. Такая формула придает смысл существованию правового института как правового артефакта, поскольку институт в данном смысле не простая система норм, а отражение объективных, реально существующих общественных отношений. Как правовой артефакт, они наделены внутренним смыслом, который можно передавать, транслировать из поколения в поколение, выделять из них определенные правовые традиции, которые будут толчком для их дальнейшего развития и трансформации будущими реципиентами. Если рассматривать правовое наследие как социальный феномен, то реципиентом будет выступать общество. Следовательно, правовые институты как разновидность объектов правового наследия осуществляют динамическую связь поколений и формируют их правовую идентичность, выступая важным фактором определения параметров правовой модели общества. Под таким ракурсом правовые институты являются «пределом поля» тех правовых горизонтов, к которым устремлены новые поколения для определения дальнейшего развития права².

Здесь уместно вспомнить об исследовании Р. Рэдфилда, который для оценки способа изменений и характера процесса развития культуры использовал понятие «большая и малая традиция»³.

¹ Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков, 1999.

² См.: Калита С.П. Культурное наследие: трансляция и интерпретация // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2007. № 4.

³ См.: Redfield R. Primitive world and its transformations. Ithaca, 1953.

Согласно его исследованиям большая традиция представлена профессиональным сообществом, носит целенаправленный характер, она анализируется, перерабатывается, культивируется и транслируется. Малая традиция представлена преимущественно общим большинством, отражает непосредственно образ жизни обычных людей.

Следовательно, субъектов правового наследия можно классифицировать с позиций большой традиции – ученые-юристы и юристы-практики, или субъекты-трансляторы, а с позиций малой традиции – обычные индивиды и участники правоотношений, они же субъекты-реципиенты. Эти отдельные группы общества, объединенные по разным социально значимым признакам, имеют отличные, специфические характеристики своего правокультурного развития. Так, по словам М.Б. Смоленского, видимо, нормативное отношение к процедурам принятия решений и правил правового поведения свойственно группе людей, которые «разделяют друг с другом в рамках единого социокультурного символизма общее видение смысла “правовой игры”, в которую они так или иначе вовлечены. У каждого культурно-интегрированного сообщества имеются определенные правовые запросы и интересы, возникает собственная правовая культура. Она имеет интересубъективную природу, возникает и существует только в контексте социального взаимодействия»¹.

Каждая социальная группа использует определенные знания, традиции, привычки, ценностные ориентации, опыт, правовые взгляды и образы и другие элементы правового наследия, которые соответствуют их целям, задачам и степени удовлетворения их интересов.

Дифференциация таких групп происходит по разным признакам: классовым, национальным, партийным, производственным, экономическим, бытовым, профессиональным, возрастным (демографическим) и др. В рамках большой традиции, процесса ее формирования и влияния на малую правовую традицию таким критерием социальной дифференциации стали профессиональные признаки, потому что в современном мире представители профессиональных групп как личности в значительной мере формируются под влиянием своего непосредственного окружения, то есть их

¹ *Смоленский М.Б.* Правовая культура: опыт социокультурного анализа: монография. Ростов-на-Дону, 2002. С. 27.

культурно-правовая социализация происходит на основе профессии и связанной с ней деятельности.

Например, характеризуя субъектов-трансляторов правового наследия, или, по выражению Н.Я. Соколова, социально-профессиональную группу юристов, можно выделить систему присущих этой группе профессиональных навыков¹, освоение и применение которых осуществляется в порядке правовой преемственности, определяющей правовую профессиональную культуру юристов. Развитие и преемственность заключаются не только в переходе знания, но и в его развитии. По мнению В.К. Бабаева, для передачи, сохранения и актуализации правового наследия мощнейшим импульсом служит интеллектуально-творческий фундамент². Он формируется и закладывается в разных субъектах правового наследия, на «генетическом» уровне в виде багажа знаний, навыков и умений, которые должны развивать и приумножать наследие.

Вместе с тем, профессиональная правовая культура выражает именно уровень познания правовых явлений, достижения и ценности в сфере права. Чем глубже и полнее проникновение юриста в сущность правовых явлений, тем больше предпосылок для дальнейшего эффективного участия во всех стадиях процесса правового регулирования³. Источниками такого проникновения и формирования правовых представлений, по мнению В.А. Чефранова, является правовая информация, имеющая многоканальный характер и связанная как с действующим актуальным правом, так и с прошлым, то есть правовым наследием⁴.

Размышляя о субъекте-реципиенте права и правового наследия, следует отметить, что им является человек как особое сочетание духовного опыта, свободы, как подхода и метода мышления и традиции, как одного из источников мысли. По словам Н.И. Козюбры, человек «выступает как творец, ориентир и адресат права»⁵.

¹ См.: Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов. Москва, 1988. 224 с.

² Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий. Т. 3 / отв. ред. В.М. Сырых. Москва, 2015.

³ Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов. Москва, 1988.

⁴ Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. Философско-методологический очерк. Киев, 1976. С. 38–46.

⁵ Козюбра М.І. Право і людина: лінії взаємозв'язків та тенденції розвитку // Наукові записки. Юридичні науки. Т. 168. С. 3–10.

Учитывая тот факт, что взаимодействие между субъектами правового наследия представляет собой коммуникационный акт, внутри которого вырабатываются общие ориентиры, правовое наследие – это не просто память о прошлом, а нормативный ориентир для разного рода субъектов. Коммуникационный акт актуализации правового прошлого активно влияет на формирование правовых установок, становление и развитие определенных правовых взглядов и правосознания, выработку определенного типа правового поведения и при этом помогает объединять индивидов в социальные группы и в единую социальную систему.

Эта идея корреспондирует с мнением С. Софроновой, предложившей относить к субъектам правового наследия государство. В контексте правового наследия государство выступает как платформа для множества открытых, взаимодействующих между собой субъектов-реципиентов и субъектов-трансляторов.

В работах, посвященных рассмотрению категорий «носитель культуры», «субъект наследия», «носитель прошлого», допускается существование таких субъектов, которые по степени глобализации приближаются к гражданскому обществу. Так, С.И. Архипов предлагает рассмотреть существование «метаправовых» субъектов наследия, к которым относит нацию (народ). По его мнению, нация (народ) – это особый правовой феномен, который не встраивается в традиционную схему «субъект – объект» права. Разъясняя их природу, С.И. Архипов обращает внимание на то, что метаправовые субъекты, не участвуя непосредственно в правоотношениях, не будучи, собственно, субъектами права, оказывают мощное влияние на всю правовую сферу. Не случайно, по его мнению, современные правовые системы обычно рассматриваются как национально-правовые. Метаправовые субъекты являются продуктом правовой коммуникации, результатом взаимодействия людей. Это выражается в достигнутом единстве правового сознания, они стоят «за» непосредственными участниками правоотношений, представленных снаружи их действиями, поступками, правовыми решениями и т. п. Они выполняют в праве системообразующую функцию, выступают тем объединительным центром, вокруг которого формируются все элементы правовой системы, формируя их единственное «правовое поле»¹.

¹ Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

Санинский Р.А.,

кандидат юридических наук, доцент, председатель Арбитражного суда Нижегородской области

Гносеологические основы юридической и экономической науки в области формирования стратегии противодействия теневой экономической деятельности

Определение перспектив эволюции противодействия теневой экономике невозможно без изучения ретроспективы. Опыт прошлого, научный фундамент, разработанные теоретические положения позволят не только выделить этапы развития уголовной политики в выбранной области научного познания, но и на их основе сформулировать концепцию противодействия теневой экономической деятельности, обосновать сохранение и использование ранее уже апробированных юридико-технических механизмов противодействия ей. В этом заключается значимость и важность изучения развития правовых и экономических институтов¹.

В научных исследованиях признается наиболее распространенным подход, согласно которому возникновение теневой экономики связывается с формированием форм хозяйствования, то есть с процессом неравнозначного распределения продуктов, основанного на обмане, злоупотреблениях и т. п.² На всех этапах своего эволюционирования она создавала угрозу безопасности государства в различных ее сегментах³. Например, развитие экономического производства повлекло за собой появление излишков

¹ См.: *Таганцев Н.С.* Курс уголовного права. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1874. С. 21; *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Часть общая: пособие к лекциям. Санкт-Петербург, 1911. С. 8.

² См.: *Теневая экономика: учебное пособие для вузов / Л.А. Кормишкина, О.М. Лизина.* Саранск, 2009. С. 81.

³ См.: *Петрянин А.В., Петрянина О.А.* Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2013. № 21. С. 173–176.

и, как следствие, – формирование нового направления теневой экономики, нацеленного на их сокрытие и присвоение. Зарождение экономики и ее теневого сектора характеризовалось криминальными деяниями, направленными на изъятие материальных ценностей. В первую очередь это было сопряжено с совершением таких преступлений, как фальшивомонетничество и мошенничество¹.

Особое внимание теневой экономике уделяется в условиях развития в России командно-административной системы. Основным ее центром был план, направленный на оптимальное распределение имеющихся ресурсов, поэтому стихийные экономические регуляторы не оказывали существенного влияния на теневой сектор экономики. Посягательства на экономическую безопасность происходили в рамках государственной экономической деятельности, что и является одной из отличительных черт теневой экономики рассматриваемого исторического периода.

Трагичные последствия принесла теневая экономика в условиях проводимой в СССР перестройки. Значительная часть национальных богатств с использованием криминальных коррупционных схем была выведена за рубеж, где и приобрела впоследствии частный характер.

Именно поэтому за ширмой официальной государственной экономической модели развивалась и ее теневая часть, то есть официальная экономика и порождала ее².

Все это усугублялось разрушением экономики на закате советской эпохи. Так, если в 1973 году, по мнению экспертов, масштабы теневой экономики составляли всего около 3% ВВП, то в 1990 году – уже 11%³.

На лидирующие позиции в рамках теневой экономики выходило и сельское хозяйство. В советский период на этот сектор приходилось более 30% от всего объема теневой экономики⁴.

¹ См.: *Петрянин А.В.* Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. С. 14.

² См.: *Бекряшев А.К.* Теневая экономика: учебное пособие. Омск, 2004. С. 56.

³ См. там же. С. 56.

⁴ См.: *Корягина Т.И.* Теневая экономика. Анализ, оценки и причины // Известия Академии наук СССР. Серия: Экономика. 1990. № 6. С. 73–83.

Значительные объемы наблюдались и в сфере общественного питания (недовесы, замена дорогих ингредиентов на более дешевые, пересортица и т. п.¹).

Развитие теневой экономики в СССР осуществлялось в тесной связи с официальной государственной плановой экономикой.

Становление и развитие теневой экономики в России проходило вне зависимости от политического или экономического курса развития государства. К сферам экономической деятельности, наиболее активно развивающимся в теневом секторе, могут быть отнесены: торговля, строительство, транспортные услуги и сельское хозяйство.

С учетом вышеотмеченных сфер, наиболее подверженных влиянию теневой экономики, считаем целесообразным рассмотреть комплексный подход к изучению уголовно-правового противодействия этому явлению².

Поскольку возникающие и развивающиеся экономические отношения становились первопричиной зарождения теневой экономической деятельности, то зачатки уголовно-правового противодействия ей можно уже обнаружить и в древнерусских нормативных правовых актах. Например, Русская Правда устанавливала ответственность за незаконное пользование чужим имуществом³. Сегодня признаки этого деяния отражены в статье 165 Уголовного кодекса Российской Федерации «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием». Фактически можно констатировать, что первый этап противодействия теневой экономике возникает вместе с институтом уголовно-правовой охраны отношений собственности и централизованной национальной экономической деятельности с объявлением государственной монополии на отдельные ее виды, например эмиссия денег.

Этапом в развитии государственной политики стало и Соборное уложение 1649 года, в котором закреплялся комплекс уголовно-правовых норм, нацеленных на противодействие теневой

¹ См.: *Никифоров Л., Кузнецова Т., Фельдзенбаум В.* Теневая экономика: основы возникновения, эволюции и ослабления // *Экономические науки*. 1989. № 8.

² См.: *Клетицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. Москва, 2005. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2020).

³ См.: *Гуров М.П.* Теневая экономика на потребительском рынке России: монография. Санкт-Петербург, 2008. С. 5.

экономике. К числу уголовно-правовых запретов относились нарушение правил торговли, контрабанда, уклонение от уплаты обязательных платежей, принуждение к заключению сделки, приобретение или сбыт похищенного имущества, невыполнение кредиторских обязательств и т. д.¹

Следующий этап ознаменован реформаторством Петра I, затронувшим и экономику. Главной идеей стало развитие в России промышленности в области добычи и переработки имеющихся природных богатств и, как следствие, снижение зависимости от импорта. В этой связи в стране наблюдается активный количественный рост промышленных компаний. Для создания финансовой привлекательности новым секторам экономики вводятся различные формы льгот. Градообразующие предприятия строились за казенный счет, а в последующем сдавались частным предпринимателям, но при этом за ними оставался статус государственного учреждения. Государственная монополизация экономической деятельности стала препятствием во введении в оборот частных капиталов и способствовала их оттоку за границу².

В этой связи уголовная политика была сосредоточена на противодействии выводу капиталов за рубеж и на их недекларировании. Указанные выше направления повлекли за собой установление ответственности за контрабанду, хранение денег в земле, неплату с получаемой прибыли налогов³.

Взятый курс продолжился и при правлении Екатерины II. При этом особое внимание было уделено охране прав потребителей, земские суды, а также городничие наделялись правом надзора за весами и мерами⁴. Торговый обман относился к преступлению. Криминообразующими признаками выступали размер обмана (выше 20 рублей) и кратность совершения деяния (четыре и более раза). В качестве наказания к виновному применялся арест, а также целый комплекс экономических санкций, к которым были отнесены не только сама сумма обмана, но и пени в количестве

¹ См.: *Чернявская Т.А.* Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1: Соборное уложение 1649 года. Нижний Новгород, 1995. С. 6.

² См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. IV. Москва, 1989. С. 108–109.

³ Полное собрание законов Российской империи. Москва, 1830. Т. V.

⁴ Там же.

шести процентов¹. Вышеизложенное указывает на поляризацию уголовной политики в область охраны интересов потребителей.

Следующий этап развития уголовной политики в исследуемой области связан с отменой крепостного права в 1861 году. Принятие такого политического решения повлекло активное развитие капиталистическо-рыночных отношений и, как следствие, рост деяний экономической направленности, представляющих собой основу теневой экономики. Это можно проследить в рамках развития уголовного законодательства. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в редакции 1885 года, Уголовное уложение 1903 года взяли под охрану общественные отношения в сфере промысла и торговли.

Уголовное уложение 1903 года включало в себя меньшее количество деяний экономической направленности. Обусловлено это было унификацией уголовного законодательства. В этой связи основная масса экономических преступлений была сосредоточена в главе «О нарушении постановлений о промыслах и торговле». Статья 242 этого документа закрепляет новый состав преступления «неблаговидная спекуляция». Ответственность наступала за чрезмерное поднятие цен на предметы первой необходимости.

Советское правительство рассматривало теневую экономику как рудимент прошлого², поэтому с момента образования нового государства, взявшего полярный курс от ранее имеющегося, началось активное поступательное воздействие на все формы теневой экономической деятельности.

Борьба с неофициальной экономикой строится в разрезе формирования командно-административной модели управления государством. Главным ее лозунгом стал запрет на частную собственность и предпринимательскую деятельность.

Новый этап в развитии уголовно-правового противодействия теневой экономике ознаменован принятием первого кодифицированного акта – Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. В нем

¹ Полное собрание законов Российской империи. Москва, 1830. Т. XXL. № 15379. С. 461–488.

² См.: Орлова Л.А. Противодействие теневой экономике по советскому уголовному законодательству // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 52–56.

представлена целая система деяний, образующих основу запрещенной экономической деятельности. Она включала в себя их подразделение на три самостоятельные группы. К первой можно отнести преступления, непосредственно характеризующие приносящую доход теневую экономическую деятельность и закрепленные в главе IV Уголовного кодекса РСФСР «Преступления хозяйственные»¹. Ко второй – деяния, посягающие на бюджетную систему страны, сопряженные с уклонением от уплаты, акцизов, налогов и сборов (глава IV Уголовного кодекса РСФСР «Преступления против порядка управления»². К третьей группе необходимо отнести имущественные преступления (глава VI Уголовного кодекса РСФСР)³.

¹ Нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий (статья 136); искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев между собой или путем злостного невыпуска товара на рынок (статья 137); спекуляция с иностранной валютой в обмен на советские денежные знаки или наоборот (статья 138); скупка и сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение (статья 139).

² Массовый отказ от внесения налогов денежных или натуральных или от выполнения повинностей (статья 78); неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа денежных или натуральных налогов, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение (статья 79); организованное по взаимному соглашению сокрытие или неверное показание о количествах, подлежащих обложению или учету предметов и продуктов, в том числе и размеров посевной, луговой, огородной и лесной площади или количества скота; организованная сдача предметов, явно недоброкачественных, неисполнение по взаимному соглашению возложенных законом на граждан работ и личных повинностей (статья 80); нарушение законов и обязательных постановлений о ввозе из-за границы или провозе за границу товаров (статья 97).

³ Фальсификация, то есть обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, а равно самый сбыт таких предметов (статья 190); ростовщичество, то есть взимание в виде промысла за данные займы деньги процентов сверх дозволенных законом, или предоставление в пользование орудий производства, скота, полевых, огородных или посевных семян за вознаграждение в размере, явно превышающем обычную для данной местности норму, с использованием нужды или стесненного положения получающего ссуду (статья 193); самовольное пользование в корыстных целях чужим изобретением или привилегией, зарегистрированными в установленном порядке (статья 198); самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием (статья 199).

Пришедший на смену Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в целом сохранил ранее заложенную концепцию уголовно-правового противодействия теневой экономики, но за время его действия он был дополнен рядом статей, предусматривающих наказание за конкретные виды запрещенной теневой предпринимательской деятельности. В частности, устанавливалась ответственность за нарушение законов о национализации земли и спекуляцию, учреждение и руководство деятельностью лжекооперативов, обман покупателей; выпуск денежных суррогатов¹.

Следующий этап, взявший свое начало со второй половины 50-х годов XX века, характеризовался идеей государственной централизации. Возникший в потребительском секторе дефицит повлек широкомасштабный рост теневой экономики. В этой связи произошла и модернизация уголовной политики, нашедшая свое воплощение в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года. Ответственность за исследуемую группу преступлений, так же как и в предыдущих источниках, была закреплена в ее разных главах (глава I «Государственные преступления», глава V «Преступления против собственности», глава VI «Хозяйственные преступления», глава VII «Должностные преступления»). Приоритет в охране социалистическо-хозяйственных отношений, главные инструменты в борьбе с теневой экономической деятельностью делали запреты на частнопредпринимательскую деятельность, коммерческое посредничество и, конечно же, спекуляцию (статьи 153, 154 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года).

В целом до начала 90-х годов прошлого века Уголовный кодекс РСФСР 1960 года выступал в качестве основной преграды для широкомасштабного распространения теневого сектора экономики.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что Российское государство на всех этапах своего развития было озадачено проблемой противодействия теневой экономической деятельности как теневого спутнику развития легальной экономики. Апробация различных юридико-технических и экономических приемов доказала эффективность ограничительно-экономических санкций, позволяющих снизить уровень финансовой привлекательности нелегальной экономики.

¹ См.: Крылова Н.Е., Леонтьев Б.М. Преступления в сфере экономической деятельности: программа, лекции спецкурса, материалы судебной практики: учебное пособие. Москва, 2012. С. 31.

Сидоркин Ю.В.,
*преподаватель кафедры теории и истории
государства и права Нижегородской академии
МВД России*

Правовая природа полицейского надзора за благочинием в Российской империи

В дореволюционной юридической науке и практике существовал и активно применялся термин «благочиние» в контексте осуществления полицейской деятельности в форме полицейского надзора. В настоящей статье предпринята попытка определить юридическую характеристику, выражающую специфику такого правового явления, как полицейский надзор за благочинием.

Для того чтобы определить виды полицейского надзора за благочинием, важно учитывать, какое место в системе законодательства Российской империи занимали полицейские законы в сфере безопасности. В качестве отдельной отрасли полицейское законодательство было выделено в 1832 году как итог усердной работы комиссии под председательством М.М. Сперанского. Результатом проведенной систематизации стало принятие свода законов Российской империи (далее – Свод законов), в котором узаконения, касающиеся обеспечения безопасности, отличались структурированностью и были институционально выстроены¹.

В своде законов подразумевалось деление всех действующих узаконений на восемь основных разрядов. Седьмой разряд свода законов, называвшийся «Уставы благочиния», был разделен на два тома: в первый том вошли законы «О охранении народного продовольствия, общественном призрении, охранении народного здоровья (уставы врачебные и карантинный)»;

¹ См.: *Кодан С.В.* Систематизация полицейского законодательства Российской империи (1826–1832 гг.) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 9.

во втором содержались Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Уставы о паспортах и беглых, о содержащихся под стражей и о ссыльных¹.

В разряд Свода законов, который назывался «Уставы благочиния», *Устав о предупреждении и пресечении преступлений* (далее – Устав) вошел не случайно. Еще в 1768 году в Дополнении к Большому наказу Екатерина II определяла «полицию, или благочиние как порядок в государстве, при котором преступления *предупреждаются и пресекаются*»².

Значительно развил и реализовал эти мысли в законодательстве при составлении Свода законов М.М. Сперанский. В своих записках на имя императора в ходе подготовки к систематизации он раскрывал понятие полиции как *надзор*, реализуемый через *предупреждение и пресечение*. Для иллюстрации дословно приведем его высказывание по этому поводу: «Понятие о полиции есть чрезмерно многосложное. Главная мысль – надзор в порядке благоустройства какой-либо определенной части управления. Сей надзор может иметь двоякую цель: 1) предупреждать беспорядок мерами охранения прежде, нежели он случится; 2) остановить и пресечь ею последствия мерами понуждения и прекращения, когда он уже случился. Отсюда возникают два главных свойства полиции: предупреждение и пресечение»³.

С учетом того обстоятельства, что важнейшей задачей полиции с момента ее возникновения являлась борьба с преступностью, анализ разделов, составляющих Устав, позволит установить, какие группы общественных отношений были взяты под охрану, нарушение которых представляло угрозу безопасности. Таким образом, за базовый критерий, позволяющий выделить основания для классификации полицейского надзора за благочинием, можно взять «законы предохранительные» или Уставы благочиния, выделенные после систематизации в отдельную отрасль полицейского законодательства.

¹ См.: Сперанский М.М. Избранное. Москва, 2013. С. 223.

² См.: Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Санкт-Петербург, 1893. С. 45.

³ Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии. Отдел административный. Часть 1. Отделение I. § 3. С. 1–2.

Устав не имел законодательного определения понятий «предупреждение преступлений» и «пресечение преступлений» и четких критериев разделения между собой этих видов правоохранительной деятельности. Отделить нормы-предупреждения от норм-пресечения необходимо путем применения логического способа толкования. Например, Устав регламентировал меры, обеспечивающие порядок и безопасность во время совершения духовных обрядов. Так, статья 18 предписывает: «во время крестного хода полиция наблюдает: 1) чтобы улицы, где имеет быть шествие, были чисты, и от поперечной езды чрез них не произошло остановки, тесноты или помешательства шествию... 2) чтобы для смотрения на ход никто на улице не строил подмостков из скамей, досок, бревен...»¹.

Указанная статья содержит нормы, устанавливающие обязанности полиции по предупреждению нарушений порядка, которые могут возникнуть в случае несоблюдения определенных правил поведения, то есть наделялась полиция правом надзора и за поданными закреплялся определенный порядок действий, который нельзя нарушать. По своему содержанию отличается статья 19: «кто во время крестного хода или перед самым начатием оного остановится на предназначенном для шествия месте и тем причинит оному помешательство, того брать под стражу до окончания сего священного обряда»². Эта статья запрещала обозначенное в ней поведение и определяла меры принуждения в случае правонарушения. В итоге в первом случае налицо предупредительные меры полиции, которые заключались в предотвращении совершения преступлений. Во втором случае имело место уже описание совершенного нарушения правовых норм, пресечение которого позволило бы избежать более существенного вреда общественному порядку.

Кроме этого, Устав содержал в себе нормы, определявшие состав правонарушения и санкции за их нарушение. Одна из составляющих предмета нашей статьи заключается в изучении обязанностей полиции по надзору за благочинием, то есть в

¹ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. Петроград, 1857. Т. XIV. Ст. 18.

² Там же. Ст. 19.

Уставе нас интересуют нормы, касающиеся только *предупреждения* преступлений, поскольку важнейшее направление полицейской деятельности состоит в общем надзоре, а *предупреждение* составляет его сущность.

В итоге сущность полицейского надзора за благочинием заключается именно в предупреждении преступлений без какого-либо принудительного воздействия, так как оно наступает только после нарушения норм и в этом случае следуют меры по пресечению, не имеющие отношения к общему полицейскому надзору. Предупредительные нормы, содержащиеся в Уставе, составляли своего рода инструкцию для полиции по надзору за благочинием.

На изменение характера полицейской деятельности повлияла популярная в то время концепция правового государства. Несмотря на то, что Российская империя по форме правления была абсолютной монархией, тенденция на уменьшение влияния идеи полицейского государства была явно уловима. В подтверждение этого в полицейском законодательстве нашел свое отражение тезис известного правоведа Р. фон Моля из его знаменитого труда «Наука полиции по началам юридического государства»¹. Полицейские меры он делил на две категории. Первая содержала выраженные в форме веления или запрещения требования государства, чтобы все граждане следовали бы известному образу действий или сохраняли известный предмет в определенном состоянии. Вторая категория содержала те случаи, когда государство само устанавливало учреждение с тем, чтобы граждане им пользовались. Р. фон Моль считал, что принуждение имеет место только тогда, когда указанным мерам неповируются, а само принуждение является единственной возможностью для достижения желаемой цели, состоящей в достижении условий безопасности и благосостояния народа².

Важно определить, в чем заключается принуждение в государстве, законодательство которого хотя бы в части строится по принципам правового. Государственное принуждение представляет

¹ См.: Моль Р. Наука полиции по началам юридического государства. Санкт-Петербург, 1871.

² Там же. С. 43.

собой осуществляемое на основе нормативных правовых актов уполномоченными на то государственными органами и должностными лицами физическое, психическое, имущественное и организационное принуждение в целях соблюдения и исполнения правовых предписаний. Основными видами государственного принуждения в юридической науке принято считать: предупреждение правонарушений, пресечение правонарушений, правовосстановление и юридическую ответственность¹. В Уставе мы можем обнаружить юридические нормы, соответствующие каждому виду принуждения, но говоря об общем надзоре, следует иметь в виду принуждение, заключающееся в предупреждении преступлений, осуществляемом в форме проведения различных организационных мероприятий для обеспечения безопасности и порядка.

При определении видов полицейского надзора за благочинием на основе законодательства не следует догматически придерживаться отраслевого строения, установленного М.М. Сперанским, поскольку отечественная политико-правовая мысль динамично развивалась на всем протяжении XIX – начале XX века и оказывала серьезное влияние на действующее законодательство.

Устав – главный полицейский кодекс, в котором были консолидированы все принятые ранее нормативные документы, регламентирующие деятельность полицейских органов.

Принятый в первой редакции данный Устав содержал пять основных разделов, которые почти не изменялись впоследствии вплоть до 1916 года, когда под воздействием серьезных социально-экономических противоречий проводилась в какой-то мере юридическая политика уступок в сторону расширения прав отдельных категорий общества. В 1916 году Устав сменился Уставом благочиния и безопасности, который закрепил в себе последние изменения.

Первый раздел назывался «О предупреждении и пресечении преступлений против веры». Этим подчеркивалась ведущая роль церкви и православной религии в управлении обществом.

¹ См.: Теория государства и права: учебник для бакалавриата / под ред. В.К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2014. С. 256–258.

Второй и третий раздел «О предупреждении и пресечении преступлений против общественного порядка и учреждений правительства», «О предупреждении и пресечении беспорядков при публичных собраниях, увеселениях и забавах, также о пресечении явного соблазна и разврата в поведении» не имели четко определенного предмета, так как беспорядки при публичных собраниях, увеселениях и забавах явно относились к преступлениям против общественного порядка. Преступления, связанные с соблазном и развратом в поведении, не имеют отношения к преступлениям против общественного порядка, так как они представляют угрозу прежде всего общественной нравственности.

Последними двумя разделами были «О предупреждении и пресечении преступлений против личной безопасности» и «О предупреждении и пресечении преступлений против имущества».

Таким образом, разделы Устава представляют собой своеобразную иерархию юридических отношений, правил поведения, обязанностей полиции по их поддержанию и санкции за их нарушение, где на первом месте стоит духовная безопасность государства и общества, учитывая силу влияния православной церкви. Далее по степени важности: общественный порядок, государственная власть, общественная нравственность, личная и имущественная безопасность.

Толкуя волю законодателя, можно определить, что наибольшую угрозу для безопасности государства и общества представляли преступления, посягающие именно на правила и порядок, закрепленные в соответствующих разделах Устава. Исходя из этого, необходимо выделить основные виды надзора за благочинием в зависимости от направлений государственного организационного принуждения, за определенными в Уставе сферами общественных отношений.

Согласно установленной в Уставе иерархии первым видом можно назвать надзор за безопасностью господствующей в государстве религии – православного христианства. Определяя наименование данного вида, целесообразнее использовать категорию «благочиние», так как, во-первых, в разряд юридических понятий оно перешло из религиозных; во-вторых, оно подразумевало многозначность смежных терминов, таких как «порядок» и «безопасность». В итоге полицейский надзор за духовным благочинием

как отдельный вид представлял собой деятельность специально уполномоченных государственных органов, направленную на содействие беспрепятственному отправлению православного богослужения и распространению православного учения, обеспечению чистоты православной веры и контролю за исповеданием российскими поданными иностранного происхождения разрешенных им религий.

Нормы, закрепленные во втором и третьем разделах Устава, следует отнести к надзору за общественным порядком в широком понимании этой юридической категории. Исходя из анализа предписаний этих разделов, общественный порядок понимался как в широком смысле, так и в узком. Называя второй раздел «Предупреждение и пресечение преступлений против общественного порядка», законодатель явно имел в виду широкое политико-правовое понимание данного понятия, которое определялось как социальная благоустроенность и организованность всего общества, регулируемого как юридическими, так и неюридическими нормами¹.

Что касается общественного порядка в узком смысле, то под таким следует понимать порядок поведения подданных в «публичных местах» – так общественное место именовалось в первой главе «О благочинии при публичных собраниях во время забав и увеселений» третьего раздела Устава.

Предписания, содержащиеся в главах «О пьянстве», «О непотребстве», «О нищенстве», можно отнести к полицейскому надзору за общественной нравственностью. Пьянство, проституция и профессиональное нищенство являлись основными угрозами нравственного состояния людей на всех этапах развития Российского государства. В условиях формирования абсолютистского государства устоявшиеся нормы морали и нравственности были взяты под государственную охрану, а с появлением регулярной полиции пресечение преступных проявлений в сфере общественной нравственности стало одним из основных направлений деятельности полицейских органов.

Разделы «О предупреждении и пресечении преступлений против личной безопасности» и «О предупреждении и пресечении

¹ См.: *Бельский К.С.* Полицейское право: курс лекций. Москва, 2004. С. 227.

преступлений против имущества», по нашему мнению, не относятся к деятельности полиции по надзору за благочинием и, соответственно, не могут рассматриваться в качестве отдельных видов надзора за благочинием. Предупреждение и пресечение данных видов преступлений осуществлялись посредством иной разновидности деятельности, которую впоследствии станут называть оперативно-разыскной. Такая деятельность не имеет ничего общего с надзором, так как она является самостоятельным направлением работы полицейских органов, в ходе которой решаются специальные задачи, отличающиеся от надзорных¹.

На основе исследований дореволюционного законодательства и достижений отечественной историко-правовой науки целесообразно определить дефиницию и понятийный строй исследуемого феномена. Предметом полицейского надзора за благочинием можно назвать исполнение (соблюдение) подданными Российской империи действующих законов в сфере обеспечения общественной безопасности и спокойствия. Объектом является деятельность полицейских органов, основанная на возникновении правовых отношений, связанных с соблюдением подданными установленных правовых норм.

Отсюда следует, что данный исторический правовой феномен обладал рядом специфических признаков:

1) полицейская деятельность выступала особым видом государственно-управленческой деятельности;

2) субъектом полицейской деятельности являлись органы регулярной полиции с момента возникновения таковых;

3) полицейская деятельность заключалась в охране определенных групп общественных отношений, нарушение норм, их регулирующих, вызвало бы угрозу общественной и государственной безопасности;

4) метод осуществления полицейской деятельности состоит в наблюдении за следованием подданными образу действий или эталону поведения, определенному государственной волей;

¹ См.: Зырянов С.М. Административный надзор полиции и полицейский надзор: соотношение правовых категорий // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 51.

5) наблюдение не связано с вмешательством в нормальную жизнедеятельность людей, не ограничивает их в правах, не предусматривает закрепления за ними обязанностей (кроме обязанности соблюдения установленных правил) и не выражается в прямом грубом принуждении, а лишь косвенно обязывает их соблюдать формально установленные правила поведения;

6) в силу того, что правовой порядок в Российской империи был обусловлен сословным делением общества, предусматривались различные правовые состояния для привилегированного и непривилегированного населения; соответственно, надзор за благочинием осуществлялся в зависимости от сословной принадлежности;

7) деятельность полиции по надзору за благочинием была направлена на недопущение совершения правонарушений, на их предотвращение.

Как итог – полицейский надзор за благочинием в Российской империи представлял собой деятельность полицейских органов, которая осуществлялась в форме специального наблюдения за правомерным поведением подданных различных сословий без применения к ним правоограничительных и принудительных мер с целью предупреждения правонарушений.

Взяв за основу классификации полицейского надзора за благочинием разделы Устава, можно выделить несколько его основных видов:

- 1) полицейский надзор за духовным благочинием;
- 2) полицейский надзор за общественным порядком;
- 3) полицейский надзор за общественной нравственностью.

Таким образом, в результате исследования процесса развития законодательства, регламентирующего деятельность полиции, теоретических положений отечественной науки полицейского права удалось установить, что к концу XIX века в Российской империи сложилось особое направление полицейской деятельности государства – надзор за благочинием. Субъектом его осуществления являлась прежде всего наружная полиция, наблюдавшая за выполнением формально установленного порядка. Важно отметить, что данное направление правоохранительной деятельности фактически имело место, несмотря на отсутствие в законодательстве понятия «полицейский надзор», которое стало использоваться только в последней четверти XIX века и имело политическую окраску.

Сим А.В.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Доступность правосудия как одна из эффективных форм реализации государственной функции охраны прав и свобод личности

Государственная деятельность по охране прав и свобод личности является одной из важнейших в современном обществе, и для ее реализации государство использует различные формы и методы осуществления. Одна из ключевых форм – судебная защита прав и свобод личности.

Проблема обеспечения эффективности судебной защиты прав и свобод личности является достаточно острой в современной России. Доступность правосудия во всех видах судопроизводства считается одним из необходимых условий обеспечения достаточной эффективности реализации прав и свобод личности и их действенной судебной защиты.

Анализ данных судебной статистики свидетельствует о возрастающем количестве обращений граждан за судебной защитой и, как следствие, о потребности граждан в защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Так, по официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2019 году число рассмотренных российскими судами дел превысило 31 млн, что более чем на 4 млн превышает аналогичный показатель 2018 года¹.

¹ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2019 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 15.02.2020).

Вместе с тем, закрепленная в законе возможность обращения за судебной защитой еще не является гарантией качественного рассмотрения и разрешения дела судом. Для того чтобы достичь целей судопроизводства, судебный процесс должен быть эффективным. Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях неоднократно упоминал, что судебная защита должна отвечать признаку эффективности¹. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 1998 года № 27-П указывается, что право на судебную защиту реализуется через совокупность различных процессуальных средств, обеспечивающих справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных прав граждан². В другом постановлении отмечается, что в международном праве судебная защита понимается как эффективное восстановление в правах независимым судом на основе справедливого судебного разбирательства.

Президент Российской Федерации В. Путин в приветствии участникам ежегодного семинара-совещания судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов отметил, что от эффективности судебной системы зависит развитие России как правового демократического государства³.

В связи с этим повышение эффективности судебной защиты прав личности есть одна из главных задач современной правовой системы, которая отвечает потребностям совершенствования деятельности судебной власти в России.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2010 года № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 25, ст. 3246.

² По делу о проверке конституционности части второй статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 1998 года № 27-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 2.

³ Путин: от эффективности судебной системы зависит развитие страны // Право.ру. URL: https://pravo.ru/news/209028/?desc_emb= (дата обращения: 15.02.2020).

Мировой опыт показывает, что проблема определения стандартов эффективности судебной системы давно стала предметом общественной дискуссии.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), число тех, кто считает суд эффективным средством защиты прав личности, и число тех, кто придерживается противоположной точки зрения, примерно равно с небольшим перевесом в сторону последних – 36% против 38%. Обращает на себя внимание и достаточно высокая доля тех, кто затруднился определить свою позицию (23%)¹.

По мнению Э.И. Велиева, судебная защита является эффективной в том случае, если обеспечивает реализацию целей правосудия – защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов гражданских отношений, выбравших надлежащий способ защиты своих прав².

Вместе с тем, термин «эффективное правосудие» среди нормативных актов упоминается только в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации. При этом и в указанном законодательном акте его значение не раскрывается, не выделяются критерии такой эффективности, что обуславливает необходимость глубокого изучения данного понятия.

Так, одним из важнейших показателей эффективности правосудия является его доступность для граждан при защите своих прав. Следует согласиться с мнением, что доступ к правосудию – это «начало, пронизывающее нормативную ткань законодательства о судоустройстве и судопроизводстве»³.

Вопросы обеспечения доступности судебной защиты неоднократно становились предметом рассмотрения ученых-правоведов. Так, Е.В. Пластинина указывает на необходимость закрепления в законодательстве каждого государства доступа к правосудию

¹ Оценка деятельности судов Российской Федерации // Сетевое издание WCIOM. URL: https://wciom.ru/database/open_projects/otsenka_deyatelnosti_sudov_v_rossii/ (дата обращения: 15.02.2020).

² См.: Велиев Э.И. К вопросу об эффективности судебной защиты // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 2. С. 33–35.

³ Ярмоц Е.Н. Доступ к правосудию в контексте права на судебную защиту и гласности судебного разбирательства // Вестник Полоцкого государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 6. С. 163–166.

как «охраняемого государством и обеспеченного законом права беспрепятственного обращения в суд за защитой своих нарушенных прав и свобод»¹. В.В. Ярков, в свою очередь, выделяет факторы, непосредственно влияющие на состояние доступа к правосудию: продолжительность судебных процессов, финансовые расходы на всю «юридическую структуру», включая сферу представительства, организация судебной системы, уровень развития общественных институтов, обеспечивающих юридическую защиту населения и пр.²

Вместе с тем, нельзя не признать, что остаются нерешенные проблемы доступа к правосудию. Например, к таким вопросам можно отнести взаимосвязь доступности судебной защиты и оказания гражданам квалифицированной юридической помощи в процессе осуществления правосудия.

Так, Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, которым вносятся изменения в том числе в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в части обязательного наличия высшего юридического образования у представителей в гражданском процессе. В качестве представителей в судах теперь могут выступать только граждане, имеющие высшее юридическое образование. Таким образом, для допуска к участию в деле они должны представить суду диплом о высшем юридическом образовании.

Однако законом предусмотрены и некоторые исключения. Так, подтверждение наличия высшего юридического образования не требуется патентным поверенным, арбитражным управляющим, лицам, имеющим ученую степень по юридической специальности, а также иным лицам в случаях, установленных законом. Кроме того, наличие высшего юридического образования не обязательно для представителей, участвующих в судебных разбирательствах в районных судах и у мировых судей.

¹ *Пластинина Е.В.* Право на доступ к правосудию как объект международно-правовой защиты // Закон и право. 2014. № 10. С. 57–58.

² См.: *Артемова Д.И., Медведева Е.А.* Проблемы доступности правосудия в Российской Федерации // Вестник ПензГУ. 2014. № 3.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49, ч. I, ст. 7523.

Представляется, что установление дополнительных требований к квалификации представителя в гражданском судопроизводстве является дополнительной гарантией качества юридической помощи гражданам в процессе осуществления правосудия. Между тем такие изменения могут повлечь за собой увеличение финансовых затрат на оплату услуг представителя, что затруднит доступ к правосудию некоторой части населения. Исследователи отмечают, что невозможность пользования услугами грамотного представителя означает затруднение доступа к правосудию¹.

Ввиду внесения указанных законодательных изменений необходимо рассмотреть их соотношение с возможностью получения гражданами бесплатной юридической помощи.

С 2011 года в Российской Федерации наблюдается развитие института бесплатной юридической помощи. В настоящее время предоставление населению бесплатной юридической помощи регулируется Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»². Законодательством устанавливаются общие принципы функционирования данного общественного института, однако в нем усматриваются некоторые недостатки, значительно снижающие эффективность данного института и, как следствие, влекущие за собой понижение эффективности всей системы доступа к правосудию.

Среди основных недостатков можно выделить узкий круг граждан, имеющих право на такую помощь, а также декларативность многих норм закона о бесплатной юридической помощи.

На основании этого в качестве одной из мер по решению проблем, связанных с обеспечением доступности и эффективности судебной защиты прав и свобод граждан, целесообразно предложить расширение перечня категорий лиц, имеющих право на бесплатную юридическую помощь. Так, например, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации И. Рукавишников выказала предложение о таком законодательном определении лиц, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, которое позволило

¹ См: *Пронина М.П.* Проблема влияния чрезмерности судебных расходов на доступность правосудия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 109–112.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48, ст. 6725.

бы при необходимости упростить процесс оказания этой помощи (без сбора человеком документов, подтверждающих его принадлежность к той или иной категории граждан)¹.

Подводя итог, следует отметить, что проблема доступности правосудия не теряет своей актуальности в контексте обеспечения эффективности судебной защиты прав и свобод личности. Смысл эффективности правосудия выражается в уверенности любого гражданина Российской Федерации в возможности доступного, квалифицированного, справедливого и быстрого разрешения возникшего спора судом.

Данный вопрос обуславливает необходимость проведения дальнейших реформ в направлении уменьшения размера затрат на юридическую помощь (в том числе судебные расходы), расширения сферы деятельности общественных организаций, призванных оказывать гражданам правовую помощь, повышения уровня квалификации лиц, оказывающих бесплатную юридическую помощь, и пр.

Отсюда следует сделать вывод, что в целях повышения доступности правосудия необходим комплексный подход к проблеме с ее тщательной проработкой на законодательном уровне.

УДК 340

Скоробогатов А.В.,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова

Правопонимание в гносеологическом контексте

Современное правовое развитие России характеризуется дуализмом. С одной стороны, еще не до конца миновал кризис права, связанный с преодолением советского правового наследия

¹ См.: Урошлева А. Проблемы в сфере оказания бесплатной юридической помощи. URL: <https://www.garant.ru/news/1259404/> 9 (дата обращения: 15.02.2020).

и поиском новой научной парадигмы¹, с другой – происходит существенное расширение исследовательского поля юридической науки не только за счет выявления новых проблем и детализации имеющихся, но и в форме освоения методологии и проблематики иных гуманитарных наук². В значительной степени это связано с признанием права сложным, многогранным, многоаспектным, многоуровневым явлением, познание которого возможно лишь на основании интегративного подхода и широкого привлечения к исследованию достижений современного гуманитарного знания³.

В этой ситуации особое значение приобретают философско-правовые исследования, которые позволяют рассмотреть правовую реальность и отдельные ее компоненты в различных контекстах. Важнейшей проблемой философии права становится формирование новых методологических оснований юридических исследований⁴. Это обуславливает необходимость обращения не только к онтологической проблематике, но и к аксиологической и особенно гносеологической. Качественно новый характер современного познания предопределил необходимость пересмотра общей картины познавательного-правового процесса и выявления роли тех факторов, которые раньше не учитывались или просто игнорировались. Одним из таких факторов является правопонимание.

Правопонимание в постмодернистской парадигме представляет собой элемент не только правовой, но и социальной реальности и развивается в контексте правовой коммуникации интересующего субъективного характера. Исследование правопонимания не только в юридическом, но и в социокультурном аспекте, с учетом его онтологической, аксиологической и гносеологической составляющей, позволяет определить эту категорию как интегративную, включающую в себя функциональные и когнитивные аспекты. В функциональном отношении правопонимание представляет

¹ Кризис права: история и современность: монография / под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. Санкт-Петербург, 2018.

² См.: *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права: монография. Санкт-Петербург, 2012.

³ См.: *Еришов В.В.* Анализ интегративного правопонимания с общенаучных позиций // Российское правосудие. 2017. № 5 (133). С. 6–18.

⁴ См.: *Стовба А.В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Правоведение. 2017. № 4. С. 88–101.

собой интеллектуальную деятельность, направленную на познание правовой реальности¹.

В постклассической социальной философии познание интерпретируется как «специфический вид духовной и практически-преобразующей деятельности человека, состоящий в получении, накоплении и передаче из поколения в поколение знаний как о свойствах, состояниях, тенденциях и закономерностях развития окружающего человека мира, так и об особенностях бытия самого человека в этом мире»². Исходя из этого, познание представляет собой взаимодействие субъекта и объекта. При этом субъект выступает не в пассивном, а в активном качестве. Во-первых, именно субъект выбирает познаваемый объект и определяет цель, задачи и методологию познания. Во-вторых, субъект путем мыслительных операций формирует в своем сознании образ объекта, соответствующий ценностным ориентациям первого и адекватно отвечающий содержанию второго. В-третьих, субъект в процессе познания способен воздействовать на объект, изменяя его содержание в соответствии со своими ценностными ориентациями, то есть субъект познания не ограничивается лишь анализом и интерпретацией познаваемого объекта, он способен конструировать его новые качества или объект в целом³.

Данные философские положения определяют общее направление анализа и интерпретации правопонимания в гносеологическом контексте. Субъект правопонимания как активная сторона познания правовой реальности осуществляет рефлексивную деятельность по анализу и интерпретации правовой реальности и формирует в своем сознании образ реальности, одновременно соответствующий его ценностным ориентациям и адекватно объясняющий содержание правовой реальности и место в ней человека, однако при этом речь идет не только о познании общих и локальных

¹ См.: *Скоробогатов А.В.* Правопонимание как философско-правовая категория // *История государства и права.* 2015. № 7. С. 9–13.

² *Топылкин В.Е.* Познание как специфический вид духовной и практически-преобразующей деятельности человека // *Общество: философия, история, культура.* 2011. № 3–4. С. 20.

³ См.: *Панкратова О.А.* Субъект познания в контексте современной постнеклассической рациональности // *Общество: философия, история, культура.* 2016. № 4. С. 19–21.

закономерностей возникновения, развития и функционирования явлений, которые человек обозначает как правовые в соответствии с ценностными ориентациями группы, с которой он себя идентифицирует. Для субъекта, выступающего в качестве адресата правовой коммуникации, также важно, как те или иные правовые явления проявляются в повседневном бытии и как их можно использовать для реализации своих интересов. Если же субъект выступает адресантом коммуникации, то наряду с вышеобозначенными задачами познания для него важно определение своей роли в правовом воздействии и выявление потенциальных (в том числе латентных) возможностей по формированию новых правовых норм и ценностей и в конечном счете способности к конструированию правовой реальности¹.

Правопонимание занимает специфичное место в структуре правовой реальности. Становление, функционирование, а также динамика развития правовой реальности во многом определяются доминирующим правопониманием, которое формируется в пределах разных культурно-правовых традиций. Выступая как элемент правовой реальности, правопонимание не является однопорядковым по отношению к иным элементам (правотворчеству, правореализации и правовому поведению). Оно пронизывает остальные элементы, обеспечивая их позитивное или негативное взаимодействие.

Правопонимание как философско-правовая категория имеет сложную структуру, в которую входит: субъект правопонимания, объект правопонимания и его содержание². В качестве субъекта правопонимания всегда выступает конкретный человек, личность со своим мировоззрением, образованием, степенью компетентности в правовых вопросах и собственным отношением к праву. Правопонимание зависит от личностных качеств и характеристик человека, его правосознания.

Правосознание отражает рефлексивные способности человека по формированию образа правовой реальности. Чем выше степень

¹ См.: *Разуваев Н.В.* Юридическое мышление и эволюция знаковых средств конструирования правовой реальности // *Российский журнал правовых исследований.* 2019. Т. 6. № 3(20). С. 37–55.

² Подробнее о содержании права см.: *Толстик В.А., Трусов Н.А.* Понятие содержания права // *Государство и право.* 2014. № 6. С. 5–13.

развития правосознания, прежде всего правовой идеологии, тем более глубоко индивид проникает в сущность правовой реальности, тем более адекватным является его интерпретация содержания реальности и места в ней человека.

В случае группового или общественного правопонимания речь идет об интерсубъективной конвенциональной позиции, основанной на ценностных ориентациях социума и позволяющей определить место человека, локальной группы и общества в целом в правовой реальности. В современных условиях развития правового дискурса происходит усиление конвенциональности правопонимания, обусловленное увеличением числа субъектов, выступающих не только в качестве адресатов, но и адресантов правовой коммуникации.

Субъектов правопонимания можно типологизировать на основании аксиологических и гносеологических критериев. Аксиологическим критерием типологии выступает ценностная ориентация субъекта познания, определяемая его правовой идентификацией и ролью в правовой реальности. Гносеологическими критериями мы считаем уровень правовой рефлексии, методологию и методы познания правовой реальности, степень научности сформированного в сознании субъекта образа реальности. В соответствии с этими критериями можно выделить три группы субъектов:

1. Человек, соприкасающийся с позитивным (формальным, официальным) правом ситуативно, обладает обыденным правопониманием, характеризующимся синкретизмом сформированного образа правовой реальности и своего места в нем¹. Познание правовой реальности преимущественно осуществляется на основании личного правового опыта, который выступает специфичной формой интерпретации социального опыта и представляет собой наблюдение и эмоциональное ощущение тех явлений, которые признаются правовыми в группе, с которой он себя идентифицирует. Отсутствие вовлеченности в юридические процессы при этом воспринимается не просто как стороннее отношение к правовой реальности, а в качестве основания для формирования правового инфантилизма.

¹ См.: Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность. Санкт-Петербург, 2018.

2. Человек, имеющий юридическое образование, обладающий юридическими знаниями и навыками и осуществляющий (реально или потенциально) профессиональную юридическую деятельность¹. Познание правовой реальности осуществляется также на основании личного правового опыта, однако в данном случае он является приоритетным по отношению к социальному опыту. Речь идет не только о наблюдении окружающей реальности, но и о ее анализе и интерпретации в соответствии с практическими потребностями профессиональной деятельности. При этом формируется представление о праве, обладающее признаками системности и критичности, соответствующими профессионально-практическому правопониманию. Принадлежность к этой группе позволяет субъекту не только вписываться в правовую реальность, но и оказывать влияние на ее конструирование, хотя это влияние определяется не стратегическими целями, а ситуативными задачами.

3. Человек, имеющий юридическое образование, опыт юридической деятельности не только профессионально-практической, но и научной направленности, обладающий доктринальным правосознанием, осуществляющий исследовательский анализ и интерпретацию правовой реальности с целью ее адекватного объяснения и преобразования в соответствии с социальными интересами. При этом формируется система теоретических знаний о генезисе, эволюции, функционировании, сущности и содержании правовой реальности в ретроспективном, актуальном и перспективном отношении². Прежде всего, к этой группе относятся лица, профессионально осуществляющие научную юридическую деятельность в сфере исследования правовой реальности и отдельных правовых явлений в регулятивном, историческом и социокультурном контекстах. Полученное ими знание о правовой реальности формирует правовую доктрину, определяющую официальную интерпретацию права. Не случайно в составе Конституционного Суда

¹ См.: *Боруленков Ю.П.* Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // *Правоведение*. 2017. № 2 (331). С. 6–41.

² См.: *Кривицкий Ю.В.* Доктринальные аспекты правопонимания в современных условиях // *Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: сборник материалов II Международной заочной научной конференции* / отв. ред. В.Е. Бурый. Могилев, 2017. С. 287–290.

Российской Федерации как высшего органа, призванного не только давать заключения о соответствии законодательства нормам и принципам Конституции Российской Федерации, но и определять стратегическое направление развития правовой доктрины, представлены именно ученые, то есть лица, относящиеся к третьей группе субъектов правопонимания.

Кроме того, к этой группе можно отнести лиц, определяющих основные направления правовой политики, как субъектов, деятельность которых связана со стратегическим направлением конструирования правовой реальности¹. Хотя в силу уровня образования и характера интерпретации правовой реальности они принадлежат к субъектам профессионально-практического правопонимания, в соответствии со спецификой их деятельности, связанной с конструированием правовой реальности, мы рассматриваем их в контексте субъектов доктринального правопонимания. В данном случае для типологии субъектов правопонимания важнее становится не гносеологический критерий, а аксиологический.

Объект правопонимания является комплексным элементом, который можно рассмотреть в различных методологических контекстах. Онтологически объектом правопонимания выступает правовая реальность, которую мы понимаем как сложноорганизованную моноуровневую систему, включающую всю совокупность объективных и субъективных юридических явлений, которые могут быть представлены не только онтологически, но и феноменологически, когнитивно, функционально, пространственно и темпорально². Гносеологически в качестве объекта правопонимания выступает процесс познания правовой реальности в правовом дискурсе. В аксиологическом подходе внимание сосредоточено на ценностных ориентациях теорий и концепций правопонимания. Феноменологическая парадигма обращается к процессу социального конструирования правовой реальности. При антропологическом подходе преимущественно изучается отношение к правовой реальности человека в контексте его идентификации с различными

¹ См.: Алиев Т.Т. К вопросу правопонимания и обеспечения качества законодательного акта // Современное право. 2016. № 4. С. 10–15.

² См.: Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: понятие и структура // История государства и права. 2017. № 7. С. 54–58.

социальными группами. Лингвистический подход акцентирует внимание на юридическом дискурсе, включающем в себя совокупность образов правовой реальности в правосознании познающих субъектов.

Содержание правопонимания составляет правопознавательная деятельность субъекта, направленная на понимание, постижение, раскрытие и прояснение правовой реальности и места в ней человека. Правовая реальность при этом рассматривается во всей многогранности и многоуровневости ее природы и социального назначения. Дискурсивность правового познания определяет необходимость обращения к его феноменологическим, методологическим и функциональным аспектам. Интерсубъективная онтологическая природа правовой реальности обуславливает необходимость синтеза интегративного, аксиологического и антропологического подходов при исследовании этой категории и отдельных ее составляющих с целью разработки теории, соответствующей современному уровню научного знания и способной адекватно объяснить развитие и функционирование правовой реальности, а также сформировать научно обоснованный прогноз ее дальнейшей эволюции.

Различие в методологическом инструментарии познания правовой реальности позволяет выявить пять различных гносеологических моделей ее осмысления на доктринальном уровне правопонимания:

1. Нормативистская (юридико-позитивистская) модель сосредоточивает внимание на внешней стороне правовой реальности, рассматривая право как систему норм, установленных государством и обеспеченных его принудительной силой. При этом преимущественно используется догматическая методология (А.В. Аверин¹, М.И. Байтин²).

2. Социологическая модель правовой реальности основное внимание уделяет социальной обусловленности правовой реальности, укорененности права в жизни, используя для этого

¹ См.: *Аверин А.В.* Правопонимание и юридическая практика // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4 (14). С. 19–36.

² См.: *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. Москва, 2005.

методологию эмпирической социологии (В.Н. Кудрявцев¹, Е.В. Масловская²).

3. Естественно-правовая модель рассматривает прежде всего идеально-моральную сторону правовой реальности, идею права, которая раскрывается в сознании субъекта (В.К. Бабаев³, В.М. Шафиров⁴). Методологически она основана на метафизике и аксиологии права.

4. Интегративная модель основана на синтезе (интеграции) методологий трех вышеобозначенных моделей с целью изучения правовой реальности как многоаспектного явления (А.В. Поляков⁵, Р.А. Ромашов⁶).

5. Постмодернистская модель сосредоточилась на смысловой стороне правовой реальности, которая проявляется в процессе взаимодействия субъектов, в их коммуникации и интерпретации позиции другого (И.Л. Честнов⁷). Методологически она основана на коммуникативно-дискурсивной парадигме, разработанной в постмодернистской герменевтике и феноменологии права.

Таким образом, правопонимание выступает в качестве философско-правовой категории не только онтологически, но и гносеологически. Познавательный (гносеологический) аспект правопонимания связан со стремлением человека как субъекта правопонимания познать и объяснить правовую реальность и свое место в нем (объект правопонимания). Познание сущности и содержания правовой реальности (содержание правопонимания) может быть представлено пятью гносеологическими моделями: нормативистской (юридико-позитивистской), социологической, естественно-правовой, интегративной, постмодернистской.

¹ См.: *Юридическая конфликтология* / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. Москва, 1995.

² См.: *Масловская Е.В.* Социологические теории права и анализ правовых институтов российского общества: монография. Нижний Новгород, 2007.

³ См.: *Бабаев В.К., Демидов В.К.* Законность и ее принципы // Ленинградский юридический журнал. 2004. № 1. С. 133–144.

⁴ См.: *Шафиров В.М.* Человекоцентристский подход к пониманию права // *Право Украины*. 2011. № 1. С. 101–106.

⁵ См.: *Поляков А.В.* Коммуникативное правопонимание: избранные труды. Санкт-Петербург, 2014.

⁶ См.: *Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н.* Право – язык и масштаб свободы. Санкт-Петербург, 2015.

⁷ См.: *Социокультурная антропология права: коллективная монография* / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. Санкт-Петербург, 2015.

Смирницкий А.Е.,

*кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России*

Проблема правового регулирования занятости советского учительства в 40–60-е годы XX века

В условиях современного общества проблема занятости остается весьма актуальной. Следовательно, опыт решения этой проблемы в различные исторические эпохи нуждается в дальнейшем исследовании. Кроме того, в настоящее время в обществе усилился интерес к советскому обществу. Современное общественное сознание наполнено стереотипами как позитивного, так и негативного характера, что мешает объективному и адекватному восприятию той эпохи.

Проблема правового регулирования занятости советского учительства не нашла должного отражения в исторической и историко-педагогической литературе. Обошли ее стороной и историки государства и права. Между тем раскрытие данной темы позволит глубже понять принципы регулирования трудовых отношений в СССР в указанный период времени.

Основным документом, регулирующим занятость советских учителей, была Конституция СССР, принятая 5 декабря 1936 года, которая гарантировала гражданам СССР право на труд и на образование¹. Государство не только обеспечивало занятость, но и осуществляло распределение работников в те регионы, где их не хватало. Работник, получивший высшее и среднее специальное образование, должен был отработать по специальности в течение трех лет по месту назначения. Этим он уплачивал Советскому государству расходы на его обучение.

Однако практика показывала, что многие выпускники стремились уклониться от обязательного распределения, используя как

¹ См.: Конституция СССР. Москва, 1946.

легальные, так и нелегальные способы. Наиболее распространенным способом уклонения от обязательного государственного распределения было замужество выпускниц педагогических институтов и педучилищ. В Центральном архиве Нижегородской области хранится множество командировочных предписаний с лаконичной отметкой: «Убыла по месту работы (службы) мужа». Другой легальной формой уклонения от обязательного государственного распределения было оформление справок о необходимости ухода за больными родственниками.

Уклонение от обязательного государственного распределения было вызвано отсутствием сносных материальных условий в большинстве регионов. Следует подчеркнуть, что нарушение контракта носило обоюдный характер, причем и государство, и учителя знали об этом. Отчеты о работе школ буквально пестрят фактами нарушения прав молодых специалистов. Диапазон этих нарушений весьма широк: несвоевременная выплата квартирных денег и отказ от предоставления квартиры, невыплата подъемных, систематическая задержка заработной платы. Многие в решении этих проблем зависело от местных руководителей. Чтобы вооружить учителей в борьбе за свои права, «Учительская газета» ввела рубрику «Юридическая консультация», в которой большое внимание уделялось защите прав молодых специалистов.

Работа выпускников в национальных республиках осложнялась традициями национальной розни, которые существовали на бытовом уровне. В 1961 году выпускницы историко-филологического факультета ГГПИ Л. Дударева и В. Лаврова приехали в самую отдаленную область Сурхандарьинскую Таджикской ССР. Их направили в школу имени Мичурина Термезского района. Председатель колхоза т. Шерназаров встретил девушек сурово: «Как сможете, так и устраивайтесь – и с жильем, и с продуктами. У меня колхоз: план по хлопку, а не райсобес. Как приехали, так и уедете. Без вас жили и проживем. Не нравятся наши порядки – уезжайте»¹.

В 1971 году ректорат ГГПИ с помощью преподавателей, которые присутствовали на августовских районных сельских конференциях, собрал и обобщил данные за пять лет о работе выпускников вуза в сельских школах. Были взяты цифры по 11 северным

¹ За учительские кадры. 1963. 22 августа. С. 2.

районам Горьковской области. Из всех городских выпускников осталось работать 15%, а из выпускников сельских школ – 50%¹.

Характерной чертой Советского государства в проведении кадровой политики было приоритетное обеспечение прежде всего собственных интересов, поэтому регулярно возникал феномен «локальной безработицы», который не нашел достаточного изучения в современной историографии. Суть его заключалась в том, что государство увеличивало количество обучаемых специалистов для определенных отраслей народного хозяйства. Затем наступал период, когда отрасль была полностью обеспечена кадрами, а невостребованные специалисты вынуждены были подыскивать себе другую работу.

Это произошло с учителями начальных классов в 50-е годы XX века. В период развития обязательного начального обучения Советское государство нуждалось в увеличении количества учителей начальных школ. Для этого создавалась сеть пединститутов, педучилищ и шестимесячных курсов при районных отделах народного образования. К середине 50-х годов XX века потребность в учителях начальных школ была удовлетворена. В условиях роста урбанизации в СССР количество начальных школ и начальных классов в сельской местности сократилось. Разумеется, под сокращение попали прежде всего молодые учителя. Какие варианты трудоустройства по месту распределения могло предложить молодым специалистам Советское государство?

Количество вакансий для молодых специалистов в сельской местности и в районных центрах было весьма ограничено. Молодого специалиста могли назначить инспектором РОНО, но тогда он существенно терял в зарплате, так как инспектор РОНО получал в два раза меньше учителя. Уволенные молодые учительницы устраивались машинистками, но спрос на этот труд был невелик. Можно было получить заочное образование и стать учителем 5–10-х классов, но на это требовалось время и материальные возможности. Вариант работы в колхозе даже не рассматривался. Чтобы сохранить для школы молодого специалиста, его переводили на полставки, но это также было материально невыгодно. В сельских школах развернулась ожесточенная борьба между учителями

¹ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 193. Л. 36.

начальных классов за сохранение своей занятости. В Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области хранятся письма учителей, в которых они предъявляют самые разнообразные обвинения своим коллегам: от морального разложения до политической неблагонадежности. Подоплекой этих обвинений было стремление сохранить за собой место учителя в начальной малокомплектной школе.

Таким образом, в указанный период времени Советское государство не имело возможности создать необходимые условия для работы молодых учителей – специалистов. «Вы обязаны по закону отработать в школе три года», – говорил кадровик учителю. «Создайте условия для работы», – отвечал учитель.

Важным документом при приеме учителя на работу была его характеристика, в которую заносились данные о личности учителя. Эти характеристики носили предельно общий характер и давали довольно трафаретный образ учителя. Особое внимание в ней уделялось политическим вопросам, касающимся участия в антисоветских формированиях и внутрипартийных оппозициях и т. д.

Распределение учительских кадров происходило не только внутри РСФСР, но и в областях. Районный отдел народного образования имел право перемещать учителей с ведома ОблОНО. По закону такое перемещение было вызвано необходимостью обеспечения школ педагогическими кадрами. На практике эта мера применялась в качестве наказания для строптивых учителей, подвергавших критике руководство района, или в случае конфликтных отношений, сложившихся в коллективе. Сама по себе такая мера была весьма болезненна для учителя, особенно если он был семейный. Нужно было переезжать, налаживать заново быт, иногда в гораздо худших условиях, поэтому эта мера рассматривалась учителями как наказание. Министерство просвещения РСФСР неоднократно указывало на нарушения правил перевода учителей местными органами народного образования.

В то же время Советское государство стремилось закрепить учительские кадры на местах и создать высокопрофессиональные учительские коллективы. Эта работа проводилась еще в предвоенные годы. В 1938 году была аттестация учителей. Они получали персональные звания, которые сохранялись за ними пожизненно. В 1945 году для учителей была учреждена ведомственная

награда «Отличник народного просвещения» и звание «Заслуженный учитель РСФСР». Для заслуженных учителей вводилась персональная пенсия, с 1948 года для учителей, проработавших в школе не менее 25 лет, – пенсия за выслугу лет. За выслугу учителя награждались орденами и медалями Советского Союза. Известно, что руководством страны разрабатывался проект формы для учителей, подобно форме, которая была введена для работников МИД СССР.

В 1948 году постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР для сельских учителей развернулось строительство индивидуальных домов. Сельский учитель получал участок в размере 0,25 га, причем сельхозпродукция с учительского участка не облагалась налогом, которым облагалось личное подсобное хозяйство колхозников. Дети учителей освобождались от оплаты за обучение в старших классах общеобразовательных школ и в вузах. Таким образом, имея крайне скудные средства, Советское государство стремилось превратить учительство в привилегированную профессиональную группу.

Актуальной проблемой для учительства было нормирование труда. Советское законодательство определяло нагрузку учителя в размере 18 часов в неделю. Директор школы мог иметь учебную нагрузку не более 6 часов в неделю. Отдельно учителя русского языка и математики получали за проверку тетрадей, однако, несмотря на ясность закона относительно нормирования учительского труда, реальная практика была иной.

Учителя систематически перерабатывали как по своей воле, так и по воле Советского государства. В целях улучшения своего материального положения учителя брали дополнительные часы в других школах или вели личное подсобное хозяйство, что, кстати сказать, разрешалось законом. С другой стороны, государство использовало учителей для проведения разного рода политических кампаний и общественных мероприятий, от которых было сложно отказаться. К ним относились и учет детей школьного возраста, и чтение лекций трудящимся, и различные виды внеклассной и внеурочной работы со школьниками. Список этот можно продолжать и далее. Характерно, что если лектору общества «Знание» платили деньги, то учитель читал свои лекции бесплатно в обязательном порядке. От общественных мероприятий освобождались учителя-

заочники. По закону им полагалось по два свободных часа в день для подготовки к занятиям.

Порядок увольнения учителей регулировался Кодексом законов о труде. По советскому трудовому законодательству увольнению подлежали учителя, систематически нарушающие трудовую дисциплину. Под этим понимались не только прогулы, но и пьянство на рабочем месте, антипедагогические меры воздействия на учащихся (оскорбления, рукоприкладство), низкое качество работы. Учителя, не имевшие необходимого образовательного ценза, должны были пройти заочное обучение. В то же время вплоть до февраля 1956 года существовала группа учителей, которых увольняли с работы, хотя они не подходили ни под одну из вышеназванных категорий. Это были учителя, «не внушающие политического доверия». К этой категории относились лица, находившиеся в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории, в плену у гитлеровцев, состоявшие в антисоветских политических партиях, внутривластной оппозиции, служившие в годы гражданской войны в антисоветских формированиях и т. д. При апелляции на неправильное увольнение им было сложно опираться на закон и тем более на правоприменительную практику. Единственным выходом было подтверждение своей политической лояльности в обращениях в высшие органы власти, но это редко срабатывало, так как руководители народного образования на местах не хотели вступать в отношения с «лицами, не внушающими политического доверия». В 1952 году в отдел школ Кировского обкома ВКП(б) была подана справка, в которой содержались сведения о 31 учителе, подлежащем увольнению по политическим мотивам. Из них только четверо обвинялись в личной политической неблагонадежности, остальные считались неблагонадежными из-за социального происхождения или поведения своих родственников¹. Таким образом, к ним применялся принцип объективного вменения.

Подобная практика порождала в среде учительства нездоровые настроения. Фактор политической благонадежности использовали учителя, уволенные из школы за низкие профессиональные качества. Так, учительница школы № 98 Железнодорожного района

¹ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 25. Д. 384. Л. 270.

г. Горького Л.С. Сквородова, уволенная в 1952 году за низкое качество уроков и антипедагогические действия в отношении учащихся (брала их за ворот рубашки и выбрасывала из класса), в письме на имя Первого секретаря Горьковского обкома ВКП(б) обвинила администрацию школы в антисоветских настроениях¹.

Таким образом, проблема занятости советского учительства носила многофакторный характер. Приоритетом пользовались интересы Советского государства и общества. В вопросах занятости учитель находился под охраной государства лишь в той мере, в какой государству это было выгодно. Правоприменительная практика была противоречива. Некоторые законы просто не работали в силу тяжелых материальных условий послевоенного времени. Например, в городах молодому специалисту не могли предоставить квартиру из-за отсутствия свободного жилого фонда и выдавали так называемые квартирные деньги, которые, как правило, не покрывали всей стоимости жилья. Следует подчеркнуть, что в отношении учителей больше, чем во всех других профессиональных категориях, происходило нарушений трудового законодательства, вызванных как низким уровнем правовой грамотности контрагентов, так и специфическими условиями учительского труда в послевоенное время.

Особенно эта тенденция усилилась в середине 50-х годов, когда на селе обнаружился переизбыток учителей начальных классов. В отношении отдельных категорий учителей существовал принцип презумпции, то есть само собой разумелось, что они не могли работать в школе по причине «отсутствия политического доверия». Начиная с 1956 года в связи с началом десталинизации советского общества отказ в устройстве учителей на работу по политическим мотивам был прекращен. Этому во многом способствовала политика гуманизации советского права. Свой посильный вклад в этот процесс внес и В.К. Бабаев. Его кандидатская диссертация, блестяще защищенная в 1966 году, была посвящена применению презумпции в советском праве². Его трактовка данного понятия была гораздо шире, чем это было принято ранее. Понятие презумпции В.К. Бабаев рассматривал применительно к различным отраслям

¹ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9000. Л. 37.

² См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969.

права. Особо он выделял презумпцию добропорядочности советского гражданина, что было в то время весьма актуально. «Смысл презумпции добропорядочности состоит в том, что каждый гражданин, пока иное не доказано, предполагается не имеющим дурных намерений... добропорядочным, по советскому праву, может считаться субъект права, не совершающий действий, могущих нанести вред советскому обществу в целом или отдельным его членам, или совершающий определенные действия, когда нормы права этого требуют»¹. Научная и практическая деятельность В.К. Бабаева способствовала преодолению правовых принципов и практики 30–50-х годов XX века.

УДК 1:34

Соборнов П.Е.,

*кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России*

Диалектическая концепция Г.В.Ф. Гегеля и ее влияние на развитие правовой науки

В правовой науке важнейшими являются проблемы закономерности и развития права как способа регулирования общественных отношений, проблемы прохождения правом разнообразных этапов. Весомый вклад в разрешение этих вопросов внес выдающийся ученый Владимир Константинович Бабаев (1939–2008) постановкой проблемы советского права как логической системы на рубеже 1970 – начала 1980-х годов. В условиях господства классовой концепции права, в соответствии с которой право понималось как формально закрепленная воля экономически господствующего класса, именно В.К. Бабаев поставил в советской науке проблему права как логической системы. При этом он обратил

¹ *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 5.

внимание на факт того, что «законодательная техника имеет внеклассовый характер и используется одинаково, что в советском, что в дореволюционном праве, что в других буржуазных государствах»¹. Такая внеклассовая постановка проблем становления и развития законодательной техники восходит к диалектической концепции выдающегося немецкого философа первой половины XIX века Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831), который в работе «Философия права», вышедшей в 1820 году, обосновал диалектическую концепцию права как социального явления.

Между тем в нашей стране взгляды именно этого немецкого ученого первой половины XIX века были предельно политизированы – в них очень долго пытались видеть предтечу германского фашизма. Отдельные представители советской науки в своих работах стремились «разоблачить истоки изуверской фашистской идеологии в виде воззрений Г. Гегеля о возвеличивании немецкого народа и спасительной роли войны в сплачивании народа и возвеличивании “народного духа”»². Отношение к идеям и концепциям Г.В.Ф. Гегеля в отечественной науке достаточно долго определялось постановлением ЦК ВКП(б) 1944 года «О недостатках в научной работе в области философии». В нем решительной критике были подвергнуты «реакционные социально-политические идеи немецкой философии как восхваляющие прусское государство и возвеличивающие немцев как избранного народа»³. Но диалектическая концепция права достаточно долго не становилась объектом внимания ученых. Только публикация полного собрания сочинений Г.В.Ф. Гегеля середины – конца 1960-х годов стала основой научного анализа диалектической концепции права.

В основе диалектической концепции права лежало представление о том, что само по себе право не появилось в готовом виде,

¹ *Сырых В.М.* Логика права как методологическая основа научного исследования юридических презумпций // *Юридическая техника: Ежегодник.* 2010. № 4. С. 56.

² *Митин М.* О реакционных социально-политических взглядах Гегеля // *Большевик.* 1944. № 12. С. 48; *Быховский Б.* Критика классической немецкой философии в работах А.А. Герцена // *Под знаменем марксизма.* 1945. № 7. С. 76–83.

³ *Александров Г.* О некоторых задачах общественных наук в современных условиях // *Большевик.* 1945. № 14. С. 15.

а прошло через ряд закономерных и взаимосвязанных между собой этапов. Первый этап – возникновение абстрактного права, право в качестве идеи, которое Г.В.Ф. Гегель соотносил с понятием «естественные права». На втором этапе, по мнению ученого, возникла мораль, которая и должна была внедряться в человеческое общество эгоистов. Наконец, последний высший этап в развитии права – нравственность, которая приучает людей жить, подчиняясь закону как воплощению нравственных добродетелей общества. Такое представление о праве стало настоящим переворотом в развитии правопонимания, так как само понятие «право» вообще было неотделимо от понятий «справедливость» и «мораль».

Другой не менее значимой идеей Гегеля в области понимания права стало представление о том, что само по себе право не становится залогом обеспечения интересов всех представителей общества. Для реализации права требуются правоприменительные институты в виде государства, которое и устанавливает нравственность в качестве закона.

Философ предлагал рассматривать право в трех основных смыслах: а) право как свобода человека; б) право как ступень свободы; в) право как закон, под которым понималась форма выражения права. Все эти значения права полностью перевернули представления современников о праве. Под правом теперь с первой половины XIX века понималась постоянно развивающаяся система, состоящая из множества разнообразных элементов, имеющая свою направленность на регулирование отношений между людьми и свою цель – формирование и поддержание нравственности в виде институтов семьи, гражданского общества и государства, а также регулирование наиболее конфликтных отношений в обществе.

Эти представления выдающегося немецкого философа оказали большое воздействие на развитие правовой науки. Это воздействие выразилось в формировании дискуссий в науке о целеполагании права и о месте права в обществе и регулировании его конфликтов. Карл Маркс и Фридрих Энгельс начинали создавать свою периодизацию форм права по классовому принципу, находясь под влиянием диалектической идеи Г.В.Ф. Гегеля. Сам же В.И. Ленин в своей работе «Три источника, три составных части марксизма» признавал факт того, что источником государственно-правовых идей марксизма

были труды представителей немецкой классической философии, среди которых важное место занимала диалектическая концепция величайшего немецкого философа. Уничтожительной критике были подвергнуты идеи Г.В.Ф. Гегеля о «надклассовости» права. Оно в марксизме было провозглашено волей экономически господствующего класса, но представление о праве как о системе, для которой были характерны процессы развития, а также поиск причин развития права не вне общества, а внутри его стал гегелевской основой марксистской государственно-правовой концепции.

В XX веке в контексте социал-демократической системы ценностей именно гегелевское понимание права как средства примирения разных групп общества начинает распространяться в концепции Мориса Ориу и в доктрине демократического социализма стран Западной Европы.

Особая востребованность диалектической концепции Г.В.Ф. Гегеля возникает в современной правовой науке. Она столкнулась с основными противоречиями в развитии постиндустриального «потребительского» общества, не только когда категория «прав и свобод человека» стала универсальной, но и процесс воплощения ее остро вызвал у современных правоведов необходимость разумного ограничения прав и свобод человека во имя сохранения человечества.

В контексте таких направлений, как аналитическая юриспруденция, правовая феноменология и правовая герменевтика, ряд ученых и стали обращаться к диалектической концепции Г.В.Ф. Гегеля. Правовая герменевтика поставила проблему понимания правовой нормы как системы, состоящей из языковых норм и смыслов, при взаимодействии которых и возникало право как система. Такая система ценностей не только являлась прямым продолжением развития диалектической концепции великого немецкого философа первой половины XIX века, но и требовала именно понимания права в качестве воплощенной нравственности, реализуемой современным государством в условиях господства ценностей «потребительского общества».

Таким образом, диалектическая концепция Г.В.Ф. Гегеля лежит в основе современного понимания права в качестве постоянно развивающейся системы, на которую оказывают воздействие как внутренние (изменения в языке и содержании норм права), так и внешние (особенности трансформации общества

и его структуры) факторы. Постановка же проблемы права как логической системы выдающимся советским и российским ученым-правоведом Владимиром Константиновичем Бабаевым в конце 1970-х – начале 1980-х годов была осуществлена не только в контексте развития тенденций современной правовой науки. Проблема понимания права как системы не потеряла своей научной актуальности и восходит к творческому наследию выдающегося немецкого философа XIX века Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

УДК 34

Торопкин С.А.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Срок дожития как правовая презумпция

Уникальность проведенного Владимиром Константиновичем Бабаевым исследования правовых презумпций состоит в том, что он не только описал в нем существовавшие на тот момент нормы, но и сформировал модель для понимания будущих правовых явлений. В его монографии не уделяется внимание вопросам презюмирования в пенсионном праве, однако выводы В.К. Бабаева могут быть положены в основу анализа существующих презумпций в пенсионном праве.

Одним из важных параметров пенсионной системы является «срок дожития», то есть ожидаемый период выплаты пенсии. Именно от этого юридического срока напрямую зависит конкретный размер пенсии, которую будет получать пенсионер.

Нормативное определение срока дожития впервые появилось в Федеральном законе от 28 декабря 2013 года № 424-ФЗ «О накопительной пенсии», согласно которому «ожидаемый период выплаты накопительной пенсии – показатель, рассчитываемый на основе данных федерального органа исполнительной власти,

осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере официального статистического учета, и используемый для определения размера накопительной пенсии»¹. Размер накопительной пенсии (далее – НП) в настоящее время рассчитывается по формуле:

$$\text{НП} = \text{ПН} / \text{T},$$

где ПН – сумма средств пенсионных накоплений застрахованного лица, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета или на пенсионном счете НП застрахованного лица; Т – количество месяцев ожидаемого периода выплаты НП, то есть срок дожития.

По своей природе срок дожития является правовой презумпцией, то есть закрепленным в нормах права предположением о наличии юридических фактов, основанным на связи между ними и фактами наличными и подтвержденным предшествующим опытом². Подтверждением данного обстоятельства считается определение срока дожития, согласно которому он устанавливается на основе данных федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере официального статистического учета, то есть срок дожития определяется на основании фактических данных о средней продолжительности жизни в Российской Федерации, которые установлены Федеральной службой государственной статистики (Росстатом) и по которым делается предположение о средней продолжительности жизни пенсионеров в будущем.

Однако, сопоставляя данные о средней продолжительности жизни в Российской Федерации и установленный законом срок дожития, несложно выявить очевидные расхождения. Как известно, с 2019 года возраст выхода на пенсию по старости постепенно увеличивается: для мужчин – с 60 до 65 лет, а для женщин – с 55 до 60 лет. При этом

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52, ч. I, ст. 6989.

² *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 4.

средняя продолжительность жизни, по данным Росстата, в 2018 году составила для мужчин – 67,72 года, для женщин – 77,82 года, а в общем – 72,91 года. Если в ближайшие годы продолжительность жизни россиян существенно не изменится, то женщина в среднем будет проживать на пенсии 17 лет, а мужчина – всего лишь 2–3 года, однако срок дожития, установленный законом в 2019 году, равен 258 месяцам, то есть 21,5 года. Таким образом, выходящие на пенсию мужчины будут проживать в среднем одну десятую от ожидаемого периода выплаты трудовой пенсии, а средний срок жизни женщин будет меньше нормативного срока дожития на 3,5 года. Исходя из того, что эффективность правовой презумпции зависит от степени достоверности учитываемых фактических данных, следует признать, что сроки дожития должны либо устанавливаться отдельно для мужчин и для женщин, либо быть меньше в среднем.

Кроме того, не соответствует статистическим данным динамика изменения срока дожития. В отдельные периоды времени, например в 2002–2003 годах, средняя продолжительность жизни российского населения уменьшалась, в то же время срок дожития увеличивался. В целом же за период с 2002 по 2013 год средняя продолжительность жизни выросла на 5,81 года, в то время как ожидаемый период жизни пенсионера был увеличен на 7 лет. Таким образом, наблюдается тенденция, когда темп увеличения срока дожития опережает темпы роста средней продолжительности жизни человека, что негативно сказывается на объеме реальных пенсионных прав.

Формулировка правовой нормы, согласно которой ожидаемый период выплаты НП – это показатель, рассчитываемый на основе данных Росстата, оставляет законодателю возможность усмотрения при определении конкретной продолжительности срока дожития¹. Порядок, методика расчета этого показателя и перечень статистических данных, которыми нужно руководствоваться при его расчете, законодательством не определены. Устанавливается лишь общий ориентир для определения сроков дожития, конкретная же их продолжительность зависит от воли законодателя.

¹ Толстик В.А. Пределы законодательного усмотрения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 282–285.

Следует учитывать, что сроки дожития являются важными инструментами пенсионной политики государства. Увеличивая нормативную продолжительность сроков дожития, законодатель уменьшает размер накопительной части ежемесячной пенсии, получаемой пенсионером. Подобная стратегия государства позволяет экономить средства пенсионного фонда, но уменьшает объем реальных пенсионных прав. При этом эффективность сроков дожития как правовой презумпции снижается. Несмотря на то, что срок дожития является правовой презумпцией и должен отражать наиболее вероятный срок жизни человека, в настоящее время его конкретная продолжительность зависит от состояния пенсионной системы и устанавливается под влиянием политической и экономической конъюнктуры в государстве.

УДК 340

Трофимов В.В.,

*доктор юридических наук, доцент, директор
Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина*

**Логика целеполагания и типизация юридических норм
с точки зрения социально-психологической природы
регулируемых межличностных отношений
(общий теоретический ракурс исследования)¹**

Традиционно в отечественной юриспруденции право в объективном смысле рассматривается как регулятор общественных отношений. Согласно теории исторического материализма (общесоциологической теории марксизма), получившей довольно прочное

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

и доминирующее (по сравнению со всеми иными социально-философскими теориями и концепциями) положение в советской науке права, это «многообразные связи, возникающие между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них в процессе их экономической, социальной, политической, культурной жизни и деятельности»¹. Именно общественные отношения выступают в качестве объекта (предмета) правового регулирования, а значит, ими объективно задается общий характер и логика действия соответствующего механизма воздействия права на общественную жизнь, поэтому во многом от понимания того, что есть общественные отношения, может зависеть и то, какие средства (прежде всего правовые) для их регламентации будут созданы и какие юридические нормы по своему характеру, содержанию и, естественно, целевым установкам будут приняты. При этом, как представляется, чем четче и адекватнее будет понимание предмета правовой регламентации (социальных отношений), тем более истинным будет суждение, заключенное в правовой норме. Верно отмечает В.К. Бабаев, что, для того чтобы быть истинной, «норма права должна: во-первых, правильно отражать состояние общественных отношений, служащих предметом правового регулирования, во-вторых, давать им правильную юридическую оценку»².

Однако, как мы отметили выше, помимо правильного отражения состояния общественных отношений, нужно изначально правильное и глубокое понимание того, что представляют собой общественные отношения. Иначе может оказаться, что то же правотворческое познание будет «схватывать» предмет правового регулирования лишь поверхностно, не понимая сути проблемы и даже не вдаваясь «в детали» подвергаемого регулированию социального пространства, которые также могут быть важны. В другой своей работе В.К. Бабаев справедливо замечает: «Исследование логики права предполагает изучение различных аспектов правотворчества и правоприменения, в частности вопроса о логико-юридическом развитии правовых норм. В литературе он ставится главным образом в связи с возникающей

¹ Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 18 / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Москва, 1974. С. 719.

² Бабаев В.К. Норма права как истинное суждение // Правоведение. 1976. № 2. С. 35.

необходимостью конкретизации правовых норм»¹. И далее ученый отмечает: «Юридические нормы имеют слишком общий характер и для своего применения нуждаются в более конкретных нормах, их опосредующих. Лишь тогда они способны выполнить свою регулируемую роль»². При этом автор, являясь последовательным сторонником логического метода в праве, не доводит идею этого метода до крайности, как это пытались делать представители юридической догматики, отрицавшие в принципе необходимость исследования социальной природы права³, а, напротив, продолжает утверждать, что источник развития права в конечном счете лежит не внутри правовой системы, а вовне – в регулируемых правом общественных отношениях, которые обуславливают его возникновение, определяют сущность и содержание⁴. Но опять же, нужно понимать, что же представляет собой это самое пресловутое социальное пространство в виде того, что мы называем «общественные отношения».

В представленном вначале доктринальном понимании общественных отношения (а именно в такой трактовке понятие общественных отношений преимущественно фигурировало в отечественной гуманитарной науке) есть прежде всего макросоциальные связи, где личностный и специфически-социальный контексты практически теряются на фоне больших социальных сил (главным образом классов), а если и проявляются, то только в качестве элементов макросоциальных систем и процессов. В историко-материалистической доктрине позиционировалось⁵, что отдельные личности участвуют в общественных отношениях как члены (представители) тех или иных социальных общностей и групп, при этом именно общественные отношения определяют существенные стороны личных отношений как отношений конкретных индивидов (связанных непосредственными контактами, где бывают значимы

¹ *Бабаев В.К.* Логико-юридическое развитие правовых норм // Правоведение. 1978. № 2. С. 7.

² Там же.

³ См. об этом, например: *Корнилов Ф.Д.* Юридический догматизм и диалектический материализм: (Критический набросок). Саратов, 1925.

⁴ *Бабаев В.К.* Логико-юридическое развитие правовых норм // Правоведение. 1978. № 2. С. 12.

⁵ См., например: *Исторический материализм* / под общ. ред. Ф.В. Константинова. Москва, 1950.

психологические, нравственные, культурные особенности людей, их симпатии и антипатии и другие личностные факторы), но не наоборот. Не удивительно, что при таком подходе человеческое, личностное если и подразумевалось, то оставалось в тени макросоциальных величин (субъектов, их интересов и пр.). Ф. Энгельс по этому поводу прямо указывал, что «отношение фабриканта к рабочему – не человеческое, а чисто экономическое»¹. Межличностные отношения в социально-гуманитарном знании, если и предполагались, то место фундаментального начала им, конечно, не отводилось. Соответственно подобная социально-философская программа находила свое зеркальное отражение во многих социально-гуманитарных науках, в том числе в науке правовой. Отсюда во многом известные определения права как регулятора общественных отношений.

Безусловно, мы не говорим сейчас о необходимости какой-либо кардинальной ревизии сложившегося толкования предмета правового регулирования. Вместе с тем, не будет лишним более подробно разобраться с данным вопросом, так как от этого зависит истинность правотворческого познания как такового, способного фиксировать на идейном уровне и затем создавать действующие юридические конструкции. При том понимании, которое имеет юридическая наука (имела ранее и продолжает иметь сегодня), право изначально становится нацеленным на регулирование неких массовидных отношений в обществе, а значит отношений обезличенных², неперсонифицированных, а потому не ориентированных на конкретный жизненный контекст, что может быть и «заслуга» объективного права³,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 2. 2-е изд. Москва, 1955. С. 497.

² На этот факт особенно обращается внимание в психологической науке. См.: Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. Москва, 2004; Селезнева Е.В. Место управленческих отношений в системе общественных и психологических отношений // Развитие профессионализма. 2016. № 2. С. 53–54.

³ Известно на этот счет мнение В.А. Белова, который пишет: «Изучение разнообразных конкретных жизненных отношений не может быть задачей юриспруденции. Так, вряд ли правильно требовать от юриста изучения экономических или, скажем, финансовых отношений с участием определенной организации – эта задача, соответственно, экономистов и финансистов, а юристу для изучения остаются юристические нормы и результаты воздействия юридических норм на конкретные жизненные отношения». См.: Белов В.А. Гражданское право. Общая часть: учебник. Москва, 2002. С. 531.

но вполне возможно, что его «просчет». А «просчет» выражается в том, что такое понимание общественных отношений «заставляет» законодателя, создающего право, ставить во главу угла «абстрактность» – «максимальную обобщенность» в присущих ему регулятивных моделях, применимых к общественным отношениям, и потому право как форма для тех же самых общественных отношений зачастую оказывается несоразмерным тем конкретным жизненным вопросам, которые с его помощью приходится решать. Поскольку оно бывает слишком «обобщено» (рассчитано на множество подобных случаев, но ни на какой-либо в отдельности), то зачастую разрешить конкретный случай с его помощью становится очень затруднительно. «За ответом» приходится обращаться к «применителям» права, однако они нередко брать на себя смелость решать в отсутствие четких нормативно-правовых предписаний закона такие вопросы отказываются, по причине чего конкретные человеческие юридически значимые интересы остаются нереализованными (неудовлетворенными), а это, как мы понимаем, не вполне хорошо, так как здесь право не выполняет свое социальное предназначение.

Целеполагание, которое присутствует в каждой юридической норме, при таком подходе, когда на уровне сознания правотворца сама целевая область в виде социальных связей, которые нужно регулировать, размыта, также становится очень приблизительным, примерным, а потому та цель, которая заключена в норме, не совпадает с той реальной целью, которая диктуется самой жизнью и той конкретной ситуацией, которую необходимо разрешить посредством права. Отсюда известное отчуждение права от социума, неверие людей в силу права и прочие проблемы правового развития, которые, как это ни парадоксально, начинаются на уровне понимания общественной природы правовых институтов.

Насколько конкретизированы должны быть нормы с точки зрения решаемых ими задач – вопрос непростой. Более глубокое его рассмотрение оставим, пожалуй, за рамками настоящего научно-популярного материала. Вместе с тем, обратим внимание на то, что объективному праву следует ориентироваться не просто на абстрактные (обезличенные) общественные отношения, а на те общественные отношения, внутри которых существует базовый

(предельно-конечный) ряд межличностных отношений – отношений между реальными человеческими субъектами, у которых по отношению друг к другу есть в том числе различные симпатии и антипатии, в результате которых такие индивиды начинают либо сотрудничать, либо конфликтовать, в связи с чем задача права может сводиться к тому, чтобы либо помочь наладить солидарное взаимодействие, либо воспрепятствовать тому, чтобы возникающие между людьми конфликты усиливались.

Почему необходимо приходиться к такому выводу? Как минимум потому, что ключ ко всем социальным процессам находится не только в экономическом субстрате общества и строящихся вокруг него производственных общественных отношениях, объективность которых автоматически распределяет социальные роли участникам (людям, которые в эти отношения вступают) и делает их частью больших социальных групп, взаимодействие между которыми и внутри которых становится предметом правового воздействия. Думается, все же природа социума намного глубже – зарождается на уровне того межличностного ряда общественных отношений, который строится самими людьми (в силу их физических и интеллектуальных возможностей), между которыми происходят самые разнообразные процессы и устанавливаются различные состояния. Именно эти процессы и состояния и выступают главным целевым объектом права, предметом правового регулирования, а значит, чтобы устроить систему качественного правового регулирования, необходимо понять, какие основные процессы и состояния происходят в области межличностных отношений.

Акцент должен делаться на взаимодействии (интеракции) индивидов. Именно в этом случае появится возможность понять и теоретически описать весь спектр составляющих социальной природы права, не ограничиваясь лишь объяснениями при помощи категории общественных отношений, которые при всей их универсальности носят обезличенный характер, а значит нивелируют специфически-социальные особенности ситуаций¹. Почему кто-то говорит, что юристам не следует их изучать (изучать конкретные

¹ См. подробнее: *Трофимов В.В.* Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект / науч. ред. Н.А. Придворов. Тамбов, 2002.

жизненные отношения), ведь это то же самое, что сказать биологам – не нужно изучать молекулярный состав биологических организмов, физикам – не изучать строение атома (и т. п.), а лишь наблюдать, как биологические и физические явления развиваются внешне. Думается, изучать микроуровень во всех сферах не только возможно, но и крайне необходимо. И первые, и вторые, и третьи группы ученых – это те, кто и изучают соответствующие явления окружающего мира, и одновременно создают инструменты, технологии (биологические, физические, а также юридические), которые обеспечивают социальное существование. Понятно, чтобы создать подобные технологии и сделать их качественными, необходимо знать природу тех явлений, для которых эти технологии создаются.

Юристам, которые призваны следить (во всех отношениях) за здоровьем общества, такие «молекулярные» знания об обществе как объекте правового контроля просто необходимы. Данные глубинные социальные знания прежде всего позволят установить, что основными сторонами социальных коммуникаций (коммуникаций между социальными субъектами) являются, *социальное сотрудничество* и *социальный конфликт*, а если это так, то целевая логика нормативного инструментария права будет в основе логикой социальной, и даже глубже – социально-психологической, учитывающей, что отношения между людьми развиваются не нейтральным образом, а в эмоционально окрашенных средах. И это невозможно не учитывать при правовых построениях: то, что исходит от социума, должно получить грамотное отражение в праве¹.

Для удобства анализа соотношения интеракции и правовых нормативов основные социальные процессы (состояния) можно свести в две большие группы: 1) *конъюнктивные* (сближение, объединение, солидарность) и 2) *дисъюнктивные* (разъединение, фрустрация, конфликт). В связи с этим функциональная связь, опосредующая действия общающихся субъектов, может иметь

¹ См. также: Трофимов В.В. Социально-психологическая природа правовых норм (к проблеме модернизации подходов в отечественном правопонимании) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 1 (21). С. 50–53.

положительную или отрицательную направленность, что в конечном счете сказывается на результате взаимодействия – установленной линии взаимного поведения, которая служит прообразом нормативной модели, а затем трансформируется и в саму нормативно-правовую модель, которая выражает конкретное объективным образом сложившееся «правило», способствующее установлению и развитию сотрудничества между социальными субъектами (например, лицензионный авторский договор, по которому правообладатель передает в рамках достигнутого соглашения определенные правовые возможности использования авторского произведения) либо предупреждению и преодолению социального конфликта (например, иск к суду о признании авторского права и применении ряда обеспечительных мер, если имеет место конфликт между лицами, спорящими о своем праве авторства на произведение).

Соответственно, можно говорить о допустимости классификации правовых норм по критерию целевой направленности на избирательную по характеру социальную ситуацию: *солидарно-ориентированные* и *конфликтно-ориентированные нормы*. Причем каждая из названных групп правовых норм имеет в арсенале целый набор юридических инструментов, получающих свое расположение в форме нормативной правовой модели. В одном случае (при конфликтных нормах) – это *негативные юридические инструменты* (предупреждения (превенции), запреты, обязанности, конкретные правовые ограничения в виде наказаний и пр.). В другом случае (при нормах солидарного права) – это *позитивные юридические средства* (дозволения, различные правовые стимулы, юридические соглашения и пр.).

Очевидно, что социальная логика правового целеполагания должна практиковаться максимально последовательно и методично (начиная от уровня правотворчества и продолжая всеми иными стадиями действия права). Зная и понимая эту логику, станет возможным определять верные правовые цели, получающие закрепление в нормативных правовых моделях, и эти цели будут наилучшим образом совпадать с теми жизненными целями, которые преследуют участники социальных коммуникаций, обеспечивая свое жизненное существование. Таким образом, право будет в полной мере выполнять свое социальное предназначение.

Ханин С.В.,

*кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры теории и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России*

Направления совершенствования эффективности партнерских отношений полиции и граждан в обеспечении общественной безопасности в современных условиях

Проблемы типологии функций современного Российского государства, механизма их реализации нашли свое отражение в научных трудах В.К. Бабаева. В современных условиях среди функций государства в процессе модернизации общественно-политических отношений важное место занимают проблемы охраны общественного порядка. Как известно, стабильная жизнедеятельность граждан без прочного общественного порядка не может быть в полном объеме реализована. Одной из тенденций данной функции государства явилось дальнейшее совершенствование социального взаимодействия полиции и населения в обеспечении общественной безопасности, повышения эффективности организационно-правовых основ в охране общественной безопасности.

Выбор новой модели взаимодействия полиции и общества, смена в его организации приоритетов, которые трансформировались от доминирования полиции над обществом к приоритету правовых основ взаимодействия, к партнерским отношениям, безусловно, не только способствовали сбалансированному взаимодействию, переменам в содержании и характере контактов полиции с гражданами, но и определяли необходимость повышения эффективности данного взаимодействия.

Усилия власти сосредоточиваются на активизации совершенствования законодательных основ. Так, Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»¹ определил перспективы

¹ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

развития взаимоотношений полиции с гражданским обществом, обеспечение условий для достижения значительной вовлеченности граждан в решение проблемы общественной безопасности. В современном обществе полиция выступает как один из основных субъектов институционального социального взаимодействия, совершенствованию деятельности которого власть уделяет постоянное внимание. В соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации в Федеральном законе «О полиции» в статье 9 «Общественное доверие и поддержка граждан» и статье 10 «Взаимодействие и сотрудничество» отражаются принципы деятельности полиции, которые являются основой взаимодействия полиции и граждан.

Юридически закрепляя место и роль общественных объединений в процессе партнерства с полицией, основу которых составляет социально-деятельностный подход, государство стремится к тому, чтобы правовой механизм регулирования вопросов взаимодействия соответствовал конституционным принципам взаимодействия государственных органов, в данном случае полиции, и общественных объединений граждан (принципам законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина; государственных гарантий социальной защиты и социального обеспечения), что способствует возможности исключить фальсификации, укрепить общественное доверие и поддержку к сотрудникам полиции, обеспечить контроль со стороны гражданского общества за деятельностью полиции, возможности устранения допущенных ошибок.

Создание общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах¹ свидетельствует о стремлении власти к формированию организационно-правового механизма, способствующего повышению эффективности в реализации партнерской модели взаимодействия полиции с населением. Они выступают в роли связующего звена между органами внутренних дел и общественными объединениями,

¹ Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах: указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 года № 668 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 22, ст. 3154.

представители которых в составе общественных советов оказывают активную помощь в реализации высоких требований к социальной компетенции сотрудников полиции со стороны общества.

Стремление внести коррективы в планирование совместной работы, методики анализа достигнутых результатов с целью повышения эффективности партнерских отношений определило необходимость обеспечения сочетания ведомственных интересов полиции и интересов представителей общественности. Так, в приказе МВД России № 1040 от 31 декабря 2013 года, показатели внутренней оценки систематизированы таким образом, чтобы результаты деятельности органов внутренних дел обеспечивали их стремление к достижению положительной внешней оценки своей деятельности со стороны граждан, что свидетельствует о совершенствовании уровня социальной защищенности как результата деятельности полиции, о качественном выполнении возложенных на нее задач по взаимодействию с населением¹ и дальнейшем совершенствовании инновационных подходов к развитию системы внутреннего и внешнего контроля за организацией деятельности полиции как социального сервисного института.

Практический опыт отражает стремление к устранению противоречий, допущенных властью в реализации организационно-правовых основ взаимодействия и связанных с отсутствием нормативного регулирования деятельности общественных организаций и граждан в обеспечении общественной безопасности на федеральном и региональном уровне². Возрождение системы нормативного регулирования деятельности общественных организаций в обеспечении правопорядка на федеральном уровне³

¹ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 декабря 2013 года № 1040. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020.)

² См., например: Об участии граждан в обеспечении общественного порядка на территории Нижегородской области: закон Нижегородской области от 4 апреля 2008 года № 28-З (Документ утратил силу в связи с принятием Закона Нижегородской области от 3 октября 2014 года № 139-З). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2020.)

³ Об участии граждан в охране общественного порядка: федеральный закон от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14, ст. 1536.

расширило возможности реализации конституционных прав граждан, предусмотренных статьей 45 Конституции Российской Федерации, придало новый импульс активизации возрождения добровольных народных дружин, что явилось важным этапом в организации взаимодействия граждан и сотрудников полиции. Нормы данного Закона способствовали интеграции сотрудников органов внутренних дел и населения на принципах открытости, публичности и доверия, совершенствованию социальной активности и укреплению гражданской позиции¹.

Так, Федеральный закон способствовал росту уровня доверия и оценок деятельности территориальных органов полиции, возрастанию творческого начала в организации взаимодействия с населением, а одновременно и повышению готовности граждан к социальному взаимодействию с сотрудниками полиции в роли внештатных сотрудников полиции². Его реализация обуславливала развитие инициатив и форм участия населения в осуществлении правоохранительной функции.

Так, размещенные на сайте Главного управления МВД России по Нижегородской области статистические данные позволяют сделать вывод о том, что жители области активно принимают участие в охране порядка (в 2018 году в Нижегородской области были зарегистрированы 112 народных дружин, в которые входят свыше 3,2 тысяч человек и четыре общественных объединения правоохранительной направленности). По итогам 2017 года с участием дружинников в тесном взаимодействии с отделами полиции УМВД России по городу пресечено более 4305 административных правонарушений, с участием народных дружинников и представителей общественных объединений задержано 187 лиц за совершение преступлений³.

¹ См.: Ханин С.В. Развитие социально-правовых основ партнерских отношений между полицией и обществом в суверенной России // Юридическая наука и практика. 2016. № 2 (34). С. 55–62.

² Об участии граждан в охране общественного порядка: федеральный закон от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 14, ст. 1536.

³ Официальный сайт Главного управления МВД России по Нижегородской области. URL: <https://52.мвд.пф/news/Akcii/narodnye-druzhiny/item/14044530/> (дата обращения: 19.02.2020).

Анализ публикаций и выводов исследователей, изучающих организационные основы взаимодействия полиции и общественных объединений в обеспечении общественной безопасности, позволяет сделать вывод, что наиболее характерными формами данного взаимодействия являются: обмен информацией, совместное правовое просвещение граждан, участие общественных объединений в принятии решений сотрудниками полиции, организации инструктажей членов общественных объединений, проведении профилактической работы с правонарушителями. Так, 13 марта 2014 года в г. Нижнем Новгороде был открыт первый в России рекрутинговый центр полиции – пилотный проект Департамента государственной службы и кадров МВД России, задуманный как имиджевое мероприятие с целью привлечь внимание, а затем подробно рассказать населению о работе органов внутренних дел¹, что способствовало укреплению их имиджа и связей с населением.

Повышению эффективности и качества взаимодействия полиции и населения в обеспечении общественной безопасности в современных условиях способствовали и изменения, направленные на укрепление правового статуса народных дружинников, которые были закреплены Федеральным законом от 2 апреля 2014 года № 70-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам участия граждан в охране общественного порядка»², определившим установление административной ответственности за воспрепятствование законной деятельности народного дружинника, а также за совершение действий, нарушающих права и законные интересы граждан или организаций.

Особое внимание в развитии организационных основ социального партнерства в современных условиях уделяется расширению возможностей средств массовой информации, способствующих не только развитию информационного контента, но и формированию заинтересованной позиции населения в совершенствовании

¹ См.: *Киричек Е.В.* Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: понятие, цели, принципы, типы и формы // *Lex Russia*. 2014. № 9. Т. XCIV.

² *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2014. № 14, ст. 1562.

взаимодействия. Изучение и анализ общественного мнения дают возможность оценить эффективность ее деятельности.

Комплексный анализ проводимых социологических замеров обеспечивает целенаправленный характер социальной составляющей деятельности полиции, способствует укреплению ее репутации и доверия среди граждан. На решение этих и других задач направлены требования приказа МВД России, регламентирующие эту деятельность¹. ВНИИ МВД России на основе социологических опросов независимых и авторитетных центров (ВЦИОМ Фондом «Общественное мнение», «Левада-центром», в том числе ФГКУ «ВНИИ МВД России» и др.), проводимых во всех субъектах Российской Федерации, показывает реакцию населения на управленческие решения и позволяет скорректировать цели управления пропорционально степени соответствия ожиданиям и потребностям общества. И хотя исследователи констатируют: заметного прогресса в реализации концепции социального партнерства не наблюдается, а оценка населением правоохранительных органов соответствует новой доктрине «полиция на службе общества» лишь наполовину – 50–55%², динамика показателей оценки работы полиции на основе результатов проведенного всероссийского мониторинга оценки деятельности полиции в период 2016–2018 годов свидетельствует о стабилизации их значений с определенной положительной тенденцией. Среднероссийские значения показателя «уверенность граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов от преступных посягательств» за трехлетний период увеличилось с 38 до 42,2% (+ 3,8%), что подтверждает позитивный результат в деятельности сотрудников полиции³.

¹ См.: О повышении эффективности исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации: приказ МВД России от 30 декабря 2007 года № 1246. URL: <http://etkovd.ucoz.ru/> (дата обращения: 20.07.2017).

² См.: *Майоров В.И., Дунаева О.Н.* Полиция и общество: быть или не быть социальному партнерству // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 46.

³ См.: *Бормотова Т., Яковлев О.* Результаты изучения общественного мнения о деятельности полиции в 2018 году (в цифрах и таблицах) // Профessional. 2019. № 2. С. 36.

Указ Президента Российской Федерации от 6 декабря 2017 года № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» придал новый импульс в активизации партнерских отношений полиции и населения. Добровольчество позволяет молодежи реализовать такие качества, как мобильность, толерантность, коммуникабельность, на практике доказать свой духовно-нравственный идеал, своим участием способствовать укреплению эффективности системы социального партнерства полиции с общественностью, что в современных условиях рассматривается в качестве важнейшего и необходимого условия успешного противодействия преступности, обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Волонтерское движение способствует вовлечению широкого круга молодежи к участию в социально значимых акциях и мероприятиях, разработке и распространению пропагандистских материалов, направленных на повышение правовой культуры граждан, воспитанию у населения активной позиции в вопросах предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений, практических действий граждан по оказанию содействия органам внутренних дел. Акция, проведенная волонтерами под девизом: «Не оставайся в стороне, в твоих руках порядок во дворе», дает реальные результаты, способствует рождению принципиально новых подходов к интеграции полицейской системы в институты общества, возможность проявить гражданско-патриотическую позицию в повседневной жизни и экстремальных условиях, воспитывает настойчивость и целеустремленность. О возрастающей роли структур гражданского общества в обеспечении общественной безопасности можно судить по организации и проведению в Российской Федерации чемпионата мира в 2018 году – года Гражданского участия (Год добровольца), на протяжении которого осуществлялось расширение форм общественной активности, способствующей дальнейшей активизации и вовлечению населения в деятельность по обеспечению общественной безопасности.

Таким образом, созданная законодательная основа определила обеспечение усиления общественного контроля, новый формат и качество партнерских отношений. Общественное мнение становится основным критерием официальной оценки деятельности органов внутренних дел. Данные реформаторские шаги

нацелены на кардинальное повышение эффективности партнерства в интересах развития гражданского общества и укрепления государства. Особенность и своевременность задачи видится в восстановлении доверия граждан к органам государственной власти за счет качественного удовлетворения их социальных и общественных потребностей на основе реализации государственных услуг. Весь комплекс правовых, организационных, методических и иных инструментов, направленных на обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности, способствует стимулированию населения к активному взаимодействию с органами внутренних дел, практике эффективного участия в решении проблем в данной сфере.

УДК 340

*Хужин А.М.,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры гражданского права и процесса Ни-
жегородской академии МВД России; профес-
сор кафедры гражданского права и процесса
Национального исследовательского универси-
тета имени Н.И. Лобачевского*

О развитии идей В.К. Бабаева в общей теории цивилистики

Владимир Константинович Бабаев является выдающимся ученым-юристом! Он относится к плеяде тех известных деятелей юридической науки, которые «проложили доктринальный мост» от эпохи советской юридической науки к современной юриспруденции. Наряду с фундаментальными разработками по общей теории государства и права, ему удалось придать научный импульс и отраслевой юридической науке в частности в сфере общей теории цивилистики.

«Понимая глобальные перемены в экономической жизни страны в конце 90-х годов прошлого века, Владимир Константинович

чувствовал потребность в теоретико-правовом научном обеспечении экономико-правового блока»¹. В результате этого научного вдохновения были развиты идеи общей теории цивилистики и успешно защищены диссертационные работы его учеников².

Мне тоже судьба преподнесла подарок в виде возможности стать учеником Владимира Константиновича! Отмечу, что учитель в то время активно занимался реализацией научных идей о функциях Российского государства, однако, увидев мой «потухший взгляд» на проблемы «чистой теории государства и права», предложил развить одну из проблем общей теории цивилистики. Результатом данного изыскания стала моя кандидатская диссертация «Объективно-противоправное поведение в российском праве»³, развивающая идеи В.К. Бабаева о наличии в правовой сфере деяний, отличных от правонарушений и влекущих особые правовые последствия.

Стоит отметить, что вышеуказанные диссертации были признаны ведущими специалистами в области гражданского права как монографические цивилистические исследования, решающие проблемы гражданско-правовой науки⁴, но не только посредством уникальных научных проблем, которые сформулировал В.К. Бабаев для изысканий своих учеников, и нашли отражение в общей теории цивилистики.

В настоящее время идеи, о которых писал В.К. Бабаев, находят свою поддержку и развитие не только в общетеоретической науке, но и в отраслевой юриспруденции. И речь идет не о тех постулатах, которые были сформулированы выдающимся ученым и его единомышленниками в знаменитом учебнике по общей

¹ *Ершов Н.Н., Мазаева Е.С., Хужин А.М.* Наш Учитель – Владимир Константинович Бабаев: преемственность и систематика научной школы // Юридическая техника: Ежегодник. 2011. № 5. С. 561–565.

² *Ершов Н.Н.* Правовые пределы вмешательства российского государства в сферу экономики: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999; *Калибернова О.Н.* Собственность и современное российское общество (Общеправовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999.

³ *Хужин А.М.* Объективно-противоправное поведение в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000.

⁴ *Белов В.А.* Цивилистические диссертации (1814–2003). Библиографический указатель. Москва, 2005. С. 314.

теории права¹, где их каждая фраза уже вошла в анналы отечественной юридической науки. Именно общетеоретические монографические работы и статьи В.К. Бабаева легли в основу многих отраслевых научных трудов. Не исключением здесь является и наука гражданского права – цивилистика, а именно ее теоретическая (фундаментальная) составляющая. Обратим внимание на одну из выдающихся работ Владимира Константиновича, в которых взгляды и идеи ученого стали наиболее востребованы в общей теории цивилистики. Это разработанная им в кандидатской диссертации проблема правовых презумпций².

Необходимо особо отметить, что эта работа была выполнена под руководством известного ученого-теоретика права и цивилиста – Сергея Сергеевича Алексева. Несомненно, цивилистические идеи С.С. Алексева, с которыми он в процессе руководства над кандидатской диссертацией делился со своим учеником, нашли свое отражение в теории презумпций. Одноименный труд ученого был опубликован в его знаменитой монографии 1974 года³. Сформулированная В.К. Бабаевым концепция о правовых презумпциях фактически стала базисом, на котором строится вся отечественная цивилистика относительно данной проблематики.

Проблемы определения понятия «правовая презумпция», отграничение от сходных правовых явлений (фикций, преюдиций, общеизвестных фактов), классификация и анализ видов, их значение в правоприменении не остаются без внимания ни одного из цивилистов, изучающих презумпции в гражданском праве. Отметим ряд таких трудов в области общей теории цивилистики.

Так, кандидатское диссертационное исследование О.А. Кузнецовой (в настоящее время – доктор юридических наук и один из ведущих цивилистов страны) «Презумпции в российском гражданском праве»⁴ концептуально и методологически выстраивается

¹ См.: Общая теория права. Курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.

² См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. Репринт // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 15–22.

³ См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

⁴ *Кузнецова О.А.* Презумпции в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

на идеях о презумпциях, заложенных В.К. Бабаевым. Автор особо отмечает, что изучение презумпций не было обделено вниманием юридической науки и прежде всего – это теоретическое исследование В.К. Бабаева. Значительное же увеличение презумпций в Гражданском кодексе Российской Федерации заставляет вновь обратиться к изучению этого правового явления¹.

Не остались без внимания в цивилистике и отдельные презумпции, большое внимание которым уделял В.К. Бабаев. Так, диссертационное исследование Т.В. Бактимировой «Презумпция виновности в гражданском праве» под научным руководством известного цивилиста Н.М. Коршунова, уже с первых страниц, где говорится об актуальности работы, указывает, что труд В.К. Бабаева выступает в качестве методологического базиса, используемого при анализе данной презумпции. Автор достаточно последовательно раскрывает сущность, понятие и особенности презумпции виновности, основываясь на взглядах В.К. Бабаева. Отрадно, что эти идеи в концентрированном виде позже были опубликованы Т.В. Бактимировой и Н.М. Коршуновым на страницах сборника «Бабаевских чтений», посвященных презумпциям в праве².

Стоит отметить, что вышеуказанный ряд известных трудов в области общей теории цивилистики по презумпциям «разбавляется» и малоизвестными работами, в которых эпохальное произведение В.К. Бабаева остается не замеченным. Так, приходится лишь догадываться, почему в диссертационном исследовании М.Н. Бронниковой «Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение»³ даже в теоретической основе не упоминается имя В.К. Бабаева? Многие положения, о которых пишется в работе, не свидетельствуют о том, что автор был не знаком с произведением В.К. Бабаева. Возможно, данные идеи хотелось видеть соискателю степени собственными.

¹ Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 3–4.

² Бактимирова Т.В., Коршунов Н.М. Теоретико-методологические основы исследования презумпции виновности в гражданском праве // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 77–86.

³ Бронникова М.Н. Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

Возвращаясь к научным проблемам о презумпциях, также хотелось подчеркнуть ряд идей, высказанных В.К. Бабаевым, которые уже получили или, надеемся, получат свое развитие в общей теории цивилистики.

Первое. Исследуя связь правовых презумпций с предпосылками возникновения правоотношений, В.К. Бабаев подчеркивает, что «в некоторых случаях правовые презумпции приобретают весьма близкое сходство с юридическими фактами»¹. Далее ученый вступает в дискуссию с известными цивилистами О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородским, поддерживая их в констатации существования презумпций, выполняющих роль юридических фактов, однако в приводимом примере о правомерности владения собственника на вещь, возникшую в результате совершения договора купли-продажи, В.К. Бабаев отмечает, что в данном случае в качестве юридического факта выступает не признак правомерности. «В отношении гражданина, владеющего вещью, действует здесь общая презумпция добропорядочности советских граждан, которая может стать юридическим фактом, если добропорядочность является предметом доказывания»², – пишет ученый. Этот вывод свидетельствует о том, что, презюмируя правомерность и добросовестность собственника вещи (в том числе добросовестного приобретателя), мы можем перевести данную презумпцию в разряд юридического факта, доказав его. Сама же презумпция выполняет «роль юридического факта», не являясь им.

Второе. Из вышесказанного умозаключения В.К. Бабаева строится и следующий логический ряд, но уже касающийся презумпции виновности. Указывается, что для привлечения лица к гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, по общему правилу, требуется наличие четырех условий: противоправность деяния, вред, причинная связь между ними и вина причинителя вреда, однако непосредственно после причинения вреда сложнее всего установить именно вину, поэтому законодатель закрепляет законом презумпцию виновности причинителя. В связи с этим «как элемент фактического состава предположение вины причинителя вреда выступает в качестве предпосылки возникновения субъективных прав и юридических обязанностей...

¹ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 71.

² Там же.

Предположение виновности в данном случае мобилизует причинителя вреда изыскать все средства, чтобы опровергнуть данную презумпцию... Следовательно, в обязательствах из причинения вреда, где вина причинителя вреда предполагается, эта презумпция выполняет роль юридического факта (элемента юридического состава), являясь предпосылкой возникновения правоотношений, но эта предпосылка возникновения правоотношений весьма своеобразна. Особенности ее состоят в том, что данная презумпция является квазипредпосылкой. Правоотношение возникает и развивается в случае причинения вреда, если даже нет необходимого элемента фактического состава – вины. Ее в этом случае заменяет презумпция вины... Следовательно, предположение вины либо найдет свое подтверждение вины и превратится в факт аксиоматического характера, либо оно будет опровергнуто, и субъективное право потерпевшего на возмещение вреда не будет реализовано»¹. Ученый последовательно и обоснованно доказывает наличие презумпции вины и механизм ее действия в сфере гражданско-правового оборота. При этом акцент делается на том, что вина выполняет качество своеобразного «преходящего» юридического факта и утрачивается с момента подтверждения или опровержения презумпции.

Третье. Огромная заслуга В.К. Бабаева при анализе правовых презумпций состоит во влиянии последних на предмет доказывания. При этом акцентируется внимание на том, что опровержимые и неопровержимые презумпции неодинаково связаны с предметом доказывания. Опровержимые презумпции не оказывают влияние на предмет доказывания, а «влияют на распределение бремени доказывания между сторонами в процессе»². Неопровержимые же презумпции, наоборот, оказывают непосредственное влияние на предмет доказывания. «Поскольку элементы предмета доказывания устанавливаются в силу их юридической значимости, а опровержение юридического значения не имеет, постольку презумптивное положение исключается из предмета доказывания, сужая тем самым объем»³.

¹ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 73–74.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 82.

Даже рассматривая элементарную логическую цепочку вышеуказанных идей В.К. Бабаева на действующее гражданское законодательство, закрепляющее презумпцию вины, мы увидим следующее.

В пункте 2 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации говорится, что отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Данное положение закрепляет *опровержимую презумпцию вины*, распределяющую бремя доказывания своей невиновности на ответчика, в данном случае – нарушителя обязательства. Соответственно, доказав отсутствие вины (формы вины) в своих действиях, *лицо будет освобождено от ответственности либо размер этой ответственности будет уменьшен*. Не доказав отсутствие вины (ее формы), презумпция становится элементом фактического состава, служащим основанием для применения мер гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства.

Наоборот, пункт 3 этой же статьи Гражданского кодекса Российской Федерации гласит, что «если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы...». Иначе говоря, при нарушении обязательства лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, доказывание отсутствия вины в своих действиях исключается из предмета доказывания, кроме обстоятельств непреодолимой силы либо иных оснований, прямо предусмотренных законом или договором. Что это, если не неопровержимая презумпция вины по Бабаеву? А, соответственно, невозможность доказывания своей невиновности переводит автоматически презумпцию вины в элемент фактического состава правонарушения обязательства как основания гражданско-правовой ответственности. Для чего это сделано гражданским законодательством, как и в ряде других случаев ответственности «независимо от вины»? Не в целях ли акцентировать внимание на констатации вины в такого рода отношениях, где одна из сторон *обязана проявлять максимальную степень заботливости и осмотрительности, не позволительно ссылаться*

на пункт 1 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации о невинности? При этом единственным основанием освобождения от гражданско-правовой ответственности (кроме специальных случаев, специально указанных законом или оговоренных сторонами обязательства) будет доказанный факт невинного поведения в результате наличия конкретных обстоятельств непреодолимой силы.

Безусловно, в эпохальном труде В.К. Бабаева о правовых презумпциях, как и в других работах этого выдающегося ученого, содержится огромный массив идей, которые требуют своего осмысления и воплощения не только в сфере общей теории цивилистики, но и во всей юридической науке и практике. Полагаем, что переиздание трудов Владимира Константиновича, а в особенности это касается его отдельных научных статей, в виде современного «переосмысленного репринта» было бы неопределимым юбилейным подарком для всей юридической общественности. Как ученик выдающегося ученого готов принять в этом деле самое непосредственное участие. С юбилеем, Владимир Константинович!

УДК 340

Цуканов Н.Н.,

доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

О возможности существования неопровержимых правовых презумпций

Спор о возможности существования неопровержимых презумпций¹ является закономерным следствием нерешенности ряда вопросов, касающихся понятия и юридических свойств презумпции в целом и правовой презумпции в частности.

¹ Подробнее см.: *Цуканов Н.Н.* К вопросу о существовании неопровержимых правовых презумпций // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 1. С. 22.

1. *Какими особенностями наделяется презумпция при добавлении характеристики «правовая»?* Проведенные исследования позволяют утверждать, что презумпция – категория правовая¹. Соответственно, «правовая презумпция» – формально определенная, непосредственно закрепленная в источниках права, то есть законная, легальная презумпция. При этом правовые презумпции могут носить искусственный характер, возможность и необходимость их существования предопределяются не «обобщениями жизненной практики», а нуждами правового регулирования.

2. *Допустимо ли именовать презумпциями то, что не отражает повторяемость жизненных процессов?* Едва ли не самые известные презумпции невинности и знания закона указанному критерию не соответствуют. В научной литературе даже предлагается использовать специфические термины: «квази-презумпция»², «фиктивная презумпция»³, «маловероятная презумпция»⁴ и т. д.

По мнению В.М. Баранова, В.Б. Першина, И.В. Першиной, отказ от родового признака ведет к получению нового понятия, «которое к роду презумпций никакого отношения не имеет», а является разновидностью фикций⁵. В то же время принято считать, что различия между фикцией и презумпцией кроются в характере образования и степени достоверности⁶, в частности фикция содержит положение, заведомо лишённое истинности. Остается непонятным, какая вероятность истинности предположения (например, презумпции невинности) является пороговой

¹ См.: Цуканов Н.Н. Правовые презумпции в административной деятельности милиции: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 27–30.

² Крымов А.А. Правовые презумпции в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1999. С. 16.

³ Курсова О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия // Проблемы юридической техники. 2000. С. 455.

⁴ Демин А.В. Презумпции в нормах налогового права // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 171.

⁵ См.: Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Опровержима ли правовая презумпция // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 95.

⁶ См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

для разграничения презумпции и фикции? Отмечая субъективный характер прогнозируемости презюмируемого факта, В.М. Баранов, В.Б. Першин, И.В. Першина предлагают, во-первых, считать презумпцию не *высоковероятным*, а *вероятным* предположением¹. Однако в этом случае не понятна причина, по которой презюмируемый факт должен быть принят за основу правоприменителем. Во-вторых, для разграничения *правовой* презумпции и фикции использовать следующие критерии²:

1) презумпция имеет характер *предположения* в отличие от фикции, которая по сути своей остается *положением*. Критерий весьма спорный. *Предположение* – инструмент познавательной деятельности, а не прием правового регулирования. Кроме того, представленное утверждение не находит очевидного подтверждения в действующем законодательстве. В случаях с *правовыми презумпциями* для связи с презюмируемым фактом, как правило, используются термины, явно подчеркивающие императивную основу нормы: «*считается*» (например: часть 1 статьи 49 Конституции Российской Федерации, часть 2 статьи 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, часть 1 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 1257, 1347, пункт 2 части 2 статьи 1358, 1410, 1450 Гражданского кодекса Российской Федерации), «*признается*» (например: часть 2 статьи 48 Семейного кодекса Российской Федерации, часть 6 статьи 5 Федерального закона от 30 декабря 2008 года № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»). И даже в тех случаях, когда в тексте фигурирует термин «*предполагается*» (например: статья 2, часть 5 статьи 189.40 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», часть 3 статьи 423 Гражданского кодекса Российской Федерации, часть 1 статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации) имеется в виду не допущение, не творческий поиск, а обязанность взять

¹ См.: Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Опровержима ли правовая презумпция // Юридическая техника: Ежегодник. 2010. № 4. С. 91.

² См.: там же. С. 95.

презюмируемый факт за основу, принять его за исходное правовое положение, учесть его как объективное правовое положение;

2) юридическая фикция не предполагает возможности опровержения. Тезис не менее спорный. Законодатель достаточно часто использует термин «презумпция», не уточняя его содержания, очевидно ориентируясь на его общеизвестное значение (например: статья 3 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», статья 3 Федерального закона от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», пункт 2 статьи 3 Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», статья 29 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», пункт 10 статьи 6 Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»). При этом в ходе исследования не удалось найти ни одной нормы, которую законодатель сам сознательно называл бы фикцией.

Высшие органы судебной власти, достаточно часто фиксирующие в своих решениях те или иные презумпции (например: *презумпция осуществления предпринимательской деятельности без надлежащей регистрации* (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2019 года № 5-П), *презумпция незаконности доходов* (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 26-П), *презумпция соразмерности* (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 года № 28-П), *презумпция нахождения ребенка до достижения возраста 18 лет на иждивении родителей* (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2014 года № 2428-О), *презумпция экономической оправданности совершенных налогоплательщиком операций и понесенных по этим операциям затрат* (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2008 года № 1072-О-О), *презумпция осведомленности работодателя о работающих у него лицах, их количестве и выполняемой ими трудовой функции*

(постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 года № 15), *презумпция отсутствия у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара* (Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июня 2016 года), *презумпция нахождения лица в состоянии опьянения* (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 58), *презумпция принадлежности движимого имущества* (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 года № 50), *презумпция достоверности представленной информации* (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 № 18) и т. д.), уклоняются от того, чтобы эти правила именовать фикциями.

Термин «фикция» используется, но почти исключительно в качестве негативной характеристики той или иной меры или нормы, при этом фикциями очень часто именуется положения, не сопоставимые с презумпциями ни по форме, ни по содержанию (например: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года № 174-О-О, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 1997 года № 16-П, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 1995 года № 2-П, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2018 года № 305-ЭС17-4004(2) по делу № А40-80460/2015). В законодательстве и судебной практике фикция – не особый прием, а оценка нормы, свидетельствующая либо о заведомой неисполнимости нормативного положения, либо о явной условности принятия соответствующего положения за основу. Однако и во втором случае ценность представляет не более вероятная ложность положения, а его способность эффективно преодолеть ситуацию правовой неопределенности. Соответственно, ложность положения является не действенным, а сопутствующим признаком фикции и не должна становиться критерием ее отграничения от *правовой* презумпции. При сравнении же фикции

с фактической презумпцией главным является разница в механизме воздействия на общественные отношения: фикция действует как норма права, а фактическая презумпция – как не требующее нормативного закрепления правило, основанное на индуктивном обобщении.

Допустимо ли именовать одним термином «положения», содержащие вывод в одних случаях высоковероятный, в других – маловероятный (например, презумпция невиновности), в-третьих, – вывод, вероятность которого вообще трудно оценить, например, *презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей* (статья 8 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»)? Если исходить из того, что презумпция – это всегда вывод из индуктивного обобщения, то нет. Но в этом случае теория, с одной стороны, игнорирует объективный факт – действующее законодательство, с другой – обречена оставаться противоречивой, поскольку характеристики одной презумпции оказываются совершенно неприменимы для других презумпций. Общим критерием, служащим основанием для того, чтобы именовать «искусственные презумпции» презумпциями, служит способ воздействия на общественные отношения. И фактические, и правовые презумпции реализуются как *обязанность признать определенный (презюмируемый) факт при наличии факта исходного, если и пока иное не будет доказано*. При этом термины «если» и «пока» в отношении правовых презумпций отражают возможность (не обязательность) установления возможности опровержения презюмируемого факта. Законодатель может сделать правовую презумпцию неопровержимой, если сочтет это необходимым. При этом норма остается презумпцией, поскольку закрепляет специфическую обязанность.

Фактическая презумпция не нуждается в формальном закреплении, поскольку применяется в силу высокой вероятности презюмируемого факта, а правовая презумпция не обязательно характеризуется высокой вероятностью презюмируемого факта, поскольку в основе его признания лежит прямое предписание источника права.

3. *В каких случаях презумпция может быть неопровержимой?*
Для опровержения фактической презумпции необходимо наличие

разумных оснований сомневаться в истинности презюмируемого факта применительно к конкретному случаю, форма принятия такого решения нормативно не определена, в рамках юридического процесса такие презумпции всегда опровержимы. Формой опровержения правовой презумпции является правоприменительный акт компетентного субъекта.

Причины существования неопровержимых презумпций могут быть разными. Во-первых, невозможность эффективного разрешения ситуации неопределенности иным образом. Так, презумпция *знания закона*, формально не закрепленная в законе, но фактически действующая как правовая презумпция, неоднократно отражавшаяся в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (например: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2016 года № 10-П, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2010 года № 88-О-О), неопровержима¹. Вопросом факта, который хотя бы теоретически мог бы оказаться опровергнутым юридическими средствами, является лишь возможность ознакомления с нормами права. Но даже этот вопрос не изучается в рамках юрисдикционного процесса.

Во-вторых, рассуждения о безусловной необходимости опровержения презумпции уместны лишь в контексте решения задачи объективного установления обстоятельств дела, однако потенциал правовых презумпций этими рамками не ограничен. Например, согласно пункту 13.13 Правил дорожного движения: «Если водитель не может определить наличие покрытия на дороге (темное время суток, грязь, снег и тому подобное), а знаков приоритета нет, он должен считать, что находится на второстепенной дороге». Обязанность признать презюмируемый факт адресована водителю, который не обладает правом выносить правоприменительные акты, то есть опровергать правовую презумпцию. Очевидно, что причиной закрепления данной презумпции служит не высокая вероятность вывода, а соображения дорожной безопасности. Похожие правила предусмотрены пунктом 68 Правил плавания судов по внутренним водным путям,

¹ См.: *Цуканов Н.Н.* Правовые презумпции в административной деятельности милиции: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 91–96.

подпунктом «а» пункта 10.1 приказа Мининформсвязи России от 11 августа 2005 года № 99 и т. д.

Известно, что в ряде случаев федеральные законы устанавливают правило, позволяющее при наличии исходного факта считать лицо получившим соответствующее юридически значимое сообщение (например: статья 17 Федерального закона от 1 апреля 1996 года № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования», часть 4 статьи 16 Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», ч. 5 ст. 24 Федерального закона от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», часть 4 статьи 16 Федерального закона от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», абзац 2 части 5 статьи 7 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», пункт 14 статьи 52 Федерального закона от 3 августа 2018 года № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Эти нормы текстуально не содержат возможности их опровержения. Однако Конституционный Суд Российской Федерации такую возможность видит, а сами аналогичные правила признает презумпциями (например: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 года № 468-О-О). Но в это же время «лицо, в отношении которого ведется производство по делу, считается извещенным о времени и месте судебного рассмотрения и в случае, когда из указанного им места жительства (регистрации) поступило сообщение об отсутствии адресата по указанному адресу о том, что лицо фактически не проживает по этому адресу либо отказалось от получения почтового отправления...» (пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5). Данное правило возможности опровержения не предусматривает, если неполучение письма связано исключительно с перечисленными причинами.

Изложенное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о существовании неопровержимых правовых презумпций.

Червяковский А.В.,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры теории и истории права и государства
Омской академии МВД России*

**Презумпция знания закона:
понятие, содержание, пределы**

В.К. Бабаев много писал про правовые презумпции, среди которых он выделял презумпцию знания закона¹.

Наиболее значимой проблемой, по нашему мнению, при анализе презумпции знания закона является то, как и насколько эффективно правовые нормы воспринимаются обществом, отдельными гражданами и служат ориентиром в осуществлении их дальнейших действий. Не все граждане имеют юридическое образование, не все индивиды читают законы, знакомятся с содержанием правовых норм. Большинство из них не в состоянии разобраться в хитросплетениях правовых норм. Даже юрист, для которого юридическая деятельность – это профессия, не в состоянии запомнить и уяснить содержание всех правовых норм. Это – общеизвестные истины, которые невозможно опровергнуть. Если это действительно так, то является ли тогда презумпция знания закона презумпцией? Ведь знание закона гражданами как презумпция права срабатывает только лишь для отдельных правовых норм и институтов.

Рассматривать знание закона гражданами как правовую презумпцию, на наш взгляд, вполне возможно, но необходимо осознавать узость и ограниченность пределов применения такой правовой презумпции, опасность перерастания ее в фикцию. Некоторые ученые действительно рассматривали презумпцию знания закона как фикцию². Мы являемся сторонниками данного подхода.

¹ См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 86–121; Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства в схемах и определениях. Нижний Новгород, 1999. С. 86.

² См.: Сандевуар П. Введение в право. Москва, 1994. С. 186.

Понимать знание закона гражданами как фикцию – значит, по существу, отрицать у граждан, которые являются субъектами права, наличие даже элементарных знаний о праве и законодательстве. Такой подход фактически приводит к игнорированию необходимости осуществления государством, муниципальной властью и обществом, его отдельными составляющими мероприятий, направленных на поддержание определенного уровня правовой информированности и правовой культуры населения.

О.А. Курсова предлагает компромиссный вариант и говорит о данной презумпции как об особой специфической фиктивной презумпции¹. Полагаем, такое понимание адекватно. Презумпция знания закона предстает как презумпция с небольшой степенью вероятности.

Считаем, что содержание исследуемой презумпции состоит из двух обязанностей: одна обращена к государству – обязанность довести суть закона до граждан, вторая относится к гражданам и иным субъектам права – это обязанность соблюдать и исполнять закон на основе имеющихся знаний.

Можно ли гражданина с учетом его низких правовых знаний исключить из числа субъектов презумпции знания закона? От таких исключений мало что изменится в практической деятельности. Граждане будут привлекаться к ответственности за несоблюдение и неисполнение закона, и им будут объяснять соответствующие должностные лица, что они хотя и не знали действующие правовые нормы, но должны нести юридическую ответственность за те деяния, которые совершили. Гражданин, по нашему мнению, должен четко понимать, в каких случаях он может руководствоваться своими имеющимися обыденными представлениями о праве, а в каких случаях может и должен обратиться за квалифицированной юридической помощью. Чем сложнее оказывается для гражданина правовая ситуация, тем сильнее им должна осознаваться потребность в такой помощи. Чем быстрее индивид поймет это, тем больше у него шансов, что он не совершит никаких противоправных действий, не окажется в какой-нибудь юридической ловушке или не воспользуется иными внеправовыми

¹ Курсова О.А. Юридические фикции в современном российском праве: сущность, виды, проблемы действия // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 455.

способами достижения цели. Государственные органы при этом должны создавать условия, гарантирующие оказание гражданину действительно квалифицированной юридической помощи.

Презумпция знания закона будет выполнять свое предназначение только тогда, когда не только отдельные граждане, но и их объединения, государственные органы, государство, общество в целом будут осуществлять действия по ее реализации. Важно подчеркнуть, что для претворения в жизнь презумпции знания закона необходимо участие не только отдельных индивидов, государства и его должностных лиц, но и многих организаций и коллективов, которые могут и должны осуществлять правовое информирование населения. Большую роль в распространении правовых знаний могут играть адвокатура, профсоюзы, правозащитные организации, образовательные учреждения, средства массовой информации, которые и участвуют в данном процессе.

Пределы осуществления презумпции знания закона определяются различными факторами объективного и субъективного характера. Объективные факторы во многом обусловлены существующим состоянием правовой системы общества. Среди множества таких факторов к наиболее значимым, на наш взгляд, можно отнести следующие:

1. Уровень расширения пределов правового регулирования и подержанности изменениям действующего законодательства.

Право вторгается в различные сферы жизни современного общества. В настоящее время пределы правового регулирования постоянно расширяются. Позитивное право детально регламентирует и те отношения, которые до недавнего времени регулировались иными социальными нормами. Наличие множества изменений и поправок в действующем законодательстве не способствует эффективному усвоению правовых норм не только гражданами, но и теми лицами, от которых зависит качественное применение таких норм.

2. Объем нормативных правовых актов и уровень систематизации действующего законодательства.

Расширение пределов правового регулирования приводит к росту нормативной правовой базы. Наличие такого объема правовых актов требует систематической планомерной работы по систематизации российского законодательства. Систематизация законодательства

способствует и систематизации правовых знаний не только юристов, но и других категорий населения.

3. Уровень развития системы официального опубликования нормативных правовых актов и в целом системы обеспечения доступа к правовой и иной социально значимой информации, находящейся в распоряжении органов государства, различных организаций и органов местного самоуправления.

Презумпция знания закона может распространяться только на официально опубликованные законы и иные нормативные правовые акты, с которыми у граждан есть реальная возможность ознакомиться.

4. Общее состояние правопорядка и уровень законности в стране.

Неэффективная реализация правовых норм, наличие множества ограничительных барьеров, препятствующих их осуществлению, преобладание запретов и обязанностей в правовом регулировании общественных отношений – все это и многое другое не способствует решению гражданами своих правовых проблем через имеющиеся правовые процедуры, а толкает их нередко к поиску иных неправовых или внеправовых путей разрешения сложившихся ситуаций и не способствует повышению их правовой культуры и росту правовых знаний.

5. Уровень правового информирования граждан и должностных лиц, состояние системы правового воспитания.

Правовое информирование является необходимым средством легитимации существующего позитивного права. Уровень достоверности получаемой правовой информации зависит от источника ее получения. Как правило, потребление правовой информации населением не систематизировано, основными постоянными источниками для гражданина выступают неспециализированные каналы правовой информации. В большинстве случаев люди обходятся несложными сведениями из доступных источников. Большую роль в распространении правовых знаний играют средства массовой информации, особенно телевидение. К сожалению, за последнее время мы наблюдаем сокращение программ новостной тематики, в которых бы информировали о принятых правовых актах. Количество программ по правовой тематике небольшое.

6. Уровень развития юридических услуг населению, возможность получения качественной бесплатной и за адекватную плату юридической помощи.

Юридическая помощь населению сегодня является необходимым условием жизнеобеспечения человека в сложнейшем информационно-правовом мире¹. Все меры, направленные на правовое информирование и повышение правовой культуры населения, не дадут желаемого результата, если государство, общество в целом не будут гарантировать право на получение гражданином квалифицированной юридической помощи, закрепленное в статье 48 Конституции Российской Федерации.

Субъективные факторы во многом связаны с особенностями правосознания граждан. Как известно, коммуникация возможна только в том случае, если коммуниканты владеют общим кодом. Индивиды, постигшие смысл правовой информации, владеют юридическим языком, который выступает средством коммуникации в правовом пространстве. Смысл правовых процедур, действий представителей власти, других лиц, находящихся в сфере правовой коммуникации, является притягательным для обывательского сознания, но зачастую остается сокрытым для него. Граждане ограничены в восприятии поступающей информации: вниманием, потребностью и интересом; установками и ценностными ориентациями; желаниями других людей и иными обстоятельствами. Мозаичность знаний о праве, отсутствие их систематизации у большинства граждан подтверждают социологические исследования.

Граждане, не владеющие в полной мере юридическим языком, тем не менее также стремятся упорядочить имеющуюся у них правовую информацию. Правовые знания вплетаются в систему имеющихся у них представлений об обществе и поведении в этом обществе. Здравый смысл достаточно часто используется в юридической практике. В то же время следует иметь в виду, что действия только на основе здравого смысла могут привести к нежелательным последствиям.

Интерес к правовой информации у граждан характеризуется избирательностью и проявляется главным образом в тех сферах правовой действительности, где происходит правовое общение личности. Это вполне объяснимо, поскольку в данном случае

¹ *Мазаев В.Д.* Бесплатная юридическая помощь в России как конституционная ценность: законодательная модель // Бесплатная юридическая помощь и обеспечение доступа к правосудию в России. Москва, 2010. С. 11.

правовая информация выступает как средство коммуникации индивидов и лицо вступает только в отношения, в которых проявляется его интерес. Не любая получаемая правовая информация воспринимается индивидом и становится руководством к действию. Если индивид не понимает смысла получаемой информации, сведения, полученные им, оказываются утраченными, не воспринятыми. Переданная правовая информация так и не становится знанием. Индивид получает достаточно много самой разнообразной правовой информации, другое дело, что он не всегда способен ее воспринять, удержать у себя в сознании и в дальнейшем применить в случае необходимости.

Все эти факторы, а также многие иные, не указанные выше, определяющие как состояние правовой системы, так и уровень восприятия правовой информации индивидами, на наш взгляд, необходимо учитывать при анализе пределов осуществления презумпции знания закона.

Является ли презумпция знания закона опровержимой? Еще в Древнем Риме возник вопрос о том, справедлива презумпция знания закона¹. Можно ли оправдывать лицо за незнание закона? Очень часто, особенно в юридической практике, презумпция знания закона воспринимается как презумпция неопровержимая². Н.Н. Цуканов также полагает, что презумпция знания закона является неопровержимой, поскольку, по мнению ученого, законодатель посчитал необходимым сделать ее таковой³. В то же время большинство исследователей соглашаются, что граждане достаточно часто не знают законы или их знания являются недостаточными. Д.И. Щекин вслед за другими исследователями считает, что презумпция знания законов является опровержимой. Применительно к налоговому законодательству он пишет, что налогоплательщик имеет право доказывать, что он не знал нормы права⁴.

¹ См.: *Бартошек М.* Римское право: понятие, термины, определения. Москва, 1989. С. 401.

² См.: *Соколов Н.Я.* Профессиональное сознание юристов. Москва, 1988. С. 176.

³ См.: *Цуканов Н.Н.* Правовые презумпции в административной деятельности милиции. Красноярск, 2003. С. 38.

⁴ *Щекин Д.И.* Юридические презумпции в налоговом праве: учебное пособие. Москва, 2002. С. 122–123.

Следует при этом отметить, что если общеправовую презумпцию знания закона, которой она и является, поскольку срабатывает в различных отраслях права, рассматривать как материальную или процессуальную презумпцию, то мы полагаем, что она все-таки является больше материальной презумпцией, так как реализуется чаще применительно к тем отношениям, которые не связаны с производством по юридическому делу. В процессуальном праве мы больше встречаем нормы, предусматривающие разъяснение субъектам права их прав и обязанностей, а также запретов, но это не исключает обязанности доведения до граждан, заинтересованных лиц норм материального права. В отдельных отраслях права, прежде всего в трудовом праве, законодатель предусматривает требование к отдельным субъектам знакомить граждан с содержанием правовых норм.

Как показывает анализ законодательства и судебной практики, в отдельных случаях презумпция знания закона может быть опровержима. Судебное опровержение применения презумпции знания закона возможно, когда в судебном порядке обосновывается факт невозможности знания гражданином положений закона или иного нормативного правового акта и доказывается невозможность выполнять требования, содержащиеся в данном законе или ином нормативном правовом акте. Речь идет прежде всего о тех судебных решениях, в которых доказывается невозможность граждан ознакомиться с текстом вступившего в силу правового акта, в том числе по причине того, что он не был своевременно доведен до заинтересованных лиц.

Помимо судебного опровержения применения презумпции знания закона, мы встречаем и законодательное опровержение такой презумпции, когда закон (иной нормативный правовой акт) обязывает правоприменителя, иное лицо разъяснить гражданину положения закона (иного нормативного правового акта). Если обратимся, к примеру, к нормам уголовно-процессуального права, найдем среди них такие, которые прямо предусматривают обязанность должностных лиц, проводящих уголовное расследование, разъяснить участвующим в нем гражданам их права и обязанности.

В настоящее время презумпция знания закона не закреплена в российском законодательстве, на нее можно лишь найти косвенные указания, что еще раз подтверждает понимание данной презумпции как презумпции с невысокой степенью вероятности.

Отражение презумпции знания закона мы находим в российском дореволюционном и советском законодательстве, а также в нормативных правовых актах иностранных государств.

В заключение отметим, что, на наш взгляд, презумпцию знания закона нельзя понимать как принцип или норму права, не допускающую никаких исключений. В то же время презумпция знания закона не должна рассматриваться как фикция. Проблему презумпции знания закона следует рассматривать как определенный баланс, меру между уровнем развития специализированного юридического знания и уровнем осознания этого знания обществом и его отдельными членами, между состоянием юридической деятельности, правовой системы общества и способностью и возможностями этого общества переварить и воспринять такую правовую надстройку. Необходимо создавать эффективные средства осуществления данной презумпции, в том числе путем закрепления в законодательстве как правовых норм, способствующих правовому информированию, так и, наоборот, норм, ограничивающих распространение данной презумпции на те сферы отношений, где гражданину нужна помощь в понимании законов, правовых актов, юридически значимых действий, юридической процедуры и процесса в целом.

УДК 347

Шухарева А.В.,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России

К вопросу о добросовестности как принципе и презумпции в гражданском праве

Долгожданное закрепление в тексте Гражданского кодекса Российской Федерации добросовестности как принципа гражданского права все же не привело к такому же ожидаемому облегчению

деятельности правоприменителей и повышению эффективности правоприменительной практики. Часть проблем носит методологический характер и обусловлена терминологическими различиями категорий, которые используются в законе в отношении понятия добросовестности: «принцип» и «презумпция». Более 7 лет назад вступили в силу изменения, вписавшие принцип добросовестности в систему принципов российского гражданского права: «участники гражданских правоотношений *должны* (курсив наш. – А.Ш.) действовать добросовестно».

Параллельно с этим в Гражданском кодексе Российской Федерации уже привычно и традиционно действует правило пункта 5 статьи 10, согласно которому «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются». Это свидетельствует о том, что в гражданском законодательстве одновременно одна и та же категория добросовестности фигурирует и как принцип, и как презумпция.

Ученые-цивилисты разделились в своих подходах к уяснению сущности добросовестности, а группировка мнений авторов, занимавшихся этой проблематикой, также становилась предметом многочисленных исследований. О добросовестности как принципе писали С.Н. Братусь¹ и В.П. Грибанов². Презумпция добросовестности была предметом исследований С.Д. Радченко³, Б.Б. Черепахина⁴, Ю.К. Толстого⁵. Подход, объединяющий обе точки зрения, разделяют Е.Е. Богданова⁶ и В.В. Вороной⁷.

¹ См.: Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 30–37.

² См. подробнее: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. Москва, 1972. 284 с.

³ См.: Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. Москва, 2010.

⁴ См.: Черепахин Б.Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Правоведение. 1958. № 2. С. 43–50.

⁵ См.: Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Ленинград, 1955.

⁶ См.: Богданова Е.Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях. Москва, 2010.

⁷ См.: Вороной В.В. Добросовестность как гражданско-правовая категория // Законодательство. 2002. № 6. С. 10–21.

В судебной практике также нет единства в отношении оценки добросовестности. Некоторые суды называют ее принципом¹, другие – презумпцией², третьи – принципом презумпции добросовестности³.

В настоящей статье не ставится цель выбрать тот или иной подход, так как не может быть противопоставления принципа и приема юридической техники, нами будет предпринята попытка акцентировать внимание на отдельных дискуссионных вопросах, вызванных не всегда правильным угадыванием логики законодателя, а также практикой, и сделан вывод о значении закрепления в Гражданском кодексе Российской Федерации и принципа, и презумпции добросовестности участников частной сферы правоотношений.

Конечно, в цивилистической науке предпринимаются попытки дать определение самой добросовестности, однако, на наш взгляд, это может представлять только сугубо научный интерес, так как правоприменитель в каждом конкретном случае, где защита нарушенного права ставится в зависимость от добросовестности (недобросовестности) участников, должен установить этот факт. Задача законодателя же очертить критерии добросовестности в типовых ситуациях, что, впрочем, и сделано: в вещном праве, нормах о сделках, правилах заключения договора и т. д.

Тем не менее о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений в судебных решениях говорится при разрешении процессуальных вопросов, касающихся распределения бремени доказывания: доказать обратное должна та сторона, которая заявляет о недобросовестности и неразумности этих действий. На принцип же добросовестности указывают при выявлении критериев поведения в обязательствах, при заключении договоров

¹ Решение Оренбургского районного суда от 30 декабря 2019 года по делу № 2-2454/2019. URL: <https:sudact.ru/regular/doc/iA2eVEsvOEHR/> (дата обращения: 01.06.2020).

² Решение Ленинского районного суда г. Томска от 30 декабря 2019 года по делу № 2-2048/2019. URL: <https:sudact.ru/regular/doc/FLzqymk3ptWR/> (дата обращения: 01.06.2020).

³ Решение Успенского районного суда Краснодарского края от 19 декабря 2019 года по делу № 2-764/2019. URL: <https:sudact.ru/regular/doc/JaG3i0zAcfn/> (дата обращения: 01.06.2020).

и совершении иных сделок, в вещно-правовых отношениях. Сужение значения добросовестности до оценки субъективной составляющей действий участников не отражает в полной мере потенциал данного принципа.

На наш взгляд, еще большую роль в определении места добросовестности среди общих ориентиров правового регулирования и правоприменительной практики играет статья 6 Гражданского кодекса Российской Федерации: «при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости». В данном случае добросовестность представляет собой критерий судейского усмотрения в оценке поведения участников гражданских правоотношений¹. Правда, буквальное толкование этой нормы в системной связи с содержанием пункта 3 статьи 1 может несколько запутать читателя, приводя к выводу, что роль применимых регуляторов в отсутствие подходящих норм закона играют принципы права (к коим относится и принцип добросовестности), но при этом должны учитываться и какие-то самостоятельные, особые требования добросовестности (возможно, во втором случае под особыми требованиями о презумпции добросовестности? Можно ли их разделять?). Интересно содержание материалов судебной практики, где суды часто мотивируют свои решения, основываясь в том числе на принципах гражданского права с оговоркой, что, несмотря на действие принципа добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, суд оценивает условия конкретного договора с точки зрения их разумности и справедливости².

Принцип – это основополагающее начало, определяющее сущность и направление правового регулирования, категория, в соответствии с которой создаются и претворяются в жизнь нормы

¹ См.: *Толстик В.А.* Пределы законодательного усмотрения // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2014. № 1 (25). С. 282–285.

² Решение Кировского районного суда г. Астрахани от 30 декабря 2019 года по делу № 2-4033/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KmZe7iZVScQh/> (дата обращения: 01.06.2020).

права. Он не может опровергаться, он – основа содержания нормы и вектор ее применения. Действительно, если акцентировать внимание на том, что принципы, как правило, отражают объективные закономерности и потребности общества, то не вызывает сомнения, что добросовестность участников имеет место как основополагающее, базовое, желаемое и даже требуемое поведение от участников. Однако это поведение как объективное, внешнее выражение воли лица строится на основе субъективной составляющей, к которой применяется уже презумпция добросовестности.

В.К. Бабаев, рассматривая презумпцию как логический прием и продукт индукции, определял ее как «закрепленное в нормах права предположение о наличии или об отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом»¹.

Заметим, что презумпция добросовестности имеет место при определении пределов осуществления гражданских прав, то есть речь идет о предположении факта добросовестности действий участников гражданских правоотношений, не нуждающегося в доказывании.

В классическом виде структура презумпции должна содержать контрпрезумпцию, то есть указание на возможность опровержения: «пока не доказано обратное», «пока не установлено иное» и т. п. В законодательной формулировке контрпрезумпции не содержится, однако это сделано, скорее, для экономии, тем более что самая первая редакция нормы (в которую, кстати, это правило дословно перешло из пункта 3 статьи 6 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 1991 года) была сформулирована следующим образом: «участники гражданских правоотношений предполагаются добросовестными, поскольку не доказано иное»².

Являясь общим правовым и философским принципом, добросовестность пронизывает всю сферу правоотношений (независимо на отсылки к добросовестности в отдельных нормах Гражданского кодекса Российской Федерации). Применять презумпцию добросовестности можно лишь в тех случаях, когда защита нарушенного

¹ *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: Учебное пособие. Горький, 1974. С. 14.

² Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26, ст. 733.

права самим законодателем ставится в зависимость от добросовестности (недобросовестности) участников правоотношения: это, как правило, вещные и отношения из недействительных сделок (возможно, даже «усиление» ответственности для недобросовестной стороны или, наоборот, эстопеллирование недействительной сделки в связи с недобросовестностью поведения). Причем в этих же правоотношениях сам принцип добросовестности не исключается, а является основой применения тех или иных последствий.

Рассмотрим одну область гражданских правоотношений, где встречаются оба регулятора – и принцип, и презумпция. Всем известен еще один принцип гражданского права – свободы договора: лица свободны как в заключении договора, так и в проведении переговоров и, как следствие, сами несут расходы, связанные с их проведением, даже если переговоры оказались безрезультатными (пункт 1 статьи 434¹ Гражданского кодекса Российской Федерации).

Однако в данных правоотношениях «конкурируют» два принципа: принцип свободы договора и добросовестности в обязательственных отношениях. В спорных ситуациях, когда переговоры не увенчались успехом, недобросовестным признается поведение, когда лицо вступает в переговоры или продолжает их, несмотря на то, что знает или должно знать, что оно уже не будет заключать договор. В этом случае подлежат установлению обстоятельства того, что ответчик изначально не имел намерения заключать договор либо впоследствии утратил это намерение, но не сообщил об этом своему контрагенту и продолжал создавать видимость намерения заключить договор именно с этим контрагентом, например запрашивая лучшую цену и иные улучшения оферты, хотя к моменту такого запроса лицо знает или должно знать, что оферта не будет принята ни при каких условиях¹. Недобросовестный участник переговоров обязан возместить убытки своему контрагенту. В данном случае интересным представляется следующее правило: если имеются обстоятельства, отвечающие объективным критериям недобросовестности, указанным в подпункте 1 и 2 пункта 2

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июня 2020 года. URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_36/ (дата обращения: 18.06.2020).

статьи 434¹ Гражданского кодекса Российской Федерации, то недобросовестность действий ответчика предполагается, в этих случаях именно он должен доказать добросовестность своих действий.

Значение существования и нормы-принципа и нормы-презумпции добросовестности, по нашему мнению, состоит в следующем: наличие закрепленного в тексте Гражданского кодекса Российской Федерации принципа (хотя, несомненно, этот принцип существовал и был ориентиром судебной практики задолго до его помещения в закон) пресекает любые возможности оставить добросовестность поведения участников без внимания, не учесть при вынесении решения.

Презумпция же добросовестности, выступая средством разрешения бремени доказывания в гражданском процессе, позволяет не обосновывать свою добросовестность, переводя в случае подозрений эту обязанность на контрагента. При этом стопроцентной уверенности в субъективной добросовестности каждого нет, и именно наличие общего принципа позволяет в ней усомниться. В этом контексте норма-презумпция работает как элемент механизма реализации принципа добросовестности¹.

В заключение отметим, что принцип и презумпцию добросовестности нельзя противопоставлять, они связаны своими общими функциями – служить социально-правовыми регуляторами гражданских правоотношений, презумпция относится к внутренней составляющей поведения субъектов, объективно обязанных быть добросовестными. Эти две категории нельзя и смешивать, так как они имеют разную правовую природу и область применения (материальная и процессуальная составляющая). Презумпция работает в конкретных случаях с конкретными лицами, принцип довлеет над всеми участниками без исключения. Заметим, что возможность опровержения презумпции добросовестности не означает наличие вероятности отступления от принципа добросовестности, не является пробелом, а, наоборот, свидетельствует о том, что данный принцип пронизывает всю отрасль, обязывая всех без исключения быть добросовестными в своих поступках и их мотивах.

¹ См.: *Вышемирский И.О.* Соотношение принципа презумпции добросовестности в гражданском праве // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 1. С. 137.

УДК 342.9

Бабаев В.С.,

студент Приволжского филиала государственного университета правосудия, юрисконсульт общества с ограниченной ответственностью «Риконт»

Место административно-процессуального принуждения в системе административного принуждения

Административное принуждение традиционно привлекает внимание исследователей. Такое положение обусловлено его потенциалом, встроенностью в механизм обеспечения правопорядка и безопасности. Сам институт исполняет роль общественного управления социумом, занимая определенное положение в системе государственного принуждения, и имеет весомое значение в вопросе защиты прав и интересов граждан и организаций, охраны собственности, правопорядка, создания приемлемых условий для осуществления деятельности органами власти. Весомый вклад в разработку теоретических основ института административно-правового принуждения внесли такие ученые, как: С.С. Алексеев, В.Д. Ардашкин, С.Н. Кожевников, Г.В. Атаманчук, Б.Т. Базылев, А.Б. Агапов, Ц.А. Ямпольская, В.Д. Сорокин, М.С. Студеникина, В.Г. Салищева, Ю.А. Тихомиров, Л.Л. Попов, Ю.Н. Стариков и другие авторы.

Представляя собой один из широко распространенных методов государственного влияния, административное принуждение включает в себя разнообразные по характеру, правовому контролю и целевому назначению меры.

Административное принуждение является неоднородным явлением. Данная характеристика позволяет решать широкий круг правоохранительных задач, но при этом актуализирует проблему классификации названного явления.

Вопрос существования данной проблемы поднимался в работе Н.В. Анискиной, в которой автором отмечается, что «в нормах текущего законодательства Российской Федерации не закреплена система мер административного принуждения, позволяющая их дифференцировать по какому-либо единому основанию, что способствует возникновению проблем в их теоретическом осмыслении и практическом использовании»¹.

Классификационная модель административного принуждения не получила окончательного оформления, ведутся оживленные научные дискуссии, предлагается различный набор форм административного принуждения.

Ученые классифицируют административное принуждение следующим образом:

– в соответствии с целью влияния Ю.М. Козлов и А.П. Алехин выделяют административно-предупредительные, административно-пресекательные меры и меры административной ответственности²;

– в зависимости от оснований применения Д.Н. Бахрах различает меры административного пресечения, восстановления и ответственности³;

– В.М. Манохин разделяет меры согласно их назначению, а именно на меры, применяемые в силу государственных нужд (реквизиция), контрольно-предупредительные меры (регистрация, осмотр объектов, запрещение деятельности и т. д.), меры пресечения административных правонарушений, меры процессуального обеспечения⁴.

Б.В. Россинский и Ю.Н. Стариков говорят об административно-предупредительных, пресекательных мерах, мерах индивидуального

¹ Анискина Н.В. Классификация мер административного принуждения, применяемых сотрудниками ФСИН России // Пенитенциарная наука. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-mer-administrativnogo-prinuzhdeniya-primenyaemyh-sotrudnikami-fsin-rossii> (дата обращения: 14.05.2020).

² См.: Алехин А.П., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. Ч. 1. Москва, 1994. С. 218.

³ См.: Бахрах Д.Н., Татарян В.Г. Административное право России. Москва, 2009. С. 440–444.

⁴ См.: Российское административное право: учебник / под ред. В.М. Манохина. Москва, 1996. С. 173.

административного надзора, применения огнестрельного оружия и мерах ответственности¹.

В целом, не учитывая сущность изначального разногласия (меры административного принуждения применяются к тем, кто совершил противоправное поведение, а для применения мер предупредительного характера этот признак не нужен, соответственно, называть их принудительными, как, например, это делает Д.Н. Бахрах, ошибочно), авторы каждого последующего основополагающего труда занимаются, как правило, комбинированием указанных мер, оставляя, убирая, переставляя уже имеющиеся предложения.

Среди критериев классификации административного принуждения важную роль играет его цель и способ обеспечения правопорядка. Его использование, по нашему мнению, позволяет выделить следующие формы административного принуждения: административного предупреждения, административного пресечения, административно-процессуального обеспечения, административно-правовой защиты, административной ответственности. Предложенная система является наиболее предпочтительной ввиду ее обширности, однако и она вызывает оживленные споры среди исследователей.

Традиционно не вызывает дискуссии отнесение к формам административного принуждения, административного пресечения и административной ответственности.

Самостоятельность административно-процессуального обеспечения признается далеко не всеми авторами², хотя глава 27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и сложившаяся правоприменительная практика убедительно доказывают их самостоятельную роль в механизме правоохраны.

Ошибочность вышеуказанных подходов к классификации очевидна, так как пресечение административных правонарушений является одной из целей рассматриваемых мер, определенных частью 1 статьи 27.1 Кодекса Российской Федерации об административных

¹ См.: *Росинский Б.В., Стариков Ю.Н.* Административное право: учебник. Москва, 2009. С. 574.

² См.: *Бахрах Д.Н.* Административная ответственность граждан в СССР: учебное пособие. Свердловск, 1989. С. 141.

правонарушениях. В то же время меры административного пресечения применяются для прекращения преступлений, а также иных противоправных деяний, когда в полной мере отсутствуют признаки состава правонарушения.

Меры административно-процессуального обеспечения являются самостоятельной формой административного принуждения, хотя они во многом направлены на создание условий для применения административной ответственности.

Между тем меры административно-процессуального обеспечения представляют собой далеко не однородное явление. Их система закреплена в статье 27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Мы полагаем, что их можно подразделить на следующие виды: 1) направленные на пресечение административных правонарушений; 2) направленные на получение доказательств по делу об административном правонарушении; 3) направленные на решение других процессуальных задач.

Немаловажным критерием сохранения актуальности данной классификации является соблюдение правопреемственности права в условиях введения в действие с 1 января 2021 года процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Значимость и необходимость данного атрибута заложена в трудах В.К. Бабаева. Он устанавливает, что правопреемственность является необходимым элементом закона отрицания, при этом процесс отрицания разделяя на два неразрывно связанных между собой элемента, а именно устранение старого отжившего или не отвечающего изменившимся условиям и сохранение старого положительного, ценного, того, что необходимо для прогрессивного развития¹.

Главой 4 проекта Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а в частности статей 4.2, предусмотрена следующая система мер административно-процессуального обеспечения: осмотр места совершения административного правонарушения; доставление; административное задержание; обязательство о явке; привод; помещение

¹ *Бабаев В.К.* Преемственность в праве // Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2006. С. 227.

в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации; личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице; досмотр транспортного средства; осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий, находящихся там вещей и документов; изъятие вещей и документов; отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида; освидетельствование на состояние алкогольного опьянения; медицинское освидетельствование на состояние опьянения; задержание транспортного средства; залог за задержанное транспортное средство; временное ограничение на право управления транспортным средством; задержание судна, доставленного в порт Российской Федерации; арест имущества; залог за арестованное судно; административное приостановление деятельности либо отдельных видов деятельности; приостановление операций по счетам в банке; временное ограничение на посещение собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирований и иных публичных мероприятий. Указанные меры можно подразделить на следующие виды: 1) меры, направленные на получение доказательств по делу об административном правонарушении; 2) меры, направленные на пресечение административных правонарушений; 3) меры, направленные на решение иных процессуальных задач.

Таким образом, отмечается усиление роли административно-процессуального обеспечения в механизме правоохранительных отношений. Данный факт подтверждается повышенным вниманием со стороны органов государственного управления, выражающимся в расширении в проекте Процессуального кодекса об административных правонарушениях доступных механизмов воздействия на правонарушителя.

Ввиду изложенного предлагаемая классификация мер административно-процессуального обеспечения сохранит свою актуальность в условиях введения в действие Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. От его разрешения во многом зависит качество закрепления и последующего применения вышеназванных норм административно-процессуального обеспечения, реализации института административной ответственности в целом.

Проблемные аспекты формирования правовой культуры сотрудников органов внутренних дел

Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений.

Н.К. Перих

Научное наследие, оставленное нам профессором В.К. Бабаевым, необъятно. Им были написаны около двухсот научных трудов, в которых освещается множество проблем юридической науки. К его работам следует обращаться как к ориентиру для новых научных открытий. Следует отметить, что своеобразный след в трудах В.К. Бабаева оставила его профессиональная деятельность. Так, несколько работ ученого посвящены теме правовой культуры не только как социально-правовому явлению, но и как неотъемлемому элементу образа сотрудника органов внутренних дел.

Рассматривая правовую культуру в широком смысле (применительно к обществу), В.К. Бабаев, а также В.М. Баранов и В.А. Толстик понимают под ней «совокупность всех ценностей, созданных человеком в правовой сфере»¹. В этом аспекте правовая культура является частью общей культуры, материальных и духовных достижений общества, взятых в совокупности. Такое понимание правовой культуры характерно для культурологического подхода, однако существуют и другие подходы: антропологический, социологический, философский, лингвистический, психологический, исторический, деятельностный. Последний представляет для нас особый интерес, поскольку является ключевым для профессии сотрудника ОВД.

¹ Теоретические проблемы современного российского конституционализма (научно-практический семинар) // Государство и право. 2003. № 12. С. 63.

Здесь правовая культура выступает не столько как результат, сколько как способ деятельности, образ мышления, нормы и стандарты поведения сотрудника в различных ситуациях профессиональной деятельности. Переходя непосредственно к правовой культуре сотрудника ОВД, следует отметить, что это особая разновидность групповой и индивидуальной правовой культуры. Ее основой, безусловно, выступает правосознание, уровень развития которого наряду с профессиональными умениями и навыками детерминирует профессионализм сотрудника ОВД, его высокий авторитет в обществе.

Подытожив вышеизложенное, дадим определение понятию «правовая культура сотрудника ОВД». Под данным понятием мы понимаем глубокий уровень развития правосознания сотрудника ОВД, его убежденность в социальной ценности правовых предписаний и полезности своей профессиональной деятельности для благополучия всего общества, а также умения и навыки ее осуществления в соответствии с законом. По мнению В.К. Бабаева, особая роль правовой культуры в деятельности ОВД состоит в том, что от уровня правовой культуры сотрудников ОВД напрямую зависит уровень правовой культуры отдельного гражданина и общества в целом¹. Об уровне правовой культуры сотрудников ОВД можно делать выводы, анализируя различные ситуации правоприменения, в которых они ежедневно оказываются. Аксиомами их поведения должны быть направленность на уважение достоинства личности, признание прав и свобод человека и других общественных ценностей, а также внутренняя потребность безукоризненно следовать требованиям норм права. От профессионализма сотрудников ОВД зависит восстановление социальной справедливости и нарушенных прав и свобод. В связи с этим сотрудники ОВД обладают повышенной ответственностью за результаты своего труда.

Полагаем, что сотрудник ОВД должен обладать высшим уровнем правовой культуры. По мнению М.М. Рассолова, В.П. Малахова, А.А. Иванова, высшим уровнем правовой культуры любого индивида является правовая активность, которая проявляется

¹ См.: Роль правовой культуры в деятельности органов внутренних дел // Правовая культура в юридической практике. Москва, 1977. С. 25.

в готовности личности к активным сознательным действиям в сфере реализации права¹. По нашему мнению, уровень правовой активности индивида, имеющийся до поступления на службу в ОВД, во многом определяет уровень его правовой активности в процессе служебной деятельности. Правовую активность индивида можно дифференцировать на три уровня.

Первый уровень правовой активности означает, что деятельность индивида в сфере реализации права крайне пассивна, определяется исключительно внешними стимулами, то есть индивид действует только тогда, когда в этом возникает необходимость. К сожалению, индивидуальный уровень правовой активности сотрудников большинства подразделений ОВД соответствует первому уровню. При профессиональном отборе на службу необходимо ориентироваться на следующие два уровня: эвристический и творческий.

Эвристический уровень предполагает постоянную познавательную активность индивида, поиск нестандартных решений возникшей проблемы или задачи без нарушений закона. Данный уровень наиболее свойственен следователям. Это выражается, например, в применении тактических приемов допроса подозреваемого (обвиняемого) с целью преодоления оказываемого ими противодействия, в построении и разработке следственных версий на первоначальном и последующем этапах расследования, в подготовке к допросу (чтение специальной литературы). Профессия следователя многогранна и требует от человека непрерывного совершенствования своих интеллектуальных способностей, а также правовых знаний, умений и навыков.

Наконец, наивысшим уровнем активности индивида является творческий, означающий, что к деятельности индивида подталкивают не внешние стимулы, а он сам, поставленные им самим проблемы. Данный уровень должен быть характерен для всех сотрудников ОВД без исключения и проявляется в непрерывающейся работе по выявлению нарушений закона и борьбе с ними.

¹ См.: Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М.М. Рассолов, В.П. Малахов, А.А. Иванов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2011. С. 363.

Идея о роли правовой культуры сотрудников ОВД, выраженная В.К. Бабаевым, актуальна и сегодня. Как мы уже отмечали, высокий уровень сформированной правовой культуры сотрудника ОВД является неперенным условием эффективности его профессиональной деятельности, облегчает выполнение служебных задач. Роль правовой культуры в деятельности сотрудника ОВД сегодня проявляется в том, что она:

- а) является интегративным показателем его профессионализма;
- б) способствует повышению его профессионального «имиджа»;
- в) способствует укреплению режима законности в деятельности ОВД.

Формирование правовой культуры сотрудника ОВД осуществляется по нескольким направлениям. Это прежде всего морально-нравственное и правовое воспитание. На формирование правовой культуры оказывают влияние: институт образования, семья, государство, средства массовой информации, трудовой коллектив, а также особенности деятельности сотрудников по борьбе с преступностью (общение с представителями преступной среды). В настоящее время существуют некоторые проблемы. Рассмотрим их ниже.

1. Динамичность правовой информации и расширение информационно-образовательной среды, которые трудно поддаются контролю. Неконтролируемый информационный поток может не только развивать личность сотрудника, но и формировать негативное отношение к праву, закону¹.

2. Качество юридического образования. Сегодня на службу в ОВД можно поступить, окончив образовательное учреждение высшего образования, не входящее в систему МВД России. Соответственно, уровень профессиональных знаний, умений и навыков, полученных в гражданских образовательных учреждениях высшего образования, существенно отличается от тех, что приобретены в ведомственных. Это обстоятельство не может не сказываться на правовой культуре будущих сотрудников ОВД, а вот ношение форменного обмундирования и жесткая дисциплина в образовательных учреждениях высшего образования системы МВД России, наоборот, способствуют формированию более крепких правовых установок на борьбу с правонарушениями.

¹ См.: *Костылев А.К.* Информационное право: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Тюмень, 2010. С. 25.

3. Несовершенство действующего законодательства. Развитое законодательство является еще одним важным средством государства в формировании правовой культуры. От того, насколько высок уровень правовой культуры законодателя, будет зависеть и уровень правовой культуры сотрудника ОВД, который в своей профессиональной деятельности ежедневно сталкивается с применением закона¹. Такого же мнения придерживается и С.Н. Болдырев². Пробелы, существующие в силу несовершенства законодательной техники, ошибок законодателя, осложняют как процесс формирования правовой культуры сотрудников, так и их правоприменительную деятельность.

4. Низкий уровень доверия сотрудникам ОВД со стороны населения, который ведет к отсутствию у них стороны желания повышать уровень своей правовой активности, а значит, и уровень правовой культуры. Это во многом обусловлено популяризацией их неправомерного поведения в средствах массовой информации. Так, широкий общественный резонанс имел случай, произошедший в отделе полиции «Дальний» в Казани. Двое оперативных сотрудников превысили свои должностные полномочия, применив насилие к подозреваемому в деле о краже мобильного телефона С. Назарову, в результате чего последний скончался³.

Указанные выше проблемы имеют комплексный характер и взаимосвязаны между собой. Решить их одновременно, по нашему мнению, не представляется возможным. Основными направлениями решения данных проблем являются: повышение требований к образовательному уровню лиц, поступающих на службу в ОВД; совершенствование юридической техники, устранение пробелов в праве; популяризация примеров героизма сотрудников, безукоризненного исполнения ими своего служебного долга.

¹ Роль правовой культуры в формировании правового государства. URL: <https://isfic.info/SPBU/konf17.htm> (дата обращения: 03.06.2020).

² Болдырев С.Н. Правовая культура общества и культура юридической техники // Философия права. 2011. № 1 (44). С. 36–40.

³ Дело о пытках в полиции Казани дошло до суда спустя пять лет. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/09/2017/59cb61769a7947f810a82bf5> (дата обращения: 03.06.2020).

*Бобылева М.Н.,
адъюнкт адъюнктуры Московского универси-
тета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Анализ реализации функций государства применительно к российской действительности

Функции государства являются главными социально значимыми векторами деятельности государства. Выполняя различного рода функции, государство воздействует на состояние общественных отношений в целом в государстве и в частности граждан государства. Актуальность исследования реализации функций государства в условиях современной российской действительности обусловлена тем, что на сегодняшний день Российское государство находится в состоянии постоянного реформирования. Необходимо отметить, что 22 апреля 2020 года планировалось провести референдум по принятию поправок в Конституцию Российской Федерации.

15 января 2020 года Президент Российской Федерации В.В. Путин выступил с предложением о внесении в Конституцию Российской Федерации нескольких поправок¹. Изменения затрагивают различные сферы действия, например: изменения, которые обеспечивают приоритет Конституции над международными нормативными актами; совершенствование механизма взаимодействия между государственными и муниципальными органами власти; расширение спектра ведения Российской Федерации; гарантированность минимального размера оплаты труда, не менее величины прожиточного минимума, а также положение о ежегодной индексации пенсий. Что касается поправок в вопросе системы органов государственной

¹ См.: Толстик В.А., Трусов Н.А. Референдум как инструмент демократизации правотворчества // Юридическая техника: Ежегодник. 2014. № 8. С. 450–457; Их же. Референдум в России: основы, опыт, критика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 9–14.

власти, акцент был сделан на положение должностных лиц субъектов Российской Федерации, в частности поправки касались возрастного ценза и добавления положения о том, что лицо не может иметь гражданство иностранного государства, вида на жительство или иного документа, дающего право на постоянное проживание за пределами Российской Федерации.

На содержание функций государства оказывает влияние национальный вопрос. Особенностью Российского государства является его многонациональность. На сегодняшний день на территории Российской Федерации насчитывается около двухсот национальностей. В поправках к Конституции, принятой 12 декабря 1993 года, сделан акцент на многонациональности Российского государства, а именно на самобытности культуры народов. Рассматривая данный аспект в контексте реализации функций государства, необходимо отметить, что в многонациональном государстве для недопущения сепаратистских настроений и распада государственной общности при ведении государственной политики следует согласовывать и учитывать национальные интересы народов, в том числе при принятии нормативных правовых актов и государственных решений.

Под функцией государства понимают одно из основных направлений деятельности государства, а также цели, методы, формы и средства осуществления этой деятельности¹.

В деятельности государства функции делятся на внутренние и внешние. В современных условиях Российскому государству присущи такие внутренние функции, как политическая, идеологическая, социально-экономическая и охраны прав и свобод человека. Рассмотрим каждую из этих функций подробнее применительно к условиям современных реалий. Сущность политической функции в демократическом обществе состоит в народовластии. Реализация данного положения предполагает осуществление волеизъявления народа путем правотворчества, создание условий самоуправления народа, гражданского общества, защиту конституционного строя. Проводя параллель с современными принципами государства, установленными в Конституции Российской Федерации,

¹ См.: *Бабаев С.В.* Теория функций современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001.

мы видим, что юридически реализация политической функции народом имеет свое закрепление в официальном документе, но фактически в реализации своих прав, связанных с осуществлением правотворчества, он ограничен, и ввиду бюрократических тягб граждане государства не способны в полной мере реализовать свои политические права.

На сегодняшний день Российскому государству присуща рыночная экономическая система, основными принципами которой являются свобода ценообразования, свобода конкуренции, многообразие форм собственности. В России большое внимание со стороны государства уделяется поддержке малого бизнеса. Мерами поддержки такого вида бизнеса являются субсидии, льготные кредиты по сниженной ставке, а также льготы в сфере налогообложения. В апреле 2020 года в России распространилась новая коронавирусная инфекция COVID-19. В силу вступила программа по поддержанию бизнеса в виде предоставления отсрочек по платежам, налоговых отсрочек, отсрочек по аренде имущества, расширения кредитных программ и другие меры, которые направлены на экономическую поддержку бизнеса различных форм. Тем самым особенностью реализации экономической функции является динамичность и использование различных методов регулирования в зависимости от сложившихся обстоятельств.

Одна из наиболее важных государственных функций – социальная функция, так как она многообразна по своему содержанию и по объему деятельности. Содержание социальной функции обусловлено задачами государства в социальной сфере. Ключевым назначением рассматриваемой функции является обеспечение общественного благополучия, а именно достойной жизни и равного доступа для граждан в целях достижения социального благополучия¹. В условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19 было принято решение об оказании адресной поддержки семьям с детьми в форме пособий и выплат малоимущим семьям, в том числе выплаты на детей в возрасте от трех до семи лет.

¹ См.: *Бабаев В.К.* Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2019. С. 77.

При назначении подобного рода выплат учитывается доход семьи, а также в условиях непростой экономической и эпидемиологической ситуации предлагается семьям, где есть безработные члены семьи, производить адресные выплаты без учета прошлых доходов¹. Таким образом, реализация социальной функции государством направлена на поддержание всех слоев населения, которые нуждаются в получении тех или иных социальных благ. В социальной функции наиболее ярко выражено общесоциальное начало государства – снятие или смягчение социальных противоречий путем использования цивилизованных средств их разрешения; обеспечение человеку надлежащих условий жизни посредством гарантирования определенного объема социальных благ за счет государства².

В заключение хотелось бы отметить, что общим признаком функций государства является то, что они выражают сущность государства. Реализацию функций определенного вида обуславливают процессы, происходящие внутри государства. В зависимости от политической, социальной, экономической или экологической обстановки государство реализует свои привычные функции в различных формах. Так, например, в начале 2020 года Президентом Российской Федерации было утверждено решение о внесении поправок в действующую Конституцию Российской Федерации от 1993 года, они затрагивали различные сферы жизнедеятельности. Как в демократическом государстве, народ путем референдума должен был одобрить принятые поправки или нет, но сложная эпидемиологическая обстановка в стране внесла свои коррективы как в политическую, так и в экономическую жизнь государства, поэтому Российскому государству пришлось реализовывать свои функции с учетом сложившейся ситуации.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам контроля за эффективностью и качеством осуществления переданных органом государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий: федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 147-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17, ст. 2725.

² *Бабаев В.К.* Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2019. С. 78.

*Бочкарев М.В.,
адъюнкт заочной формы обучения Нижегородской академии МВД России*

К вопросу о понятии правовой формы

Одним из часто встречающихся в теории государства и права терминов является термин «форма». Без понятий «форма осуществления функций государства», «форма правления», «форма государственного устройства», «форма права» и т. д. невозможно представить данную науку.

Для того чтобы говорить о правовой форме, безусловно, необходимо определить, что понимается под указанной категорией.

Большой энциклопедический словарь выделяет следующие значения слова «форма»:

- 1) внешнее очертание, наружный вид, контуры предмета;
- 2) внешнее выражение какого-либо содержания;
- 3) установленный образец чего-либо;
- 4) приспособление для придания чему-либо определенных очертаний;
- 5) одинаковая по цвету и покрою одежда;
- 6) совокупность приемов и изобразительных средств художественного произведения¹.

В первом значении термин «форма» в правовой науке не используется, однако мы можем видеть упоминание о форме в данном значении в содержании нормативных правовых актов. Так, в Правилах безопасной эксплуатации и охраны труда для нефтеперерабатывающих производств², утвержденных Минэнерго 11 декабря 2000 года, указано, что вывих характеризуется болью в конечности, изменением внешних очертаний (формы) и отсутствием подвижности в пораженном суставе.

¹ См.: Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/encЗр/310266> (дата обращения: 10.06.2020).

² Правила безопасной эксплуатации и охраны труда для нефтеперерабатывающих производств. ПБЭ НП-2001. Москва, 2001.

В значении внешнего выражения чего-либо данный термин достаточно часто используется в теории государства и права. Например, ранее упоминавшаяся форма осуществления функций государства – это, по сути, внешнее выражение его деятельности, то, что оно осуществляет. Или исковая форма защиты права в арбитражном процессе, которая является одним из способов защиты своих прав, формой (внешним выражением) обращения в арбитражный суд.

В третьем значении данное понятие используется как в юридических науках, так и в позитивном праве. В нормативных правовых актах всех уровней закреплено огромное количество типовых, рекомендуемых и твердо установленных форм документов. Только в приказе МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации»¹ содержится более 25 рекомендуемых образцов и примерных форм документов, образующихся в процессе прохождения службы в органах внутренних дел. О важности процессуальных документов в изучении той или иной юридической дисциплины или в правоприменении говорит большое количество учебных пособий и сборников документов в той или иной сфере права².

Что касается четвертого значения, то оно тесно связано с предыдущим. Известно, что в справочно-правовых системах давно предлагается инструмент «Конструктор договоров», помогающий составить проект договора. В МВД России, в свою очередь, действуют модули «Правовая экспертиза» и «Антикоррупционная экспертиза» сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений, которые помогают находить наиболее типовые ошибки при подготовке проектов правовых актов. Эти инструменты не влияют на сущность права, они лишь выступают помощниками для конкретных правоприменителей.

¹ Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 февраля 2018 года № 50. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2020).

² См.: Сборник процессуальных документов по гражданским делам: учебно-методическое пособие / сост.: О.А. Бахарева, Т.М. Цепкова, С.А. Филиппов. Саратов, 2015; Составление процессуальных документов по гражданским делам: учебное пособие. Оренбург, 2004.

В пятом значении можно вновь вспомнить лишь о содержании правовых норм, например, о форме сотрудника органов внутренних дел. Причем интересно, что описание форменной одежды иногда утверждается подзаконным нормативным правовым актом¹, то есть иногда даже предметы одежды определяются правом.

Шестое значение, кажется, никак не связано с правом, однако близко к данному значению понимание под формой способа изложения норм в каком-либо нормативном правовом акте или изложения материала в правоприменительном акте. В данном случае форма фактически приравнивается к технике.

Интересным нам также представляется понятие «форма», представленное в современном Толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой, которая в том числе понимает под формой установленный порядок совершения чего-либо². Во-первых, это означает, что форма – не всегда состояние, форма может обозначать и действие (или выражение этого действия). Во-вторых, поскольку под правом можно понимать нормы и установленный порядок их применения, право можно само считать формой.

В этом ключе представляется любопытным мнение В.К. Бабаева, который анализирует рассуждения В.С. Нерсисянца о признании ценности права в том, что оно обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы, получающую благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту. Он считает такой подход перспективным, позволяющим объединить в определенной мере формальный и содержательный аспекты исследования ценности права³.

¹ О форменной одежде, знаках различия и нормах снабжения вещевым имуществом сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 13 октября 2011 года № 835 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 43, ст. 6072.

² Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/310266> (дата обращения: 10.06.2020).

³ См.: *Бабаев В.К.* Советское общенародное право: сущность и тенденции развития // Советское государство и право. 1980. № 6. С. 3–11.

Термин «правовой», в свою очередь, согласно Толковому словарю Д.Н. Ушакова, имеет два значения:

- 1) прилагательное к слову «право»;
- 2) основанный на праве, отражающий нормы права¹.

При рассмотрении понятия «правовая форма» уместны оба этих значения, все зависит от того, что понимать под правовой формой.

Сам же термин «правовая форма» широко используется как в юридической литературе, так и в отечественном законодательстве.

В большинстве своем юрист в повседневной практике встречается с похожим по звучанию термином «организационно-правовая форма», который используется для обозначения вида устройства какого-либо юридического лица. Из смысла части 2 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации любое юридическое лицо должно существовать в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных данным нормативным актом.

В трудах ученых можно встретить понятие «правовые формы»², однако здесь речь также идет о видах того или иного явления.

Собственно понятие «правовая форма» используется в статье 11 Бюджетного кодекса Российской Федерации³, где говорится о правовых формах бюджетов, но и здесь речь идет лишь о внешней оболочке, форме выражения бюджета: федеральный закон, закон субъекта Российской Федерации, муниципальный правовой акт.

Вместе с тем, нас интересует, в первую очередь, другое понятие правовой формы, которое раскрывается в работах ученых-теоретиков. Р.О. Халфина отмечает, что понятие правовой формы не имеет еще единого общепризнанного содержания. Она указывает, что под данным понятием «все больше понимается комплекс норм или институтов, опосредующих определенный вид общественных

¹ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/966462> (дата обращения: 10.06.2020).

² См.: *Сытников М.Ю.* Правовые формы рефинансирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 3. С. 217–219; *Бронникова М.Н.* Правовые формы труда несовершеннолетних // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 1. С. 61–67.

³ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ // Российская газета. 1998. 12 августа.

отношений. При этом, используя данное понятие, мы выходим за пределы права, привлекая для этого другие науки»¹.

Схожее понимание правовой формы дает В.М. Баранов. Он исходит из того, что «в праве категорией формы охватываются два значения: а) правовая форма; б) форма самого права. Правовая форма – вся правовая реальность. В этом случае речь идет о правовых явлениях, опосредующих экономические, политические, бытовые и иные фактические отношения. Понятие правовой (юридической) формы применимо, когда раскрывается связь права (или любого правового явления) с иными социальными образованиями, процессами и отношениями»².

Ю.Б. Батурина понимает под правовой формой «юридическую комплексную категорию, осуществляющую опосредование правом различных неправовых общественных явлений, нуждающихся в юридической регламентации, а также служащую каркасом внутри самого права, объединяющим (цементирующим) различные элементы, входящие в право»³. При этом она выделяет в правовой форме две составляющие: внутреннюю и внешнюю, первая из которых определяется как объективная связь между различными элементами, объединяющими право, а вторая – как связь права с неправовыми явлениями, нуждающимися в юридической регламентации.

С.С. Алексеев, рассуждая о взаимодействии правовых средств с социальной деятельностью, делает вывод, что «сложившиеся правовые формы являются средствами, инструментами оптимального решения социальных задач, с которыми находятся в органической связи»⁴.

По мнению В.Я. Любашица «правовая форма отражает юридические средства и приемы опосредования неправовых отношений посредством правовой регламентации этих отношений и ис-

¹ Халфина Р.О. Право как средство социального управления. Москва, 1988. С. 174.

² Общая теория права: Курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.

³ Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001.

⁴ Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного использования. Москва, 1999. С. 351.

пользуется для объяснения связи права с иными социальными явлениями и процессами, выступая при этом правовой формой организации экономических, политических, социальных, религиозных и иных отношений»¹.

Все вышеуказанные исследователи занимают в целом схожую позицию. В их понимании изучаемая категория представляет собой широкое понятие, которое охватывает множество правовых явлений и выходит за рамки самого права. По мнению этих ученых, оно является связующим звеном в праве и позволяет праву влиять на общественные отношения.

Также представляет интерес позиция В.М. Баранова, который, осмысливая первые послереволюционные года для советского права, пишет, что «практикам-юристам, не получившим надлежащей правовой подготовки и имеющим смутное представление о юриспруденции, очень мешали правовая форма, закреплённая законом процедура»². Можно сделать вывод, что он рассматривает правовую форму в узком значении как правовое регулирование.

М.А. Рейснер упоминает о данной категории в следующем ключе: «Мы так и не знаем, нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы»³. Причем задается он этим вопросом из-за того, что, на его взгляд, имеется совершенно определенная и ясная формула диктатуры. Раз имеется твердо осознанный классовый интерес и надлежащие технические способы для его осуществления, то смысла в правовой регулировке нет. Опять же, как мы видим, правовая форма связывается с правовым регулированием.

Д. Рене, описывая правовую систему Японии, считает, что никаких противоречий между созданием западного права и сохранением

¹ Любашин В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права. Москва, 2015. С. 280.

² Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2003. С. 220.

³ Рейснер М.А. Право: наше право. Чужое право. Общее право. Ленинград, 1925. С. 34.

образа жизни, игнорирующего нормы этого права, нет, так как право не является единственным регулятором общественной жизни. Привела эту страну к восприятию западных правовых форм потребность в экономическом развитии¹. Таким образом, западная правовая форма отождествляется с западным правом, оказывающим регулятивное воздействие на общественные отношения.

Г. Ханай говорит о буржуазной правовой форме и сравнивает ее с нормами социалистического права. «Ставя перед человеком задачи, направленные на содействие прогрессивному развитию общества, нормы социалистического права опровергают любые концепции, трактующие человека только как объект права и обрекающие его на полное и вечное подчинение правовым предписаниям»². Из этого он делает вывод о том, что рациональная правовая форма призвана содействовать сознательному участию индивида во всех областях общественной жизни. Необходимо подчеркнуть, что правовая форма здесь ставится в зависимость от экономического устройства общества, которое определяет правовую форму.

Рассуждая о понятии «правовая форма», необходимо отграничивать его от категории «формы права». Эти понятия не тождественны. Под формой права понимается способ выражения и фиксации норм права. При этом выделяют внутреннюю и внешнюю форму права. Внутренняя форма права представляет собой структуру права, внешняя – это непосредственно источники права.

Для правовой формы важно также определение сущности права, его внутреннее наполнение. Эта категория видится нам более глубокой. При этом некоторые авторы дают данной категории очень широкое понятие, понимая под ней взаимодействие всей правовой реальности с неправовыми явлениями, другие – рассматривают ее уже, сближая с правовым регулированием. Таким образом, мы видим разные подходы к пониманию категории «правовая форма», которые требуют дополнительного осмысления.

¹ См.: Рене Д. Основные правовые системы современности (сравнительное право). Москва, 1967.

² Ханай Г. Социалистическое право и личность / под ред. Н.П. Фарберова. Москва, 1971.

*Говорухина Ю.В.,
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской акаде-
мии МВД России*

Временные факторы формирования стратегий государства

При изучении действующего законодательства, регламентирующего стратегии, существующие доктринальные подходы по данной проблематике, уточнении понятийного аппарата мы столкнулись с качественной неоднородностью исследуемого явления. Такое положение укрепило нас в необходимости обращения к методу классификации. Получение истинных, а не ложных знаний напрямую предопределено выбором и последующим верным применением соответствующего познавательного инструментария. Следует присоединиться к позиции А.Г. Спиркина: «Выбор и применение методов и различных методик исследовательской работы предопределяются и вытекают и из природы изучаемого явления, и из задач, которые ставит перед собой исследователь»¹.

Одним из важных критериев является временной период, для нормативных правовых актов – время действия. Рассматриваемый вид документов принимается на определенный период, который носит достаточно длительный характер. Другими словами, стратегии изначально заданы конкретные временные рамки. Закрепленные цели должны быть достигнуты в названные сроки. Временные рамки в обязательном порядке учитываются при контроле реализации стратегии. При этом важно рационально провести расчет времени промежуточного контроля.

К тому же необходимо обеспечить стабильность стратегии. Такая ее характеристика будет свидетельствовать о глубине проработки, потенциале изложенного стратегического замысла. Именно разумный консерватизм обеспечивает устойчивость развития той сферы деятельности, которая является объектом ее регулирования.

¹ Спиркин А.Г. Философия: учебник. 2-е изд. Москва, 2004. С. 452.

При этом следует учитывать, что ее положения получают свою детализацию в других документах. В этой связи изменения в стратегии автоматически повлекут за собой потребность изменений документов, принятых в ее развитие. В силу этого возникает угроза стабильности, устойчивости, прогнозируемости, плановости деятельности, собственно, тех характеристик управленческой деятельности, для достижения которых принимаются стратегии.

Очевидно, что на период действия стратегии будут происходить кадровые изменения, другие преобразования, но они не должны ставить под угрозу ее реализацию. Глобальный характер решаемых задач требует системной поэтапной реализации и, соответственно, контроля на определенных временных промежутках. Целесообразно организовать системный мониторинг за исполнением соответствующих мероприятий. Так, в пункте 110 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации определено, что контроль реализации указанной стратегии осуществляется посредством государственного мониторинга. При этом важно, чтобы результаты мониторинга получали соответствующую оценку, что позволит вносить коррекцию в деятельность по ее реализации.

Учитывая длительный срок реализации стратегий, их роль в совершенствовании развития соответствующих сфер и областей деятельности, необходимо обеспечивать режим транспарентности. Исключение должна составлять информация, в отношении которой установлен соответствующий ограничительный режим¹.

Стоит отметить, что временной критерий также широко задействован в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ. Использование фактора времени позволяет классифицировать стратегии:

- 1) на долгосрочные – действующие сроком более 10 лет²;

¹ См.: О государственной тайне: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 41, ст. 8220–8235; О персональных данных: федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451; и др.

² О Стратегии развития морской деятельности в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 августа 2019 года № 1930-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.05.2020).

- 2) среднесрочные – действующие на период от 5 до 10 лет¹;
- 3) краткосрочные – действующие сроком менее 5 лет².

Рассматривая классификацию стратегий с учетом временного фактора, необходимо отметить такую тенденцию, как их ежегодную актуализацию, то есть пролонгацию действия. Так, несколько раз в год корректировались стратегические документы в Ставропольском крае – в 2011, 2012, 2013 годах, в Ивановской области – дважды в 2011 году, а также в 2012 году, в Вологодской области – в 2010 году, дважды в 2011 и трижды в 2013 году; в Тюменской области – в 2011 году, дважды в 2012 и дважды в 2013, а также в 2014 году. Мы полагаем, что столь частым внесением изменений в действующие стратегические документы нарушается сам принцип долгосрочного планирования, что свидетельствует о некачественном использовании потенциала прогнозирования.

Признавая важность классификации по срокам действия правовых стратегий, закономерно встает вопрос о необходимости критерия срочности стратегии. К сожалению, в законодательстве не закреплены объективные критерии определения срока действия правовой стратегии и разработчик сам определяет срок действия стратегии. Возникает опасность, что сроки могут быть либо существенно ограниченные, либо достаточно продолжительные, что не позволит в дальнейшем получить желаемый результат. В первом случае стратегия лишается своего сущностного назначения, так как не будет возможности реализовать те стратегические идеи, которые в них заложены. Во втором случае возникает опасность реализовать стратегию, так как современный этап общественного развития отличается существенной динамикой.

¹ Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы: распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 года № 1-р. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 09.05.2020).

² О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы: указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16, ст. 1875.

Вместе с тем, имеют место и отличные примеры, когда на общегосударственном уровне успешно реализуются стратегии с весьма длительным сроком действия. В качестве примера можно сослаться на опыт КНР. В ней успешно реализуется стратегия развития до 2050 года¹. Наряду с этим разработана стратегия на столетний период. Данные примеры свидетельствуют о возможности, а главное – перспективности стратегий с длительным сроком действия. Наряду с этим осуществляется подготовка стратегии развития КНР на 200-летний период. Очевидно, что при таком подходе осуществляется гармоничное сочетание государственного регулирования и рыночного саморегулирования, что дает возможность эффективно планировать распределение ресурсов, выстраивать сложные технологические механизмы, обеспечивая им должное правовое, организационное обеспечение.

Очевидно, что такой подход к стратегическому развитию может и должен быть использован в Российской Федерации. Учитывая «переходное» состояние отечественной экономики, видится целесообразным использование долгосрочных стратегий сроком действия 10–15 лет.

УДК 34

*Елисеева В.С.,
старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России*

Презумпция знания закона в Российской Федерации

Презумпция как универсальная категория определяется В.К. Бабаевым как «предположение о наличии или отсутствии определенных фактов, основанное на связи между предполагаемыми

¹ См.: Муратишина К.Г. «Китай – 2050» – специфика формирования стратегии // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: общественные науки. 2010. № 3 (30). С. 85–92.

фактами и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом»¹. Рассматривая правовые презумпции как частную разновидность презумпций, В.К. Бабаев выделял их по объекту («в сфере права») и по закреплению в нормах права (прямо или косвенно)².

Одной из правовых презумпций, традиционно вызывающих интерес у исследователей, является презумпция знания закона. Данная презумпция – важный элемент российского права, коррелирующий с обязанностью органов публичной администрации, их должностных лиц, граждан и объединений соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы³. Рассматривая право как сложную систему, полагаем необходимым принципы права и правовые презумпции отнести к ее элементам. Так, Д.А. Керимов включает в право принципы, нормы и действия, практику регулирования общественных отношений⁴.

В ряде зарубежных государств презумпция знания закона прямо закреплена в текстах конституционных документов. Например, статья 68 Конституции Украины⁵ декларирует: «незнание законов не освобождает от юридической ответственности». В Российской Федерации презумпция знания закона косвенно установлена в статье 15 Конституции Российской Федерации.

¹ Бабаев В.К. Теория современного советского права: фрагменты лекций и схемы. Нижний Новгород, 1991. С. 91–92; Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства в схемах и определениях. Нижний Новгород, 1999. С. 86.

² См.: Бабаев В.К. Теория современного советского права: фрагменты лекций и схемы. Нижний Новгород, 1991. С. 91–92; Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства в схемах и определениях. Нижний Новгород, 1999. С. 92.

³ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

⁴ См.: Керимов Д.А. Проблемы общей теории государства и права: учебное пособие. Москва, 2000. С. 35, 39.

⁵ См.: Конституция Украины от 28 июня 1996 года № 254к/96-ВР (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.09.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391155#pos=7;-106 (дата обращения: 22.04.2020).

Сегодня презумпция знания закона, нашедшая выражение в формуле «Незнание закона не освобождает от ответственности», в повседневном обиходе употребляется в качестве некой аксиомы, интуитивно знакомой каждому, логического продолжения латинской идиомы «Закон суров, но это закон». Тем не менее многие исследователи подвергают презумпцию знания закона критике, апеллируя к ее архаичности и несоответствию современным общественно-политическим условиям.

Полагаем возможным говорить о деградации социального содержания данной юридической конструкции в постсоветский период. В.К. Бабаев в 1969 году подчеркивал, что «из фикции, по сути дела, в буржуазном праве, в социалистическом праве она (презумпция знания закона. – В.Е.) превратилась в предположение с максимально высокой степенью вероятности, что объясняется широким привлечением трудящихся к правотворческой и правоприменительной деятельности, высоким уровнем правосознания правовой культуры советских граждан»¹. Сегодня же многие исследователи отмечают обратную тенденцию. Так, И.Н. Горячев, исследуя статистическую обоснованность презумпции знания закона, замечает, что данная юридическая конструкция может выступать в качестве презумпции «в совершенно иных исторических условиях – в условиях небольшого количества правовых актов и всеобщего их провозглашения либо в условиях участия всего населения в их принятии»².

Полагаем, что презумпция знания закона должна быть обоснована возможностью ознакомления с принимаемыми нормативными правовыми актами лицами, находящимися на территории Российской Федерации. При этом, на наш взгляд, возможность ознакомления складывается из доступности правовых актов (опубликования в официальных источниках, СМИ, размещения на тематических сайтах информационно-коммуникационной сети «Интернет» и в справочно-правовых системах) и физических

¹ *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 22.

² *Горячев И.Н.* О статистических основаниях действия презумпции знания закона в уголовном праве России // *Юридическая техника: Ежегодник.* 2010. № 4. С. 130–131.

возможностей субъектов правоотношений усваивать необходимую информацию.

Федеральным законодательством сегодня установлен единый источник официального опубликования федеральных нормативных правовых актов и нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации – «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Кроме того, учет правовых актов и предоставление широкому кругу лиц доступа к ним осуществляют не только официальные субъекты, но и заинтересованные стороны, такие как коммерческие организации (Консультант-Плюс, Гарант, Кодекс), научные и образовательные организации. Фактически развитие информационно-коммуникационных технологий повысило уровень доступности официальной информации.

С другой стороны, полагаем, в последние годы показатель возможности ознакомления снижается. Основной причиной является динамика изменения законодательства: по официальным данным количество зарегистрированных Минюстом России и опубликованных нормативных правовых актов с декабря 2015 года по апрель 2020 года выросло почти вдвое – с 6 146 329¹ до 11 033 652² актов. Центр стратегических разработок в 2017 году, проведя статистический анализ федерального законодательства, пришел к выводу: «устойчивый тренд на увеличение ежегодно принимаемых актов характерен для всех рассмотренных отраслей права»³.

Заметим, что есть отрасли права, обладающие более высокой устойчивостью по отношению к другим. Анализ динамики публичных отраслей права в качестве наименее устойчивых позволяет назвать административное право (так, только в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях⁴ – основной источник института административной ответственности – за 2019 год были внесены изменения 49 федеральными законами и двумя постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации)

¹ URL: http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/index.php (дата обращения: 28.12.2019).

² URL: <http://pravo.minjust.ru:8080/big5/portal.html> (дата обращения: 22.04.2020).

³ Статистический анализ федерального законодательства / Н. Ткаченко // Центр стратегических разработок «Институты и общество». Москва, 2017. С. 6.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. I, ст. 1.

и налоговое право (в часть 1 Налогового кодекса Российской Федерации¹ за 2019 год были внесены изменения 7 федеральными законами и одним постановлением Конституционного Суда Российской Федерации, в часть 2² – 33 и 1 соответственно). Наибольшей устойчивостью обладает отрасль конституционного права, что связано в том числе с юридическими свойствами Конституции Российской Федерации как ключевого источника отрасли.

Очевидно, что стремительно растущий законодательный массив затрудняет возможность населения ознакомиться с вновь принимаемыми нормативными актами. Статистический анализ правотворческой активности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (см. таблицу 1) позволяет сделать вывод: лицу требуется минимум 92 часа в год для ознакомления с изменениями только федерального законодательства, без учета подзаконных актов, регионального законодательства и муниципальных правовых актов. При этом заметим, что для лица, не обладающего юридическим образованием, едва ли однократное прочтение текста правового акта можно считать достаточным для уяснения.

Таблица 1

**Временные затраты лица на ознакомление с изменениями
федерального законодательства**

Средняя скорость чтения взрослого человека	150–180 слов в минуту
В среднем Государственная Дума Российской Федерации принимает федеральных законов в год	около 470
Среднее количество слов в одном законе	1950
Итого:	5554 минуты в год

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 31, 1998. ст. 3824.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 года № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32, ст. 3340.

Кроме того, полагаем, что презумпция знания закона, ее истинность должна опираться на состояние системы законодательства страны и ее элементов. Заметим, что Конституционный Суд Российской Федерации относит к признакам правового государства принцип определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования¹, а также конкретность, понятность и определенность законов². В отсутствие федерального закона о нормативных правовых актах, на необходимость принятия которого указывают многие ученые³, названные принципы, очевидно, следует рассматривать как требования к содержанию нормативных правовых актов.

Сегодня в Российской Федерации действует несколько правовых технологий по контролю качества законодательного массива, такие как мониторинг правоприменения⁴, мониторинг реализации документов стратегического планирования⁵, оценка регулирующего⁶

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2018 года № 32-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 30, ст. 4810.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2018 года № 22-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 23, ст. 3389.

³ См.: *Бошно С.В.* Закон о нормативных правовых актах: прошлое, настоящее и перспективы // *Право и современные государства*. 2015. № 2. С. 7–22; *Пафалюк Е.Е.* Концепция законопроекта «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // *Журнал российского права*. 2012. № 8. С. 121–125; и др.

⁴ О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 21, ст. 2930.

⁵ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ // *Российская газета*. 2014. 3 июля.

⁶ О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 года № 1318 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52, ст. 7491.

и фактического воздействия¹ нормативных правовых актов и др. Тем не менее данные средства совершенствования правовой системы не оказывают сегодня существенного влияния на состояние законодательства. Ключевыми причинами сравнительно низкой эффективности данных технологий, на наш взгляд, являются, с одной стороны, формализм, демонстрируемый при их реализации государственно-властными субъектами, и необязательность учета предложений о совершенствовании правовой системы, подготовленных институтами гражданского общества, включая научную общественность, – с другой стороны.

Многие исследователи поднимают вопрос о разумном ограничении законотворческой активности, предлагая способы такого ограничения². Полагаем, одним из эффективных средств повышения качества нормативного материала может стать введение ответственности законодателя за результаты своей деятельности. Так, В.Г. Баев, А.Н. Марченко, С.В. Мещерякова подчеркивают – вопрос ответственности за качество принимаемых законов не есть нечто «экстраординарное», законотворчество – одно из направлений деятельности государства, а нормативный правовой акт – результат (продукт) этой деятельности³. Вопрос ответственности органов законодательной (представительной) власти за качество принимаемых нормативных правовых актов позволяет констатировать дисбаланс: представители исполнительной ветви власти, государственные служащие подлежат ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение должностных (служебных)

¹ О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 года № 83 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 6, ст. 965.

² См.: *Толстик В.А.* Изменение законодательства: проблемы теории и пока непринятые новеллы в полицейском законодательстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 234–235.

³ См.: *Баев В.Г., Марченко А.Н., Мещерякова С.В.* Качество нормативных правовых актов об ответственности законодательной власти за результаты своей деятельности // Современное право. 2016. № 3. С. 5–10.

обязанностей, что вытекает из достаточно широкого перечня нормативных правовых актов, в частности Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовного кодекса Российской Федерации¹, Трудового кодекса Российской Федерации², Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»³ и т. д. В свою очередь, в судебной ветви власти квалификационные коллегии судей при квалификационной аттестации судей запрашивают в том числе и справку о количестве отмененных или измененных судебных актов с указанием причин отмены или изменения судебных актов. При этом правовой статус депутатов законодательных (представительных) органов власти никак не связан с результатами их основной деятельности – нормотворчеством. Непродуманность реформ, особенно в социально значимых сферах, порой неподкрепленность правовых норм механизмами реализации и ответственности, принятие законов, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, нарушение правил юридической техники при подготовке нормативных правовых актов и т. д. – все это позволяет говорить о необходимости введения института конституционно-правовой ответственности субъектов законотворчества.

Резюмируем: презумпция знания закона связана с состоянием системы законодательства. Перманентное, зачастую необоснованное изменение массива законодательства трансформирует данную презумпцию в правовую фикцию. Без разумного ограничения правотворческой активности и разработки и утверждения на законодательном уровне единой системы требований к содержанию, структуре и оформлению законодательных актов в Российской Федерации степень вероятности факта ознакомления граждан с принимаемыми законами и факта уяснения содержащихся в них правовых норм критически снижается.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.

³ О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ // Российская газета. 2004. 31 июля.

*Еремич О.Н.,
соискатель адъюнктуры Нижегородской
академии МВД России*

К вопросу о презумпциях и фикциях юридического уведомления

Социальная жизнь весьма динамична. Правовой аспект ее регулирования также. Одни правовые регуляторы уходят в прошлое, другие, напротив, «выходят на арену» правовой жизни, однако есть такие из них, которые на протяжении длительного времени сопровождают и в то же время преобразуют правовую действительность. Как, например, правовые презумпции и правовые фикции. Немало написано о данных правовых явлениях, их природе, назначении и месте в правореализационной практике.

В качестве базового понимания правовых презумпций и фикций, а равно их соотношения между собой следует рассматривать подход, сформулированный В.К. Бабаевым еще в прошлом столетии. Автор определил правовую презумпцию как «предположение о наличии или отсутствии предметов (явлений), основанное на связи между ними и предметами (явлениями) наличными, подтвержденное предшествующей жизненной практикой»¹. В свою очередь правовую фикцию предложил определять как «технокюрисдикционный прием, которым несуществующее положение (отношение) объявляется существующим и приобретает обязательный характер в силу закрепления его в правовой форме»². Несмотря на схожесть правовых презумпций и правовых фикций (и те и другие условно принимаются за истину, получают нормативное закрепление), В.К. Бабаев смог их развести, указав, что правовые презумпции представляют собой нормативное закрепление того порядка отношений, который признается обычным, постоянным,

¹ *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 12; *Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А.* Теория права и государства в схемах и определениях. Нижний Новгород, 1999. С. 86.

² См. там же.

нормальным; закрепляемое же фикциями положение формируется самим законодателем. Как следствие содержащееся в правовых презумпциях положение по вероятности истинно, а фиктивное положение истинным быть не может априори¹.

Однако схожесть правовых презумпций и фикций до сих пор порождает споры в научной среде. По сей день имеет место непонимание того, что можно считать презумпцией, а что нет. При этом термин «презумпция», как справедливо заметила М.П. Пронина, «нередко употребляется по отношению к тем правовым явлениям, которые в действительности предположениями не выступают, так как им не присущ вероятный характер»². Наиболее часто имеет место смешение презумпций с именно правовыми фикциями. С такой проблемой столкнулся автор данной статьи, изучая юридическое уведомление как общеправовое явление, имеющее самостоятельную юридическую природу и собственное место в преобразовании правовой действительности, а именно исследуя момент возникновения юридических последствий уведомления. Ведь уведомление преимущественно выступает необходимой предпосылкой к возникновению соответствующих правовых последствий. Так, при комментировании ст. 3 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» использована следующая формулировка: «...речь идет о юридической фикции, которая устанавливает презумпцию уведомления, даже если впоследствии адресат представит доказательства того, что сообщение не было фактически доставлено»³. Складывается впечатление, что авторы не разграничивают правовые презумпции и правовые фикции.

Правовые последствия уведомления, по общему правилу, возникают в момент его совершения. Закономерно следует вопрос, крайне важный с практической точки зрения: «Когда уведомление считается сделанным?» Ответ здесь может содержать

¹ См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 32–33.

² *Пронина М.П.* Презумпция надлежащего извещения и ее значение в гражданском процессе // Юрист. 2011. № 20. С. 42–46.

³ Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М.Н. Акуев, М.А. Акчурина, Т.К. Андреева [и др.]; под общей ред. В.В. Хвалеев. Москва, 2017.

две крайности: это либо в момент отправления уведомления, либо в момент получения уведомления адресатом. Соответственно презумпция надлежащего уведомления может быть сформулирована исходя из того, какой подход «проотправительский» или «прополучательский» взят за основу.

При «проотправительском» подходе уведомление считается надлежащим в том случае, когда оно в установленном порядке *направлено* обязанным лицом. При «прополучательском» подходе для признания уведомления надлежащим недостаточно лишь факта направления, необходимо его получение адресатом.

Обращение к правореализационной практике показало, что важное значение имеет разграничение юридического уведомления на надлежащее и ненадлежащее, ведь признание уведомления ненадлежащим ставит под сомнение порожденные им прямо либо косвенно правовые последствия. Обобщая наиболее типичные виды юридического уведомления, мы пришли к выводу, что надлежащее юридическое уведомление должно отвечать требованиям, которые условно можно объединить в две группы: содержательные требования и формальные требования. К числу содержательных требований следует отнести все те сведения, которые персонализируют то или иное уведомление (наименование адресата, описание факта, о котором уведомляется лицо, сам факт, имеющий юридическое значение, например, время и место проведения собрания участников публично-правового сообщества). Содержательные требования устанавливаются для конкретного вида юридического уведомления. Они весьма индивидуальны. Формальные требования более универсальны и характерны практически для любого вида юридического уведомления и связаны они с процессом уведомления, в котором можно выделить три основные составляющие: отправление – доставка (вручение) – получение.

Здесь следует остановиться на толковании ряда слов именно в аспекте уведомительной деятельности. Отправление уведомления предполагает его направление кому-либо для доставки. В свою очередь доставить уведомление означает привести, принести или привезти его к *месту* назначения (например, в почтовый ящик адресата уведомления). Доставку следует отличать от вручения уведомления. Вручение означает передачу уведомления *в руки*, то

есть непосредственно адресату лично либо иному лицу, которое уполномочено на то адресатом либо законом¹.

Надлежащим уведомлением следует признавать такое уведомление, которое достигло своей цели – адресат усвоил изложенную в нем информацию. Соответственно, при ненадлежащем уведомлении, которое необходимо отличать от неуведомления вовсе, адресат фактически не имеет возможности с ним ознакомиться. Таким образом, в идеальной модели уведомление следует признать надлежащим, когда не только соблюдены требования к его содержанию, оно отправлено обязанным лицом, но и получено тем, кому предназначалось, однако отправленное уведомление не всегда оказывается фактически полученным адресатом.

Возможны следующие комбинации, когда адресат уведомления при состоявшемся отправлении уведомления не получил, в итоге не ознакомился с его содержанием как в силу объективных, так и субъективных факторов:

1) уведомление направлено, но не доставлено по указанному адресу;

2) уведомление направлено, доставлено по указанному адресу, но тем не менее не получено лицом, которому оно предназначалось.

И вот здесь с целью экономии времени и дисциплинирования участников правоотношений «включаются» правовые презумпции и фикции надлежащего уведомления. Последние позволяют преодолевать ситуации затягивания реализации прав и обязанностей субъектов, так или иначе связанных с юридическим уведомлением. Для наглядности обратимся к процессуальному законодательству, одной из тенденций которого в настоящее время признается стремление к оптимизации юридических процедур, процессуальной экономии².

Презумпция надлежащего уведомления, например, сформулирована в пункте 2 статьи 116 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: «В случае, если лицо, доставляющее

¹ См.: *Ожегов С.И.* Толковый словарь онлайн. URL.: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 30.05.2020).

² См.: *Гуреев В.А.* Развитие института информирования в исполнительном производстве, или Проблема расширения презумпции надлежащего извещения // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2014. № 6. С. 27–31.

судебную повестку, не застанет вызываемого в суд гражданина по месту его жительства, *повестка вручается кому-либо из проживающих совместно с ним взрослых членов семьи с их согласия для последующего вручения адресату*»¹. Аналогичная по смыслу презумпция закреплена в пункте 2 статьи 123 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: «Гражданин считается извещенным надлежащим образом, если *судебное извещение вручено ему лично или совершеннолетнему лицу, проживающему совместно с этим гражданином*, под расписку на подлежащем возврату в арбитражный суд уведомлении о вручении либо ином документе с указанием даты и времени вручения, а также источника информации»².

В приведенных примерах нет достоверных данных, что лицо, которому предназначалось судебное уведомление, ознакомится с ним, однако делается предположение, что получение уведомления членом семьи предполагает с высокой долей вероятности его передачу непосредственному адресату.

Статья 123 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, поименованная как «Надлежащее извещение», в целом является весьма прогрессивной в аспекте рассматриваемой тематики. В ней изложены нормы общего характера, касающиеся уведомлений в арбитражном процессе. В ней, помимо презумпций уведомления, обозначены фикции уведомления.

Например, лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса считаются извещенными надлежащим образом арбитражным судом, если адресат отказался от получения копии судебного акта и этот отказ зафиксирован организацией почтовой связи или арбитражным судом. Аналогичная фикция отражена в пункте 2 статьи 117 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации «Адресат, отказавшийся принять судебную повестку или иное судебное извещение, считается извещенным о времени и месте судебного разбирательства или совершения отдельного процессуального действия». В приведенных случаях, доподлинно известно, что адресат уведомления отказался

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 ноября.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля.

его получить, как следствие – не ознакомился с его содержанием¹, однако, чтобы недобросовестность адресата уведомления не стала препятствием к движению судебного рассмотрения, введена обо-значенная фикция. Указанный тезис находит подтверждение в ма-териалах судебной практики: «Разрешая вопрос о возможности рассмотрения дела в отсутствие ответчика, ... неявку ответчика за получением судебного извещения на почту суд расценил как отказ от получения такого извещения. Такое положение могло бы счита-ться юридической не только презумпцией, но даже фикцией, од-нако законодатель установил его, поскольку иное означало бы не-возможность извещения недобросовестного адресата и позволяло бы ему постоянно считаться не извещенным с вытекающими из этого процессуальными последствиями»².

В данной статье автором затронут лишь самый малый фрагмент вынесенной в заголовок проблемы, имеющей важное практическое значение. Надеемся в процессе дальнейшего общетеоретического по-знания юридического уведомления вернуться к этим вопросам.

УДК 34:351.74

Истомин М.А.,

адъюнкт Нижегородской академии МВД России

Правоприменительная ошибка в деятельности органов внутренних дел: аспекты юридической ответственности субъекта

Исходя из значимости направлений деятельности органов внутренних дел, важности выполняемых функций и содержа-ния предоставленных им прав и обязанностей, существенными факторами, которые приковывают внимание общественности,

¹ Гражданский процесс: учебник / под ред. А.А. Демичева. Москва, 2018. С. 79.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 18 января 2013 года по делу № 11-1531. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2020).

являются возникающие дефекты в работе, допускаемые правоприменительные ошибки, влекущие негативные последствия для граждан, организаций, институтов гражданского общества, органов государственной власти и в целом подрывающие авторитет и деловую репутацию органов внутренних дел в глазах населения страны.

Бесспорно, одной из проблем в деятельности органов внутренних дел является нарушение принципа законности самими сотрудниками в ходе правоприменения. Данная ситуация порождает необходимость принятия мер по восстановлению нарушенных прав и свобод, применению соответствующих санкций к нарушителям – должностным лицам в рамках привлечения к определенному виду ответственности. Вместе с тем, видится, что сама возможность и мера ответственности должны определяться исходя из того, с чем приходится сталкиваться на практике – с правонарушением или ошибкой. Именно данным обстоятельством и обуславливается необходимость формализации правоприменительной ошибки в контексте связи с вопросом об ответственности субъекта правоприменения.

Несмотря на то, что в законодательстве отсутствует нормативное определение юридической ошибки как таковой и ее разновидности – правоприменительной ошибки в частности, в юридической научной литературе, напротив, представлено множество дефиниций и характеристик указанных феноменов. Наибольший интерес для нас представляет вопрос об основных свойствах правоприменительной ошибки.

В.М. Баранов рассматривает ошибку в целом как результат добросовестного заблуждения¹. А.Б. Лисюткин, который в своем исследовании² затронул одним из первых общенаучную проблему ошибки в юриспруденции и ее значение, также указывал, что ошибка, помимо того, что это иррациональная категория, она еще характеризуется непреднамеренным и негативным результатом. Ошибка, по мнению ученого, – это признанный в установленном законодательством порядке юридически значимый

¹ См.: Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989. С. 357.

² См.: Лисюткин А.Б. Ошибка как категория правоведения: теоретико-методологический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002.

негативный результат, препятствующий достижению субъектами права официально провозглашенных целей, реализации прав и свобод, законных интересов. При этом причиной ошибки автор считает сформировавшееся заблуждение, которое носит правовой или юридический характер. Представляется, что в контексте исследования А.Б. Лисюткина мы говорим о юридическом заблуждении, которое являет собой ограниченность знаний и практики, несоответствие результатов познания правовой действительности, которое в последующем приводит к разного рода юридическим ошибкам, в том числе и правоприменительным. На непреднамеренный характер ошибки и последующий негативный результат обращал внимание и В.Н. Карташов¹.

Н.Н. Вопленко отмечал, что «правоприменительная ошибка есть противоречащий нормам материального или процессуального права и не достигающий истинных целей правового регулирования результат властной деятельности специальных субъектов правоприменения, который квалифицируется в качестве ошибочного в особом акте»². В.В. Русских, занимавшийся исследованием правоприменительных ошибок, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, акцентировал внимание на то, что правоприменительной ошибкой является издание акта применения права, содержание которого не соответствует предписаниям применяемых норм права и (или) принципам правоприменения³.

Приведенные дефиниции – лишь малая толика из общей массы, плюрализм взглядов здесь, как и в любой сфере научной деятельности, не является исключением. Вместе с тем, анализ представленных определений позволяет выделить три признака, которые являются актуальными в рамках рассматриваемой тематики:

– правоприменительная ошибка – это результат властной деятельности специальных субъектов правоприменения;

¹ См.: *Карташов В.Н.* Профессиональная юридическая деятельность. Вопросы теории и практики. Ярославль, 1992. С. 52.

² *Вопленко Н.Н.* Ошибка в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 40.

³ См.: *Русских В.В.* Правоприменительная ошибка сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1998. С. 36–37.

- правоприменительная ошибка выражается в несоответствии предписаниям норм права;
- правоприменительная ошибка носит непреднамеренный характер и влечет негативный результат, ошибка обусловлена сформировавшимся добросовестным заблуждением (юридическое заблуждение).

На основании последнего приведенного признака нетрудно обратить внимание на отличие правоприменительной ошибки от правонарушения (проступка), которое заключается в волевом механизме. Вместе с тем, есть и некоторые общие черты. Так, представляется, что оба явления влекут негативный результат (вред), оба явления не соответствуют нормам права.

Если говорить более предметно, то известно, что правонарушение – это, прежде всего, виновное деяние, которое находится под постоянным контролем воли и разума человека. Возникает вопрос: «Как быть с правоприменительной ошибкой?» Находится ли она в момент ее совершения под контролем воли и разума субъекта правоприменения, осознает ли он характер своих действий?

Представляется, что волевой компонент здесь специфичен, поскольку субъект правоприменения действует согласно своей воле, но осознает свои действия как правомерные, согласующиеся с правовыми нормами, то есть действует, как ему кажется, законопослушно и добросовестно. Признаков вины в своем поведении он не обнаруживает. В поддержку вышеизложенного приведем позицию А.М. Баранова, согласно которой «преднамеренные нарушения, совершенные умышленно, являются проступками или преступными злоупотреблениями и к числу ошибок не относятся»¹.

В этом плане А.Б. Лисюткин указывал, что: «признание непреднамеренного характера ошибки на эмпирическом уровне правовой реальности снимает вопрос о виновности субъекта права за допущенную ошибку, а следовательно, и ответственности за нее <...> наделение ошибки признаком виновности без прямого указания на это в действующем законодательстве формируют доктринальные предпосылки для формализации

¹ Баранов А.М. Понятие, виды процессуальных ошибок на этапе предварительного следствия и способы их устранения // Вопросы применения уголовно-процессуального законодательства. Омск, 1993. С. 50.

в правоприменительной практике принципа объективного вменения вины»¹. Автор акцентирует здесь внимание на отсутствии «ответственности» субъекта, допустившего ошибку, что видится несколько дискуссионным.

В частности, поскольку волевое отношение лица к содеянному – понятие субъективное, возникает вполне закономерный вопрос о том, насколько тонка грань между ошибкой и правонарушением. Является ли непреднамеренный, добросовестный характер деяния (действия или бездействия) критерием, позволяющим разграничить ошибку и правонарушение, и будет ли это решающим фактором в определении вопроса о привлечении либо непривлечении к ответственности соответствующего субъекта правоприменения?

Ответ на вышеуказанный вопрос видится с некоторыми оговорками.

Например, квалификация действий сотрудника ГИБДД как проступка, порочащего честь в виде умышленного непринятия мер по пресечению административного правонарушения и привлечению лица к административной ответственности (водителя транспортного средства), совершенных вопреки интересам службы в органах внутренних дел и в нарушение пункта 2 части 1 статьи 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вряд ли подпадает под определение «правоприменительная ошибка», о непреднамеренном характере деяния говорить здесь не приходится.

Напротив, это же деяние, но совершенное непреднамеренно, исходя из добросовестного заблуждения об отсутствии в действиях водителя состава административного правонарушения, по сути, является правоприменительной ошибкой.

Действия, совершенные умышленно в виде проступка, здесь необходимо отграничить от допускаемых сотрудниками правоприменительных ошибок, которые носят непреднамеренный характер, притом, что совершение проступка, порочащего честь,

¹ Лисюткин А.Б. Ошибка как категория правоождения: теоретико-методологический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002.

влечет применение самой «суровой» меры дисциплинарного воздействия – увольнение со службы в органах внутренних дел. Совершение же правоприменительной ошибки, как это ни парадоксально, также, вероятно, повлечет привлечение сотрудника к ответственности (дисциплинарной), поскольку пресечение административных правонарушений является одним из основных направлений деятельности полиции, и тот факт, что правонарушитель «ушел от ответственности», уже влечет негативные последствия как для общества, так и для государства.

Рассматривая вопрос об ответственности субъекта правоприменения – сотрудника органов внутренних дел, нельзя не коснуться того момента, с какого ошибка приобретает статус «установленной» или официально признанной. Мы предлагаем исходить из того, что акт применения права сотрудником органов внутренних дел признается ошибочным исключительно компетентным субъектом: судом, прокуратурой, соответствующим руководителем, в том числе и вышестоящим в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Так, например, действия сотрудника полиции по применению такой меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как административное задержание, в случае предполагаемого нарушения прав, свобод и законных интересов граждан, возможно оспорить в порядке, установленном главой 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Принятие судом решения об удовлетворении заявленных требований с признанием оспариваемых действий незаконными будет являться решением компетентного органа, с которым правоприменительная ошибка приобретет статус официально признанной. Принятие указанного решения судом порождает негативные последствия: во-первых, судом «официально» констатировано нарушение прав и свобод гражданина; во-вторых, в соответствии со статьей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации созданы непосредственные условия для обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства с требованиями к казне Российской Федерации о взыскании причиненного ущерба: морального вреда, убытков, понесенных на оплату услуг представителя, участвовавшего в производстве по делу об административном правонарушении (в случае его последующего прекращения).

Аналогичным образом возможна констатация правоприменительной ошибки, допущенной сотрудником органов предварительного следствия при принятии тех или иных процессуальных решений, которая установлена судом, прокурором, руководителем следственного органа в порядке статей 124, 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Следственная ошибка может быть установлена также актом прокурорского реагирования и самим руководителем следственного органа в ходе осуществления процессуального контроля.

Представляется, что в обоих случаях, несмотря на то, что речь о совершении правонарушения (проступка) не идет, выявление подобных ошибок может повлечь привлечение сотрудников к тем или иным видам юридической ответственности: дисциплинарной, материальной (при обращении компетентного органа к сотруднику в регрессном порядке). Данное обстоятельство обуславливается тем, что служба в органах внутренних дел направлена, прежде всего, на реализацию публичных интересов общества и государства, ошибочное же правоприменение, влекущее негативные последствия, не во всех случаях будет являться основанием для освобождения соответствующего субъекта от юридической ответственности. В этом контексте В.В. Русских верно отмечал, что правоприменительная ошибка может повлечь юридическую и неюридическую ответственность (порицание руководителя и т. д.)¹.

Интересным также представляется вопрос о наличии правоприменительной ошибки в действиях сотрудника полиции, выявившего административное правонарушение, составившего протокол административного правонарушения при условии последующего прекращения судом производства по делу об административном правонарушении в связи с ранее поданной гражданином и рассмотренной судом жалобой.

Констатируется ли в данном случае правоприменительная ошибка судом? Представляется, что да, но с учетом тех положений, которые выработаны судебной практикой. Так, без установления факта незаконности действий сотрудника органов внутренних дел невозможно решить вопрос о наличии в его действиях

¹ См.: Русских В.В. Правоприменительная ошибка сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1998. С. 36–37.

правоприменительной ошибки, что соответственно не должно породить взыскание с казны Российской Федерации в лице главного распорядителя бюджетных средств в лице МВД России убытков¹.

В рассматриваемом случае очевидно, что прекращение ранее возбужденного производства по делу об административном правонарушении «по реабилитирующим основаниям» позволяет говорить о его необоснованном возбуждении, что свидетельствует о наступлении определенных негативных последствий для гражданина и наличии формальных признаков правоприменительной ошибки в действиях сотрудника органов внутренних дел, осуществлявшего производство по делу об административном правонарушении. Вместе с тем, решить вопрос о привлечении сотрудника к тому или иному виду ответственности: дисциплинарной или материальной (в порядке, установленном частью 5 статьи 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») возможно будет только после формализации ошибки правоприменения в конкретном деле, приобретение ею «официального статуса» с признанием действий (бездействия) сотрудника незаконными.

На основании приведенных в статье данных можно прийти к выводу, что такие правовые категории, как правоприменительная ошибка в деятельности органов внутренних дел и ответственность субъекта правоприменения – сотрудника органов внутренних дел, тесно взаимосвязаны. Очевидно, что совершение правоприменительной ошибки также повлечет при определенных условиях рассмотрение вопроса об ответственности субъекта правоприменения. В данном аспекте соотношение вышеуказанных категорий требует дальнейшей разработки с возможным рассмотрением вопроса о введении нормативного определения понятия «правоприменительная ошибка в деятельности органов внутренних дел».

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2019 года № 56-КГ19-8. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2020).

Кипарисов Ф.Г.,
магистрант Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Функции бланкетных норм права

В познании правовых явлений важную роль играет их функциональная характеристика. Данная посылка в полной мере относится к бланкетным нормам права. Будучи важной разновидностью норм права, они органически встроены в механизм правового регулирования, хотя и не получили должного внимания при выстраивании соответствующей классификационной модели¹. Рассмотрение бланкетных норм права посредством их функциональной характеристики способствует более эффективному познанию их роли в обеспечении межотраслевого взаимодействия.

Мы присоединяемся к мнению В.А. Толстика, который отметил эволюцию в оценке функционального анализа в праве: «Последние годы характеризуются дальнейшей активизацией научных усилий в исследовании функций права, при этом показательно то, что общетеоретические разработки основных функций права послужили мощным импульсом для глубокого и детального анализа функций различных отраслей права и функций, выполняемых как отдельными нормами права, так и определенной видовой совокупностью»².

Посредством рассмотрения функций бланкетных норм можно будет увидеть динамику их воздействия на общественные отношения, роль в механизме правового регулирования. В.М. Баранов

¹ См.: Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2013. С. 461–468.

² Толстик В.А. Эволюция представлений о функциях права в юриспруденции // Актуальные вопросы истории государства и права (65-летию Великой Победы посвящается): материалы научно-практической конференции 9 декабря 2009 года: 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В.А. Толстика. Нижний Новгород, 2010. С. 12.

указал, что любой норме права свойственны две основные функции – ориентационная и оценочная¹.

В теории права функциональная характеристика бланкетных норм права не явилась предметом изучения. Такое положение объясняется тем, что как на монографическом уровне, так и в учебной литературе данный вид правовых норм не получил должного осмысления. Более того, они не включаются в классификационные модели норм права. Данный пробел в определенной мере преодолен на отраслевом уровне. Так, Н.С. Боровиковой отмечено, что бланкетным нормам уголовного права присущи следующие функции: экономии, обеспечения стабильности уголовного закона, обеспечения динамичности уголовного закона, специально-охранительная². С таким ограничительным подходом нельзя согласиться. Изучение действующего законодательства, практики его реализации дает возможность выделить следующие функции бланкетных норм права.

Важную роль выполняет *регулятивная функция* бланкетных норм права, которая состоит в упорядочении общественных отношений. Ее своеобразие заключается в детальном урегулировании общественных отношений, их преобразовании в соответствии с конкретным алгоритмом. Она позволяет всесторонне, детально осуществить нормативную правовую регламентацию конкретных отношений посредством закрепления субъективных прав и юридических обязанностей.

Регулирующее воздействие бланкетных норм осуществляется при непосредственном учете динамики действующего законодательства, а также тех тенденций, которые ожидаются в перспективе. Потенциал бланкетных норм обеспечивает непрерывность нормативного правового регулирования, в том числе и при утрате юридической силы соответствующих нормативных правовых актов, вступление в силу вновь принятых. Особую значимость названная функция имеет при вступлении в силу кодифицированных законов. На необходимость обеспечения преемственности в правовом регулировании обратил пристальное

¹ См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права: монография / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1978. С. 73.

² См.: Боровикова Н.С. Бланкетные нормы в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 15.

внимание В.К. Бабаев¹, также преемственность получила свое отражение в актах толкования высших органов судебной власти².

Познавательная функция бланкетных норм права позволяет глубже проникнуть в сущность правового регулирования. Непосредственно бланкетная норма права не познает право. Данный процесс осуществляется в ходе ее формирования соответствующими субъектами права. Потенциал информации, заключенный в бланкетной норме, весьма высок, так как позволяет связать воедино различные знания (теоретические, эмпирические и др.) как по содержанию, так и по форме своего существования.

Потенциал бланкетных норм права дает возможность не только интегрировать разрозненные знания как правового, так и иного свойства, но и обеспечить должную динамику данного процесса. В рамках бланкетного нормативного правового регулирования происходит познание существующих правовых закономерностей. Здесь следует учесть востребованность проведения своеобразной «селекции» правовых связей, исключение случайных, обоснование устойчивых, которые являются правовыми закономерностями. В.А. Толстиком при рассмотрении вопроса эффективности государственного управления было акцентировано внимание на необходимости выявления и учета устойчивых связей, которые свойственны различным природным и социальным явлениям, процессам их учета в ходе юридической деятельности³.

Бланкетные нормы позволяют познавать действительность на различных этапах правового регулирования (правотворчества, правового толкования, реализации), то есть с момента юридического оформления соответствующей нормы и до ее претворения в поведение соответствующих субъектов права.

¹ См.: Бабаев В.К. О преемственности между социалистическим и прошлыми типами права // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 102–107.

² О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума ВАС Российской Федерации от 27 января 2003 года № 2 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 3.

³ См.: Толстик В.А. Закономерности эффективного государственного управления // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Толстика. Нижний Новгород, 2013. С. 70.

Оценочная функция бланкетных норм права заключается в том, что в ней содержится оценка соответствующего явления, процесс в позиции действующего законодательства. При этом такая оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Такое положение обусловлено отнесением названных норм к числу регулятивных или охранительных.

Для бланкетных норм права оценочная функция включает в себе официальное отношение государства к определенному акту поведения. Она носит комплексный характер, так как в подавляющем числе случаев задействованы нормы различных отраслей права и требуется высокая квалификация как субъекта правотворчества, так и правоприменения.

К числу функций бланкетных норм права следует отнести *координацию*. Посредством бланкетных норм права достигается согласованное правовое регулирование взаимосвязанных общественных отношений. Они аккумулируют в себе межотраслевые связи, которые могут выступать предметом правового регулирования различных отраслей права, то есть являются эффективным инструментом поддержания межотраслевых связей. Например, позитивное регулирование трудовых отношений обеспечивается нормами трудового права, а их охрана осуществляется нормами трудового, административного и уголовного права. Так, за нарушение трудового законодательства установлена административная ответственность (статьи 5.27–5.34, 5.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Следует принимать во внимание, что при помощи бланкетных норм права осуществляется включение в правовое регулирование такой формы (источника) права, как правовой обычай. Закономерно, что возрастает значение обычаев при регулировании общественных отношений, что нашло отражение в Концепции развития гражданского законодательства¹. Важно, чтобы правовые обычаи получили признание в ходе рассмотрения гражданско-правовых

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

споров. При этом отмечается, что суды в настоящее время не в полной мере используют правовой обычай¹.

Бланкетным нормам права свойственна *стабилизационная функция*. Критики использования бланкетных норм права в отечественном законодательстве небезосновательно отмечают, что они приводят к разбалансированию механизма правового регулирования. Вместе с тем, в ряде случаев для них отсутствует альтернатива. По мнению С.С. Алексеева, они дают возможность избежать ненужных повторений, обеспечить «экономию», стабилизировать правовое регулирование с учетом изменений в текущем законодательстве².

Сложность современного правового регулирования, рост его объема требуют расширения практики использования бланкетных норм права. При этом важно не допускать отставания в нормативном правовом регулировании, заблаговременно закреплять бланкетные нормы. В этой связи субъектам правотворчества важно использовать метод правового прогнозирования.

Бланкетным нормам свойственна *интегративная функция*. Она позволяет соединять различные нормативные правовые предписания в единый механизм правового регулирования. Такое положение предопределено интегрированной характеристикой нормотворчества. «Система российского нормотворчества на уровне исполнительной власти во многом *интегрирована* (курсив наш. – **Ф.К.**) в структуру наднациональных регуляторов, которые в значительной мере сейчас заменили механизмы внутреннего нормообразования»³. Названная функция всемерно способствует гармонизации отечественного законодательства. Мы убеждены, что бланкетные нормы права приобретают очевидную востребованность и значимость в свете развития новых информационных технологий, их правового опосредования, когда требуется аккумуляция потенциала норм различных отраслей права.

Бланкетным нормам права присуща *функция технико-юридической культуры*. Ее сущность заключается в повышении уровня

¹ См.: Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Обычай в гражданском праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 71.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд. Москва, 2008. С. 496.

³ Синюков В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica. 2018. № 10. С. 26.

правовой культуры субъектов права, которые осознают важность задействования потенциала данных норм в целях обеспечения практической экономии нормативного правового материала, обеспечения межпредметных связей. В отличие от большинства норм права, рассматриваемые нормы представляют большую технико-юридическую сложность. В них воедино должен быть сведен замысел субъекта правотворчества, который в большинстве случаев не ограничивается только рамками одной отрасли права. Существует повышенная сложность в учете специфики отраслевого правового регулирования, потребность избежать конфликтности с учетом сведения к общему знаменателю правовых предписаний, которые могут относиться как к публичному, так и частному праву. При этом следует учитывать сложность по установлению связи между нормами внутригосударственного и международного права.

Подводя краткий итог, следует отметить, что функциональная характеристика бланкетных норм права не является постоянной. Развитие правотворческой и правоприменительной практики будет вносить соответствующие коррективы, повышать значимость одних функций, уменьшать значимость других. В этой связи данная проблематика не будет утрачивать свою актуальность в ближайшей перспективе.

УДК 34

Климова А.С.,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

Дефекты процесса гармонизации прав и обязанностей: сущность и типы

Я из того поколения преподавателей, которые не были знакомы лично с профессором В.К. Бабаевым, но по рассказам заведующего нашей кафедрой, моего научного руководителя – проф.

В.Н. Карташова, аспирантов и соискателей, которые защищали диссертации в Нижегородском юридическом институте МВД России, переименованном затем в академию, у меня сложилось определенное позитивное впечатление от данного учебного заведения и его сотрудников. Все преподаватели, аспиранты и соискатели юридического факультета ЯрГУ имени П.Г. Демидова были в восторге от генерала В.К. Бабаева, который всегда был доброжелателен, создавал уютную творческую атмосферу до, во время и после защиты диссертации.

Все наши студенты и аспиранты учились и учатся, естественно, по научным трудам В.К. Бабаева. Первое знакомство начинается с курса лекций «Общая теория права» под ред. В.К. Бабаева (Нижний Новгород, 1993) и продолжается по постоянно переиздаваемым учебникам «Теория государства и права» (Москва, 1999; 2013; 2017; 2019).

Об объективных и субъективных правах и юридических обязанностях В.К. Бабаев писал в монографиях, учебных пособиях, учебниках, статьях, тезисах докладов и иных научных работах¹. Многие из них были использованы в качестве теоретических источников в моей диссертации. Данная статья посвящена лишь некоторым аспектам, связанным с погрешностями в процессе гармонизации прав и юридических обязанностей.

Гармонизация прав и обязанностей является важнейшей закономерностью повышения эффективности и качества деятельности физических и должностных лиц. К сожалению, в конкретной практической деятельности (правотворческой, правоприменительной и пр.) возникают определенные погрешности в закреплении и реализации прав и обязанностей субъектами права. Для более обстоятельного выяснения условий, детерминирующих появление данных деструктивных аномалий, выявления мер, направленных на их минимизацию, необходимым является исследование сущности, особенностей и конкретных видов дефектов, отраженных в праве и иных компонентах правовой системы.

¹ См.: *Бабаев В.К.* Социалистические правовые отношения. Владивосток, 1972; *Бабаев В.К.* Советское право как логическая система. Москва, 1978; *Нормы советского права. Вопросы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева.* Саратов, 1987; *Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата.* Москва, 2020; и др.

Довольно обстоятельно кризисные тенденции развития российской правовой системы исследованы в работах Н.А. Власенко, который отмечает, что «эффективность правового регулирования падает, роль законотворчества и закона снижается <...> кризисные тенденции в праве приобретают системный характер, охватывают все новые моменты и грозят стать серьезной девальвацией данного института, без которого цивилизационное общество существовать не может¹. Отмеченный автором системный характер наметившегося кризиса в правовой системе свидетельствует об актуальности исследования дефектов правового регулирования, которые, с одной стороны, опосредованы политическими, социальными, экономическими, правовыми и иными факторами, а с другой – являются предпосылкой возникновения и проявления новых погрешностей в правовой системе общества. При этом, как верно отмечает И.П. Кожокар, «дефекты присутствуют во всех структурных элементах механизма правового регулирования, начиная от норм права и процесса их документального оформления и заканчивая актами реализации прав и обязанностей участниками правоотношений, однако в отличие от правонарушений дефекты не получили по настоящий момент надлежащей и всесторонней теоретико-юридической оценки»².

Изучив существующие мнения по поводу природы дефектов в правовой системе, стоит отметить, что большинство авторов рассматривают их как несовершенства объективного права: недостатки нормативно-правовых предписаний (норм, принципов, дефиниций)³, деформации логико-структурного построения

¹ Власенко Н.А. Кризисные тенденции в законотворчестве современной России // Юридическая техника: Ежегодник. 2015. № 9. С. 175. Подробнее о кризисе в правовой системе России см., например: Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015; Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника: Ежегодник. 2014. № 8. С. 40–45; Его же. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43–54.

² Кожокар И.П. Основы теории цивилистической дефлектологии: монография. Москва, 2017. С. 75.

³ См.: Кутафин О.Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex Russica. 2007. Т. LXVI. № 4. С. 610–622; Хайретдинова М.Д. Типичные дефекты дефиниций современного российского законодательства и основные пути их преодоления // Юрист-Правоведь. 2008. № 1. С. 8.

и развития системы права и ее элементов, в том числе нормативных актов¹. Иные авторы (С.И. Цыбуляк) рассматривают дефекты правового регулирования в широком смысле, определяя их как состояние правовых норм, при котором регулирование общественных отношений нарушает оптимальный баланс интересов общества и государства, и в узком смысле, определяя их как низкое качество правового регулирования, в силу которого затрудняется применение соответствующих норм, порождаются негативные политические и социально-экономические явления, необоснованно ущемляются личные и общественные интересы².

М.А. Жильцов под дефектами трудового права понимает недостатки, противоречия, несовершенство трудовправовых норм и трудовправовых конструкций, которые приводят к проблемам правоприменения, нарушению трудовых прав и законных интересов субъектов трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Исходя из данного определения автор выделяет дефекты не только в праве, но и в процессе его реализации³.

Проанализировав указанные и иные точки зрения по поводу природы дефектов правового регулирования, можно сделать следующие выводы.

Дефекты в регулировании прав и обязанностей – это недостатки несовершенства правового регулирования, представляющие собой юридическую антиценность, то есть отрицательное явление, наличие которого влечет дисгармонию в функционировании правовых отношений, недостижение их главной цели – удовлетворение личных и коллективных интересов, уменьшение качества и эффективности любой юридической практики ведет к снижению уровня правовой культуры и правосознания индивидов.

К дефектам, на наш взгляд, относятся не только погрешности, влекущие существенное снижение эффективности правового регулирования (пробелы, коллизии и пр.), а любые недостатки (например,

¹ См.: *Власенко Н.А.* Логико-структурные дефекты системы права советского права // Правоведение. 1991. № 3. С. 21.

² См.: *Цыбуляк С.И.* Понятие и виды дефектов правового регулирования // Право и политика. 2012. № 7 (151). С. 1238.

³ См.: *Жильцов М.А.* Дефекты трудового права и способы их преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 10–11.

грамматические ошибки и опiski в правоприменительных актах), способные оказать влияние на удовлетворение интересов субъектов правоотношений.

Дефекты правового регулирования представляют собой несовершенства содержательных элементов права либо его реализации. Различные недостатки характерны для всех элементов правовой системы общества: объективного права в единстве его содержания и форм, юридических практик (правотворческой, правореализующей и др.), правоотношений, правосознания и всего психологического механизма юридической деятельности человека.

На основании указанных особенностей под *дефектами в правовом регулировании прав и обязанностей* необходимо понимать недостатки, несовершенства права, юридической практики, правосознания, наличие которых препятствует эффективной реализации прав и обязанностей людей и мешает удовлетворению интересов субъектов правоотношений.

В юридической литературе существует множество различных классификаций дефектов правового регулирования, но исходя из научных и практических целей целесообразно выделить следующие типы дефектов правового регулирования общественных отношений.

В зависимости от элемента правовой системы общества, в котором проявляется дефект, выделяют: дефекты права, дефекты юридической практики и правовых отношений, дефекты правовой психологии, идеологии, психологического механизма правового поведения личности. *Дефекты, отраженные в объективном праве*, необходимо рассматривать во взаимодействии его содержания и формы, тем самым можно выделить две большие группы дефектов в праве: погрешности в содержании и недостатки в формах права.

По типу и подвиду юридической практики следует разграничивать *дефекты, проявляемые в правотворческой, интерпретационной, правоприменительной, правореализующей, следственной и судебной практиках*. В указанных типах отражается специфика конкретного вида юридической практики, а также особый порядок контроля за качеством юридической деятельности и процедура устранения обнаруженных дефектов. В правоприменительной и интерпретационной юридической деятельности основной проблемой, например, является наличие противоречий между толкованиями норм Европейским Судом по правам человека и Конституционным

Судом Российской Федерации, при которых возникают трудности в определении применяемого правила.

Все *погрешности, отражаемые в правосознании*, а точнее – в психологическом механизме юридического поведения личности можно рассмотреть в зависимости от блока, в котором отражаются дефекты. В процессе восприятий (блок сбора и обработки фактической и юридической информации), например, могут иметь место расхождения получаемой информации с реальной действительностью. Дефекты в мотивационном блоке выражаются в виде ложно понятых интересов, неверных установок, неадекватной мотивации. Одной из распространенных погрешностей в данном блоке будет являться несвоевременность отражения в правосознании правоприменителя назревших объективных потребностей, что приведет к неэффективному индивидуально-правовому регулированию, не отражающему частные и публичные интересы. Погрешности в программно-целевом блоке связаны с постановкой неверных, недостижимых целей, отсутствием либо недостаточным планированием и прогнозированием деятельности. Дефекты в блоке личного опыта связаны с недостаточностью знаний, умений, навыков, способностей, мастерства.

В зависимости от того, обнаружены погрешности в правовой системе или еще подлежат обнаружению, можно говорить о *латентных* и *установленных* дефектах. Первые из них представляют наибольшую опасность, поскольку остаются невыявленными и в дальнейшем являются предпосылкой для возникновения новых недостатков в регулировании общественных отношений.

В юридической литературе некоторыми авторами (Н.А. Влащенко) дефекты определяются как любые недостатки и погрешности независимо от наличия/отсутствия негативных юридических последствий. Другие же авторы (И.П. Кожокар) предлагают рассматривать в качестве дефектов правового регулирования лишь недостатки, влекущие определенные выраженные последствия в функционировании механизма правового регулирования. На наш взгляд, любой недостаток правового регулирования представляет собой определенную разновидность дефектов, при этом в зависимости от степени опасности для личности, общества и государства все дефекты можно разграничивать на *существенные* и *незначительные*.

В зависимости от причины возникновения дефектов в правовом регулировании можно говорить о *погрешностях, обусловленных субъективными и объективными факторами*. При этом стоит отметить, что разграничение субъективных (зависящих от воли и сознания конкретных людей) и объективных (обстоятельств, происходящих независимо от воли лица) причин возникновения дефектов весьма условно, поскольку большинство явлений носит объективно-субъективный характер, однако данная классификация позволяет в конкретном случае выявить преобладание тех или иных факторов в возникновении дефектов.

Дефекты возникают в правовой системе общества как отнесенительно самостоятельном образовании либо за ее пределами (в рамках политической, экономической систем). Здесь можно говорить о *погрешностях, обусловленных внутренними и внешними причинами*. К внешним факторам можно отнести недостатки социально-политического характера, к которым относят, например, политический популизм, социальную необоснованность принимаемых решений, низкий уровень политической и экономической образованности властвующих элит, диспропорции в ходе реформации различных уровней властных структур. К внутренним же относятся несовершенство юридической технологии (техники, тактики, стратегии), противоречивость нормативных правовых актов, пробельность правового регулирования и пр.

В зависимости от возможности и необходимости ликвидации существующих дефектов их можно подразделить на *устраняемые и неустраняемые*. При этом, как верно отмечает В.Н. Карташов, дефекты могут быть неустраняемы в том плане, что исчезли конкретные субъекты, участники, фактические данные, нормы права или появились новые обстоятельства, которые препятствуют ликвидации допущенных изъянов¹. С другой стороны, при обнаружении дефекта в правовом регулировании субъект не всегда обладает полномочием на устранение данной погрешности (так, в случае наличия вывода суда о несоответствии Конституции Российской Федерации применяемого в конкретном деле закона, суд должен

¹ См.: *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие в 2 т. Т. 2. Ярославль, 2006. С. 188.

обратиться с соответствующим запросом в Конституционный Суд Российской Федерации).

Итак, дефекты правового регулирования общественных отношений представляют собой любые недостатки, отраженные в конкретном элементе правовой системы, препятствующие удовлетворению интересов индивидов, их коллективов и организаций. Мы рассмотрели наиболее важные классификации исследуемых явлений, которые не исчерпывают всех типов погрешностей¹. Дальнейшее изучение указанных и иных типов, видов и подвидов будет способствовать повышению качества реализации и исполнения участниками правоотношений субъективных прав и юридических обязанностей, а, следовательно, повышению эффективности юридических практик, минимизации проявлений антикультуры в правовой системе общества.

УДК 343

Ковалев А. Ф.,

преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

О личности преступника и ее типологии как одном из способов повышения эффективности системы наказаний в работах отечественных дореволюционных ученых

Личность человека – как много значений у данного словосочетания? Самым простым, но в то же время точным ответом на поставленный вопрос будет – множество, однако одним из наиболее удачных, по мнению автора, определений является то, которое дал основатель психологического направления российской социологии Н.И. Кареев. По мнению ученого, личность представляется

¹ См.: Подробнее о многообразии подходов к классификации дефектов правового регулирования см.: *Кожокарь И.П.* Основы теории цивилистической дефектологии: монография. Москва, 2017. С. 81–95.

субъектом истории и соединяет в себе антропологическое, социальное, а равно психологическое начала. При этом именно личная инициатива на протяжении всей истории человечества изменяла как социальную организацию, так и культуру¹. Основываясь на данном понятии, предлагаем понимать под личностью преступника определенного субъекта социальной действительности, сформировавшегося под влиянием биологических, психологических и социальных факторов, нарушившего (умышленно или по неосторожности) конкретные правила, установленные в данной действительности. Исходя из сформулированного определения личности преступника, мы как превалирующая часть общества, соблюдающая установленные в социуме правила сосуществования, должны понять: что послужило детерминантами их нарушения, как предотвратить последующее совершение подобных деяний и в конечном счете решить вопрос об ответственности данной личности за содеянное.

Очевидно, что из-за разнообразия причин и условий, которые привели к совершению преступного деяния, применять одни и те же меры воздействия (принуждения) ко всем личностям, их совершившим, является неверным. В случае применения одинаковых мер ко всем, они стали бы чрезмерными для одних, а для других – недостаточными и как следствие неспособными предотвратить совершение подобных деяний в последующем.

Необходимо признать, что многие ученые, занимающиеся исследованием личности преступника, приходили к схожим выводам. В результате их кропотливой работы были определены первые типы личности преступника, которые послужили основой для создания большинства существующих типологий. В свою очередь, использование последних существенно повысило эффективность системы наказаний за счет назначения определенным типам преступников только тех видов наказаний, которые позволили бы достичь всех или большинства целей, поставленных перед системой наказаний.

¹ См.: *Оганян К.К.* Взаимоотношения личности и общества в социологических концепциях Н.И. Кареева и П.Ф. Лилиенфельда // Концепт. 2013. № 7 (июль). С. 36–40.

Одним из первых (если не первым) о личности преступника и ее типах в дореволюционной России писал Осип Иоакимович Горегляд. В сочинении, изданном в 1815 году, «Опыт начертания российского уголовного права», ученый выделял три основных типа преступников: злоумышленный преступник (действующий намеренно, осознанно нарушающий существующий уголовный запрет), неумышленный преступник (действующий непроизвольно, а равно не думая о вредных последствиях содеянного) и злостный преступник (намеренно совершивший несколько преступлений подряд, а также совершивший с умыслом преступление после отбытия уголовного наказания)¹. Необходимо отметить, что в нормативных правовых актах более раннего периода² выделялось совершение преступного деяния без умысла, а также совершение одним лицом нескольких преступлений, но научного исследования, которое бы уделяло большое внимание причинам совершения преступлений и личности виновника, не было или не нашло широкого распространения.

Подтверждается это и выводами, которые делал в своих работах дореволюционный ученый-правовед Григорий Самуилович Фельдштейн. Исследуя уголовно-правовые акты и труды ученых прошлого, он наблюдал господство позиции объективного вменения, не учитывающего особенности личности, совершившей преступление³.

Первым ученым, посвятившим большую часть работ личности преступника и разработавшим первую полноценную типологию, является Чезаре Ломброзо. Являясь родоначальником антропологического направления, в основу типологии он ставил физиологические и анатомические особенности человека⁴. Результатом

¹ См.: *Горегляд О.И.* Опыт начертания российского уголовного права. Часть 1. О преступлениях и наказаниях вообще. Санкт-Петербург, 1815. С. 83–84, 87–88.

² Соборное уложение 1649 года, Артикулы воинские 1715 года.

³ См.: *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права России. Ярославль, 1890. С. 668; *Его же.* Природа умысла. Москва, 1898. С. 2–3.

⁴ См.: *Ломброзо Ч.* Человек преступный пер. с итал. Г.И. Гордон. Москва, 2018; *Ломброзо Ч.* Женщина – преступница и проститутка / пер. с итал. Г.И. Гордон. Москва, 2019.

его работы стало появление как множества адептов¹, так и несогласных с мнением ученого.

Отечественным ученым, который не только поддерживал идеи Ч. Ломброзо, но и развил их в новую типологию, является Павел Иванович Ковалевский. Рассуждая об учении Ч. Ломброзо, он считал крайностью признавать только прирожденный тип преступника. В то же время крайностью будет и отвергать существование данного типа. Верным будет признать прирожденного преступника в качестве одного из многих типов данного класса². В типологию, которую сформулировал П.И. Ковалевский, входило четыре типа преступников: прирожденный, привычный, случайный и душевнобольной. Их возможно объединить в две группы: осознанные (прирожденный и привычные типы) и неосознанные (случайный и душевнобольной типы преступников)³.

Важно сказать, что до типов преступника, предложенных П.И. Ковалевским, российский ученый-криминолог, магистр права Дмитрий Андреевич Дриль назвал несколько типов личностей, которые наблюдал у преступников, посягающих на жизнь человека (убийц): преступники, которые получают удовольствие от процесса убийства; преступники, не получающие удовольствие от процесса убийства, но совершившие его ради получения материальных ценностей убитого или иного материального вознаграждения⁴.

Важно, что, несмотря на проблемы антропологического подхода, ученые признают существенный вклад, который внесли последователи данного направления в исследование личности преступника. Благодаря им было накоплено и обобщено большое количество эмпирических данных о лицах, совершивших преступления в разные исторические периоды.

¹ Адепт – последователь, приверженец какого-либо учения, идеи, знания (автор статьи использует данное понятие в контексте «последователь»).

² См.: *Ковалевский П.И.* Вырождение и возрождение. Преступник и борьба с преступностью (социально-психологические эскизы). Санкт-Петербург, 1903. С. 283.

³ См. там же. С. 240, 247–248, 283.

⁴ См.: *Дриль Д.А.* Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды). Санкт-Петербург, 1895. С. 184–240.

Во второй половине XIX века в мировой и российской науке получает распространение социологический подход изучения личности преступника. Его сторонники критиковали антропологический, считая его ограниченным, не учитывающим экономические, политические и иные внешние обстоятельства, которые способны оказать как положительное, так и отрицательное влияние на криминогенную ситуацию в социуме. Наиболее известными сторонниками данного подхода являлись следующие ученые: И.Я. Фойницкий, М.Н. Гернет, В.Б. Станкевич, Е.Н. Тарновский, А.И. Ющенко, Н.Н. Полянский.

Представляется интересным тот факт, что сторонники данного направления, исследуя личность преступника, приходили к выводам о влиянии на него как факторов исключительно социального происхождения (круга общения, приобретенные привычки, занимаемое положение в обществе и др.), так и погодных условий.

Например, социолог и судебный статистик Евгений Никитич Тарновский в своих работах писал о том, что количество преступлений (в особенности преступлений против собственности) зависит от цены на хлеб и иные сельскохозяйственные продукты¹. Так, в 1880–1881 годах в 33 губерниях наблюдался существенный рост (свыше 20%) преступлений против собственности и против личности. На эти же года приходилось повышение цен на сельскохозяйственные культуры массового потребления, в особенности на рожь, которое было вызвано сильной засухой на территории Российской Империи². Изменение экономической ситуации вынуждало наиболее уязвимых в материальном плане лиц совершать преступления в целях обеспечения пищей себя и своих близких. Данных преступников стоит отнести к случайному типу, при совершении ими преступления впервые, но в случае повторного или неоднократного совершения преступления будут отнесены к привычному типу.

¹ См.: *Тарновский Е.Н.* Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступности против собственности в России // Журнал Министерства Юстиции. 1898. № 8. С. 74–75.

² См. там же. С. 81.

Изучение работ, датируемых концом XIX и началом XX века, позволяет говорить в известной степени о произошедшем смешении подходов к изучению личности преступника. Так, ученый-юрист, криминолог Иван Яковлевич Фойницкий в своих исследованиях пришел к выводам, которые близки к позиции П.И. Ковалевского. Так, И.Я. Фойницкий считал, что на личность преступника внешние факторы оказывают такое же сильное влияние, как и внутренние¹. Данное утверждение, по мнению автора, является верным. От момента рождения до наступления смерти человеческое существо находится в социуме, который оказывает на него влияние. Сила и динамика влияния может быть различной, но это вопрос количественной стороны явления, неоспоримым остается одно – общество всегда влияет и будет влиять на человека. В то же время множество эмпирических исследований сторонников антропологической школы доказывает, что наследственность и определенные дефекты, в первую очередь психического развития, подводят личность к криминальному поведению².

Появление синтеза лучших идей от обоих направлений, которые изучали личность преступника, привело к созданию в начале XX века новой типологии.

Известный российский ученый и основатель биохимического направления психиатрии Александр Иванович Ющенко в своей работе «Основы учений о преступнике, душевнобольном и психологии нормального человека» выделял следующие типы лиц, совершающих преступления: душевнобольной, дегенеративный, антропологический (прирожденный), привычный и случайный тип преступника. Кроме этого, указанные типы он дополнительно разделял на два класса: лица с дефектами организации (душевнобольные, дегенеративные и антропологические преступники) и лица, совершившие преступные деяния в связи с окружающей социальной действительностью (привычные и случайные преступники). Кроме этого, ученый утверждал, что вина

¹ См.: *Фойницкий И.Я.* Влияние времен года на распространение преступлений. Санкт-Петербург, 1898. С. 68.

² См.: *Чиж В.Ф.* Преступный человек перед судом врачебной науки. Казань, 1894. С. 16.

за совершенное преступление лежит на преступнике, их семье и предках в той же мере, сколько и на обществе с его законами, обычаями, верованиями¹.

Выражаем согласие с позицией А.И. Ющенко и хотели бы заметить, что по основному образованию он являлся психиатром, а кроме этого – учеником П.И. Ковалевского, типологию которого мы приводили выше. Таким образом, правильно будет говорить о том, что ученик развил идеи своего учителя о личности преступника и уже на их основе построил новую и более полную типологию, которую обязательно учитывают ученые и в настоящее время.

Подводя итоги, необходимо сказать, что научная мысль отечественных ученых не уступала, а зачастую и предвосхищала мысль западных коллег. Ярким примером является Ч. Ломброзо, который в своей широко известной работе «Женщина – преступница и проститутка» ссылается на работы нашей соотечественницы П.И. Тарановской². Для ученых дореволюционной России, занимающихся проблемой изучения личности преступника, характерны два основных направления, одним из них является антропологическое, а вторым – социологическое. В конце XIX века их представители активно критикуют друг друга, но уже в начале нового столетия приходят к компромиссной позиции, которая включала в себя лучшие их идеи. Личность преступника невозможно рассматривать без изучения антропологического начала, психологических и социальных составляющих. Только учитывая их все, появляется возможность понять, почему человеком совершаются преступления и что может остановить (удержать) его от совершения новых.

Таким образом, работы дореволюционных ученых являются базисом, на котором основаны не только типологии личности преступника, созданные учеными второй половины XX и XXI века, но и сам механизм ее восприятия и исследования.

¹ См.: Ющенко А.И. Основы учений о преступнике, душевнобольном и психологии нормального человека: введение в курс судебной психопатологии. Санкт-Петербург, 1913. С. 27–28.

² См.: Ломброзо Ч. Женщина – преступница и проститутка. Москва, 1996. С. 208.

*Кочнева А.А.,
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской акаде-
мии МВД России*

Абсолютные правоотношения в системе права

Несмотря на свою многосложность и многоуровневую структуру, система современного права должна обладать свойством реальности и применимости к реализуемым в данный период общественным отношениям. Это обуславливается тем фактором, что система права как самостоятельное правовое явление базируется на двух основных началах – предмете и методе правового регулирования. Предмет правового регулирования – это разнообразные общественные отношения, которые объективно по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию и в данных социально-политических условиях требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи юридических норм и всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования¹. Соответственно, абсолютные правоотношения также образуют элемент содержания предмета правового регулирования и, как следствие, предопределяют сущность и направленность системы права в целом. Необходимо подчеркнуть, что несмотря на то, что В.К. Бабаев весьма скептически относился к природе абсолютных правоотношений, тем не менее само их наличие им не отрицалось².

Определив абсолютные правоотношения в качестве самостоятельной и логически обусловленной правовой единицы, обладающей рядом специфических признаков, необходимо разобратся в вопросе отождествления данного вида отношений

¹ См.: *Бошно С.В.* Система права и система законодательства // *Право и современные государства.* 2013. № 5. С. 25.

² См.: *Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева.* Москва, 2003. С. 416–417.

с некой структурой или системой, которую, в свою очередь, возможно дальше анализировать и классифицировать. Отметим, что характеристика абсолютизма была присвоена правоотношениям в результате их классификации. Прав И.С. Крамской, отмечающий, что «это правовые связи, которые основаны на таких общих правах и обязанностях, субъекты которых не имеют поименной индивидуализации. Термин «общие» применительно к правоотношениям понимается иначе, чем при характеристике юридической нормы. Он обозначает здесь не безличность, непсонифицированность явления, а наоборот, строгую определенность, но такую определенность, при которой субъектами отношения выступают все субъекты в рамках данной правовой системы. Складываются общие правоотношения в сфере регулятивных и охранительных функций, на основе регулятивных и охранительных норм»¹. Автор дает развернутую характеристику такого рода отношениям, более того, не отрицает их связь с функциональным назначением тех норм, которые регламентируют возникновение и реализацию общих правовых связей. Классифицируя общие абсолютные правовые связи, в контексте приведенной позиции И.С. Крамского можно предположить, что абсолютные общие правоотношения также могут быть дифференцированы по своей природе на регулятивные и охранительные. Так, если в момент непосредственной реализации управомоченным субъектом вещного права, когда противопоставленная обязанность не посягать на это право лишь предполагается, такое абсолютное правоотношение должно признаваться регулятивным. В данном случае речь идет о нормальном повседневном порядке осуществления правовых и социальных абсолютных связей между субъектами, однако при возникновении конкретной ситуации посягательства или иного нарушения абсолютного права со стороны неопределенного количества лиц (например, массовое нарушение авторских прав в сети «Интернет») абсолютное регулятивное правоотношение трансформируется в охранительное, так как реализуемые в нем абсолютные права требуют непосредственной их защиты. Соответственно,

¹ Крамской И.С. Классификация правовых отношений // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 12. С. 81–88.

главным критерием – основанием дифференциации абсолютных правоотношений на регулятивные и охранительные будет служить юридический факт совершения правонарушения – конкретного посягательства на реализуемое абсолютное право.

Если рассуждать о природе содержания абсолютных правоотношений, а именно о характеристике возникающих абсолютных прав и обязанностей, то логично утверждать, что между сущностью названных элементов и самими отношениями есть прямая взаимозависимость, обусловленная существующей общетеоретической концепцией. Абсолютные права могут иметь имущественную и неимущественную направленность, в связи с чем абсолютные правоотношения можно классифицировать таким же образом. Основанием для классификации будет выступать специфика субъективного права, по поводу которого возникает отношение, однако больший интерес вызывает дифференциация абсолютных правоотношений в системе права по признаку социальной адаптированности. Управомоченный субъект такого рода отношений посредством реализации своих прав и исполнения обязанностей реализует функцию качественного наполнения общественного сознания, а также развития процесса социального взаимодействия в общем. Названный функционал дифференцирует социальные правоотношения на статусные и ролевые.

Статусные отношения как отдельная правовая категория давно реализована в некоторых отраслях права. Несмотря на договорной характер статусных и организационных связей, наличие в них конкретно определенных участников обеих сторон, существует концепция, согласно которой объектом таких отношений может выступать непосредственно субъективное право его носителя. На возможность признания в качестве объекта гражданского правоотношения самих субъективных прав обращают внимание в учебной литературе некоторые цивилисты, с которыми вполне можно согласиться. Например, в правоотношении по эмансипации объектом выступает само субъективное право несовершеннолетнего лица, достигшего шестнадцати лет, стать полностью дееспособным¹. Действительно, речь

¹ См.: *Сергеева Е.С.* Особенности организационных отношений в гражданском праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 168.

идет о приобретении главным субъектом определенного юридического статуса за счет реализации его неотъемлемого абсолютного права. Статус в данном случае выступает формально-материальным выражением сущности такого рода отношений.

На наш взгляд, целый ряд организационно-статусных отношений имеет признаки абсолютных статусных связей. В частности, к ним можно также отнести признание человека недееспособным, ограниченно дееспособным, при признании безвестно отсутствующим, также признание умершим. Появляется правовой феномен, идентифицируемый в качестве абсолютного статуса субъекта. Абсолютная природа заключается во всеобщем его принятии другими противопоставленными лицами. Таким образом, происходит усложнение содержания самих абсолютных отношений, так как речь идет не просто о реализации прав и исполнении обязанностей, а также о комплексном их сочетании и выражении в форме статуса субъекта. В этой связи усиливается и «научный потенциал абсолютных правоотношений»¹ в исследовательском познании.

Рольевые отношения характеризуются неоднозначной внутренней природой. Социологами установлено, что роли могут быть неосознанными и абсолютно отождествленными с поведением субъекта, а также могут быть не спонтанными, а заранее продуманными и спланированными помимо воли субъекта. В первом случае (я-отождествленные роли), таким образом, человек рассматривает свое поведение как проявление себя самого, а во втором случае (я-неотождествленные роли) он рассматривает свое же поведение, но как «исполняемое» для кого-то, с какой-то продуманной целью². Отметим, что дифференциация абсолютных отношений на статусные и рольевые в практической действительности исполняется условно. Статусные и рольевые связи нередко отождествляются в единый классификационный тип. А.С. Бондарев определяет некоторые отличия между данными отношениями: «Субъекты рольевых, личностных правоотношений, будучи поименно

¹ Хужин А.М. Реформа гражданского законодательства как предпосылка развития общей теории цивилистики // Гражданское право. 2016. № 4. С. 37–39.

² См.: Курпатов А.В. Руководство по системной поведенческой психотерапии. URL: <https://psy.wikireading.ru/4385> (дата обращения: 29.04.2020).

определенными живыми физическими лицами, или их коллективные объединения, обладая правоспособностью, находятся не только в юридической взаимосвязи, но и в реальном взаимодействии посредством воплощения своих взаимосвязанных субъективных юридических прав и обязанностей в свои взаимосвязанные деяния»¹. Следовательно, автор подчеркивает их дуалистический характер, осложненный и юридическим, и материальным содержанием. В основе юридического содержания лежат именно субъективные (ненормативные и лично направленные) юридические права и обязанности. Материальное содержание, по мнению автора, определяется имеющим обязательное выражение в объективной реальности оборотом личных прав и обязанностей взаимодействующих субъектов.

Правильное определение классификационного типа абсолютных правоотношений, природы направленности реализуемых в рамках них субъективных прав способствует качественному выбору средств и методов обеспечения состояния их защищенности, а также беспрепятственной и правомерной их реализации в системе права в целом. Данная тенденция также обусловлена тем, что абсолютные правоотношения ввиду существующего в них взаимодействия между индивидуально не определенными и количественно не ограниченными субъектами могут быть урегулированы нормами различных отраслей права (в зависимости от природы реализуемого абсолютного права, а также степени общественной опасности последствий его нарушения и характера причинно-следственной связи между ними).

Абсолютные правоотношения как элемент системы права нуждаются в государственном обеспечении и поддержке, несмотря на то, что «содержат в себе в качестве неперменного элемента известную свободу управомоченного субъекта в осуществлении принадлежащего ему права»². В контексте реализации абсолютных прав государство скорее выступает посредником, обеспечивающим и санкционирующим их осуществление. В лице государственных

¹ Бондарев А.С. «Абсолютные правоотношения» – миф? // Пермский юридический альманах: ежегодный научный журнал / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Москва, 2018. С. 35.

² Там же.

органов и институтов выражена процессуальная и материальная сторона свершения абсолютных связей. В частности, в отношениях по приобретению абсолютного статуса лица государством предоставляются формально-юридические гарантии по его закреплению, охране и защите. К примеру, Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации в 32 главе закрепляет нормы, регламентирующие процедуру по объявлению несовершеннолетнего полностью дееспособным, согласно которым решение о признании за субъектом абсолютного эмансипированного статуса принимает суд как представитель одной из ветвей государственной власти. Данное решение придает рассматриваемому абсолютному праву формально-юридическое закрепление, то есть приводит его в действие в рамках правового поля. Более того, в рассматриваемом процессе принимают участие и выражают свое субъективное процессуально независимое мнение представители органа опеки и попечительства, а также прокуратуры. Соответственно, государство опосредованно влияет на осуществление абсолютных отношений в целях соблюдения законности и баланса интересов частной и публичной сторон.

Государство может выступать непосредственным реализатором абсолютного права, например собственности, однако данный процесс всегда имеет социально ориентированное функциональное назначение, «каждая организационная единица в любом органе государственной власти должна создаваться с расчетом на конкретного гражданина¹, а не на удовлетворение непонятных абстрактных потребностей самого государства в его аппаратно-бюрократическом выражении². Абсолютное право собственности у государства имеет более широкое содержание, помимо триады стандартных полномочий по владению, пользованию, распоряжению имуществом, также появляются иные полномочия:

- по управлению институтом собственности в целом;
- координации деятельности посредников имущественных отношений;

¹ См.: *Остром В.* Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество / пер. с англ.; предисл. А. Оболонского. Москва, 1993. С. 62.

² См.: *Васильев С.А.* Соотношение человека и государства как субъектов конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9 (82). С. 106.

- контролю и надзору за законностью и обоснованностью процесса реализации такого рода правоотношений;
- по охране и защите государственной и частной собственности, а также имущественных публичных и частных прав отдельных субъектов;
- стабилизации общего экономического потенциала;
- перераспределению имущественных ресурсов в целях уменьшения социально-экономического неравенства;
- обеспечению международного признания и авторитета публичной собственности.

Основная особенность государства как носителя абсолютного права собственности в его многофункциональном назначении и дуалистической природе. Дуализм заключается в эффективном публично-правовом воздействии на имущественную сферу через удовлетворение частных интересов иных субъектов. Данная тенденция нашла законодательное отражение в распоряжении Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», согласно положениям которого государством должна производиться «действенная защита частной собственности, формирование в обществе понимания того, что способность обеспечивать защиту собственности – один из критериев благоприятного инвестиционного климата и эффективности государственной власти»¹. Обобщая специфику деятельности государства как управомоченной стороны абсолютного правоотношения, можно отметить ее разносторонний характер. Это объясняется собирательным началом государства как субъекта, а также ориентацией на удовлетворение частных интересов конкретных представителей данного государства, составляющих противопоставленных субъектов абсолютных связей. Более того, представленная характеристика публичной управомоченной стороны определяет осуществление одновременных процессов по реализации неотъемлемых

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р (ред. от 08.08.2009). URL.: http://old.eco.nomy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009 (дата обращения: 29.04.2020).

субъективных прав и по исполнению обязанностей в пользу третьих лиц. К примеру, обязанность собственника содержать принадлежащие ему вещи в безопасном для других лиц состоянии, в связи с чем структуру абсолютного права как односторонне управомочивающую связь правообладателя со всеми прочими лицами представить едва ли возможно¹.

Таким образом, абсолютные правоотношения пронизывают все отрасли и институты системы современного права. Такого рода связи обладают широким перечнем функций, обеспечивая при этом воссоединение частных и публичных интересов, защиту неотъемлемых прав личности, так как основным их предназначением является закрепление за субъектами определенных благ².

УДК 34

*Кротова Е.Н.,
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России*

Исследование неправомерных деяний в перспективе развития системы права

В рамках перспективы развития системы права в настоящее время проблема места и роли неправомерных деяний в системе юридических фактов является малоизученной, в теоретических трудах уделяется недостаточно внимания рассмотрению данной проблематики с точки зрения сущности, содержания и классификации неправомерных деяний, а также признания тех или иных действий или бездействия в качестве неправомерных.

¹ См.: Гришечкин В.В. Правовая общность в абсолютных имущественных гражданских правоотношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 63.

² См.: Яковлев В.Ф. Структура гражданских правоотношений // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: сборник ученых трудов СЮИ. Свердловск, 1975. С. 29.

В этом ключе определенные сложности представляет тот факт, что до сих пор в юридической науке не было сформулировано определение неправомерных деяний, а их признаки и отличительные особенности не установлены и по сей день, что представляет одновременно интерес и нелегкую задачу для юридической науки, решить которую, безусловно, необходимо для дальнейшего развития системы права.

Актуальность поднятой темы исследования подтверждает наличие в одном из популярнейших учебников по подготовке специалистов в сфере юриспруденции «Теория государства и права» под редакцией В.К. Бабаева главы 23 «Правомерное поведение, правонарушения», где в качестве антипода правомерного поведения рассматривается правонарушение (как одна из разновидностей неправомерных деяний). Здесь же В.К. Бабаев отмечает возможные причины увеличения количества совершения неправомерных деяний, к которым относит нестабильность экономической, политической обстановки, социальную и национальную напряженность¹. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения, однако представляется, что неправомерные деяния как явление правовой действительности обуславливаются еще и тем, что в настоящее время у граждан низкий уровень правовой грамотности, по причине чего они порой совершают те или иные действия, не подозревая об их противоправном характере. Между тем у названной причины может быть и обратная сторона, когда лицо обладает высокой правовой грамотностью и пользуется этим вопреки интересам третьих лиц. В данном случае речь уже будет идти не о правонарушении, а о другой разновидности неправомерного деяния – злоупотреблении правом, что показывает сложность и неоднозначность рассматриваемой проблемы, в частности то, что неправомерные деяния гораздо шире и не ограничиваются только правонарушением, в него также должны быть включены злоупотребление правом и объективно-противоправное поведение² как его разновидности, что позволит развить

¹ См.: Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2019. С. 491.

² См.: Хужин А.М. Объективно-противоправное поведение в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000.

научные исследования по поводу места неправомерных деяний в системе юридических фактов.

Следует отметить, что отдельные ученые считают, что злоупотребление правом может быть как неправомерным, так и правомерным¹.

Для установления места неправомерных деяний в системе юридических фактов необходимо, прежде всего, определить, что понимается под последними. Под юридическими фактами в науке и на практике понимаются конкретные социальные обстоятельства (события, действия), вызывающие в соответствии с нормами права наступление определенных правовых последствий – возникновение, изменение или прекращение правовых отношений². В.Б. Исаков классифицирует юридические факты на события и действия, последние, в свою очередь, подразделяются на правомерные и неправомерные³. Правомерные деяния выражаются в соответствии с предписаниями правовых норм. Что касается неправомерных деяний, в узком понимании – это запрещенные законом и нарушающие правовые нормы действия или бездействие. Их можно охарактеризовать по целям субъекта, преследуемым мотивам, тяжести наступления последствий и их направленности. В широком понимании неправомерные деяния – это действия или бездействие, направленные против целей права, нравственности и добросовестности. Именно в таком аспекте неправомерные деяния в системе юридических фактов требуют более конкретизированного теоретического осмысления, выступая в качестве перспективы для дальнейшего развития системы права.

¹ См.: Толстик В.А., Куманеев В.В. К вопросу о злоупотреблении правом // Государственная власть и местное самоуправление. 2001. № 3. С. 45–48; Толстик В.А. Техничко-юридические способы противодействия злоупотреблению правом // Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, 23–24 мая 2019 года) / под ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, П.В. Васильева. Нижний Новгород, 2019. С. 105–120.

² См.: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства в схемах и определениях. Нижний Новгород, 1999. С. 144.

³ См.: Исаков В.Б. Юридические факты в российском праве: учебное пособие. Москва, 1998. С. 12.

В этом ключе, в первую очередь, необходимо проанализировать само понятие «неправомерное деяние», поскольку при использовании в речи слова «неправомерный», в частности в словосочетании «неправомерное деяние», ученые-правоведы достаточно часто употребляют схожие по смыслу слова, такие как «правонарушение», «противозаконное поведение», «противоправное поведение», «недозволенное поведение» и другие, однако из-за подобного смешения понятий сам феномен неправомерного деяния теряет свою самобытность, поскольку происходит путаница разных по своему значению слов.

Так, неправомерные деяния зачастую приравнивают к правонарушениям, однако последнее по своему смыслу уже и является одной из разновидностей неправомерных деяний. В случае приравнивания неправомерных деяний и правонарушений, другие виды, отличные от правонарушений, в принципе не будут охватываться классификацией юридических фактов, что послужит определенным пробелом в теории права. При разграничении понятий «правонарушение» и «неправомерное деяние» стоит подчеркнуть, что отличительной особенностью правонарушения является то, что к субъекту, его совершившему, применяются соответствующие меры юридической ответственности, в то время как некоторые виды неправомерных деяний никакими мерами ответственности не охватываются, что еще раз доказывает недопустимость отождествления вышеназванных категорий.

Относительно категории «противозаконность», которая определяется как «не соответствующий, противоречащий закону»¹, и ее соотношении с рассматриваемыми понятиями стоит отметить, что у правонарушения всегда будет данная характеристика, что нельзя сказать об иных видах неправомерных деяний, поскольку не все виды неправомерных деяний охватываются законодательными актами. Здесь стоит отметить, что понятие «противоправность» шире понятия «противозаконность», если первое вбирает в себя противоречие всем нормам права, то второе – только нормам права, прописанным в законах. Подобное соотношение данных понятий показывает, что приравнивание неправомерных деяний

¹ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Москва, 2005. С. 820.

к противозаконным также противоречит установленным нормам логики по причине того, что первое понятие по своему смыслу шире второго, а второе, в свою очередь, по своему значению может входить в первое, но никак не наоборот, поэтому неправомерное деяние нельзя приравнивать к противозаконному деянию.

Вышеуказанные подходы к соотношению различных категорий с неправомерными деяниями показывают, что «размытость» данного понятия не позволяет в полной мере классифицировать неправомерные деяния по различным основаниям. В юридической науке сформировано большое количество мнений относительного отнесения тех или иных действий (бездействия) к правомерным либо неправомерным (в частности, когда фактически никакие нормы права не нарушаются, но происходит несоблюдение целей права, использование норм права в своих интересах, вопреки интересам других лиц, государства либо общества в целом), однако из анализа значения и сущности понятий, схожих с категорией неправомерности, следует, что слово «неправомерный» – сложное по своему значению понятие, которое имеет свои специфические черты, отличающие его от других смежных по смыслу слов, ввиду чего представляется целесообразным при классификации юридических фактов использовать именно категорию «неправомерное деяние», являющуюся наиболее широкой и вбирающую в себя черты как правонарушений, так и других деяний, не охваченных такими значимыми характеристиками правонарушения, как противоправность и противозаконность.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что неправомерное деяние относится к трудноосмыслимым юридическим категориям ввиду неоднозначного выражения данного явления в правовой действительности, его спорной оценки со стороны как ученых-правоведов, так и государства, общества в целом. Сложность восприятия неправомерного деяния обуславливается еще и тем, что определения данного понятия, рассматривающего его как разновидность юридического факта, нет, что вызывает определенные неточности при трактовке неправомерных деяний в системе юридических фактов. Так, наиболее часто происходит смешение понятия «неправомерное деяние» со схожими по смыслу словами, такими как «правонарушение», «противоправное

деяние», «противозаконное поведение», «недозволенное поведение» и др. При разграничении указанных понятий не стоит упускать тот момент, что «неправомерное деяние» является наиболее обширным по своему значению термином, синонимичные с ним категории, в свою очередь, выступают либо в качестве одной из характеристик неправомерности, либо добавляют тот или иной «оттенок» к значению указанной категории. Возникновение поднятой проблемы указывает на необходимость закрепления в юридической терминологии понятия «неправомерные деяния» и его признаков, а также более глубокого теоретического осмысления различных видов неправомерных деяний с конкретным указанием на их отличия друг от друга с целью использования в дальнейшем на практике, при фиксации, квалификации и доказывании указанных правовых категорий, в том числе для применения в будущем как перспективы развития системы права.

Здесь также стоит подчеркнуть важность исследования проблемы неправомерных деяний для деятельности органов внутренних дел по причине того, что проблема их установления, фиксации, квалификации и доказывания представляет собой злободневную задачу, решить которую достаточно сложно ввиду недостаточной теоретической и практической разработанности рассматриваемой тематики, сложности квалификации и процессуального оформления совершаемых действий. Достаточно часто перед сотрудником органов внутренних дел возникает дилемма: с одной стороны, поступило заявление, где подробно описывается, что были нарушены права лица тем или иным образом; с другой стороны, никакие нормы права фактически нарушены не были и злоумышленник воспользовался «пробелом» в праве. Никакой юридической ответственности в данном случае не наступает. Ввиду возникновения большого разнообразия и форм проявления неправомерных деяний необходимость доктринального и практического обоснования причин и условий совершения неправомерных деяний, а также путей их предупреждения актуализирует рассматриваемую в статье проблему. Освещение данных аспектов также требует особого внимания в дальнейших исследованиях, касаемых проблемы неправомерных деяний в системе юридических фактов, что в настоящее время отвечает перспективам развития системы права.

**Проблемы современной науки и практики
в области противодействия организованным формам
экстремистской деятельности**

Направление противодействия организованной преступности всегда находится в спектре особого внимания как у ученых, так и представителей законотворческих, правоприменительных и интерпретационных органов. Обусловлено это не только традиционными, историческим предпосылками возникновения и развития групповых форм криминального поведения, но и появления их новых разновидностей, имеющих на современном этапе существенные отличительные черты, требующие в том числе и доктринального обоснования. В данной статье будут рассмотрены направления уголовно-правового противодействия организованным формам экстремистской деятельности на примере статей 282¹ «Организация экстремистского сообщества» и 282² «Организация деятельности экстремистской организации» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Начать необходимо с того, что курс уголовной политики в исследуемой области был скорректирован по причине принятия в 2002 году Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»¹. В этом документе не только была продемонстрирована новая государственная стратегия в борьбе с экстремизмом, но и введен в официальный оборот ряд юридических терминов, характеризующих рассматриваемый вид

¹ О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031; См. также: *Петрянин А.В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: монография. Москва, 2017. С. 4; *Петрянин А.В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 3.

группового криминального поведения. В частности, даны определения экстремизма и экстремистской организации, являющиеся ключевыми в рамках статьи 282² Уголовного кодекса Российской Федерации¹, однако за пределами официального толкования осталось понятие «экстремистское сообщество». Вместе с тем, это не помешало международному и межотраслевому развитию направления противодействия экстремизму². В частности, Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”»³ Уголовный кодекс Российской Федерации и был дополнен вышеотмеченными статьями.

Предложенные законодателем их юридико-технические конструкции породили массу споров в характеристике криминообразующих признаков отмеченных деяний. Если в содержании статьи 282² Уголовного кодекса Российской Федерации все более или менее было понятно, так как диспозиция была построена по типу бланкетной и отсылала нас к Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности», закрепившему следующие признаки экстремистской организации: форма – объединение или иная организация религиозного или общественного толка; наличие вступившего в силу решения суда о запрете деятельности либо ее ликвидации; установление факта осуществления экстремистской деятельности, то в рамках применения статьи 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации возникли проблемы. Вышеизложенное повлекло за собой появление на научной площадке дискуссий, в рамках которых активно шло обсуждение признаков отмеченных видов организованных форм экстремистской деятельности. Например, в рамках одного

¹ См.: *Петрянин А.В.* Направления уголовно-правового определения признаков экстремизма: теоретико-правовой аспект // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2014. № 3 (27). С. 136–140; *Его же.* Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // *Юридическая техника: Ежегодник.* 2011. № 5. С. 373–377.

² См.: *Востриков П.П., Петрянин А.В.* Концептуальные особенности государственной политики противодействия экстремизму: теоретико-правовые аспекты // *Власть.* 2014. № 3. С. 101–106.

³ *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2002. № 30, ст. 3029.

подхода предлагалось рассматривать экстремистское сообщество и экстремистскую организацию как тождественные, то есть совпадающие по криминообразующим признакам¹. Учитывая уже сформировавшуюся сегодня судебно-следственную практику, предложенная позиция была не поддержана. В этой связи необходимо согласиться с позицией М.Г. Левандовской в том, что в рамках статей 282¹ и 282² Уголовного кодекса Российской Федерации речь идет не о тождественных, а о пересекающихся видах криминально-групповых объединений².

Полагаем, что одним из главных их отличий выступает момент окончания этих деяний.

Так, для признания организации экстремистской недостаточно установления ее признаков. Необходимо проведение целого процесса, в рамках которого и возникают правовые основания для совершения конечного юридического факта. Именно Прокуратура Российской Федерации выступает в качестве его инициатора. Обязательным условием легитимности такой процедуры является вынесение предупреждения о недопущении экстремистской деятельности. Такое решение принимается на основе анализа данных, свидетельствующих о подготовке к ее осуществлению. В случае неустранения выявленных нарушений, а также при установлении новых, такая общественная или религиозная организация или объединение подлежит ликвидации, а их деятельность запрету. Особо подчеркнем, что целью экстремистской организации не является совершение общественно опасных деяний одноименного толка, то есть в основу криминализации преступления, отраженного в статье 282² Уголовного кодекса Российской Федерации, положена судебная, а не административная преюдиция³.

В рамках же экстремистского сообщества деяние, предусмотренное статьей 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации,

¹ См.: *Иванов Н.Г.* Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений // Государство и право. 2003. № 5. С. 42–52.

² См.: *Левандовская М.Г.* Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и организацию деятельности экстремистской организации // *Lex russica* (Русский закон). 2005. Т. 64. № 2. С. 310–315.

³ См. там же.

во-первых, является преступным с момента его создания, во-вторых, при доказывании цели – совершения преступлений экстремистской направленности.

В целом, продемонстрировав существенные отличия между экстремистским сообществом и экстремистской организацией, остановимся на демонстрации еще ряда проблем в установлении признаков рассматриваемых форм групповой экстремистской деятельности и обратим внимание научной общественности на соотношение самого понятия «экстремистское сообщество» с признаками, непосредственно закрепленными в диспозиции статьи 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Например, заслуживает внимания подход, предполагающий отнесение экстремистского сообщества к разновидности сообщества преступного, выделенного в самостоятельный состав преступления¹. В целом, разделяя данную точку зрения, подчеркнем, что она не соответствует в полном объеме уголовному законодательству и мнению главного официального интерпретатора уголовно-правовых норм – Пленуму Верховного суда Российской Федерации по следующим основаниям.

Во-первых, использование самого термина «сообщество» в рамках юридико-технического конструирования статьи 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации не дает легитимного основания для безоговорочного рассмотрения соучастия, обозначенного в рассматриваемой уголовно-правовой норме через признаки, указанные в части 4 статьи 35 Уголовного кодекса Российской Федерации. В данном случае наблюдается необоснованное использование этого понятия, как раз и ставшее причиной основной массы споров в исследуемой области.

Во-вторых, диспозиция части 1 статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации построена по типу описательной, на что прямо указывает использование такого оборота, как «то есть». При этом в императивном формате предложено относить экстремистское сообщество к разновидности организованной группы, при обязательном установлении ее дополнительного признака, отнесенного к разряду конструктивных. В качестве такового выступает цель –

¹ См.: *Клименко Ю.А.* Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации // *Lex russica*. 2017. № 3. С. 123–132.

подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности¹.

В-третьих, эту позицию поддерживает и Верховный Суд Российской Федерации, в частности в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»² также используется понятие «организованная группа» при раскрытии признаков экстремистского сообщества.

Вместе с тем, сформулированные в законодательстве и судебных актах толкования признаки экстремистского сообщества с недостаточной степенью их определенности приводят к неоднозначному толкованию исследуемой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. Причиной выступает неоднозначная формулировка диспозиции части 1 статьи 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Фактически законодатель предлагает рассматривать такое сообщество и как организованную группу, и как преступное сообщество. Так, указание на то, что исследуемая организованная форма экстремистской деятельности может включать в себя объединение нескольких организованных групп, тому подтверждение.

Отмеченные выше проблемы стали причиной неоднозначного понимания юридической и криминологической сущности экстремистского сообщества, что повлекло обоснование в науке ряда полярных подходов. Основная масса ученых, буквально толкуя закон и разъяснения, даваемые судами, приходит к выводу о том, что оно является разновидностью организованной группы³. Вторая группа

¹ См.: *Петрянин А.В.* Направления уголовно-правового определения признаков экстремизма: теоретико-правовой аспект // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2014. № 3 (27). С. 136–140.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8.

³ См.: *Маркунцов С.А.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства // *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Есакова.* Москва, 2014. С. 438; *Тюнин В.* Организация экстремистского сообщества // *Уголовное право.* 2006. № 3. С. 52; *Петрянин А.В.* Противоположность преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. С. 2.

представителей доктрины настаивает на необходимости интерпретации экстремистского сообщества через призму признаков преступного сообщества¹. Не менее интересным является и другой подход, активно обсуждаемый среди ученых, в рамках которого предлагается рассматривать его как самостоятельную форму соучастия².

Подводя итог в проведенном исследовании, отметим следующее. Представленная правотворческая, интерпретационная и доктринальная неопределенность в установлении признаков экстремистского сообщества является первопричиной в качестве противодействия организованным формам экстремистской деятельности. От разрешения данной проблемы зависит дальнейшее развитие курса уголовной политики в исследуемой области³.

УДК 34

*Матвеева Е.С.,
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России*

Развитие идеи недопустимости злоупотребления правом в свете теории преемственности в праве В.К. Бабаева

Научное наследие Владимира Константиновича Бабаева является достаточно многогранным и затрагивает в том числе проблематику преемственности в праве. Он обращает внимание, в первую очередь, на фундаментальность роли методологии в процессе

¹ См.: Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011. С. 158.

² См.: Юдичева С.А. Уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества // Новый юридический журнал. 2014. № 1. С. 107–114.

³ См.: Черных Е.Е., Кузьменко В.С., Петрянин А.В. Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направления и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 159–164.

обновления права, на устранение отживших, непригодных в новых исторических условиях элементов и на восприятие элементов положительных, содействующих развитию государственно-правовых явлений¹. Под самой преемственностью в праве В.К. Бабаев понимает заимствование правом того или иного государства положений прошлых либо современных ему правовых систем, делая при этом акцент на том, что преемственность является необходимым элементом закона отрицания отрицания, одного из основных законов диалектики². Существуют различные точки зрения на вопрос об объеме такого заимствования, однако в рамках данной статьи, прибегнув к методу конвенционализма, будем придерживаться широкого понимания понятия преемственности в праве, охватывающего любые случаи заимствования правового материала³. В этой связи хотелось бы обратить внимание на такую разновидность преемственности, как рецепция права. Не случайно В.К. Бабаев считает ее наиболее ярким примером преемственности между правовыми системами, опирающимися на частную собственность в странах Европы начиная с XII века. Именно в эпоху римского права уходит своими корнями возникновение в правовом поле проблемы злоупотребления правом. Это связано с тем, что основой для злоупотребления правом служит развитие института субъективного права, истоки которого находятся в римском частном праве. В нем же был заложен принцип абсолютизации субъективного права, который выражался формулой: никого не обижает тот, кто пользуется своим правом⁴. Несмотря на это, в ходе осуществления практики рассмотрения споров римскими юристами, они давали негативную оценку крайним формам осуществления субъективного права с целью причинения вреда другим

¹ См.: *Першин В.Б., Треушников И.А.* Методологические воззрения В.К. Бабаева на преемственность в праве // *Юридическая техника: Ежегодник. 2011. № 5. С. 363.*

² См.: *Бабаев В.К.* Преемственность в праве // *Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2003. С. 210.*

³ См.: *Толстик В.А.* Преемственность в правопонимании // *Юридическая техника: Ежегодник. 2011. № 5. С. 483.*

⁴ См.: *Доманжо В.П.* Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом // *Ученые записки Имперского Казанского университета. Кн. 5. Казань, 1913. С. 1.*

лицам. Распространение получило высказывание, приписываемое Гаю, смысл которого заключался в том, что «злоупотребление непростительно»¹. Конечно, заимствование института субъективного права, а вместе с ним и идеи недопустимости злоупотребления субъективным правом могло иметь место лишь в случае наличия предпосылок в определенном государстве и обществе к такому. Как справедливо замечено Ю.И. Гревцовым, преемственность в праве находится в русле преемственности полезного опыта вообще, то есть подчиняется общим закономерностям заимствования ценного в искусстве, политике, экономике, технике². Каждая более поздняя правовая система частично воспринимает прошлые правовые положения и приспособливает их для решения своих задач в течение того или иного исторического отрезка времени. Если говорить о средневековой эпохе, то наличие такой проблемы, как злоупотребление субъективным правом, на данном историческом этапе ярко не проявлялось. Это, в первую очередь, связано с тем, что большая часть населения практически не имела никаких прав, к примеру, крепостные крестьяне в нашей стране. К тому же большое значение имели религиозные нормы и обычаи.

Согласно классификации преемственности в отечественном праве, предложенной В.К. Бабаевым, последняя должна затрагивать в первую очередь содержание права, а именно общедемократическое прогрессивное содержание правовых норм и институтов, форм права, в частности источники права, а также юридическую технику³. В этой связи стоит отметить, что злоупотребление правом впервые выходит именно из гражданских правоотношений, поэтому на преемственность института субъективного права в отраслях гражданского права и процесса хотелось бы обратить особое внимание.

По справедливому замечанию Д.А. Матанцева, российское до-революционное гражданское законодательство не знало категории

¹ См.: *Поротикова О.А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2008. С. 102.

² См.: *Гревцов Ю.И.* Преемственность в правовом регулировании // Юридическая техника: Ежегодник. 2011. № 5. С. 142.

³ См.: *Бабаев В.К.* Преемственность в праве // Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2003. С. 211.

злоупотребления правом. Долгое время кассационная практика исходила из принципа абсолютизации и незыблемости субъективного права, что выражалось в решениях Кассационного департамента Правительствующего Сената, где особо подчеркивалось, что не может быть ответственности за убытки, причиненные действиями, совершенными в пределах права¹. Несомненно, на такой порядок вещей немалое влияние оказало римское право, однако на формирование понимания категории злоупотребления правом повлияло заимствование дореволюционной цивилистической доктрины идей немецкой правовой науки, а именно рассмотрения злоупотребления правом как *шikanы*, то есть осуществления права только с целью причинения вреда другому лицу. Проследивая пути преемственности идеи недопустимости злоупотребления правом, надо отметить, что советское право не восприняло шикану, как и многие иные правовые положения и идеи дореволюционной России. В этой связи профессор В.К. Бабаев не без сожаления отмечал, что наряду с обоснованной ломкой старого реакционного права, правоохрнительного механизма были отброшены правовые нормы и институты, которые можно было бы с успехом использовать в правовом строительстве². Обращаясь к советскому гражданскому законодательству, к примеру, к статье 1 Гражданского кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 г, статье 5 Гражданского кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1964 года, можно заключить, что здесь усматривается отсылка к принципу недопустимости осуществления права в противоречии с его назначением. Надо отметить, что юридической наукой данные законоположения рассматривались в качестве запрета злоупотребления правом, что послужило основанием для развития теории пределов осуществления права, выход за которые и рассматривался в качестве злоупотребления правом. Само же понятие «злоупотребление правом» советское законодательство также не знало.

¹ См.: Матанцев Д.А., Мейлис, Е.Б., Пахомов В.Г. Идея недопустимости злоупотребления правом в исторической ретроспективе // Право и государство: теория и практика. 2015. № 4. С. 9.

² См.: Бабаев В.К. Преемственность в праве // Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2003. С. 210.

При рассмотрении преемственности в праве, касаемой заимствования современной правовой системой идеи недопустимости злоупотребления правом, можно отметить ее циклический характер. Так, шикана как правовая идея, не воспринятая в советской правовой системе, была заимствована современной российской правовой системой и закреплена на законодательном уровне. В то же время из советской юридической доктрины были заимствованы положения теории пределов осуществления права. Все это нашло свое отражение в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации «Пределы осуществления гражданских прав». В абзаце 1 пункта 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации указано: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)». Рассмотренный выше пример показывает в некоторой степени дословность заимствования правового материала.

Важно отметить также, что, по мнению В.К. Бабаева, преемственность в различных типах права, в том числе и отечественном, должна обязательно рассматриваться в качестве составной части мировой правовой системы¹.

Так, преемственность института субъективного права, а вместе с ним и идеи недопустимости злоупотребления субъективным правом, особое значение приобрела в Новое время в европейских странах в связи с изменением исторической обстановки из-за проводимых буржуазных революций. Как справедливо отмечено Д.А. Матанцевым, реализация провозглашенного в Новое время принципа равенства прав человека была невозможна без обеспечения баланса субъективных прав². В странах Европы, к примеру во Франции, появляется Декларация прав человека и гражданина, статья 4 которой содержит положения о дозволении делать все,

¹ *Бабаев В.К.* Преемственность в праве // Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2003. С. 211.

² *Матанцев Д.А., Мейлис, Е.Б., Пахомов В.Г.* Идея недопустимости злоупотребления правом в исторической ретроспективе // Право и государство: теория и практика. 2015. № 4. С. 7.

что не наносит вреда другому. Позже Ассамблея ООН во Всеобщей декларации прав человека также отразит идею недопустимости злоупотребления правом в положениях пункта 2 статьи 29, где упомянуто о том, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Данные положения были заимствованы современной российской правовой системой и закреплены в положениях части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации. Формулировка данной нормы говорит о недопущении осуществления прав и свобод человека и гражданина в нарушение прав и свобод других лиц. Таким образом, можно заключить, что в данной статье закреплена норма-принцип недопустимости злоупотребления правом. Заимствование принципа недопустимости злоупотребления правом в Основном Законе страны позволило адаптироваться ему в процесс регулирования правоотношений различных отраслей российского права. Так, положения о недопустимости злоупотребления правом нашли свое отражение в упомянутой выше статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, в части 1 статьи 35 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, в пункте 2 статьи 41 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Безусловно, проблема злоупотребления правом существует не только в гражданском и гражданско-процессуальном праве, однако иные отрасли права не содержат законодательного закрепления данной категории. Такое положение вещей дает основания для научных дискуссий по вопросам понимания категории «злоупотребление правом» вообще и в конкретной отрасли в частности. Ведь именно от объективированного понимания данной категории зависит выработка тех средств, с помощью которых злоупотреблению правом можно противодействовать на практике. Поскольку доктрина рассматривается как разновидность источников права и также обладает преемственностью, согласно классификации В.К. Бабаева, затрагивающей форму права, ее положения могут быть заимствованы для последующей

разработки идеи недопустимости злоупотребления правом в отраслях права, в частности процессуального, где отсутствует законодательная регламентация данного понятия, а следовательно, не предусмотрено мер для противодействия данному негативному явлению.

Подводя итог, можно констатировать, что преемственность в праве является важным свойством правовой материи и позволяет вникнуть в истоки той или иной правовой проблемы, в частности в истоки проблемы понимания категории злоупотребления правом, что в последующем позволит найти пути правового решения стоящей проблемы, в нашем случае – эффективные способы противодействия злоупотреблению правом.

УДК 34

*Нажмудинова П.М.,
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России*

Обстоятельства непреодолимой силы в системе индивидуально-правового регулирования

Общеизвестно, что результатом индивидуального правового регулирования является выработка в ходе его осуществления индивидуальных норм, так называемых микронорм, представляющих собой правила поведения, составляющие часть правового регулирования, которые образованы определенным субъектом права для выражения его воли и возможности регулировать отношения с его участием, а также охраняются силой государственного принуждения.

В.К. Бабаев указывает, что нормативность индивидуальных норм раскрывается в их обладании такими признаками, как типичность (выявление наиболее характерного для сложившейся ситуации), всеобщность (возможность распространения действия нормы на широкий круг лиц), обязательность (поддерживаемая соответствующей реакцией государства неукоснительность

соблюдения)¹, однако, несмотря на присущую микронормам нормативность, данное свойство для них нельзя считать абсолютным.

Так, типичность индивидуальной нормы выражается как определение субъектами основных черт своего поведения в конкретных условиях с одновременным абстрагированием от его подробных деталей. При этом важно подчеркнуть, что микронорма, адресованная конкретно определенным субъектам, является менее типичной по сравнению с общей нормой, которая обращена к неопределенному кругу лиц. В таком ключе всеобщность индивидуальной нормы скорее несет в себе некие моральные установки, нежели обладает юридическим (обязательным) характером.

Возможность использования индивидуальной нормы для других лиц определяется степенью ее соотношения с их волей, а также соответствует ли такая норма имеющимся у этих лиц интересам (примером является применение прецедентов по конкретным делам). Зафиксированные в нормативных актах либо в наиболее значимых, основополагающих судебных постановлениях микронормы трансформируются в нормы общегосударственного порядка и становятся связующим звеном для норм общего действия. Обязательность индивидуальной нормы также может быть менее выраженной, поскольку, несмотря на свойственный таким нормам общеобязательный характер, не всегда может быть реализовано неукоснительное соблюдение не только в связи с шаткостью экономической, социальной, духовной базы, позволяющей обеспечить их удовлетворение, но еще и вследствие отсутствия в требуемом количестве предусмотренных законом юридических средств. Указанное свидетельствует, что индивидуальной норме свойственна нормативность, но последнюю нельзя назвать абсолютной².

Кроме того, нормативность не находится в статическом состоянии и не исчерпывает себя лежащими в ее основе нормами, поскольку в процессе правореализации нормативное положение может «распадаться» на определенные конкретизированные

¹ См.: Общая теория права. Курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 282–285.

² См.: *Каширина Т.В.* Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Государство и право. 1992. № 1. С. 125.

«нормативные варианты», без которых невозможно развитие индивидуального правового регулирования. Индивидуализированная и конкретизированная нормативность позволяет функционировать общим правовым установкам, имеющим абстрактный характер.

При этом своеобразная «персонификация» правовых норм не означает автоматическое превращение индивидуального в некую универсальную меру, напротив – универсальные функции, присущие нормам права, дают возможность превратить их в меры индивидуального порядка, то есть стать содержанием определенного действия. Вместе с тем, очевидно, что не существует такой универсальной нормы, которую можно было бы применить к конкретной жизненной ситуации вне ее связи с пространственными и временными характеристиками¹.

Индивидуализация есть вычленение специфических индивидуальных характеристик из первоначального безразличия². Индивидуализировать значит обособлять что-либо в зависимости от наличия конкретных, индивидуальных параметров³. Иными словами, индивидуализация представляет собой процесс, в ходе которого можно выявить отличительные особенности, присущие определенному существу, предмету или явлению, что позволяет установить в своем роде некую совокупность «персональных» свойств, отражающих обладание этим существом, предметом или явлением качеством «единичности» среди множества других, существующих в окружающей действительности.

Полагаем, что данный термин полностью соответствует как индивидуальному правовому регулированию как деятельности властного характера, осуществляемой соответствующими компетентными субъектами, так и индивидуальному правовому регулированию, реализуемому отдельными участниками правоотношений по своему

¹ См.: *Макай М.* К вопросу о моральной оценке (явлений действительности) // Вопросы философии. 1975. № 9. С. 104, 105.

² См.: Энциклопедический словарь: в 86 т. / под ред. проф. И.Е. Андреевского; издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). Санкт-Петербург, 1890–1907. Том XIII (25). С. 66

³ См.: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Москва, 1985–1988. Т. 1. А–Й. 1988. С. 665.

собственному желанию и инициативе (однако необходимо отметить, что индивидуализация сама по себе является более масштабным процессом, чем индивидуальное правовое регулирование).

Индивидуальное правовое регулирование отличается двойственностью своей юридической природы. Оно одновременно, с одной стороны, является продолжением правотворческого процесса, в котором в установленных законом границах создается правило поведения, предусмотренное для конкретных субъектов (в нашем случае, например, включение сторонами в заключаемый между ними договор перечня ситуаций, являющихся по своей сути обстоятельствами непреодолимой силы именно для них), либо же уточнением общегосударственных норм, с другой – тесно связано с процессом правореализации, выстраиваясь для определенного случая в отношении конкретных лиц и обязательное исключительно для этих лиц. Исходя из этого, индивидуальное правовое регулирование есть форма, сочетающая стадии правотворчества и стадии реализации права¹. Непреодолимая сила как вид невиновного поведения² может быть предметом индивидуально-правового регулирования.

В данном контексте с учетом выбранного критерия для классификации обстоятельств непреодолимой силы, а именно вида правового регулирования, видится необходимым сделать некоторые уточнения в целях разграничения индивидуального правового регулирования в рамках правореализации, а также индивидуального правового регулирования, в рамках которого реализуется возможность осуществления участниками конкретных отношений самостоятельного регулирования и определения каких-либо особенностей таких отношений по собственному выбору и взаимному согласию.

Следует отметить, что в научной литературе вопрос о необходимости классификации индивидуального правового регулирования решается однозначно и большинство ученых подразделяют его на виды. Вместе с тем, существующие варианты такого деления могут иметь некоторые отличия.

¹ См.: *Кашанина Т.В.* Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Государство и право. 1992. № 1. С. 126.

² *Хужин А.М.* Невиновное поведение в праве: методология, теория, практика: монография. Москва, 2012.

Видится интересным также то, какой смысл вкладывается в понятие «индивидуальное» в отношении обозначенных двух своего рода «подвидов» правового регулирования. Термин «индивидуальный» может употребляться в нескольких значениях. На наш взгляд, в рамках правового регулирования как особого процесса можно использовать три основных значения. В первом случае индивидуальный обозначает нечто единичное, отдельное. Во втором – относящееся к чему-либо в отдельности, что-то особенное для каждого лица или случая. В третьем – состоящий в единоличном пользовании, распоряжении¹.

По нашему мнению, в отношении индивидуального правового регулирования как особой деятельности, реализуемой компетентными властными органами государственной власти или иными субъектами (будем называть данную разновидность индивидуального правового регулирования субординационным), наделенными специальными полномочиями, наиболее подходящими являются первые два значения. Для индивидуального правового регулирования, формирующегося по инициативе участников отдельных правовых отношений, термин «индивидуальный» также может употребляться в значении единоличного пользования и распоряжения.

Возможно, именно такой смысл понятия «индивидуальный» можно считать основным для подобного вида правового регулирования, поскольку оно, по сути, обладает свойством персональной принадлежности, используется исключительно субъектами, создавшими такое регулирование. Это в некотором смысле дополнительные регулятивные установки, находящиеся в индивидуальном распоряжении участников конкретных правоотношений.

Индивидуальное правовое регулирование, осуществляемое специально уполномоченными субъектами права (субординационное регулирование), представляет собой формирование «персональных» правовых решений как в процессе правоприменения (правоприменение в любом виде представляет собой индивидуальное правовое регулирование²), а также в некоторых случаях,

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Москва, 1985–1988. Т. 1. А–Й. 1988. С. 665.

² См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Казань, 2007. С. 71.

что является вполне возможным, возникновение подобных решений как результат правотворчества (например, в ряде нормативных правовых актов, помимо «общих» норм права, могут содержаться индивидуальные предписания в форме разовых ненормативных поручений). Так, в уже упомянутом ранее постановлении губернатора Московской области от 13 марта 2020 года, в котором быстрое распространение нового инфекционного заболевания характеризуется как чрезвычайное и непредотвратимое обстоятельство, Министерству социального развития Московской области было дано поручение организовать для пожилых людей, получающих социальное обслуживание на дому, а также для всех граждан, обращающихся в стационарные учреждения, специальные курсы, касающиеся профилактических антивирусных мер.

Субординационное индивидуальное правовое регулирование находится в плоскости «конкретных случаев», определенных жизненных ситуаций, для которых можно или же необходимо применение особого (персонифицированного) решения. Данный вид правового регулирования при этом представляет собой логически обоснованное продолжение нормативного регулирования, конкретизируя посредством формирования акта индивидуального значения закрепленные в тех или иных нормах общие правила в отношении отдельного лица, вопроса или дела.

Предметом такой разновидности индивидуального правового регулирования выступают конкретно определенные правоотношения, испытывающие объективную потребность в регламентации их юридического содержания в индивидуальном порядке на этапе их формирования и развития. Результатами рассматриваемого подвида индивидуального правового регулирования являются индивидуально-правовые предписания и акты, издаваемые в соответствующей форме и в установленных законом случаях ради оказания упорядочивающего воздействия на определенный вид общественных отношений на этапе реализации правовых норм.

Сущностная природа субординационного индивидуального правового регулирования, заключающаяся в принятии и вынесении правовых решений, касающихся «внутреннего» юридического наполнения конкретных правоотношений на этапе их образования

и последующих динамических изменений, позволяет определить, что рассматриваемая разновидность индивидуального правового регулирования представляет собой специфическую юридическую деятельность, базирующуюся на установленном законом императивном и автономном дозволении с учетом своего субъективного и объективированного опыта, реализующуюся посредством разработки, принятия и издания индивидуальных правовых решений отдельными субъектами, обладающими соответствующими правомочиями. При этом изданные предписания и акты, носящие индивидуальный характер, претворяющие в жизнь правовые решения, выступают внешними формами проявления субординационного индивидуального правового регулирования¹.

Полагаем, что обстоятельства непреодолимой силы также охватываются обозначенной разновидностью индивидуального правового регулирования. В качестве примеров можно привести довольно большое количество позиций высших судебных инстанций. В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июня 1998 года в качестве пояснения пункта 3 статьи 401 Гражданского Кодекса Российской Федерации указывается, что кражу нельзя рассматривать как обстоятельство непреодолимой силы². В определении Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2005 года содержится позиция, согласно которой банкротство хозяйственного общества не может быть признано обстоятельством непреодолимой силы³. Еще одно определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 года устанавливает, что не могут рассматриваться в качестве обстоятельств непреодолимой силы ситуации,

¹ См.: *Краснояржский С.Г.* Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1990. С. 10–11.

² Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июня 1998 года № 6168/97 // Вестник высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1998. № 8.

³ Позиция Верховного Суда Российской Федерации: Банкротство не является обстоятельством непреодолимой силы: определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2005 года № 49-В05-19. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 24.04.2020).

при которых образуется значительное скопление на железнодорожных путях необщего пользования загруженных и пустых цистерн и возникает занятость подъездных путей¹.

Таким образом, в приведенных примерах судебных актов вырабатываются индивидуальные нормы, касающиеся обстоятельств непреодолимой силы. Они «надстраиваются» в существующий каркас общих норм, тем или иным способом конкретизируя их. Сформулированные высшими судебными инстанциями позиции как «прецеденты индивидуального судебного регулирования фактических правоотношений»² являются средствами субординационного индивидуального правового регулирования, позволяющими урегулировать существующие правовые отношения и в дальнейшем выступающими своего рода вспомогательными элементами при рассмотрении судами споров соответствующей категории.

УДК 34

*Насриддинова Н.Ф.,
адъюнкт Академии управления МВД России*

Системный подход в исследовании правоохранительной функции государства

Рассмотрение вопросов, связанных с понятием и содержанием правоохранительной функции государства, предполагает исследование элементов, образующих целостность структуры правоохранительной функции государства, то есть возможно ее рассмотрение как единой системы и обоснование ее системных свойств.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 года № 306-ЭС14-7853 по делу № А65-29455/2013 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

² *Ериов В.В.* Правовое индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. Москва, 2017.

Представления о системах (системности) развивались на протяжении многих тысячелетий. Весомый вклад в развитие системных идей внесли Аристотель, Цицерон, Эпикур, Дж. Бруно, И. Кант, Ш. Фурье, К. Маркс и Ф. Энгельс и многие другие мыслители разных эпох. Один из первых вариантов общей теории систем был предложен А.А. Богдановым в 1912 году. Ученый ввел термин «тектология» (в переводе с греч. «учение о строительстве»), которым называл науку о закономерностях преобразования (организации и дезорганизации) любых систем¹. Основную задачу тектологии ученый видел в совершенствовании организации вещей, людей и идей.

Людвиг фон Берталанфи был вторым ученым, предложившим свой вариант общей теории систем. Он рассматривал систему как комплекс элементов, находящихся во взаимодействии. Именно с фамилией данного ученого связано появление таких направлений в философской мысли, как системная гносеология, системная онтология и системная теория ценностей, объединенных одним названием – «системная философия». На сегодняшний день исследованию систем, системному анализу и системности посвящено немало трудов в различных областях научного знания: в психологии (А.Р. Лурии, П.А. Анохин), в социологии (Т. Парнос, Р. Мертон, В.Г. Афанасьев, П.А. Сорокин), в экономике (И. Пригожин, В. Леонтьев, И. Стенгерс) и других сферах. От себя автор добавляет, что, исследуя правоохранительную функцию государства, системный подход выступает инструментом исследования, но никак не фактором, обуславливающим существование данной функции. Исследование функций государства с точки зрения системного подхода обусловлено рядом факторов.

Во-первых, системность как свойство какого-либо элемента носит объективный и всеобщий характер. Системность характерна для всех явлений социальной, органической или неорганической природы. Как справедливо заметила Е.И. Янчук, «системность принадлежит к атрибутивным свойствам материи

¹ См.: *Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. Кн. 1.* Москва, 1989.

наряду с такими, как движение, структурность, пространство, время и другие»¹.

Во-вторых, несмотря на то, что системный метод не позволяет дать ответы на такие вечные вопросы философско-мировоззренческого значения, как соотношение мышления и бытия, субъекта и объекта познания и ряд других, в исследовании отдельных явлений прикладного характера системный подход выступает прочной теоретической основой. В научной литературе советского периода отмечается, что философский принцип системности играет фундаментальную роль, поскольку явление объективной реальности, рассмотренное с позиций закономерностей системного целого и взаимодействия составляющих его частей, образует особую гносеологическую призму или особое измерение реальности².

В-третьих, системность позволяет охарактеризовать как отдельный объект изучения, так и его взаимообусловленность и взаимодействие с другими объектами системы. Любое явление или объект с точки зрения системности состоит из элементов-систем, который, в свою очередь, является элементом системы более крупного порядка. Так, В.Н. Садовский, А.Г. Юдин, И.В. Блауберг, Н.И. Грачев и другие ученые отмечают, что исследование государства и отдельных его элементов (в том числе функций) «давно уже нуждается в системном подходе, при котором объект исследования рассматривался бы как большая и сложная система и одновременно как элемент более общей системы, имеющий выход (цель), вход (ресурсы, источники и основания возникновения и существования), связь с внешней средой и обратную связь со своими структурными элементами»³.

Применительно к функциям государства системный подход позволяет рассмотреть каждый элемент сложноорганизованной

¹ Янчук Е.И. Принцип системности и его роль в научном познании (на материале химии): дис. ... канд. филос. наук. Минск, 1984. С. 19.

² См: Кузьмин В.П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. Москва, 1976. С. 10.

³ Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин А.Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 39–52; Грачев Н.И. Функции государства как социально-политического организма // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 16–27.

системы как отдельную систему более высокого или более низкого порядка. Функции государства можно рассмотреть как единую систему, состоящую из подсистем (отдельных функций государства), или как подсистему по отношению к системе более высокого порядка, включающую: «собственно функции государства, функции государственных органов и функциональные обязанности конкретных исполнителей»¹. Каждая функция государства также может рассматриваться как отдельная система более низкого порядка, имеющая свои подфункции.

На целесообразность рассмотрения функций государства как системных категорий в своем диссертационном исследовании указал В.М. Жимиров. Ученый справедливо отметил, что в качестве элементов данных категорий выступают «целевые установки, отражающие предполагаемые результаты государственно-правового воздействия, и задачи, с решением которых связывается реализация поставленных целей»².

А.Д. Желонкин небезосновательно указал на системность как одного из основных требований, предъявляемых к функциям государства. При этом системность ученый определял как совокупность функций, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность³.

Особо актуально системное рассмотрение функций государства в современных условиях, когда довольно сложно удержать баланс интересов всех участников международного сотрудничества, когда «мир вступает в эпоху, которую можно назвать международной анархией – вольницей, когда каждый действует по своему усмотрению». При этом Президент Российской Федерации подчеркнул, что «мировая система многообразна и сложна и при этом беспрецедентно взаимосвязана. У каждого есть и свои объективные интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами других, это тоже очевидно, но есть и чувство общей ответственности.

¹ *Афанасьев В.С.* Функции государства: начала философско-системного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 54–58.

² *Жимиров В.М.* Юридический функционализм: теоретико-методологический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 214.

³ См.: *Желонкин А.Д.* К вопросу о понятии и классификации функций современного российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 124–128.

Наконец, надеюсь, даже, собственно, не сомневаюсь в том, что есть и здравый смысл, стремление к безопасности... Поэтому без системности мирового порядка не обойтись»¹. В этих условиях именно государству как основному социальному институту отводится ведущая роль в установлении социального порядка и урегулировании возникающих противоречий. При этом основной формой выражения воли государства выступают осуществляемые им функции.

Системные свойства правоохранительной функции государства являются закономерным продолжением свойств систем более высокого порядка: системы функций государства, системы государства, системы общества. Рассмотрение системности правоохранительной функции государства необходимо осуществлять во взаимосвязи с другими функциями государства. Именно такой подход, как утверждает А.И. Земскова, позволит определить место и механизм реализации исследуемой функции государства в системе функций современного государства².

На сегодняшний день учеными предложено более десяти подходов к классификации функций государства. Автор сознательно не подвергает анализу отдельные критерии и соответствующие им функции государства, поскольку любая классификация может быть подвержена сомнению с точки зрения содержания, сущностных свойств приводимых в классификации функций, их обусловленностью/необусловленностью, социальным назначением государства и по иным причинам. По своей сути все указанные функции государства отражают актуализацию той или иной деятельности государства на определенном историческом этапе развития. В этой связи закономерно задать вопрос: «Какие функции государства являются системообразующими (обладают системообразующими свойствами)?» Такие функции, безусловно, должны быть, поскольку, как и в любой системе, в системе функций государства есть тот элемент,

¹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения: 05.02.2020).

² См.: Земскова А.И. Место и значение правозащитной функции государства в системе функций государства: вопросы классификации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С. 5–8.

то связующее звено, которое лежит в основе образования и функционирования всей системы.

В.С. Афанасьев, основываясь на системном подходе, выделил пять системообразующих (базовых, сущностных) «функций самого высокого уровня»:

- экономическая, заключающаяся в обеспечении развития экономики и экономической стабильности;
- обеспечения общественного порядка (правопорядка);
- социальная, которая заключается в обеспечении нормальных условий жизни населения;
- культурная, выполняющая задачу поддержания определенного культурного уровня развития общества;
- политическая, обеспечивающая контроль государства над всеми сферами жизни общества¹.

А.В. Ельцов обосновывает наличие двух системообразующих функций государства: правовой и политической. К такому выводу ученый приходит в контексте рассмотрения природы и сущности государства. Природа государства неизменна и обусловлена сущностью социальной организации в целом. По своей природе государство является правовым, поскольку обеспечивает установление, сохранение и воспроизводство единого в обществе правопорядка, а по своей сущности государство является политическим, так как имеет в своем арсенале право на легитимное принуждение «для решения политически-властных задач группы людей (класса), представляя собой некий механизм действия (воздействия) на общество»². Цель государства, по мнению ученого, состоит в устранении вызванных природой и сущностью государства противоречий, реализация которой выражается в осуществлении двух системообразующих функций – правовой и политической.

Вопрос относительно системообразующих функций государства, по мнению А.С. Палазяна, возможно решить, исходя

¹ См.: *Афанасьев В.С.* Функции государства: начала философско-системного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 54–58.

² *Ельцов А.В.* Природа и сущность государства как основания выделения системообразующих функций государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 4. С. 4.

из цели государства и в контексте понимания его природы. «При определении системообразующих функций государства надо исходить не только из первичности диалектики формы и содержания, но и из характера связи государства и права»¹, – отмечает А.С. Палазян. Задавая вопрос относительно возможного существования системообразующей функции, ученый предлагает в качестве таковой определить политическую функцию (формой выражения которой выступает правовая функция).

Существование любой системы начинается с момента ее создания или возникновения. Дальнейшее развитие систем строится на основе феномена интеграции, то есть объединения частей в целое. Процесс интеграции превращает сходные по свойствам элементы из суммативного множества в интегративные элементы, то есть в систему. Нас интересует момент образования системы функций государства.

Правоохранительная функция является перманентной, то есть осуществляемой государством на всех этапах своего развития. Причем, обеспечение безопасности – это та функция, которая осуществлялась как в обществе с догосударственной организацией, так и первыми формирующимися органами власти.

Процесс образования социальной системы невозможен без такого условия, как связь (интеграция) между элементами множества. «Коммуникативные действия» (Ю. Хабермас), «коммуникации» (Дж. Мид) или «интеракции» (Э. Дюркгейм) – исходные условия существования любой социальной системы².

В этой связи актуализируется вопрос относительно взаимодействия правоохранительной функции с другими функциями, образующими единое целое – систему. Д.В. Пожарский предлагает в качестве парной, имманентной функции рассмотреть созидательную функцию государства, тем самым определяя охранительную и созидательную деятельность «в качестве социального назначения государства, его исторической миссии и смысла. В данном случае охрана и созидание выступают

¹ Палазян А.С. Проблема определения системообразующих функций государства // История государства и права. 2007. № 14. С. 12.

² См.: Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.

смыслообразующими функциями государства, раскрывающими его природу и сущность на всем протяжении исторического развития»¹.

Поддерживая в целом данную позицию, автор предлагает дополнительно выделить политическую функцию государства в числе основных системообразующих функций.

На наш взгляд, вопрос определения системообразующей функции (функций) государства необходимо рассматривать с позиции определения сущности более сложной по своей структуре системы – государства. В данном аспекте понятия «сущность» и «природа», по нашему мнению, являются тождественными по отношению к государству. Сущность государства, по мнению В.Л. Кулапова, «это такое его свойство, которое отражает главное в явлении, его природу и назначение, те качественные характеристики, благодаря которым оно реализует социальную востребованность со стороны общества»². При этом ученый справедливо отмечает, что любой публичный интерес, по сути, является частным интересом какой-либо группы людей, организации или класса. Этим и обусловлена классовая борьба за власть, которая выступает важнейшим средством обеспечения организованности и порядка в любой социальной общности.

Роль государства сводится к обеспечению и сохранению баланса между различными классами, группами, политическими партиями, преследующими цель захватить и удержать власть. Данное обстоятельство определяет не только сущность и социальное назначение государства, но и его структуру.

В этой связи, как нам представляется, выделение политической функции является вполне обоснованным. Таким образом, осуществление трех функций государства, обусловленных его сущностью (природой) и социальным назначением: политической, правоохранительной и созидательной позволяет обеспечить безопасность, сохранить и преумножить уровень социального развития и обеспечить баланс интересов общества и правящего класса (группы, политической партии, монарха).

¹ *Пожарский Д.В.* Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. С. 212.

² *Кулапов В.Л.* Теория государства и права: учебник. Саратов, 2011. С. 74.

*Пешехонов Д.А.,
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской акаде-
мии МВД России*

**Перспектива реализации
депоозрительных норм права при проведении
служебных проверок в органах внутренних дел
Российской Федерации**

Проведение служебных проверок в отношении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации предусмотрено статьей 52 Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В органах внутренних дел Российской Федерации служебная проверка назначается уполномоченным руководителем в случае поступления к нему информации о возможном нарушении подчиненным ему сотрудником или группой сотрудников служебной дисциплины и законности. В настоящее время служебная проверка является основным средством комплексного рассмотрения обстоятельств совершения того или иного дисциплинарного проступка, установления вины сотрудника либо ее отсутствия, а также наличия необходимости применения к нему тех или иных мер дисциплинарного воздействия.

Существенную роль при формулировании выводов по итогам служебной проверки играет всесторонний анализ выявляемых в рамках служебной проверки причин и условий совершения сотрудником того или иного дисциплинарного проступка.

Особенностью проведения служебной проверки является то, что решение о применении к сотруднику той или иной меры дисциплинарного воздействия (в случае установления его вины) принимается не только на основании установленного факта нарушения, но и с учетом личностных и деловых качеств сотрудника, совершившего дисциплинарный проступок.

Только на основании полного спектра данных о правонарушении, его условиях и личности лица, совершившего дисциплинарный проступок, может быть сформулирован вывод о наличии признаков дисциплинарного правонарушения в действиях того или иного сотрудника и внесены предложения о привлечении его к тому или иному виду дисциплинарной ответственности. О необходимости всестороннего подхода к обстоятельствам правонарушения говорил известный ученый-правовед В.К. Бабаев, который выделял индивидуализацию правовой ответственности в качестве одного из основных принципов юридической ответственности. Он определял индивидуализацию как обусловленный нормами права и осуществляемый при возложении правовой ответственности всесторонний учет личности правонарушителя, особенностей совершенного им деяния, а также других обстоятельств объективного и субъективного порядка в целях справедливого разрешения дел об ответственности¹.

Обязанность сотрудника, проводящего служебную проверку, осуществить сбор таких документов и материалов предусмотрена пунктом 30.7 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России, утвержденного приказом МВД России от 26 марта 2013 года № 161².

Пользуясь отсутствием в нормативных правовых актах, регламентирующих проведение служебных проверок в подразделениях МВД России, определения исходного понятия «служебная проверка», мы можем предложить его условный вариант в следующем виде: служебная проверка – это проводимый по решению уполномоченного руководителя комплекс мероприятий, направленных на подтверждение факта совершения дисциплинарного проступка сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации, а также установление причин, условий, характера и обстоятельств

¹ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2003. С. 518; *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 12; *Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А.* Теория права и государства в схемах и определениях. Нижний Новгород, 1999. С. 86.

² Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 марта 2013 года № 161 // Российская газета. 2013. 14 июня.

проступка, оформляемый в установленный срок в виде письменного заключения и содержащий выводы о виновности либо невиновности сотрудника, а также указание на характер негативных юридических последствий, которые будут к нему применены.

Как видно из представленного нами определения рассматриваемой юридической нормы, в центре его «санкционной» части находится фраза «*характер негативных юридических последствий*». Несмотря на широкое и весьма всеобъемлющее первоначальное восприятие данной фразы, в действительности за ней скрывается довольно скудный перечень представленных в статье 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ мер дисциплинарного воздействия, которые могут быть применены к допустившему нарушение сотруднику. Такими мерами могут быть замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, перевод на нижестоящую должность в органах внутренних дел, увольнение со службы в органах внутренних дел¹. Дополнительные дисциплинарные воздействия предусмотрены в отношении курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, самой жесткой мерой является отчисление из образовательного учреждения.

В настоящее время служебная проверка в органах внутренних дел приобрела статус одного из самых распространенных инструментов реагирования руководства на допускаемые подчиненными сотрудниками нарушения служебной дисциплины и законности.

С каждым годом в территориальных органах МВД России количество проводимых служебных проверок неуклонно увеличивается. Нередки случаи, когда в ходе служебной проверки устанавливаются факты, требующие проведения в отношении сотрудников процессуальных проверок в порядке статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В подобных случаях соответствующие материалы направляются в органы Следственного комитета Российской Федерации.

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ // Российская газета. 2011. 7 декабря.

Анализируя причины, по которым количество проводимых служебных проверок является столь значительным, выделим ряд из них, которые первоочередным образом сказываются на необходимости столь масштабного использования данного инструмента.

Первой причиной является фактическое отсутствие в законодательстве, регламентирующем организацию и порядок прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, механизмов, являющихся полноценной альтернативой проведению служебной проверки. Безусловно, решение о применении к сотруднику мер дисциплинарного воздействия может быть принято и без заключения служебной проверки, на основании, например результатов совещания, в протоколе которого будет указание на применение мер дисциплинарного характера, но в данном случае многие существенные обстоятельства, имеющие значение для формулирования вывода о степени вины сотрудника, могут не получить отражения. Соответственно, несмотря на ряд преимуществ, основным из которых является сокращенный срок документального оформления выводов по тому или иному факту нарушения служебной дисциплины и законности, полноценной альтернативой служебной проверке такой способ считаться не может.

Второй причиной, объясняющей рост количества проводимых служебных проверок, является большое количество требующих соответствующего реагирования нарушений служебной дисциплины и законности, допускаемых сотрудниками органов внутренних дел. В результате сокращения штатной численности личного состава в ряде подразделений ОВД, наличия довольно существенной некомплектованности отдельных подразделений, расширения функций и, соответственно, обязанностей сотрудников, ряд направлений оперативно-служебной деятельности потерял в своем качестве. Определенное влияние на данное положение дел оказала также большая обновляемость личного состава, в результате чего, например, процессуальные решения в условиях дефицита времени принимаются сотрудниками, не имеющими для этого достаточного опыта, что на фоне дефицита высокопрофессиональных кадров, которые должны составлять основной процент от общего числа сотрудников, приводит к росту числа нарушений.

Большую роль в результативности работы органов внутренних дел играет также вынужденная необходимость назначения на руководящие должности сотрудников, не обладающих достаточным как профессиональным, так и жизненным опытом. Процесс их становления как руководителей является длительным, проходящим в условиях необходимости оперативного решения текущих служебных задач.

Следующая причина роста количества нарушений и, как следствие, проводимых по ним служебных проверок – возросшее количество актов прокурорского реагирования, которыми в большинстве случаев выступают представления органов прокуратуры об устранении нарушений закона (статья 24 Федерального закона Российской Федерации от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»)¹. Данная причина является следствием двух предыдущих. Представления прокуратурой вносятся практически по всем линиям работы – по линии безопасности дорожного движения, миграционной деятельности, учетно-регистрационной дисциплине, обеспечению режима секретности, нарушениям административного законодательства, нарушениям прав лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания, и т. п.

Существенное влияние на количество нарушений, выявляемых в действиях сотрудников ОВД, оказывает усилившийся контроль за их деятельностью со стороны вышестоящих территориальных органов внутренних дел. Большое количество проводимых проверок оперативно-служебной деятельности ОВД призвано вскрывать системные упущения в деятельности нижестоящих подразделений. Соответственно, по каждому выявленному нарушению назначается и проводится служебная проверка.

Еще одним фактором, который оказывает косвенное влияние на рост числа служебных проверок, является характерная для многих органов государственной власти бюрократизация. На разрешении у сотрудников органов внутренних дел находится значительное количество служебной документации, ведение которой

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 (ред. от 06.02.2020) // Российская газета. 1992. 18 февраля.

требует существенных временных затрат. На этом фоне не удивительно периодически допускаемые и впоследствии выявляемые просчеты, которые приводят к вынужденным мерам реагирования в виде назначения служебных проверок. Данная проблема продолжает оставаться актуальной, несмотря на то, что в настоящее время снизить высокий документооборот сотрудников ОВД призвана деятельность по переводу МВД на систему электронного документооборота.

Говоря про традиционно высокий документооборот, следует заметить, что он инерционно влияет на стремление руководителей назначать служебные проверки даже в тех случаях, когда вина сотрудника либо ее отсутствие очевидны, и без проведения проверки имеются все основания для формулирования того или иного вывода и принятия соответствующего решения.

Перечисленные выше причины значительного количества проводимых служебных проверок в органах внутренних дел разнородны, но в своей взаимосвязи приводят к наблюдаемому в настоящее время результату.

Проведение служебной проверки в отношении сотрудника органов внутренних дел при любом ее исходе несет важную профилактическую функцию.

Здесь подразумевается не только указание на необходимость проведения профилактических мероприятий, которое на основании пункта 30.13 приказа МВД России от 26 марта 2013 года № 161 может быть отражено проводящим проверку сотрудником в тексте заключения служебной проверки в целях устранения причин, способствовавших совершению сотрудником дисциплинарного проступка. Данную возможность скорее можно отнести к формализованному итогу служебной проверки. Мы же рассмотрим профилактическую составляющую служебной проверки, образующуюся не в результате сформулированных выводов по итогам ее проведения, а сопутствующую всем этапам ее проведения, начиная с момента ее назначения уполномоченным руководителем.

В качестве отправной точки начала профилактической функции служебной проверки мы не случайно выбрали этап, когда руководителем принимается соответствующее решение. Уже тогда у него могут появиться основания к изменению отношения к сотруднику

(естественно, с учетом тяжести совершенного им дисциплинарного проступка), что само по себе олицетворяет начало определенного профилактического процесса.

Ошутимое профилактическое воздействие, направленное на формирование у сотрудников стабильно правомерной линии поведения, призван играть сам факт объявления сотруднику информации о проведении в отношении него служебной проверки. Несмотря на то что в действующем законодательстве, регламентирующем проведение служебных проверок, факт информирования сотрудника об этом скорее является элементом формальной процедуры, он несет в себе довольно чувствительный эмоциональный смысл, побуждающий сотрудника к более внимательному отношению к своей служебной деятельности и исключению фактов проявления им деструктивного поведения. Вместе с тем, с учетом индивидуальных психологических особенностей отдельно взятого лица, данная информация способна стать не только причиной изменения вектора его поведения на стабильно позитивное, а напротив, породить у него негативную реакцию и стать причиной снижения требовательности к себе и, как следствие, привести к формализму при выполнении служебных обязанностей.

Существенное влияние на поведенческую реакцию сотрудника в данном случае будет оказывать также реакция его коллег по службе на факт проведения в отношении него служебной проверки. Она, как и личная реакция сотрудника, может существенно различаться. Поддержка коллег по службе способна оказать позитивное влияние на сотрудника. Напротив, равнодушная реакция сослуживцев и непосредственных руководителей может отрицательным образом сказаться на характере подхода сотрудника к текущим задачам оперативно-служебной деятельности.

Представленные выше примеры свидетельствуют о большом разнообразии профилактических аспектов, возникающих непосредственно в ходе служебной проверки и способных повлиять на поведенческую реакцию сотрудника и его подход к решению повседневных задач.

Не менее важными представляются и выводы, указанные в полагающей части служебной проверки.

Отмечая тот факт, что в настоящее время служебная проверка как инструмент установления факта и степени вины того или иного сотрудника в совершении дисциплинарного проступка получила весьма широкое распространение, обратим внимание на то, что ее неотмеченная в законодательстве, но от того не менее существенная, профилактическая роль постепенно нивелируется.

Значительное количество проводимых служебных проверок приводит к их будничному восприятию лицами, особенно часто фигурирующими в текстах заключений служебных проверок. Это не говорит о недостаточной дисциплинарной силе данного инструмента управленческого реагирования или необходимости его незамедлительной замены более действенными мероприятиями. Напротив, данный инструмент нам представляется вполне эффективным и актуальным. Вместе с тем, при изучении значительного количества материалов служебных проверок, проводимых в органах внутренних дел, обращает на себя внимание весьма ограниченный перечень возможных мер дисциплинарного воздействия, фактически применяемых к сотруднику.

Учитывая, что в подавляющем большинстве случаев в рамках служебной проверки факт нарушения сотрудником служебной дисциплины и законности находит подтверждение, большую важность приобретает проработка возможных путей расширения ресурсов данного инструмента в деятельности органов внутренних дел.

Изученные материалы служебных проверок демонстрируют нам, что в большинстве случаев при установлении факта вины сотрудников руководители прибегают к использованию предусмотренной пунктом 9 статьи 51 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ возможности наложения дисциплинарного взыскания в виде объявления замечания или выговора публично в устной форме. Данные решения, как правило, принимаются в тех ситуациях, когда сотрудник формально допустил то или иное нарушение служебной дисциплины и законности, но при этом степень негативных последствий от данного нарушения была минимальной. Объявление замечания или выговора публично в устной форме не оформляется приказом руководителя и, соответственно, фактических негативных последствий для сотрудника не имеет.

Намного более ощутимые негативные последствия будут иметь для сотрудника иные дисциплинарные взыскания. В частности, выговор, строгий выговор и предупреждение о неполном служебном соответствии влияют на срок присвоения очередного специального звания, предусмотренного по замещаемой должности сотрудника, у которого на момент присвоения ему очередного специального звания действующих дисциплинарных взысканий быть не должно. Объявление строгого выговора и предупреждение о неполном служебном соответствии лишает сотрудника возможности получения премии за добросовестное выполнение служебных обязанностей и, соответственно, ощутимо влияет на его материальное положение.

Степень негативных последствий от наложения дисциплинарного взыскания в виде перевода на нижестоящую должность в ОВД и увольнения со службы ОВД является очевидной и не нуждается в дополнительном описании.

Дефицит разнообразия мер дисциплинарного воздействия, которые могут быть применены к сотруднику органов внутренних дел, осложняет выполнение одной из основных задач МВД России при проведении работы по укреплению служебной дисциплины и законности, которой является достижение соразмерности дисциплинарных мер воздействия совершенному проступку, индивидуализации дисциплинарной ответственности с учетом особенностей личности сотрудника, его прежнего поведения¹.

В этой связи представляется необходимым обратить особое внимание на возможность совершенствования положений действующего законодательства, устанавливающего различные формы привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел.

Способствовать этому может внедрение в практику использования органами внутренних дел депоощрительных норм права в качестве альтернативных санкционных мер воздействия на сотрудников ОВД.

¹ См.: Система работы с личным составом органов внутренних дел: курс лекций / В.Н. Амельчакова, С.В. Косыгина, Н.П. Майоров, Ю.А. Потапов, А.А. Алексеев. Москва, 2012. С. 37.

Для установления возможности использования депоощрительных норм права следует обратиться к их основным признакам, содержащимся в предложенной нами версии определения понятия «депоощрительная норма права». Итак, по нашему мнению, депоощрительная норма права – это государственно-властное нормативное установление, направленное на принудительное превентивное (перспективное) и(или) ретроспективное воздействие на правонарушителя, совершившего несовместимое с примененной к нему ранее мерой поощрения деяние, выражающееся в уменьшении объема или лишении назначенных субъекту моральных или материальных благ с целью его побуждения к следованию приемлемой для общества и государства модели поведения¹.

Несмотря на ориентировочную и, возможно, требующую некоторой переработки версию данного определения, мы можем наблюдать, что такие признаки депоощрительных норм права, как закреплённость в нормативных правовых актах, негативный и властный характер, сущностная многозначность, превентивная направленность действия, ретроспективность вполне могут быть использованы при выработке дополнительных мер дисциплинарного воздействия на сотрудников органов внутренних дел.

Является очевидным, что существующие в настоящее время механизмы привлечения к ответственности виновных сотрудников практически полностью дублируют положения статьи 192 Трудового кодекса Российской Федерации и лишь в минимальной степени отражают особенности прохождения службы в ОВД.

Вместе с тем, специфика службы в органах внутренних дел обладает целым рядом характерных черт, несвойственных иным организациям. Данный потенциал использован в действующем законодательстве, регламентирующем порядок привлечения сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности, недостаточно полно. Слабое отражение ведомственной специфики органов внутренних дел подтверждается наличием ограниченного стандартного набора мер воздействия, характерных для милитаризованных организаций Российской Федерации.

¹ См.: *Пешехонов Д.А.* К вопросу об определении понятия «депоощрительная норма права» // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2017. № 2 (38). С. 146–151.

Следует оговориться, что рассмотрение возможных предложений именно на примере служебных проверок объясняется тем, что данный способ документального установления вины сотрудника либо ее отсутствия, на наш взгляд, является наиболее комплексным, в рамках которого дается оценка не только самому проступку (в случае подтверждения факта его совершения), но и личности сотрудника с учетом его заслуг, служебного пути, то есть его комплексной характеристики. Выработка путей совершенствования механизма реагирования руководителей ОВД на ставшие известными им факты нарушения служебной дисциплины и законности именно в рамках проведения служебной проверки будет вполне уместной, поскольку изначально сама по себе служебная проверка не преследует исключительно репрессивные задачи, а призвана установить обстоятельства события, ставшего поводом к ее назначению.

Итак, расширить потенциал служебных проверок как инструмента, призванного установить вину сотрудника и выступить источником предложения оптимальных мер негативного санкционного воздействия на него, можно за счет ряда инициатив, связанных с использованием депоощрительных норм права.

Одной из таких инициатив может стать отражение во вводной части заключения служебной проверки сведений не только о количестве имеющихся поощрений и взысканий у сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка, но и отражение подробной информации о действующих поощрениях с указанием их вида, оснований и срока назначения. Безусловно, это требует дополнительной аналитической работы, но, вместе с тем, данная информация позволит руководителю органа внутренних дел, утверждающему заключение служебной проверки, иметь более полное и объективное представление о сотруднике, а также позволит ему сформировать мнение относительно наличия перспективной возможности использования депоощрительных норм права.

Дополнить список возможных санкционных мер воздействия, применяемых к сотруднику, можно за счет установления возможности лишения его действующих поощрений. Данный инструмент в ряде случаев может быть вполне гуманным и станет альтернативой наложения на него дисциплинарного взыскания в виде, например

выговора, влияющего на срок присвоения сотруднику очередного специального звания.

Значительное количество служебных проверок, проводимых в отношении сотрудников органов внутренних дел, уполномоченных принимать процессуальные решения по уголовным делам и материалам доследственных проверок, приводит к появлению ситуаций, при которых у одного сотрудника может быть одновременно несколько действующих дисциплинарных взысканий. При наличии возможности использования депоощрительных норм права в качестве формы наказания в ряде случаев представлялось бы уместным принять решение об отмене действующего поощрения (при его наличии) вместо наложения на сотрудника очередного взыскания.

Целесообразным представляется рассмотрение вопроса о замене мер дисциплинарного воздействия в полагающейся части служебных проверок возможностью использования депоощрительных норм права и, в случае необходимости, применения мер дисциплинарного воздействия в отношении руководителя сотрудника, допустившего грубое нарушение служебной дисциплины. В настоящее время в ОВД сложилась устойчивая практика применения в подобных случаях к руководителю строгих мер дисциплинарного воздействия (от строгого выговора до увольнения со службы). При этом зачастую подобные меры воздействия применяются в отношении руководителей, характеризующихся исключительно положительно и не имевших фактической возможности предотвратить допущенное сотрудником нарушение. Наиболее красноречивым примером подобных фактов является совершение дорожно-транспортного происшествия в неслужебное время сотрудником, находящимся в состоянии алкогольного опьянения. По сложившейся практике в подобных случаях неизбежно применение мер дисциплинарного воздействия к его непосредственному руководителю, однако, на наш взгляд, в данном случае было бы уместным рассмотреть возможность применения к положительно характеризующемуся руководителю депоощрительных норм права в качестве наказания вместо, например, его перевода на нижестоящую должность в ОВД, однако в подобных случаях необходимо учитывать, что применение депоощрительных норм

права должно являться адекватной альтернативой строгому дисциплинарному взысканию. Так, не вполне уместным являлось бы решение о снятии изображения руководителя с доски почета федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в качестве альтернативы его увольнению со службы в органах внутренних дел за грубое нарушение служебной дисциплины, допущенное подчиненным сотрудником. В подобных случаях достойной альтернативой могло бы стать, например, решение о лишении руководителя ведомственной награды (наград). В данном случае подобное решение представляется более гуманным и справедливым.

Таким образом, использование депоощрительных норм права только тогда может являться уместным и оправданным, когда действующее поощрение сотрудника является актуальным, приносящим ему ощутимые материальные или моральные блага. В противном случае использование депоощрительных инструментов фактически является лишенным смысла.

Рассуждая о перспективной возможности применения депоощрительных норм права в качестве альтернативы видам наказания, изложенным в статье 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ, отметим, что депоощрительные нормы права должны быть образованы исходя из анализа представленных в статье того же закона мер поощрения.

Изучение представленных мер поощрения дает нам перспективную возможность применения депоощрительных норм права к сотрудникам ОВД, имеющим следующие поощрения:

- занесение фамилии сотрудника в книгу почета или на доску почета федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения;
- награждение ведомственными наградами;
- досрочное присвоение очередного специального звания;
- присвоение очередного специального звания на одну степень выше специального звания, предусмотренного по замещаемой должности в ОВД;
- награждение огнестрельным или холодным оружием.

Инициатива об отмене представленных видов поощрений теоретически может быть отражена в полагающей части заключения служебной проверки при наличии изначальной возможности

использования депоощрительных норм права в качестве одной из форм наказания сотрудника органов внутренних дел. Для этого необходима переработка положений статьи 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342, которую имеет смысл дополнить пунктом 1.1 следующего содержания:

«В качестве альтернативы дисциплинарным взысканиям, изложенным в пункте 1 настоящей статьи, в отношении сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации по решению уполномоченного руководителя могут быть применены депоощрительные нормы права, отменяющие, снижающие степень либо иницирующие отмену или снижение степени действующих мер поощрения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, изложенных в пунктах 5–9 статьи 48 настоящего Федерального закона».

Не стоит забывать при этом, что в определенных случаях решение об отмене некоторых видов поощрений (таких, например, как указанных в пунктах 6–9 части 1 статьи ФЗ № 342) может приниматься исключительно на уровне Министерства внутренних дел Российской Федерации. Соответственно, реализация данных депоощрительных норм права возможна только при детальной проработке последовательности исполнения принятого решения – от полагающейся части заключения служебной проверки, проведенной в территориальном органе внутренних дел, до согласования данного решения на уровне МВД России.

Введение предложенных нами механизмов по дополнению существующих норм законодательства, устанавливающих меры дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, в центре которых возможность использования депоощрительных норм права как альтернативы действующим в настоящее время инструментам дисциплинарного воздействия, способно обеспечить индивидуальный подход к каждому факту нарушения служебной дисциплины и законности, повысить вариативность санкционных выводов, содержащихся в заключении служебной проверки, а также увеличить степень объективности используемых мер воздействия в случае подтверждения факта совершения того или иного дисциплинарного проступка.

*Саидов Ф.З.,
адъюнкт адъюнктуры Академии управления
МВД России*

Международное сотрудничество Кыргызской Республики по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в рамках ООН

Всеобщая декларация прав человека¹ (далее – Декларация) является основой для документов, признанных человечеством, включая международные пакты по политическим, экономическим, гражданским и социальным правам. Идеи, взгляды, отраженные в Декларации, соответствуют мировоззрению и менталитету кыргызского народа. Провозглашенные идеи равноправия мужчин и женщин, призывы к соблюдению прав человека и свобод, независимо от языка, национальности и вероисповедания, содействуют укреплению взаимопонимания и дружелюбия между людьми, созвучны ценностям, которыми дорожили предки. Уважение достоинства личности, защита прав женщин и детей для государства имеет первостепенное значение². Кыргызская Республика в 1994 году присоединилась к Декларации. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина остается обязанностью государства. За последние десятилетия в разных частях земли появились организации, учреждения, деятельность которых противоречит правам человека. Кыргызстан выступает против разных политических и религиозных призывов, которые лишают жизни человека. Кыргызская Республика в настоящее время поддерживает совместные действия, направленные против экстремизма и терроризма. Декларация придает значение справедливости, гласности, прозрачности деятельности судов. Всеобщая декларация прав человека призывает к недопущению

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Российская газета. 1995. 5 апреля.

² Там же.

вседозволенности правоохранительных и судебных органов. Важным этапом для Кыргызской Республики в данном направлении стало присоединение государства к Конвенциям ООН и другим международным актам в области прав человека и принятие законов, отвечающих современным требованиям. 27 июня 2010 года на референдуме (всенародном голосовании) была принята Конституция Кыргызской Республики, которая содержит перечень прав и свобод человека и гражданина, отвечающих требованиям и реалиям современного мира, выражающих необходимые условия для жизнедеятельности человека¹. В настоящее время Кыргызская Республика активно ведет деятельность в области прав человека на международной арене. Кыргызская Республика ратифицировала 8 из 9 международных норм по правам человека. 7 февраля 2019 года депутаты парламента приняли и рассмотрели проект закона «О ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов»². Обеспечение прав и свобод человека является одним из показателей стабильности современного общества. А верховенство права показывает, что законодательные акты не противоречат основному закону, что вся деятельность публичной власти направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина.

20 декабря 1993 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию «Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека», в которой предложило основывать национальные правозащитные учреждения. В приложении к Резолюции отражены принципы деятельности национальных учреждений под названием Парижские принципы. Парижские принципы представляют собой нормы международных стандартов, согласно которым можно оценить независимость, надежность, эффективность деятельности национальных правозащитных учреждений. Согласно требованиям Парижских принципов правозащитные учреждения должны быть независимы, обладать ресурсами

¹ См.: Толстик В.А., Трусов Н.А. Референдум как инструмент демократизации правотворчества // Юридическая техника: Ежегодник. 2014. № 8. С. 450–457.

² Проект Закона Кыргызской Республики «О ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов», принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 13 декабря 2006 года и подписанной 21 сентября 2011 года.

для эффективного функционирования, сотрудничать с государственными органами и международными организациями. Согласно требованиям Парижских принципов порядок пользования ресурсами правозащитными учреждениями контролируется правительством, такая регулировка не должна влиять на функционирование учреждения и выполнять обязанности независимо, добиваться аккредитации через Международный координационный комитет (далее – Комитет). Аккредитация – это официальное признание того, что правозащитные учреждения соответствуют требованиям Парижских принципов и продолжают в полной мере соблюдать эти требования. В настоящее время согласно требованиям Парижских принципов существует три уровня аккредитации¹:

- «А» – член Комитета, обладающий правом голоса. Статусом «А» аккредитованы 79 правозащитных учреждений, которые полностью соответствуют требованиям;

- «В» – член Комитета, являющийся наблюдателем, который еще не представил достаточную информацию. Статусом «В» аккредитованы 33 правозащитных учреждения, которые не полностью соответствуют требованиям;

- «С» – не является членом Комитета. Статусом «С» аккредитованы 10 правозащитных учреждений, которые не соответствуют требованиям.

Омбудсмен Кыргызской Республики аккредитован в 2012 году со статусом – «В». Главной причиной, что Кыргызская Республика считается государством с неполным соответствием требованиям и правилам, является то, что своевременно не предоставляются сведения по нарушениям прав человека. Омбудсмен Кыргызской Республики – это конституционный орган, осуществляющий парламентский контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, является главным элементом правозащитной системы, оказывает содействие по обеспечению соответствия национального и международного законодательства в области прав человека, оказывая парламенту, правительству, судебным органам поддержку

¹ Подкомитет по аккредитации Международного координационного комитета, замечания общего порядка, п. 2.10.

в применении норм, осуществляет мониторинг, решает важные задачи в области прав человека¹.

Требования и правила, предъявляемые международными актами в области прав человека, следуют из принципа международного права *pacta sunt servanda* – договоры должны быть исполнены². Согласно этому принципу государство-участник принимает обязательства, а договорный орган наделяется правами и обязанностями по наблюдению за выполнением государством требований. Отмечая вышесказанное, государство должно выполнять требования и правила, отраженные в международных нормах. Комитетом ООН по правам человека за 2019 год в отношении Кыргызской Республики вынесено 24 заключения. Проанализировав заключения Комитета ООН, можно сделать вывод о том, что 1/3 часть заключений свидетельствует о применении незаконных задержаний и пыток правоохранительными органами, а также нарушениях основополагающих принципов правосудия и отсутствия доступа граждан к несудебным средствам защиты³.

Исходя из вышеуказанного в настоящее время государством проводится судебная реформа по обеспечению прав человека на справедливое и достойное правосудие на основе верховенства права в соответствии с международными нормами. В результате реформы были приняты Административно-процессуальный кодекс, Гражданско-процессуальный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс, Уголовно-исполнительный кодекс, Кодекс о проступках, Кодекс о нарушениях, Закон Кыргызской Республики «О статусе судебных исполнителей и об исполнительном производстве», Закон Кыргызской Республики «Об основах амнистии», которые вступили в силу с 1 января 2019 года.

¹ Об Омбудсмене (Акыйкатчы): закон Кыргызской Республики от 31 июля 2002 года № 136 // Нормативные акты Кыргызской Республики. 2002. № 17.

² Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года статья 26.

³ Ежегодный отчет Омбудсмена Кыргызской Республики за 2018 г.

ВОСПОМИНАНИЯ. СТИХИ

Власенко Н.А.,

*доктор юридических наук, профессор, профессор
Российского университета дружбы народов*

Воспоминания о В.К. Бабаеве (человеке, ученом, организаторе)

Судьба В.К. Бабаева тесно связана со Свердловским юридическим институтом. В советское время исторически сложилось так, что в ряде регионов работали и процветали мощные региональные юридические образовательные учреждения.

Подчеркиваю, что Москву в расчет не беру. К региональным центрам можно было отнести Свердловский юридический институт (впоследствии имени Р.А. Руденко – известного советского деятеля, прокурора СССР), Саратовский юридический институт и Харьковский юридический институт. Молодежь стремилась в эти вузы, считалось престижным закончить и получить диплом специалиста, например Свердловского юридического института. Выпускников охотно брали на практическую работу – в органы следствия, прокуратуру, суды и т. д. Прельщало и то, что образование в этих вузах уже тогда строилось дифференцированно, т. е. специализация была достаточно жесткой, и выпускники, закончившие такие факультеты, обладали соответствующими знаниями и навыками. Учебные программы, скажем, факультетов прокуратуры и хозяйственно-правового отличались достаточно значительно.

В эти мощные и с позиции развития юридической науки вузы стремились аспиранты и соискатели, тем более, что существовал государственный план подготовки специалистов, получивших ученую степень. Такие выпускники прежде всего нужны были для преподавательской работы на юридических факультетах в государственных университетах и институтах. В этой связи судьбы и В.К. Бабаева, и моя, и многих других выпускников, окончивших

юридические факультеты и устремившихся продолжить юридическое образование в очной аспирантуре, были схожи. Владимир Константинович поступил в аспирантуру в 1966 году, я намного позже – в 1979, однако с точки зрения техники поступления, специфики получения аспирантского образования требования были одинаковы. Главное, пожалуй, не в этом; мы были полны желания стать учеными, что-то сделать в науке.

И здесь надо заметить достаточно важное – наука невозможна без лидера, в моем понимании – человека, хорошо знающего свой предмет, способного видеть и вычленять научные проблемы, конечно, организатора и учебного процесса, и научной деятельности. В начале 60-х годов прошлого века старейшую кафедру теории государства и права возглавил, не побоюсь сказать, великий человек – Сергей Сергеевич Алексеев, профессор, доктор юридических наук, фронтовик и, что важно, на мой взгляд, специалист в сфере гражданского права¹. Надо помнить, теория права во многом обязана цивилистике, а поэтому усиление кафедры теории государства и права в смысле назначения заведующим цивилиста было крайне продуктивным решением ректората. Я уже не говорю о такой важной вещи, как необходимость специализации знаний в области теории государства и права, методике их преподавания и другом, что произошло с приходом С.С. Алексеева.

В.К. Бабаеву, как и всем аспирантам кафедры 60-, 70- и начала 80-х годов повезло. В чем? С.С. Алексеев был признанным лидером и авторитетом в науке, его уважали и ценили. Сергей Сергеевич обладал способностью выстраивать дружеские, творческие отношения между кафедрами, включая аспирантов.

Однако надо сказать, что научные достижения молодых ученых, повышение их квалификации – это заслуга не только руководства кафедры и научного руководителя, грамотно строящего работу над диссертацией, но и ближайшего окружения – коллег-аспирантов. В те годы учеба в аспирантуре представляла собой и личные отношения между обучающимися, в основе которых были дружба, взаимопомощь и поддержка. С другой стороны, надо

¹ См.: Свердловский юридический институт. 1931–1981 / под ред. Д.Д. Остапенко. Москва, 1981. С. 79–82.

иметь в виду, что аспирантские потоки были небольшие, так называемого коммерческого набора не было. В аспирантуру поступали в подавляющем большинстве по призванию. Те, кого судьба «заносила» по каким-то другим причинам, такой нагрузки, как правило, не выдерживали. Речь идет о написании самой диссертации, которая предполагала самостоятельность, качество и целостность. Аспирантские товарищи В.К. Бабаева – такие же творческие люди, как и он, сделали в науке многое. Речь идет о В.Д. Перевалове, Р.К. Русинове, а также уже ушедших В.И. Леушине, Н.А. Пьянове, В.П. Реутове и др. Мне трудно назвать всех, с кем дружен был Владимир Константинович, несомненно, этот круг был значительно шире, ибо достаточно хоть немного знать его – общителен, неутомимый рассказчик, любил анекдоты и не только любил, но и умел их рассказывать. А главная черта В.К. Бабаева как человека – внимательное, доброе отношение к людям. Если ему кто-то был не симпатичен или какая-то его черта, например жадность, он просто молчал и никак не комментировал поступок коллеги.

Мне довелось познакомиться с Владимиром Константиновичем в свои аспирантские годы. Тогда он уже работал в Горьковской высшей школе МВД СССР, был заведующим кафедрой, затем заместителем начальника по научной работе. В Свердловске (ныне Екатеринбург) он был нередким гостем. Сергей Сергеевич Алексеев относился к нему с уважением и с какой-то отеческой заботой. Я видел, как они общались. С.С. Алексеев интересовался, над чем работает В.К. Бабаев, и пр. Заведующий кафедрой поддерживал творческие начинания Владимира Константиновича.

В.К. Бабаев интересно выступал – выразительно, где-то с юмором, а проблемы, которые он ставил, в большинстве случаев лежали в плоскости позитивистской теории права, по существу творчески развиваемой С.С. Алексеевым. Как-то с Владимиром Константиновичем мы выступали оппонентами по кандидатской диссертации С.И. Архипова. До защиты и в перерывах мы разговаривали. Он достаточно позитивно отнесся к моей диссертации «Коллизионные нормы в советском праве», сказав, что это фрагмент очень большой проблемы логики права. Во многом он был прав, особенно, что касается абстрактных коллизий и пр. В 1991 году у Владимира Константиновича вышла книга «Теория

современного советского права. Фрагменты лекций и схемы»¹; мне она очень понравилась – это было, строго говоря, аналитическое видение современного развития теоретических основ права. Я изъявил желание подготовить рецензию, В.К. Бабаев инициативу поддержал, никаких пожеланий при этом не высказал. Рецензия появилась в престижном тогда журнале «Правоведение»². Владимир Константинович поблагодарил меня и, как всегда, пошутил, сказав, что рецензия лучше книги.

Научная карьера В.К. Бабаева складывалась не всегда гладко. Стоит рассказать историю, связанную с его монографией «Советское право как логическая система» (Н. Новгород, 1978). Во внимание нужно принять следующее. Тема моей диссертации, как я уже отмечал, была связана с противоречиями в праве, коллизиями правовых норм, коллизионными правилами и др. В это время выходит в свет указанное издание и, конечно, я должен был его прочитать, использовать при написании диссертации. Книги в библиотеке Свердловского юридического института не оказалось. Как выяснилось, был один экземпляр и тот на руках. Что делать? Монография вышла в свет в ведомственном издательстве (МВД СССР), а поэтому искать ее в библиотеках Екатеринбурга было бесполезно, и я это понимал, однако мне подсказали, что В.К. Бабаев прислал профессуре кафедры по экземпляру. Я пришел к А.Ф. Черданцеву, он тогда работал деканом вечернего отделения, и сказал, что разыскиваю работу В.К. Бабаева. Он посетовал и нейтральным голосом сказал, что эту книгу советует прочитать тогда, когда будет закончена работа над диссертацией, но после этого найти и прочитать книгу захотелось пуще прежнего.

И опять случай. На другой день я приехал на кафедру. С.С. Алексеев был один и, как всегда, задумчив, восседал на своем кресле-стуле за большим столом. Возможно, из вежливости, он спросил: как дела? Я ответил, что все ничего, но вот только книгу Бабаева найти не могу. Черданцев не дает и читать не рекомендует. Алексеев

¹ См.: *Бабаев В.К.* Теория современного советского права. Фрагменты лекций и схемы. Нижний Новгород, 1991.

² См.: *Власенко Н.А.* Рецензия на книгу В.К. Бабаева. Теория современного советского права. Фрагменты лекций и схемы. Нижний Новгород, 1991 // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 2. С. 116–118.

несколько изумился, заулыбался и сказал – передай Александру Федоровичу, если он не даст этой книги, то я сам привезу ее тебе. Я поехал к А.Ф. Черданцеву и передал наш разговор с С.С. Алексеевым. Наверное, я был наивен, да только уж очень хотелось прочитать монографию. Об этом я пишу совершенно искренне. А.Ф. Черданцев не обиделся, даже заулыбался и сказал: «Ладно, завтра приезжай – книгу принесу». Я приехал, книгу забрал. Только переступил порог общежития, сразу сел за текст и был поражен двумя вещами: рассуждениями автора В.К. Бабаева и больше – пометками А.Ф. Черданцева, который прочитал книгу с карандашом в руке и с такой тщательностью, с какой сейчас, наверное, ученые книг не читают. По существу, без внимания не были оставлены ни одна мысль, ни одно предложение. Мне стало ясно – А.Ф. Черданцев видит роль логики только в мышлении; право есть нормы, правила, и здесь применение логических формул не всегда бесспорно. Уже потом, с позиции времени, я стал понимать, что А.Ф. Черданцев был во многом прав, но был прав и В.К. Бабаев, полагая, что, например, непротиворечивость права есть проявление логического закона непротиворечия. Иначе говоря, некая «оторванность», основанная на обобщении, свойственная позитивизму, всегда позволяла вывести право на подлинно научный уровень. Именно это глубоко понимал В.К. Бабаев, когда характеризовал право как логическую систему. Здесь отчетливо видна роль «связей», элементов «сцепления» частей и частиц материи права, позволяющих обнаружить в явлении права что-то глубинное и основательное. Книгу В.К. Бабаева я активно использовал при написании диссертации.

Когда я завершал докторскую диссертацию и в предшествующей ей книге «Язык права» обосновывал положение о том, что закон достаточного основания – средство правотворческой деятельности¹, в разговоре со мной А.Ф. Черданцев это положение не поддержал. Думаю, А.Ф. Черданцев остался при своем мнении о роли логики в познании права, о чем он отмечает во многих своих работах². Впоследствии А.Ф. Черданцев не поддержал и докторскую Владимира Константиновича, хотя потом

¹ Власенко Н.А. Язык права: монография / репр. изд. Москва, 2018. С. 151–153.

² См., например: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург. 1993. С. 20–33; и др.

(это уже по слухам) свою точку зрения изменил, научный конфликт был исчерпан.

В.К. Бабаев был человеком занятым, помимо руководства весьма непростым учебным заведением, он еще нес немало обязанностей, как говорят, по разным линиям – мэрии Нижнего Новгорода, Министерства внутренних дел России, областного законодательного органа и т. д. Когда он успевал все это выполнять, сказать сложно, однако народная мудрость на этот вопрос ответила давно – кто везет, на том и везут, примерно так.

В этой связи вспоминаю такой случай. В начале «нулевых» я работал проректором в Российской академии правосудия. Это были первые шаги в становлении нового учебного заведения. В конце 90-х и начале «нулевых» еще во многое верилось – и в политике, и в экономике, и в социальном обеспечении и др. Верилось и в то, что специализированное учебное заведение станет для судебной системы кузницей кадров, центром специальных научных исследований и т. д. Что-то, конечно, удалось сделать, но очень немного. В ряде регионов России были созданы филиалы данного учебного заведения, в том числе и в Нижнем Новгороде. Местные органы власти не спешили дать «добро» на работу филиала, мотивация достаточно простая – слишком много учебных заведений и филиалов в Нижнем Новгороде. Я позвонил В.К. Бабаеву, попросил его помочь, он тогда был председателем совета по образованию в этом городе. Каково же было мое удивление – в скором времени все решения были приняты, и филиал успешно заработал. Владимир Константинович позвонил и пожелал успехов Российской академии правосудия, правда, немного обиделся, что руководство нижегородского филиала ему не позвонило и слов благодарности он не услышал. Я извинился, как говорится, за всех, поблагодарил его за помощь в преодолении бюрократических барьеров.

В последние годы жизни В.К. Бабаев возглавлял Нижегородскую правовую академию. И опять судьба нас тесно свела. Министерство образования и науки России включило меня в комиссию по аттестации данного вуза. Я приехал, Владимир Константинович тепло встретил. Учебное заведение было построено образцово – аудитории светлые и красивые, оборудование по последнему слову техники, богатая библиотека. Я спросил: «Откуда столько

книг, причем редких?» Владимир Константинович ответил, что часть из его библиотеки, и добавил – куда мне теперь, время идет, пусть останется молодежи. Когда все формальности закончились, Бабаев пригласил меня к себе домой на борщ, добавив при этом, что это не просто борщ, а фирменный, какой готовит только его супруга. Мы поехали. Борщ, действительно, был классный; потом он пригласил меня на свою дачу. Я слышал, что это уникальное место – там и утки, и гуси, и куры, и многое другое, но я ответил, что вечером поезд в Москву, там дел невпроворот, а сейчас хотел бы поехать в художественный музей на выставку картин Кустодиева. Выставка была уникальная, посвящена юбилею художника. Картины были собраны со всего мира. Тогда, видимо, это можно было сделать, не было таких политических амбиций – это мы, а это они. В.К. Бабаев отнесся к моему решению с уважением, настаивать на приглашении не стал. Мы расстались, и не думал я тогда, что это последняя встреча. Я уехал в музей, Владимир Константинович – на дачу. Шел сильный снег.

Больше с Владимиром Константиновичем мы не виделись. Как-то я позвонил, справился о здоровье, он сказал, что все врачи одинаковы – что в России, что в Израиле и т. д. Вскоре его не стало... Вечная ему память.

Карташов В.Н.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

Слово о друге, ученом, учителе и просто замечательном человеке Владимире Константиновиче Бабаеве

Я никогда не хожу на похороны. Мне хочется, чтобы в моей памяти дорогой мне человек остался. На улице, вокзале, в любой толпе вижу его фигуру или плешь на голове, загадочную улыбку. Он живет во мне. Является alter ego, поэтому я не думаю, не говорю

и не пишу, что его нет. Владимир Константинович Бабаев всегда есть и будет со мной и, думаю, со всеми, кому он дорог и кто его любит. Приятный собеседник и преданный друг, крупный ученый и организатор науки, честный и порядочный даже в мелочах человек, временами застенчивый и хулиганистый, неиссякаемый источник анекдотов и житейских историй, мудрый и обаятельный, надежный тыл для семьи и близких ему людей, абсолютно беззащитный перед внуками.

Ребята! Владимир Константинович всегда с нами. Он немного устал и отошел от дел. Берегите его покой и помните, какой огромный вклад он внес в подготовку кадров. Только по линии нашей кафедры более 50 аспирантов и соискателей защитили свои научные работы на заседаниях диссертационного совета Нижегородской академии МВД России. Низкий поклон и огромное спасибо Владимиру Константиновичу за это как председателю совета, научному руководителю адъюнктов и аспирантов, наставнику молодых ученых и преподавателей, настоящему учителю!

Нам было приятно общаться друг с другом. Мы постоянно встречались не только в Нижнем Новгороде, но и в Москве, Ярославле, Санкт-Петербурге, Казани и других городах, населенных и ненаселенных пунктах. Именно в Казани после выступления официальными оппонентами у аспиранта Ф.Н. Фаткуллина 2 июля 1985 года мы всю ночь просидели у Владимира Константиновича в гостинице, где вели долгую дружескую беседу за рюмкой чая (горбачевская безалкогольная кампания в Татарстане набирала уже обороты).

Для меня эта ночь закончилась ужасно. Владимир Константинович часам к 5 утра дал мне весьма исчерпывающую характеристику, суть которой сводилась к тому, что я лодырь и неспособен к серьезной научной деятельности. В конечном счете мы заключили пари: начиная с сентября 1985 года я ежегодно должен был публиковать энное количество работ, в 1989 году издать солидную монографию, подготовить докторскую диссертацию и автореферат, а Владимир Константинович, в свою очередь, взял на себя обязательство выступить в 1990 году первым официальным оппонентом в ВНИИСЗ (по меткому выражению Альберта Семеновича Пиголкина – «в расстрельном докторском совете»).

В случае нарушения условий пари, проигравший выставлял два ящика коньяка.

Только после купания утром в Волге я понял, что попал в кабалу. К осени чувство рабства стало усиливаться, но Владимир Константинович постоянно напоминал мне про «халявный» коньяк. Слаб и силен человек в подобной ситуации. Одним словом – пришлось генералу проставиться.

А сколько было теплых встреч, душевных бесед, юморных казусов. Например, проходит в Нижнем Новгороде очередная международная конференция в две сотни человек. Вечером банкет. Генерал в числе организаторов этого мероприятия, но не собирается приезжать ввиду сверхзанятости. Меня назначают тамадой, и я весь день по списку готовлю очередность выступающих, учитывая особенности их занятий, хобби, личные качества. С учетом этих и иных данных перед каждой фамилией пишу небольшой стишок, чтобы дать человеку специфическую характеристику перед его выступлением.

Начинается вечерний ужин, входит Владимир Константинович, которого у меня в списке нет, а значит, и нет стишка, эпиграммы, какой-то «заготовочки». Профессор В.М. Баранов представляет присутствующим Владимира Константиновича, называет основные его звания, вклад в науку и руководство вузом, в частности, напоминает, что Владимир Константинович является действительным членом такой-то академии, такой-то академии etc., etc., etc.

Микрофон после этого передается мне для исполнения обязанности тамады. «Заготовки» для представления Владимира Константиновича у меня, естественно, нет. Я в ужасе и, как обычно, выручает внутренний голос. Обращаюсь к профессору с вопросом: «Владимир Константинович! Объясните присутствующим, почему крупный рогатый скот считают по рогам, а таких крупных ученых, как Вы, по членам?» Генерал не выдерживает моей наглости и от какого-то внутреннего возбуждения, пытаюсь сдержать смех, потихонечку сползает со стула и из-под скатерти показывает мне кулак. Пронесло... Банкет начинается на «высокой ноте».

В заключение хочу отметить, что таких анекдотических казусов при общении с Владимиром Константиновичем было бесчисленное множество.

**Дорогой
Владимир Константинович!**

Я тоже вроде стал старик,
Но в целом, чую, не поник!
Возможно, и не самый лучший
Вулкан горячий, не потухший!

Стихи корпоративные, то есть посвящаются твоим и, надеюсь, моим друзьям (В.Н. Баранову, В.В. Лазареву, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирову и др.). Кроме того, корпоративность заключается в том, что кое-что я своровал у другого поэта (у них это принято, ему не жалко).

Старик

Душою молод
И не одряхлел.
Я не сомлел
В амбициях научных.
Все так же прост
И тот же пост,
И у студентов
Вроде как подручный.
Я много видел.
Стал уже старик.
За долгую,
Нелегкую дорогу
За семьдесят –
Ко многому привык...
Теперь вот отвыкаю
Понемногу.
Мне жизнь, по правде,
И не удалась.

Погибла дочь,
Настала тьма глухая.
Жена из дома
К внучке подалась,
Остались я
И кошка золотая.
Мы с ней
И в радости, и в горе
Поддерживали
Счастье, не тая,
А нам обоим
Так хотелось к морю,
В деревню, в лес,
Где молодость моя.
Но нет голубки
Уж три года,
Котятки тоже
Со мной нет.
И плачет потому природа,
Что некому
Скормить котлет.
И сердце рвет
Опять на части
Мое сиротское ненастье.
Гляжу ночами
В полутьму
Я до утра,
Почти уж восемь,
И память снова
В прошлое уносит
И возвращает молодость мою.
Вот я иду
По выбитой стерне,
Любуюсь солнышком
И каждой милой птахой,
Блаженно чувствуя,

Как по спине
Крутые мышцы
Ходят под рубахой.
Вот женщину
Несу я на руках
И кажется,
Что меж землей и небом
Она ко мне
Склонилась в облаках,
Вся пахнувшая
Ягодой и хлебом.
Вот озеро...
Она идет по дну,
Счастливая,
Стыдливая,
Нагая,
Сосками бережно
Отодвигая
Трепещущую
Возле них волну.
Кругами разбегается вода,
И, как круги,
Мелькают дни и годы...
Но сквозь печали,
Через все невзгоды
Она сейчас
Спешит ко мне сюда.
Она идет, –
И озаренный лик
Ее любовь с собою
Вновь приносит!
Да, это счастья миг
И он неповторим,
Над временем
Любимых нас
Возносит!

Кравченко Ю.М.,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры правового обеспечения националь-
ной безопасности Нижегородского инсти-
тута управления РАНХиГС (первый выпуск
ГВШ МВД СССР)*

Воспоминания ученика и соратника (коллеги)

Многие годы пытался написать эти краткие воспоминания, но, как всегда, не хватало времени, и вот появился серьезный предлог. Мне представляется важным объективно показать уникальную личность этого замечательного человека в трех ипостасях.

Кто он, Владимир Константинович Бабаев? Каким остался в моей памяти этот незаурядный человек, возглавлявший Нижегородскую академию МВД России (в прошлом ГВШ, НВШ, НЮИ МВД) более 15 лет?

На первый взгляд кажется все просто: доцент, профессор, начальник кафедры, заместитель начальника по научной работе, начальник академии, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный гражданин Нижегородской области и, наконец, генерал-майор милиции.

Как рано он ушел из жизни земной! Что оставил после себя?

Но вот что интересно и примечательно – вокруг нас множество достойных людей уходят из жизни, и память о них сохраняется порой неоднозначная. Иногда говорят так: «Да, был такой человек, жил, творил, вполне положительный, добрый и прочее».

Здесь случай особый. Год от года интерес к личности Владимира Константиновича Бабаева и его научному наследию не угасает, а, напротив, возрастает, видимо, потому, что масштабы этой личности и его творческих дел так велики, что его деятельность во всех сферах очень востребована для настоящей молодежи да и для более старшего поколения.

Воспоминания о нем учеников, коллег, ветеранов нашей академии, работавших с Владимиром Константиновичем, самые разнообразные и, что характерно, всегда исключительно позитивные.

Это была (жаль, что в прошедшем времени) очень многогранная и талантливая личность во всех проявлениях: в науке, в семье, в умении управлять и грамотно решать проблемные вопросы вверенной ему академии.

Начав службу в ГВШ МВД СССР в августе 1972 года в должности начальника кафедры государственно-правовых дисциплин, он сразу же стал лучшим лектором и преподавателем фундаментальной для юриспруденции дисциплины – теории государства и права.

Вместе с тем, при первых встречах с Владимиром Константиновичем (а мы обращались к нему – товарищ капитан), при личном общении казалось, что он внешне несколько простоват, чего-то в нем не хватало. Ведь предполагалось увидеть чопорного ученого в строгом (еще будучи без специального звания) костюме и галстук. Так мы раньше представляли себе крупных ученых, будучи первыми слушателями ГВШ МВД СССР в 1972 году, а он был как-то слишком прост, не чувствовалось в нем ничего высокомерного. До этой встречи приходилось видеть других представителей профессуры и других значимых людей, нередко самовлюбленных, самодовольных и высокомерных. Владимир Константинович совершенно им антипод. Невысокого роста, коренастый, внешне совершенно обыкновенный. Одет более чем скромно, голос негромкий, спокойный, но как красиво говорил, я бы сказал он «пел» лекции, это всегда было логично и последовательно.

Преподавая сложнейшую юридическую дисциплину, он удивительным образом излагал основные понятия, тезисы очень просто и доступно, четко и абсолютно всем понятно (учитывая, что в аудитории находились слушатели более 24 национальностей). И все присутствующие заворожено слушали и понимали, о чем говорит лектор.

Давно отмечено, что не всегда важно, что говорят, но всегда важно как говорят. Вот в этом у Владимира Константиновича был талант от Бога.

Первый раз я слышал, как о сложнейших вопросах государственного устройства и о праве можно говорить так доходчиво и просто. Он не пытался сочинить красивые фразы, а выражал каждое слово, мысль изумительно легко, обнажая точный смысл сказанного. Посещаемость его лекций была стопроцентной.

Он постоянно работал как в научном аспекте, так и в учебно-методическом направлении. Готовил и писал статьи, монографии, книги. О его научных достижениях можно говорить много, но достаточно ограничиться только одним. До сего времени студенты юридических вузов считают одним из лучших учебник по теории государства и права, изданный под редакцией Владимира Константиновича.

Возглавляя академию, сложнейшую научно-педагогическую организацию, он продолжал растить и воспитывать молодых и талантливых людей. Для многих ныне маститых ученых-правоведов он был научным руководителем и вывел их в мир науки. Он воспитал десятки кандидатов наук, немало докторов наук. Все они бесконечно благодарны за его доброту, тепло, знания, терпимость и любовь к людям и к науке.

Владимир Константинович Бабаев в своей руководящей деятельности одним из приоритетных направлений работы считал приобщение курсантов, слушателей, всего личного состава к миру культуры и искусства. Проводились интересные творческие встречи с известными артистами нашего времени М. Магомаевым, И. Кобзоном, А. Папановым, В. Санаевым, Е. Леоновым и многими другими представителями отечественной культуры.

В результате многогранной созидательной деятельности Владимира Константиновича возглавляемая им академия вошла в число лучших учебных заведений МВД России. Многие молодые люди считали за честь учиться именно здесь. И совершенно не случайно, что немало видных руководителей в системе МВД России вышли из этих добрых стен.

Полковник милиции Иван Иванович Русаков, много лет общался с Владимиром Константиновичем и выезжая с ним в служебные командировки в Москву и другие города, отмечал, что к нему постоянно приходили видные ученые, члены Конституционного Суда России, руководители главных управлений МВД. Все они с глубоким уважением относились к нему. Встречи проходили непринужденно, по-деловому, по-дружески. Обсуждали самые разные и сложные проблемы.

Владимир Константинович постоянно общался с курсантами и слушателями, их родителями и с любыми сотрудниками академии. Был абсолютно доступным для всех. Он мог пригласить

к себе в гости на квартиру или на дачу и нередко это делал. Был, как говорят, душой компании, знал множество притчей, анекдотов, умело и красиво их рассказывал. Обладал тонким чувством юмора, ничто человеческое ему было не чуждо. Он иногда говорил: «генерал – это не просто высокое звание – это новое состояние души». Причем говорил это с иронией, так как сам высокомерием никогда не страдал.

Запомнилась еще одна его фраза: «достойных и умных людей много, а должностей для них мало». Вот он и исходил из этого высказывания всю свою достойную жизнь.

Следует отметить еще несколько его качеств – скромность и трудолюбие. Он очень любил мастерить что-либо по дому или по даче. Копал грядки, сажал деревья, кустарники, получал хорошие урожаи, сам это пробовал и угощал других.

Вспоминается такой случай. Владимир Константинович проживал в девятиэтажном доме, и однажды он решил навести порядок в своем подъезде. В то время, когда он красил перила и стены, мимо проходил человек в нетрезвом состоянии, который произнес: «Давай, мужик, крась, может на бутылку заработаешь». Выпивоха даже представить не мог, что этот мужик – доктор наук, профессор, почетный гражданин города Нижнего Новгорода и, наконец, генерал-майор милиции.

Необходимо отметить его отношение к спорту, к здоровому образу жизни: зимой – постоянно лыжи и спортзал; летом – плавание и волейбол.

И еще очень важно. Он был прекрасным мужем и отцом, заботливым, требовательным и добрым.

Вот такой наш дорогой, незабвенный Владимир Константинович Бабаев! Он был с нами и остается таковым – руководитель, наставник, учитель. Личным примером учил нас, как жить правильно и достойно. Все, кто у него учился, с ним работал, остаются благодарны за все, что он внес в нашу жизнь. Был чутким и исключительно гуманным руководителем и человеком. Мы благодарны ему за то, что он был с нами многие годы, за его бесценный вклад в нашу жизнь. Он останется навсегда в нашей памяти.

Научное издание

ОДИННАДЦАТЫЕ БАБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.К. БАБАЕВА: ВЕСОМЫЙ
ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Сборник статей

Редакторы *Н.А. Далёкина, В.Н. Николаева, Т.Ю. Булганина*
Компьютерная верстка *А.Е. Герасимовой*
Дизайн обложки *К.А. Быкова*

Подписано в печать Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 30,22
Тираж экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России

603144, Н. Новгород, Бокс-268, Анкудиновское шоссе, 3